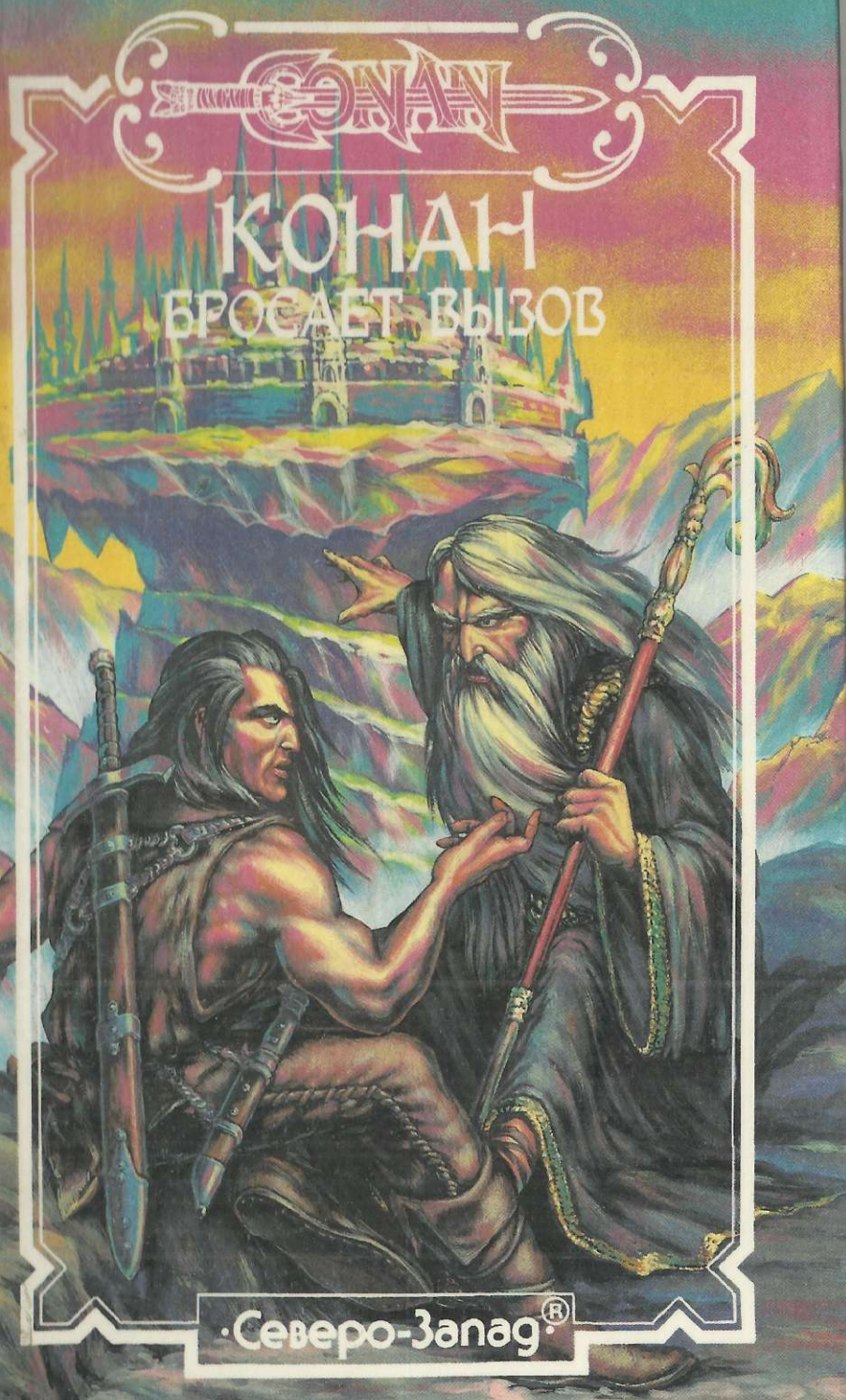

fantasy

4

КОНАН

КОНАН
БРОСАЕТ ВЫЗОВ

Северо-Запад®

КОНАН
БРОСАЕТ ВЫЗОВ

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

Конан бросает вызов: Романы, новеллы/Пер. с
К 64 **англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 479 с.**
ISBN 5-8352-0126-5

Настоящее издание — четвертая книга из сериала о до-
блестном Конане-варваре.

На этот раз сага повествует о приключениях Конана в
далекой горной стране. Судьба свела Конана с девушкой по
имени Элаши. Герой-киммериец и милостивая уроженка го-
рячих пустынь охотятся за магическим предметом — Талис-
маном Света. В этой опасной охоте Конан и Элаши сталки-
ваются с магом по прозвищу Нэг Ужасный и его
порождениями — слепыми жрецами-зомби.

И вновь клинок отважного киммерийца прокладывает
дорогу среди чудовищ и монстров, наемных убийц и фана-
тичных жрецов, вновь сокрушает силы Тьмы и Адских Пре-
делов...

*Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом —
запрещена. Всякое коммерческое использование данного
произведения возможно исключительно с ведома издателя.*

- © Вейтский А., Кравцова Е.,
Трубицына М., перевод, 1993
© Издательство «Северо-Запад»,
оформление и подготовка текста, 1993
© ~~Северо-Запад~~. Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0126-5

РОБЕРТ И. ГОВАРД (1906—1936), создатель Кона-
на, родился в Пистере, штат Техас, и провел большую
часть своей жизни в Кросс-Плэйнс, на пересеченных
равнинах в центре Техаса. В течение своей короткой
жизни, которая оборвалась самоубийством в возрасте
30 лет, Говард выпустил большой том популярной
беллетристики на темы: спорт, детективные истории,
вестерн, исторические и приключенческие повести,
научная фантастика, рассказы о сверхъестественных
силах, а также о привидениях. Большое место в его
творчестве занимает фэнтези. Рассказы о Конане были
наиболее популярными среди нескольких серий его
героической фантастики. Восемнадцать из них были
опубликованы еще при жизни Говарда, восемь других
были обнаружены среди его бумаг в период с 1950
года. Незавершенные рассказы были закончены моим
коллегой Лином Картером и мною.

К тому же в начале 50-х годов я переписал четыре
неопубликованные рукописи Говарда на темы восточ-
ных приключений со средневековыми и современны-
ми сюжетами и превратил их в рассказы о Конане,
изменив имена, избавившись от анахронизмов и вве-
дя сверхъестественные элементы. Это оказалось до-
вольно простым делом, поскольку герои Говарда скро-
ены во многом на один манер, и в конечном итоге

рассказы на три четверти или четыре пятых представляют творения Говарда.

Среди них «Огненный нож» — самый длинный. Вначале Говард написал его в 1934 году как новеллу в 42 000 слов о приключениях в современном Афганистане и назвал ее «Смерть от Трех Лезвий». Героем был Фрэнсис Гордон — один из вымышленных Говардом мускулистых и скандальных ирландских авантюристов, который был главным действующим лицом нескольких опубликованных рассказов, посвященных восточным приключениям. Кредо героя в «Смерти от Трех Лезвий» — это современное воплощение средневекового терроризма. После того как первоначальный вариант остался нераскупленным, Говард в 1935 году сократил его до 24 000 слов, но и этот текст потерпел неудачу, не найдя своего читателя. В рассказе чувствовалось влияние Гарольда Лэма и Тальбота Манди. Предлагаемый вариант в 31 000 слов является переработкой двух оригинальных версий Говарда.

Картер и я написали также несколько стилизаций на основе разрозненных заметок и писем Говарда, дополнив отсутствующие связки в повествовании. Таковы «Черные слезы» в этой книге.

Все эти рассказы принадлежат к жанру «фэнтези», который знатоки называют «героическим», а иногда — «фэнтези меча и колдовства». Такая история переносится в воображаемую древность или средневековье, в далекое будущее или на другую планету, а иногда даже в другое измерение, где наши технологии и волшебства вообще неизвестны. Примерами этого жанра, помимо рассказов о Конане, могут служить «Червь Ауробороса» Э. Р. Эддисона, трилогия Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец», «Колодец Единорога» Флетчера Прэтта и рассказы Фрица Лейбера о Фафхрде и Сером Мышелове. Истории такого рода, если они хорошо написаны, очень занимательны и позволяют наслаждаться чистым вымыслом на какую угодно тему. Среди нескольких характеров, более крупных, чем реальные, которые кочуют по страницам рассказов Говарда, Конан-киммериец — его герой из героев.

Конан жил, любил и путешествовал в выдуманном Говардом хайборийском мире около 20 тысяч лет тому назад — между погружением Атлантиды и началом исторического периода. Огромный варвар — искатель приключений из суровой северной земли Киммерии — в битвах и драках пробивал путь через полмира того времени, переходя вброд реки крови и поражая как обычных, так и сверхъестественных врагов, чтобы наконец стать царем могущественного хайборийского царства Аквилонии.

Прибыв в царство Замора (см. карту) неопытным, неуклюжим и необузданным юнцом, Конан несколько лет вел здесь и в соседних землях рискованную жизнь вора. Устав от этого изнуряющего существования, он записался наемником в армию Турана. В течение следующих двух лет он много путешествовал и преуспел в стрельбе из лука и верховой езде.

В результате ссоры из-за женщины со старшим офицером Конан вынужден был бежать из Турана. После неудачной попытки найти сокровища в Заморе и краткого визита на свою киммерийскую родину он остановился на карьере наемного солдата в хайборийских царствах. Обстоятельства — как всегда неотвратимые и непредсказуемые — превратили его в пирата, промышляющего на побережье Кофа в содружестве с шемитской пираткой Белит и бандой кровожадных корсаров. После смерти Белит он стал вождем черного клана, затем служил наемником в Шеме и в землях самых южных хайборийских народов.

Еще позже Конан объявился как вожак козаков — орды разбойников, которые скитались в степях между хайборийскими землями и Тураном. Кроме того, он был предводителем пиратского судна на обширном внутреннем море Вилайет.

В бытность свою капитаном королевской стражи при королеве Хаурана Тарамис, Конан был схвачен врагами королевы, которые распяли его. Когда гриф спустился, чтобы выклевать ему глаза, Конан исхитрился откусить голову птице. Где вы найдете более крутого героя?

Ольгерд Владислав — запорожский вожак банды зуагиров, немедийских восточно-шемитских обитателей пустыни, обнаружил Конана в последний момент и в собственных целях снял его с креста. Когда между Конаном и Ольгердом возникли разногласия, последний обманул Конана, и глубоко уязвленный киммериец безжалостно отстранил Ольгерда от лидерства в банде. После того, как враги королевы Тарамис были повержены и она вновь заняла свое место на троне, он повел своих людей на восток, чтобы грабить туранцев. Предлагаемый далее рассказ начинается с этого места.

Л. Спрэг де Камп

Роберт Э. Говард

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭРА

(часть II)

...Пятьсот лет спустя (т. е. после правления Конана Великого) хайборийская цивилизация была стерта с лица земли. Ее падение было уникально в том смысле, что вызвал его не внутренний распад, а лишь растущая мощь варваров и гирканцев. Эти-то народы и уничтожили хайборийскую культуру в самом пике ее расцвета.

Впрочем, одной из причин — хоть и косвенных — падения древней цивилизации стала жадность королей Аквилонии. Они без конца воевали с соседями, стараясь расширить границы своей империи. Зингара, Аргос и Офир были открыто аннексированы, а с ними и западные города Шема, которые, как и их восточные собратья, только что сбросили ярмо Кофа. Сам же Коф вкупе с Коринфией и племенами восточного Шема был принужден платить Аквилонии дань и оказывать ей военную помощь. В то время с новой силой вспыхнула старая вражда между Аквилонией и Гипербореей: эта последняя двинула свои войска навстречу армиям западного соседа-соперника. Равнины Пограничного Королевства стали ареной великой и яростной битвы, в которой войска северян были наголову разгромлены и отступили назад в свои заснеженные твердыни, и победоносные аквилонцы их не преследовали.

Между тем Немедия, столетиями успешно противостоявшая западному королевству, вовлекла Бритунию,

Замору и — втайне — Коф в союз, поставивший своей целью сокрушить разрастающуюся империю. Но прежде чем их армии успели встретиться на поле брани, на востоке объявился новый враг: это гирканцы, пробуя силу, предприняли первый серьезный натиск на западный мир. Туранские всадники, усиленные искателями приключений с восточного побережья моря Вилайет, пронеслись через Замору и опустошили восточную Коринфию. Однако на равнинах Бритунии их встретили аквилонцы и, разбив в пух и прах, отшвырнули назад на восток. При этом был сломан хребет только что образовавшегося союза: в последующих войнах Немедия держала оборону. От случая к случаю ей помогали Бритуния, Гиперборея и — как всегда тайно — Коф.

Разгром гирканцев показал всему миру истинную мощь западного королевства, чьи великолепные армии были еще усилены наемниками, многие из которых были набраны из чужеземцев — в Зингаре, а также среди варваров — пиктов и шемитов.

Вскоре у гирканцев была отвоевана Замора, но ее народ обнаружил, что восточные хозяева попросту сменились западными, и все. В Заморе расквартировали аквилонских солдат — не только ради защиты разоренной страны, но и для удержания жителей в покорности.

Гирканцам, однако, урок пошел не впрок. Еще трижды обрушивались нашествия на границы Заморы и земли Шема, и трижды их отбрасывали аквилонцы — хотя туранские армии разрастались все это время, питаемые полчищами закованных в сталь всадников, что прибывали и прибывали с востока, двигаясь вдоль южного побережья внутреннего моря.

Сила, которой суждено было сбросить с тронов королей Аквилонии, возрастала на западе, а не на востоке.

Вдоль киммерийских границ шли бесконечные стычки между черноволосыми воинами этой страны и воителями Северных Стран. Жители Асгарда использовали передышки в войнах с Ванахеймом для нападений на Гиперборею, все дальше отодвигая границу и уничтожая город за городом. Киммерийцы без разбора дрались также с пиктами и боссонцами и время от времени

вторгались в самую Аквилонию — но это были не завоевательные войны, скорее просто грабительские набеги.

А вот в Пиктских Дебрях удивительным образом росли и население, и военная мощь. По странному капризу судьбы, пикты вступили на путь создания собственной империи в результате усилий всего одного человека, и притом чужеземника. Этим человеком был Арус, немедийский священнослужитель и прирожденный реформатор. Что именно заставило его обратить внимание на пиктов, нам в точности не известно, однако история свидетельствует: однажды он решил отправиться в дебри запада и смягчить жестокие нравы язычников, разъясняя и вводя в тех местах кроткий культ Митры. Аруса не устроили даже жуткие истории о том, что случалось с путешественниками и торговцами, дезавишими отправиться туда прежде. И судьба ему улыбнулась: одинокий и безоружный, он достиг-таки народа, к которому стремился, — и не был тотчас заколот копьями, как ему предрекали.

Контакты с хайборийской цивилизацией всегда были благотворными для пиктов — несмотря на то, что пикты всегда яростно сопротивлялись этим контактам. В частности, они научились изготавливать грубые поделки из меди и олова. Их собственная страна не была богата металлом, и ради олова, например, они устраивали набеги в горы Зингары либо выменивали его на шкуры, китовый ус, моржовый клык и прочие немногие вещи, которыми торгуют дикари. Кроме того, пикты перестали довольствоваться пещерами и убежищами на деревьях: теперь они жили в шатрах и неуклюжих домиках, построенных в подражание боссонским. Кормились они по-прежнему охотой, ибо их родные леса так и кишели разнообразнейшей дичью, а реки и море — рыбой. Хотя они и научились выращивать хлеб, сеяли они его от случая к случаю, предпочитая воровать зерно у соседей — зингарцев и боссонцев. Пикты жили кланами, большей частью враждовавшими друг с другом. Их законы были просты и весьма кровавады. И совершенно необъяснимы с точки зрения цивилизованного человека, вроде Аруса из Немедии. Пикты не поддерживали не-

посредственных контактов с хайборийцами, поскольку боссонцы расположились между ними наподобие буфера: тем не менее Арус считал, что они были способны к развитию, и последующие события подтвердили правоту его умозаключения — хотя и не таким образом, как хотелось бы ему самому.

...Арусу повезло: судьба столкнула его с вождем, которого природа одарила необычайно ясным умом. Звали его Горм. Современному человеку понять Горма столь же трудно, как Чингисхана, Османа, Аттилу или иных, рожденных в дикой стране среди необразованных варваров и, тем не менее, наделенных духом завоевания и основания империй...

Арус сумел объясниться с вождем на ломаном боссонском, поясняя ему цель своего путешествия. Весьма озадаченный, Горм все же позволил ему избежать расправы и жить среди племени — едва ли не впервые за всю историю своего народа. Изучив язык, Арус взялся за дело, стараясь изменить хотя бы самые лютые обычаи пиктов — человеческие жертвоприношения, кровавую месть и сожжение пленников живыми. Он обращался к Горму с пламенными речами — и обрел в нем заинтересованного, пусть и невосприимчивого слушателя. Воображение живо рисует нам эту сцену: черноволосый вождь, облаченный в тигриную шкуру и ожерелье из человеческих зубов, сидит на корточках, на земляном полу хижины с плетеными стенами, сосредоточенно внимая красноречию жреца. А жрец, облаченный в шелковые одеяния немедийского священнослужителя, усаженный на раздобытую ради него резную, укрытую мехами колоду красного дерева, жестикулирует изящными белыми руками, излагая вечные истины и законы — учение Митры...

Вне сомнения, Арус с укором указывал вождю на ряды черепов, украшавшие стены хижины, и призывал Горма прощать своих врагов, вместо того чтобы таким образом поступать с их выбеленными временем костями. Арус был достойнейшим представителем народа, чей врожденный артистизм был отточен столетиями цивилизованной жизни. За Гормом же стояло сто тысяч лет

необузданной дикости. Поступь тигра была в его бесшумной походке, хватка гориллы — в хватке его рук с черными от въевшейся грязи ногтями, и во взгляде его горел тот же огонь, что светится в глазах леопарда.

Арус был человеком практичным. Он постарался заинтересовать дикаря соображениями материальной выгоды. Повествуя о величии Митры, он красочно описывал мощь и роскошь хайборийских королевств — ибо что, если не труды и учение Митры, возвышало их и утверждало во славе? Он рассказывал Горму о городах и плодородных равнинах, о мраморных стенах и железных колесницах, о башнях, увенчанных драгоценными камнями, и о всадниках в сверкающей броне, мчащихся в битву. А Горм, ведомый безошибочным инстинктом варвара, пропускал мимо ушей все, что касалось богов и их учений, и жадно вбирал рассказы о земном могуществе, столь живо описанном чужаком. И вот таким образом в жалкой лачуге с плетеными стенами и земляным полом, где на колоде красного дерева сидел жрец в шелковых одеяниях, а перед ним — смуглокожий вождь в тигровых шкурах, — вот таким образом и именно там был заложен первый камень в основание империи.

Как уже говорилось, Арус был человеком практичным. Живя среди пиктов, он обнаружил множество способов, коими образованная личность может благодетельствовать человечество — хотя бы это человечество было облачено в тигровые шкуры и носило ожерелья из зубов своих собратьев. Как и все жрецы Митры, он был исполнен разнообразных познаний. Так, он обнаружил под пиктскими холмами обширные залежи железной руды и научил дикарей добывать ее, плавить железо и ковать из него разнообразные орудия в счастливой надежде, что это будут орудия пахоты и жатвы. Пикты были обязаны Арусу и иными нововведениями, главнейшими же его делами стали следующие. Он заронил в душу Горма желание повидать страны цивилизованного мира; он обучил пиктов ковке железа; и, наконец, он впервые устано-

вил контакт между ними и цивилизацией. По просьбе вождя он вывел его и сколько-то его воинов через Боссонские Пределы, где на них изумленно глазели честные поселяне, во внешний блистающий мир.

Без сомнения, Арус считал, что прямо-таки налево и направо обращает пиктов в свою веру, ибо они слупали с интересом, не торопясь рубить его медными топорами. Наивно было, однако, рассчитывать, чтобы пикты с охотой приняли учение, предписывавшее им прощать своих врагов, чтобы они променяли тропу войны на честную жизнь, исполненную тяжелой повседневной работы. Мы уже знаем, что пикту была чужда артистическая утонченность; самая натура его требовала войны и кровопролития. Внимая рассказам жреца о величии и славе цивилизованных народов, меднокожие слушатели задумывались не о догмах его религии, но о той добыче, которую они могли бы взять в описываемых им богатых городах и блещущих странах. Когда он рассказывал им, как Митра помог тому или иному королю опрокинуть врагов, они меньше всего обращали внимания на чудеса Митры, внимательно вслушиваясь в описания боевых порядков, доспехов рыцарей, маневров лучников и копейщиков. Пикты внимали жрецу, и их темные глаза были зорки, а лица — непроницаемы. Они делали, что считали нужным, и не очень об этом распространялись. И Арусу поистине льстил тот напряженный интерес, с которым они принимали его наставления касательно выплавки железа и сродных с этим искусств.

До его пришествия они крали стальное оружие и доспехи у боссонцев и зингарцев и сами пробовали выделывать грубое оружие из меди и бронзы. Теперь им поистине открылся новый мир; спустя очень малое время по всей стране эхом разносился звон молотов о наковальни. А Горм, пользуясь этим вновь приобретенным искусством, начал постепенно распространять свою власть на соседние кланы, прибирая их к рукам кого силой, кого — хитростью и дипломатией. И надо отметить, что по части дипломатии среди варваров ему не было равных.

Снабженные охранным свидетельством, пикты теперь свободно путешествовали в Аквилонию и назад. И, возвращаясь, доставляли все новые сведения о выделке доспехов и ковке мечей. Более того: они вступали в наемные армии Аквилонии, вызывая не поддающееся описанию отвращение у храбрых боссонцев. Аквилонские короли подумывали стратив пиктов с киммерийцами и тем самым, вполне вероятно, уничтожить угрозу, исходившую от обоих. Но они были слишком заняты своей захватнической политикой на юге и востоке, чтобы всерьез обращать внимание на малоизвестные земли запада, откуда являлись все новые коренастые воины и нанимались на службу.

Отслужив, эти воины возвращались в родные чащобы, принося с собой добротные познания о воинском искусстве цивилизованных стран — и презрение к цивилизации, неизбежно порождаемое близким знакомством с нею. И вот в пиктских холмах забили барабаны, с высоких вершин потянулся дым сигнальных костров, между тем в тысячах кузниц ковали и ковали сталь полудикие кузнецы.

Тем временем вооруженные налеты и интриги — слишком хитроумные и разнообразные, чтобы пытаться хоть кратко перечислить их здесь, — сделали Горма верховным вождем и приблизили его власть к королевской в большей степени, чем это бывало у пиктов в течение тысячелетий. Он ждал долго, он был уже немолод; но пришло время, и он двинулся к границам — и не с торговлей, но с войной.

Слишком поздно понял Арус свою ошибку, понял, что так и не сумел достучаться до души дикаря, где таилась копившаяся веками необузданная свирепость. Все его убедительное красноречие несколько не потревожило сознание пиктов. Горм теперь носил вместо тигровых шкур посеребренную кольчугу, но внутренне он был совершенно прежним — вечный варвар, которому нет дела до теологии и философии, варвар, чьи инстинкты неизбежно сосредоточены на насилии и войне.

Огнем и мечом проломили пикты границу Боссонии... Вместо вчерашней толпы в тигровых шкурах, раз-

махивавшей медными топорами, в бой шли воины в чешуйчатых бронях, с острым стальным оружием в руках. Что же до Аруса — какой-то пьяный пикт раскроил ему череп, как раз когда тот пытался исправить невольные плоды своих трудов. Горм, впрочем, не остался неблагодарным. По его приказу могильный холм жреца увенчали черепом его убийцы.

Мрачная ирония судьбы: столь варварского украшения удостоились камни, скрывавшие тело Аруса — человека, которому насилие и кровная месть были противны более всего на свете...

И все-таки нового оружия и кольчуг оказалось недостаточно для скорой победы. Еще долгие годы мужество боссонцев и их превосходство в вооружении, а также помощь имперских войск Аквилонии сдерживали нашествие. Тем временем приходили и уходили гирканцы, а к империи была присоединена Замора...

Однако потом неожиданная измена расстроила сопротивление боссонцев. Но прежде, чем перейти к ее описанию, уместно хотя бы вкратце обозреть Аквилонскую Империю. Аквилония всегда была богатой страной; завоевания сделали ее богатства неисчислимыми. Там, где прежде господствовал простой и суровый быт, воспитывавший выносливых и закаленных людей, воцарилась пышная роскошь. Впрочем, вырождение еще не успело коснуться ни королей, ни народа. Разодетые в шелка и золотую парчу, они оставались расой мужественной и жизнеспособной. Вот только прежнюю простоту нравов сменило высокомерие. Все с большим презрением взирали аквилонцы на слабейшие народы, облагая покоренных все более тяжелыми даяниями. С Аргосом, Зингарой, Офиром, Заморой и шемитскими странами обращались, как с поработченными провинциями. Особенно это возмущало гордых зингарцев, и они то и дело восставали, несмотря на то, что восстания подавлялись — и подавлялись жестоко.

Коф практически подчинялся Аквилонии, состоя под ее «защитой» против гирканцев. Но вот Немедию западной империи покорить так и не удалось — хотя все победы немедийцев были чисто оборонительного свой-

ства и были одержаны с помощью армии Гипербореи. Единственными на тот период неудачами империи были: провал попыток присоединить Немедию — разгром одной из армий, посланных в Асгард. Как гирканцы оказались неспособны противостоять ударам тяжелой кавалерии аквилонцев, так и эти последние, вступив в заснеженные края, не устояли в рукопашной перед яростью северян. Однако завоевания Аквилонии большей частью были направлены в сторону Нилуса (или, иначе, Стикса): в кровавом бою была уничтожена армия Стигии, а стигийский король принужден — хотя бы временно — откупиться, чтобы спасти свою страну от нашествия. Бритуния была ослаблена в ходе нескольких стремительных войн, следовавших одна за другой. Началась подготовка к тому, чтобы наконец-то поработить старинного врага — Немедию.

Уже двинулись вперед сверкающие доспехами армии, многократно усиленные наемниками; казалось, их натиску суждено было превратить независимость Немедии в воспоминания. Но как раз тут и разгорелась свара между аквилонцами и их союзниками боссонцами.

Расширение империи с неизбежностью привело к тому, что аквилонцы сделались заносчивы и нетерпимы. Они взяли привычку осмеивать более простодушных и безыскусных боссонцев, и между ними родилась обоюдная нелюбовь. Аквилонцы презирали боссонцев, и тех возмущало подобное обращение с ними хозяев, ибо теперь те в открытую называли себя таковыми и поступали с боссонцами, точно с завоеванными подданными, устанавливая непомерные налоги и заставляя участвовать в своих захватнических войнах — войнах, с которых боссонцы не имели почти никаких выгод. В результате в Боссонии едва-едва хватало воинов для охраны границ. Вот и вышло так, что, прослышав о зверствах, чинимых на их родине пиктами, целые отряды боссонцев ушли с немедийской войны и быстрым маршем переправились на западные границы, где они дали смуглокожим захватчикам большое сражение и отогнали их прочь.

Случилось, однако, что уход боссонцев послужил непосредственной причиной поражения, нанесенного акви-

лонцам немедийцами, отчаянно защищавшими свой дом. Что, в свою очередь, навлекло на боссонцев жестокий гнев тогдашних императоров, нетерпимых и безоружных, как, впрочем, и все вообще императоры. Аквилонские полки были тайно стянуты к границам Боссонских Пределов. Местных вождей пригласили присутствовать на великом совете; и, под видом намечаемой экспедиции против пиктов, отряды свирепых шемитских солдат были размещены среди ничего не подозревавших поселян. Безоружных вождей предательски перебили, шемиты накиннулись на их ошеломленные войска с факелами и саблями, а закованные в железо имперские полки обрушились на мирный народ. Страна была разорена на всем протяжении; уйдя наконец от границ, аквилонские армии оставили после себя опустошение и разгром...

И вот тогда-то, никем более не сдерживаемые, через лишенную защиты границу в полную мощь ринулись пикты. И это был не набег — это было согласное движение целого народа, движение, ведомое вождями, служившими в аквилонских войсках, движение, задуманное и направляемое Гормом. Горм был уже стар, но его яростное стремление к цели с годами не притупилось ничуть. И в этот раз на их пути не было крепких деревень, окруженных стенами и населенных бесстрашными лучниками, способными сдерживать вражеское нашествие до подхода имперских войск. Остатки боссонцев были вмиг сметены, и прежде, нежели могли быть переброшены на запад имперские легионы, вновь занятые войной с немедийцами, обезумевшие от крови варвары вломились в самое Аквилонию, грабя и сметая все на своем пути. Зингара тотчас воспользовалась возможностью и скинула ярмо, и ее примеру не замедлили последовать Коринфия и Шем. Многочисленные отряды наемников и вассалов поднимали бунт и уходили назад в родные пределы и, конечно, опять-таки жгли и грабили по дороге. Пикты же неостановимо двигались на восток, втаптывая в землю войско за войском. Аквилонцы, лишившиеся поддержки боссонских лучников, мало что могли противопоставить ливню стрел, который обруши-

вали на них варвары. Со всех концов империи отзывались легионы и направлялись навстречу нашествию, между тем как из западных дебрей накатывала орда за ордой, и казалось, что их источник неиссякаем. И тут, посреди воцарившегося хаоса, на равнину со своих гор хлынули киммерийцы — и довершили разгром. Они грабили города, опустошали страну и возвращались в горы с добычей. Пикты, напротив, занимали захваченные земли. Вот так, в огне и крови, рухнула Аквилонская Империя...

В это время из голубых далей востока опять явились гирканцы: отвод имперских легионов из Заморы побудил их к решительным действиям. Замора уступала их натиску, сделавшись легкой добычей, и в самом большом из захваченных городов гирканский король устроил свою столицу. Та волна завоевателей явилась из старинного гирканского королевства — Турана, расположенного на берегах внутреннего моря; однако с севера двигалась еще одна орда, и притом более опасная. Всадники, закованные в сталь, миновали северную оконечность моря Вилайет, промчались по западным пустыням, введрились в степи и, гоня перед собою туземцев, обрушились наконец на западные королевства. Эти новоприбывшие на первых порах отнюдь не считали туранцев своими союзниками, но, напротив, дрались с ними точно так же, как и с хайборийцами. Вот так кишели и резались между собой волны восточных воителей, покуда всех их не объединил под своей властью великий вождь, явившийся с самого побережья Восточного океана. Аквилонской армии, могущей воспротивиться, более не существовало, и завоеватели не ведали поражений. Они наводнили и поработили Бритунию, разорили южную Гиперборею и Коринфию. Они ворвались в Киммерийские горы, гоня черноволосых варваров прочь; но там, в горах, где кавалерия не могла действовать в полную силу, киммерийцы встали насмерть — и лишь беспорядочное отступление, довершившее день кровавой битвы, спасло гирканское войско от полного уничтожения.

А покуда происходили все эти события, королевства Шема покорили своего прежнего хозяина — Коф, но

потерпели поражение при попытке вторгнуться в Стигию. И едва успели шемиты управиться с разорением Кофа, как на них самих налетели гирканцы — и оказались правителями похуже, чем когда-либо были хайборийцы. Тем временем пикты сделались полными хозяевами Аквилонии, практически поглотив прежнее население. Когда же они перешли границу Зингары — тысячи зингарцев, спасаясь от резни, хлынули в Аргос и там сдались на милость двигавшихся к западу гирканцев, которые и поселили их в Заморе как своих подданных. Следом за зингарскими беглецами в Аргос вошли завоеватели-пикты, и страну объял кровавый кошмар. Потом пикты вступили в Офир и столкнулись там с гирканцами: эти последние, захватив Шем, разбили на берегах Нилуса стигийскую армию и продвинулись на юг вплоть до черных королевств Амазонии, а тысячи пленников, приведенных оттуда, расселили между шемитскими племенами. Если бы не яростный натиск пиктов, сдерживавших их на западе, гирканцы, вероятно, довершили бы покорение Стигии и присоединили ее к своей растущей империи.

Немедия, в свое время так и не уступившая хайборийцам, едва держалась, зажата между владыками востока и меченосцами запада, пока с севера не пришло племя асов, покинувших свою занесенную снегом страну. Придя в королевство, асы подались в наемники — и оказались необычайно умелыми воинами: не только отбросили прочь гирканцев, но и сумели остановить натиск пиктов, все еще двигавшихся на восток.

Удивительное зрелище являл собой тогдашний мир. Громадная, дикая, варварская империя пиктов простиралась от берегов Ванахейма на севере до южных побережий Зингары. В восточном же направлении она включала всю Аквилонию, кроме самой северной провинции — Гандерланда, расположенного в горах. Гандерланд пережил падение империи и, став самостоятельным королевством, все еще сохранял независимость. Пиктская империя включала также Аргос, Офир, западные земли Кофа и Шема.

Империи варваров противостояла империя гирканцев. На севере ее лежали разоренные границы Гипербореи, а на юге — Шем, Замора, Бритуния, Пограничные Королевства, большая часть Кофа и весь восточный Шем — до самых пустынь.

Границы Киммерии остались нетронутыми. Ни пикты, ни гирканцы не смели сломить воинственных варваров. Немедия, где верховодили наемники-асы, тоже успешно противостояла нашествиям. Таким образом, Киммерия, Немедия и Северные Страны до некоторой степени разделяли два народа-завоевателя, зато Коф превратился в арену непрекращавшейся битвы между пиктами и гирканцами. Порою восточным воителям удавалось очистить от варваров все королевство; но проходило некоторое время — города и веси вновь оказывались в руках западных пришельцев. На далеком юге Стигия, потрясенная гирканским вторжением, страдала от бесконечных нашествий из Черных Королевств. А на дальнем севере не ведали покоя нордические племена, то и дело сражавшиеся с киммерийцами и сами тревожившие границы Гипербореи...

Горм пал от руки Хьяльмара, вождя немедийских асов. Горму к тому времени исполнилось уже чуть не сто лет. С тех пор, как из уст Аруса он впервые услышал слово «империя», минуло семьдесят пять лет — долгий срок в жизни отдельного человека, но в истории народов — краткий миг. За это время Горм сколотил из бродячих дикарских кланов империю и опрокинул цивилизацию. Родившийся в мазанке под соломенной крышей, под старость он сживал на золотых тронах и угощался говядиной с золотых блюд, что подносили ему нагие рабыни — дочери свергнутых королей. Ни завоевания, ни приобретенное богатство не изменили пикта; из руин разграбленной цивилизации, как феникс, восстала новая культура. Смуглые руки, уничтожившие искусство побежденных, никогда не пытались ему подражать. Сидя в роскошных руинах поверженных дворцов и облачив свое закаленное тело в шелка, сдернутые с низложенных королей, пикт остался вечным варваром — свирепым, примитивным, озабоченным лишь основными жизненными потребностями. Он не менялся сам и не изменял своим

первобытным инстинктам, призывавшим его к грабежу и войне; в его мире не было места ни для искусств, ни для культурного развития человечества...

А вот асы, обосновавшиеся в Немедии, оказались не таковы. Вскорости они многое восприняли от своих цивилизованных союзников — но и сами, будучи обладателями чужой и очень жизнеспособной культуры, многое изменили и привнесли.

Последовал недолгий период, в течение которого гирканцы и пикты грызлись друг с другом на развалинах покоренного ими мира. Но потом начались оледенения и великое переселение нордических племен. Северные народы отступали перед надвигавшимися ледниками, выталкивая родственные кланы дальше на юг. Асы заняли древнее королевство Гиперборею и, перебравшись через его руины, вплотную сошлись с гирканцами. Немедия к тому времени вполне уже превратилась в нордическую державу; правили в ней потомки асов-наемников. Под напором выходцев с севера снялись с насиженных мест киммерийцы, и ни армии, ни укрепленные города не могли им противостоять. Они наводнили и смели королевство Гандерланд и двинулись через древнюю Аквилонию, неудержимо прорубая себе путь сквозь пиктские орды. Они разбили немедийцев и разграбили некоторые их города, но не остановились. Опрокинув на границах Бритунии гирканскую армию, они продвигались все дальше на восток.

А позади них, наводняя все новые страны, двигались орды асов и ванов, и пиктская империя содрогалась от их ударов. Немедия была повержена, и полувцилизированные северяне бежали от своих более диких соплеменников. Покинутые города Немедии лежали в руинах. Беженцы-северяне (унаследовавшие имя прежнего королевства, так что термин «немедийцы» далее подразумевает именно их) вошли в древние земли Кофа, изгнали оттуда и гирканцев, и пиктов и помогли народу Шема скинуть гирканское ярмо. По всему западному миру власть гирканцев и пиктов трещала под напором более молодого, свирепого народа. Отряд асов изгнал восточных всадников из Бри-

тунии и сам обосновался в этой стране, приняв ее имя. А северяне, завоевавшие Гиперборею, так яростно наседали на своих восточных врагов, что эти смутлокожие потомки жителей Лемурии, неудержимо выталкиваемые в сторону моря Вилайет, отступили назад в степи.

Тем временем киммерийцы, мигрируя к юго-востоку, уничтожили древнее гирканское королевство Туран и поселились на юго-западных берегах внутреннего моря. Итак, мощь восточных завоевателей была сломлена. Неспособные более противостоять натиску киммерийцев и северян, при отступлении они разрушили все свои города, перебили пленных, которым не по силам были дальние переходы, а затем, гоня перед собою тысячи рабов, удалились назад в таинственные пределы Востока. Обогнув северную оконечность моря Вилайет, они исчезли из истории Запада на долгие тысячелетия, чтобы много позже вновь появиться под именем гуннов, монголов, татар и турок. Вместе с ними ушли тысячи зингарцев и заморийцев, которые затем бок о бок осели далеко на востоке и, смешиваясь в течение веков, положили начало новому народу цыган.

Одновременно с этим племя отчаянных ванов просочилось на юг вдоль пиктского побережья. Опустошив древнюю Зингару, они добрались до Стигии, которая, изнемогая под властью аристократов, едва выдерживала удары с юга, где лежали Черные Королевства. Рыжеволосые ваны возглавили восстание рабов, сбросили дотоле правивший класс — и сами составили касту завоевателей. Они поработили самые северные из Черных Королевств и положили начало огромной южной империи, названной ими Египтом. Ранние фараоны этой страны гордились своим происхождением от рыжеволосых ванов, явившихся с севера.

Таким образом, северные варвары верховодили уже повсюду в западном мире. Пикты все еще удерживали Аквилонию, часть Зингары и западное побережье континента. Но восточнее, до самого Вилайета, от Полярного круга до страны Шем, единственными обитате-

лями были кочевые нордические племена — за вычетом киммерийцев, обосновавшихся в прежнем королевстве Туран. Городов не осталось нигде, кроме Шема и Стигии: волны завоевателей — пиктов, гирканцев, киммерийцев — сравнивали всех их с землей, а доминировавшие некогда хайборийцы вовсе исчезли, едва успев влить свою кровь в жилы новых народов. Язык варваров сохранил некоторые названия земель и племен, и они пережили столетия, постепенно обрастая путаными легендами и сказаниями — покамест вся история Хайборийской эры не покрылась прочной паутиной вымысла и мифа. Так, в речи цыган сохранились названия Зингары и Заморы; асы, подчинившие Немедию, прозвались немедийцами, и это имя фигурировало впоследствии в ирландской истории; северяне же, осевшие в Бритунии, были позже названы бритунийцами, бритонами и, наконец, бриттами.

Единой, сплоченной Нордической империи не существовало. Каждое племя по-прежнему возглавлял свой собственный вождь или король, и яростная вражда меж племенами не прекращалась. К чему могло все это в конце концов привести — осталось навеки неизвестно. Ибо новая чудовищная судорога Земли, породившая современные очертания земель и морей, обратила все в хаос. Громадные участки западного побережья погрузились в воду. Ванахейм и западный Асгард — уже сотни лет к тому времени безлюдные и покрытые ледниками — исчезли в морских волнах. Океан ворвался в горы западной Киммерии, образовав современное Северное море. Полузатопленные горы превратились в острова, позже известные как Англия, Шотландия и Ирландия. Волны перекачивались там, где прежде шумели Пиктские Дебри и расстилались Боссонские Пределы. На севере образовалось Балтийское море, разделившее Асгард на полуострова, получившие названия Норвегии, Швеции и Дании. А на далеком юге стигийский континент откололся от остального мира, причем линия разлома пролегла по реке Нилус в ее западном течении. Над Аргосом, западным Кофом и западными землями Шема

плескался голубой залив океана, которому позже люди дали наименование Средиземного моря. Однако погружение происходило не всюду. Западнее Стигии из моря поднялась обширная суша, составившая западную половину Африканского континента.

Вздыбившаяся земля воздвигла громадные горные цепи в центральной части северного континента. При этом погибли целые племена северян, а уцелевшие отступили к востоку. Однако территория вокруг медленно высохшего внутреннего моря была вовсе не затронута катаклизмом, и там, на западных берегах, нордические племена мирно занимались скотоводством, более или менее уживаясь с киммерийскими соседями и постепенно смешиваясь с ними. На западе остатки пиктов, отброшенные катастрофой назад в каменный век, вновь начали распространяться, являя невероятную жизнеспособность своей расы, пока, в позднейшую эпоху, их не опрокинула западная миграция киммерийцев и северян. Но это случилось спустя столь долгое время после катаклизма, что о прежних империях повествовали только смутные, лишенные смысла легенды.

Эта последняя миграция стала уже достоянием письменной истории, и ее события нет нужды заново излагать. Причиной же, вызвавшей ее, был рост населения. Степи к западу от внутреннего моря, которое, сильно усохшее, в последующие эпохи было известно как Каспийское, оказались перенаселены в такой мере, что миграция сделалась экономической необходимостью. Племена двинулись на юг, на север и на запад — в земли, называемые теперь Индией, Малой Азией, Центральной и Западной Европой.

В эти страны они пришли под именем ариев. Первобытные арии были представлены несколькими племенами. Иные можно опознать и сегодня, иные же — давно позабыты. Светловолосые ахейцы, галлы и бритты, к примеру, суть потомки чистокровных асов. Немедийцы ирландских легенд — не кто иные, как немедийские асы. Датчане — потомки чистокровных ванов, а готы — предки остальных скандинавских и германских племен, в том числе и англосаксов — потомки смешанной расы, у

истоков которой стояли ваны, асы и киммерийцы. Гэлы — предки ирландцев и нагорных шотландцев — ведут свое происхождение от чистокровных киммерийских кланов. Кимрские (валлийские) племена Британии — смешанная киммеро-нордическая раса, переселившаяся на острова прежде чисто нордических бриттов, породив таким образом легенду о гэльском первородстве. Кимры, сражавшиеся против Рима, были тех же кровей, как и гиммеры ассирийцев и греков и гоммеры древних евреев. А некоторые киммерийские кланы ушли на восток, на ту сторону высшего внутреннего моря, и спустя несколько веков, приняв в себя гирканскую кровь, вернулись на запад под названием скифов. Первопредки гэлов оставили свое имя современному Крыму.

Древние шумеры не имели никакого родства с западной расой. Они были смешанным народом гиркано-шemitского происхождения — потомки тех, кого не смогли увести с собой отступавшие завоеватели. Многим племенам Шема удалось избежать того плена, и от чистокровных шемитов, а также от тех, что смешались с хайборийцами или северянами, произошли арабы, израильтяне и иные ярко выраженные семиты. Ханааниты, или горные семиты, ведут свое происхождение от шемитов, смешавшихся с жителями Куша, которых расселили среди них хозяева-гирканцы; типичный пример такого народа — эламиты. Невысокие, плотно сбитые этруски — основа римской расы — были потомками народа, объединившего в себе черты стигийцев, гирканцев и пиктов и жившего первоначально в древнем королевстве Коф. Гирканцы же, отступившие к восточному побережью континента, дали начало позднейшим племенам татар, гуннов, монголов и турок.

Происхождение иных народов современного мира может быть аналогичным образом прослежено. История почти каждого из них уходит во мглу позабытой Хайборийской эры — много дальше и глубже, чем сами они порою осознают...

«Вверх по склону и на них!»

Это был голос Конана. И тотчас же возникла мощная фигура самого киммерийца, атакующего крутой опасный склон на громадном огненном жеребце. Дикая, давно нестриженная грива Конана развевалась, выбившись из-под стального шлема, напоминая клочья разорванного знамени; черная кольчуга облекала мускулистый, как у льва, торс. Для пораженных туранских воинов он был подобен мифическому демону. Сверкающий как зеркало меч вздымался и падал, зажатый в руке, покрытой шрамами...

1

КЛЫКИ КАПКАНА

Полуденное солнце сверкало на раскаленном небосклоне. Жесткие сухие пески Шан-и-Сорха — Красной Пустыни — разогрелись в безжалостном пламени, как в гигантской духовке. Все застыло в неподвижном воздухе, ни шороха в редком колючем кустарнике, кое-где взбирающемся на песчаные холмы, которые вставали стеной по краю пустыни.

Не шевелились и солдаты, которые залегли за кустами, вглядываясь в тропу.

Какое-то доисторическое противоборство природных сил образовало эту расселину в крутом откосе. Вековая эрозия расширила ее, но она все еще оставалась узким проходом между крутыми склонами — прекрасное место для засады.

Отряд туранских солдат находился в укрытиях наверху, они лежали все эти жаркие утренние часы, изнемогая от зноя в своих кольчугах и пластинчатых доспехах. Руки и ноги затекли в неудобных позах, а колени ныли от боли. Проклиная про себя все на свете, их предводитель эмир Богра Хан терпел все неудобства затянувшейся засады вместе с ними. Его горло пересохло, как заскорузлая на солнце кожа, а тело пеклось в кольчуге. В проклятом обиталище пылающего солнца и смерти человеку невозможно было даже пропотеть как следует. Испепеляющий воздух пустыни жадно всасывал каждую

каплю влаги, оставляя тебя сухим, как иссушенный язык Стигийской мумии.

Эмир закрыл глаза и протер их, чтобы вновь напряженно вглядываться, щурясь против ослепительного солнца, в еле заметную вспышку зеркального сигнала, который посылал своему начальнику на вершину холма высланный вперед разведчик, укрывшийся за дюной красного песка.

Теперь уже и самому ему было видно облако пыли. Тучный чернобородый туранский вельможа ухмыльнулся, позабыв о своих неудобствах. Воистину этот вероломный осведомитель стоил той взятки, которую ему пришлось дать, чтобы купить его информацию!

Вскоре Богра Хан мог разглядеть длинный ряд зуагирских всадников в белых халатах. Под ними были поджарые кони, привычные к пустыне. По мере того как банда пустынных разбойников выступала из облака пыли, поднятой копытами их лошадей, туранский вельможа начинал различать даже темные ястребиные лица своих жертв, склоненные вниз и обрамленные развевающимися волосами, — так ясен был воздух пустыни и ярко солнце. Подобно красному вину Аграпура из личных подвалов молодого царя Йездигерда, в его жилах закипало удовлетворение.

Уже в течение нескольких лет эта разбойная шайка грабила и разоряла города, торговые поселения и караван-сарай вдоль границ Турана. Вначале набеги делались под предводительством жестокосердного запорожского негодяя Ольгерда Владислава, а теперь вот уже больше года тому назад его место занял этот Конан. Наконец, туранские шпионы, рыскавшие по селениям, в которых находили приют грабители, обнаружили продажного члена этой банды. Его имя было Варданес, он был зуагиром, а заморанцем. Варданес был кровным братом Ольгерда, которого сверг Конан, поэтому он жаждал мести чужаку, захватившему власть атамана.

Богра в задумчивости теребил свою бороду. Заморанский предатель был забавным смешливым плутом. Он был по сердцу туранцу. Маленький, худой, гибкий и красивый, как молодой бог, но хвастливо развязный и

дерзкий, Варданес был хорош в компании, собравшейся для возлияний. Однако он был ужасный забияка и драчун, и его бессердечие и хладнокровие в бою были сродни свойствам гадюки. Это ощущение еще усиливалось благодаря его ненадежности.

Сейчас зуагиры проходили через теснину. Во главе передового отряда на черной кобыле гарцевал Варданес. Богра Хан поднял руку, чтобы предупредить своих людей о необходимости быть наготове. Он хотел пропустить как можно больше зуагиров в проход, прежде чем захлопнуть ловушку. Только Варданесу было суждено выйти из нее. В тот момент, когда он проехал песчаные отвесы, Богра резко рубанул рукой вниз.

— Прикончить собак! — загремел он, поднимаясь.

Туча свистящих стрел заслонила солнце, подобно смертоносному дождю. Через секунду отряд зуагиров превратился в месиво кричащих людей и брыкающихся, вскидывающихся на дыбы лошадей. Убийственный дождь накрывал их шквал за шквалом. Люди валялись, хватаясь за оперенные концы стрел, которые как по волшебству, вдруг облепили их тела. Лошади пронзительно ржали, когда острые наконечники раздирали их запыленные бока.

Пыль поднималась удушливым облаком, закрывая проход внизу. Облако стало таким непроницаемым, что Богра Хан чуть не приостановил своих лучников на минуту, чтобы они поберегли стрелы и не тратили их впустую, посылая наугад в наступивший мрак. Но этой мимолетной вспышке бережливости не суждено было осуществиться, так как из хаоса звуков возник сильный рев, перекрывший все остальные шумы.

— Вверх по склонам и на них!

Это был голос Конана. И сразу после этого возникла гигантская машина самого киммерийца, атакующего крутой опасный склон на громадном огненном жеребце. Казалось, только глупец или сумасшедший отважится нападать прямо вверх по крутому склону ползущего песка и обваливающихся камней, прямо в зубы своего противника, но Конан не был ни тем ни другим. Воистину он был дик в своей свирепой жажде мести, но его

непреклонное, темное от загара лицо, освещаемое время от времени голубыми вспышками глаз из-под нахмуренных черных бровей, взгляд которых был подобен языкам пламени, пробивающимся из-под тлеющих углей, свидетельствовало о смекалке закаленного воина. Он знал, что часто только дорога через засаду является спасительной своей неожиданностью.

Действительно, пораженные туранские воины опустили луки. Карабкаясь по крутым склонам вверх из пыльного облака, стелющегося по низу теснины, прямо на них накатывалась воющая лавина взбешенных пеших и конных зуагиров. В один миг пустынные разбойники, гораздо более многочисленные, чем ожидал эмир, с ревом перевалили гребень холма, размахивая кривыми саблями и изрыгая проклятия. Их пронзительные боевые кличи леденили кровь.

Впереди всех маячила громада Конана. Стрелы порвали его белый халат, обнажив поблескивающую черную кольчугу, что облекала его львиноподобный торс. Его дикая нестриженная грива разметалась из-под стального шлема, подобно разодранному знамени. Случайная стрела сорвала с него струящуюся каффию. Он был подобен демону из мифа на своем дико храпящем жеребце. При нем была не кривая сабля, как у остальных обитателей пустыни, а длинный широкий палаш с крестообразной рукоятью, какими пользуются воины запада. Это было его любимое оружие, хотя остальными он владел не хуже. Длинная, блестящая, как зеркало, полоса стали крутилась в его покрытой шрамами руке, прокладывая алую просеку сквозь ряды туранцев. Палаш поднимался и падал, разбрызгивая красные капли в сухом воздухе пустыни. С каждым ударом он крушил оружие и разрубал плоть, дробил кости и мозжил черепа, здесь обрубая конечности, там отшвыривая искалеченную жертву со сломанными ребрами.

Этот бурный натиск был очень краток. Все было закончено уже к концу какого-нибудь получаса. Немного туранцев осталось в живых после бешеной атаки — всего несколько бежавших в самом начале и их предводитель. С окровавленным лицом и в разодранном одеянии, рас-

трепанный и взъерошенный, припадая на одну ногу, эмир предстал перед Конаном, который сидел на своем запаленном коне, вытирая лезвие палаша халатом одного из убитых.

Конан смерил поникшее величество (павшего духом вельможу) презрительным взглядом с примесью насмешки.

— Ну вот, Богра, мы и встретились снова! — прооркотал он.

Эмир открыл рот от изумления, не веря своим глазам.

— Ты! — задохнулся он.

Конан усмехнулся. Десять лет тому назад еще совсем молодым бездельником киммериец попал в Туран, где служил наемником. Он покинул штандарты короля Илдиза довольно поспешно из-за небольшой неприятности с пассивой одного офицера, при этом ему пришлось так спешить, что он не успел оплатить карточный долг тому самому эмиру, который стоял сейчас перед ним в остолбенении. Тогда, как это и было принято среди богатых молодых людей, веселый отпрыск знатного рода Богра Хан, подружившись с Конаном, участвовал во многих эскападах и азартных играх в питейных заведениях и публичных домах. Сейчас, по прошествии стольких лет, тот же Богра, разбитый в битве своим старым товарищем, чье имя он никогда не связывал с вожаком кочевников, перед которым все трепетали, в изумлении уставился на него.

Конан окинул его взглядом из-под прищуренных век.

— Ты подкарауливал нас здесь, не так ли? — прорычал он.

Эмир сник. Он не хотел давать информацию вожаку, находящемуся вне закона, даже если они были старыми собутыльниками. Однако он наслышался мрачных историй о кровавых методах допроса пленных у зуагиров, которые помогали добывать сведения довольно быстро. Жирный и рыхлый после многих лет привольного житья, туранский офицер боялся, что не сможет долго молчать под таким давлением.

Как это ни удивительно, в его соучастии не было нужды. Конан сам видел, как Варданес, который до

странности настойчиво напрашивался этим утром в отряд передовой разведки, успел, во весь опор прищипывая коня, проскочить дальний конец прохода как раз перед тем, как захлопнулась ловушка.

— Сколько ты заплатил Варданесу? — резко спросил он.

— Двести серебряных шекелей... — пробормотал туранец и тут же оборвал себя, пораженный своей неосторожностью.

Конан рассмеялся:

— Царская плата, а? Этот улыбающийся ублюдок — вероломный до глубины его тухлого черного сердца, как и все заморанцы! Он не простил мне того, что я сместил Ольгерда!

Конан прервал себя, смерив эмира, повесившего голову, насмешливым взглядом. Он ухмыльнулся почти беззлбно:

— Ну, Богра, не кляни себя. Ты не выдал свои военные секреты. Я выпытал их у тебя хитростью. Ты можешь возвращаться в Аграпур со своей незапятнанной солдатской честью в целости и сохранности.

Богра поднял голову в удивлении.

— Ты оставляешь мне жизнь? — прохрипел он.

Конан кивнул:

— Почему бы и нет? Я все еще должен тебе мешок золота за тот старый проигрыш, так что позволь отдать тебе долг таким образом. Но в следующий раз, Богра, смотри в оба, когда ставишь ловушку для волков. Иногда в нее может попасться тигр!

2

ЗЕМЛЯ ЗЛЫХ ДУХОВ

Два дня тяжелой погони по красным пескам Шан-и-Сорха все еще не дали желаемого результата — пустынные разбойники так и не изловили предателя. Жажда крови Варданеса побуждала Конана безжалостно гнать своих людей. Жестокий закон пустыни требовал Смерти на Пяти Колах для того, кто предал своих товарищей, и

Конан был полон решимости заставить заморанца заплатить по счету в полной мере.

Вечером второго дня они встали лагерем в укрытии скалы выжженного песчаника, которая вздымалась среди ржаво-красных песков, подобно остову какой-то полуразрушенной древней башни. На суровом лице Конана, загорелом почти до черноты под солнцем пустыни, пролегли морщины усталости. Его жеребец часто и тяжело дышал на грани измождения, вязкая пена засохла на его губах, когда Конан наконец поднес к его морде кожаное ведро с водой. Люди за спиной Конана устраивались на отдых, расправляя затекшие ноги и ноющие руки. Они поили лошадей и разжигали костер, чтобы отпугнуть диких пустынных собак. Слышался скрип веревок — это снимали седельные вьюки с палатками и кухонной утварью.

Песок захрустел под обутыми в сандалии ногами за спиной Конана. Он обернулся и увидел морщинистое, окаймленное бородой лицо одного из своих приближенных. Это был Гомер-шемит, с глазами цвета терновой ягоды и крючковатым носом. Отливавшие синевой черные кольца его волос выбивались из-под складок накинутого на голову покрывала.

— Ну что? — выдавил Конан, не переставая скрести усталого жеребца медленными взмахами жесткой щетки.

Шемит пожал плечами.

— Он все еще держит путь прямо на юго-запад. Проклятый дьявол, должно быть, сделан из железа.

Конан хрипло рассмеялся.

— Его кобыла, возможно, и железная, но Варданес-то из плоти и крови, и ты сам убедишься в этом, когда мы растянем его между колами и выпустим его кишки, чтобы угостить стервятников.

Печальные глаза Гомера были полны смутного страха.

— Конан, не оставишь ли ты эти поиски? С каждым днем мы все глубже забираемся в эту пустыню, где только солнце и песок и выживают лишь гадюки и скорпионы. Клянусь хвостом Дагона, если мы не повернем назад, то оставим свои кости белеть здесь навеки.

— Ты говоришь не то, — проворчал киммериец. — Если чьим-то костям и суждено белеть здесь, так это

будут кости заморанца. Не беспокойся, Гомер. Мы еще поймаем предателя. Возможно, завтра. Он не сможет сохранять такой темп и дальше.

— Но и мы не сможем! — запротестовал было Гомер, но смолк, чувствуя неловкость под испытующим взглядом вспыхивающих синим пламенем глаз Конана.

— Но это не все, что гложет твое сердце, не так ли? — потребовал Конан. — Давай говори, старина. Выкладывай!

Крупный шемит выразительно повел плечами.

— Да, нет. Я — люди чувствуют. — Его голос сник.

— Говори, парень, или я выколочу это из тебя!

— Это — это ведь Макан-и-Мордан! — выпалил Гомер.

— Я знаю. Слышал раньше об этом «Месте Злых Духов». Ну и что? Неужели ты веришь тому, что напели старые ведьмы?

Гомер выглядел очень несчастным.

— Это не просто выдумки, Конан. Ты не зуагир и не знаешь этой земли и ее ужасов, как мы, долго жившие в пустыне. Тысячи лет эти места были проклятыми, так как их населяли духи умерших, и с каждым часом мы углубляемся все дальше в эту обитель зла. Люди боятся сказать тебе, но они почти потеряли рассудок от страха.

— От детского суеверия, ты имеешь в виду, — сердито прервал его Конан. — Я знаю, что они дрожат с головы до пят от рассказов о духах и гоблинах. Я тоже слышал разные истории об этой стране, Гомер. Но это же всего лишь сказки, чтобы пугать малолетних, но не воинов! Скажи своим товарищам, чтобы они поостереглись. Мой гнев сильнее, чем все духи, привидения, призраки и тени когда-либо умерших, вместе взятые!

— Но, Конан, послушай!

Конан оборвал его грубым ругательством.

— Достаточно твоих сопливых ночных страхов, шемит! Я поклялся Кромом и Митрой, что умру, но пущу кровь этому заморанскому предателю. И если я должен окропить кровью маленького зуагира весь этот путь, я не отступлю ни на йоту от этого намерения. А теперь

кончай нытье и давай разопьем бутылку. Моя глотка суха, как эта проклятая пустыня, и от всех этих разговоров она просыхает еще больше.

Похлопав Гомера по плечу, Конан большими шагами направился к костру, где его люди распаковывали запасы копченого мяса, сухих фиг и фиников, круги козьего сыра и кожаные бутылки с вином.

Но шемит не сразу присоединился к киммерийцу. Он долго стоял, глядя вслед самоуверенному атаману, за которым он шел в огонь и в воду на протяжении почти двух лет, с той поры как они нашли его распятым у стен Хаурана. Конан был капитаном стражи на службе у королевых Хаурана Тарамис, до тех пор пока ее трон не был захвачен ведьмой Саломе, находившейся в союзе с Константиусом Фалконом, котическим воеводой Свободных Сообществ.

Когда Конан понял, куда клонится дело, он встал на сторону Тарамис и был побежден. Константиус распял его на кресте за городом. Случайно Ольгерд Владислав — предводитель местной банды зуагирских разбойников, наткнулся на Конана и снял его с креста, пообещав взять его в свой отряд в случае выздоровления. Конан не только оправился от своих ран, но оказался также таким способным лидером, что через некоторое время занял место Ольгерда в банде, которой и руководил с тех пор по сегодняшний день.

Но сейчас, по всей видимости, наступал конец его лидерства. Гомер из Акхарии глубоко вздохнул. Конан скакал впереди всех последние два дня, ничего не замечая, обуреваемый мрачной жадной мести. Он не осознавал глубины чувств в сердцах зуагиров. Гомер знал, что, хотя они любили Конана, их суеверные страхи дошли до предела, за которым начинается мятеж и убийство. Они могли следовать за киммерийцем до входа в ад, но не дальше в глубь Земли Духов.

Шемит был готов молиться на своего атамана. Но, зная, что никакие угрозы не свернут киммерийца с пути мести, он не мог не думать о единственном способе спасти Конана от ножей его собственных людей. Из кармана своего белого халата он вынул маленькую за-

ткнутую пробкой склянку с зеленым порошком. Пряча ее в ладони, он присоединился к Конану, чтобы распить с ним бутылку вина.

3

НЕВИДИМАЯ СМЕРТЬ

Когда Конан проснулся, солнце было уже высоко. Волны горячего воздуха колыхались над бесплодными песками. Воздух был раскаленный, сухой, без малейших признаков ветра, как будто небеса были опрокинутой бронзовой чашей, нагреваемой до белого каления.

Конан, пошатываясь, привстал на колени и сжал пульсирующие болью виски. Его череп раскалывался, как будто по нему били дубиной.

Он с трудом поднялся на ноги и стоял некоторое время, покачиваясь. Затуманенным взором, мучительно щурясь от яркого света, он медленно огляделся вокруг. Он был один в этой проклятой безводной пустыне.

Он разразился проклятиями на головы суеверных зуагиров. Весь отряд покинул лагерь, захватив с собой утварь, лошадей и провизию. Около него лежали только два мешка из козьих шкур, наполненные водой. Эти мешки, его кольчуга и халат, а также палаш — вот и все, что его прежние товарищи оставили ему.

Он вновь упал на колени и вытащил затычку из одного из мешков с водой. Жадно лоя тепловатую жидкость, он прополоскал рот, стараясь избавиться от отвратительного привкуса, и, экономя на каждом глотке, немного выпил. С трудом заставив себя оторваться, он заткнул отверстие вновь, не утолив и наполовину своей жгучей жажды. Хотя ему страстно хотелось вылить всю воду из мешка на свою раскалывающуюся от боли голову, рассудок взял верх. Раз его оставили в этой песчаной пустыне, надо беречь каждую каплю, чтобы выжить.

Несмотря на слепящую головную боль и неспособность собрать мысли, он старался понять, что произошло. Его зуагиры были гораздо больше напуганы этими сомнительными фантазиями, чем он предполагал...

Правда, Гомер предупреждал его... Он сделал очень серьезную — возможно, роковую ошибку. Он недооценил власть суеверий над его пустынным воинством и переоценил свои способности контролировать и подавлять их. В монотонных столах Конан проклинал свою тупоголовую самонадеянность. Если он не усвоит урок как следует, рано или поздно это может быть причиной его гибели...

И возможно, этот день уже наступил. Через силу, как будто ворочая камни, он стал подсчитывать свои шансы выжить. Они оказались ненадежными. У него была вода на два — в крайнем случае на три дня, если он еще больше ограничит ее потребление, рискуя сойти с ума. Ни пищи, ни коня, а это значит, что он должен тащиться пешком.

Ну ладно, допустим, он пойдет, но куда? Первое, что приходило в голову: назад по пути, которым он прошел. Но тут же возникали аргументы против этого варианта. И наиболее веским из них было расстояние. Они скакали верхом два дня после того, как оставили последний колодец с водой. Пешком, в лучшем случае, можно было идти со скоростью в два раза меньшей, чем скорость лошади. Таким образом, для него возвращаться тем же путем, которым они добивались сюда, значило идти по крайней мере два дня совсем без воды.

Конан задумчиво тер подбородок, стараясь забыть про пульсирующую боль в черепе и заставить работать свое затуманенное сознание. Возвращаться по своим следам — пожалуй, не лучшая идея, так как он знал, что воды ближе, чем в четырех днях пешего пути отсюда, не будет.

Он взглянул вперед, где след спасающегося бегством Варданеса простирался прямо от его ног до горизонта.

Возможно, ему надо продолжать преследование заморанца. Поскольку этот путь ведет в неизведанную страну, в сложившейся ситуации сам факт неизвестности того, что его ожидает там, уже говорит в его пользу. А что, если сразу за ближайшими барханами лежит оазис? Очень трудно прийти к разумному решению в подобных условиях, но Конан остановился на том, что ему казалось

более благоразумным. Подпоясав халат, накинутый на кольчугу, и повесив свой палаш через плечо, он зашагал вдоль следа, оставленного Варданесом, с мешками воды, хлопающими по спине.

Солнце, казалось, навсегда повисло в небе из расплавленной бронзы. Оно сверкало подобно огненному глазу во лбу гигантского циклопа, глядящего вниз на крошечную, медленно передвигающуюся фигуру, которая устало тащилась по раскаленной поверхности темно-красных (малиновых) песков. Целая вечность прошла, пока полуденное светило не завершило свой путь по необъятной пустоте небесного свода, с тем чтобы умереть на пламенеющем погребальном костре запада. Затем пурпурный вечер незаметно подкрался на крыльях теней, постепенно накрывая, как пологом, небесный купол, и благословенная, еле ощутимая прохлада стала расползаться по дюнам с легким бризом. Размытые тени придали очертания песчаным волнам.

К тому времени Конан уже не ощущал боли в своих ногах. От усталости они онемели настолько, что он потерял способность чувствовать их вообще и тащился вперед, спотыкаясь и пошатываясь, как будто переставлял каким-то чудом ожившие каменные колонны. Его крупная голова свисала на широкую грудь. Он брел машинально, без отдыха, ведомый только одной мыслью, что сейчас, в вечерней прохладе, он может одолеть большее расстояние с наименьшей потерей сил.

Рот и горло у него были забиты песком и пылью, как будто припудренное смуглое лицо выглядело кирпично-красной маской. Он сделал глоток воды час тому назад и удерживался от желания выпить еще, пока не станет так темно, что след Варданеса, по которому он тащился, станет неразличимым.

Его сны в ту ночь были тяжелыми и путанными, наполненные косматыми кошмарными чудовищами с одним горящим глазом во лбу — низком и волосатом лбу полуживотного. Эти существа терзали его обнаженного, избивая раскаленной докрасна цепью.

Когда, проснувшись наконец, он с трудом разлепил веки, солнце уже было высоко. Его ожидал следующий жаркий день. Подняться было мукой. Каждый мускул пульсировал болью, как будто ему под кожу загнали множество тонких игл. Но он все же встал, выпил немного воды и двинулся вперед.

Вскоре он потерял счет времени, и только воля, не знающая усталости, толкала его шаг за шагом — пусть спотыкающимся и неуверенным, но все же вперед. Его разум, казалось, отделился от него, блуждая где-то на призрачных дорогах галлюцинаций. Но он все еще держал в уме три вещи: необходимость идти по копытному следу, строго экономить воду и стоять на ногах. Он знал, что если он упадет, то ему уже не подняться вновь. А если это случится, пока тянется убийственно знойный день, его кости вечно будут сохнуть и белеть среди этой ярко-красной пустыни.

4

БЕССМЕРТНАЯ КОРОЛЕВА

Варданес из Заморы добрался до самой верхней точки холмистой гряды и остановился, осматриваясь. Вид, открывшийся перед ним, был настолько неожиданным, что он застыл в оцепенении. На протяжении пяти дней, с тех пор как неудачная засада, устроенная для зуагиров, обернулась против туранцев, он скакал во весь опор как сумасшедший, едва прихватывая час-другой для отдыха, и не столько для себя, сколько для своей кобылы. Безграничный ужас, обуявший его и почти лишивший рассудка, гнал его вперед и вперед.

Он хорошо знал, как мстят пустынные разбойники. Его воображение рисовало ему тошнотворные сцены расправы над его телом, которая будет расплатой, уготованной ему беспощадными мстителями, если он когда-нибудь попадет к ним в руки. Когда он увидел, что засада не удалась, он пустился вскачь прямо в глубь пустыни, ни о чем не раздумывая. Он знал, что этот дьявол Конан вырвет у Богры Хана имя предателя и потом кинется с

ревом по его пятам с кровожадной шайкой зуагиров. И никто из них так просто не отступится от поисков бывшего товарища, вероломно предавшего их.

Слабым шансом выжить было для него направиться в безлюдные пространства Шан-и-Сорха, где нет ни дорог, ни троп. Хотя заморанец Варданес по культуре и воспитанию был достаточно утонченным горожанином, судьба в свое время свела его с отщепенцами пустынь, и он хорошо знал их обычаи и верования. Ему было известно, что они опасаются самого названия «Красная Пустыня», так как воображение этих дикарей населяло ее чудовищами и злыми духами всех мастей, каких только они могли себе представить. Почему кочевники так отчаянно боялись Красной Пустыни, он не знал и не хотел вникать. Его устраивало уже то, что этот страх поможет ему уйти от преследователей, которые не посмеют углубляться в безжизненную пустыню слишком далеко.

Но они не повернули назад. Он опережал их совсем немного, так что каждый день мог видеть за собой вздымающиеся облака пыли, поднятой зуагирскими всадниками. Он рвался вперед, не теряя ни минуты на остановки, ел и пил в седле, доводя свою лошадь до последней степени изнеможения, чтобы увеличить разрыв между преследователями и собой. По прошествии пяти дней он уже не знал, идут ли они еще по его следу, но вскоре для него это стало почти безразлично. Он исчерпал запасы воды и пищи для себя и своей кобылы и продолжал спешить только в слабой надежде найти источник воды в этой бескрайней пустыне.

Его лошадь, покрытая коркой сухой грязи, образовавшейся там, где пыль и песок налипли на взмыленные бока, тащилась вперед, пошатываясь, как неживая, ведомая какой-то колдовской силой. Теперь она была близка к смерти. За день она падала семь раз, и только удары плети вынуждали ее подняться на ноги снова. Поскольку она уже была неспособна нести его, Варданес шел пешком, ведя ее на поводу.

Красная Пустыня взяла ужасную дань и с самого Варданеса. Еще недавно красивый, как смеющийся молодой бог, он стал изможденным скелетом, обожженным

солнцем до черноты. Налитые кровью глаза жутко поблескивали сквозь потускневшие, слипшиеся пучками волосы. Его потрескавшиеся, распухшие губы бессознательно бормотали молитвы Иштар, Сету, Митре и еще десяткам двум других божеств. Когда он и его дрожащая от слабости коняга вползли на вершину еще одного ряда дюн, он посмотрел вниз и увидел буйно зеленую долину с пятнами изумрудно-зеленых рощ финиковых пальм.

Среди этой плодородной долины лежал небольшой, обнесенный каменной стеной город. Высоко вознесшиеся купола и приземистые сторожевые башни возвышались над стеной с громадными воротами, полированные створы которых отражали красноватое солнце.

Город в этом декле, уничтожающем все живое? Зеленая цветущая долина, полная буйно разросшихся прохладных деревьев, мягких лужаек и прозрачных бассейнов с лотосом, в самом сердце этой лишенной растительности пустыни? Невероятно!

Варданеса пробрала дрожь, он протер глаза и облизал пересохшие губы. Должно быть, это мираж или порождение расстроенного воображения! Одновременно какие-то обрывки полузабытых знаний времен его детства, когда он обучался разным наукам, стали возвращаться к нему, постепенно воссоздавая некое целостное представление. Это были фрагменты легенд об Ахлате Проклятом.

Он старался изо всех сил восстановить эту нить в памяти. Легенда была записана в старой стигийской книге, которую его наставник шемит держал запертой в сундуке из сандалового дерева. Даже будучи ясноглазым парнишкой, Варданес был наделен, или, скорее, отмечен как проклятием, жадностью, нездоровым любопытством и ловкими пальцами воришки. Однажды темной ночью он подобрал отмычку к замку и погрузился со смешанным чувством благоговейного страха и отвращения в изучение необыкновенного текста, полного темных зловещих описаний и смутных предсказаний древней черной магии. Написанный паучьим почерком на пергаменте, выделанном из драконовой кожи, текст представлял перечень странных обрядов и церемоний. Он был

испещрен загадочными иероглифами древних царств, таких как Ахерон и Лемурия, которые процветали и пали в незапамятные времена и были известны своими таинственными колдовскими ритуалами.

Среди страниц, заполненных паукообразными письменами, встречались обрывки какой-то непонятной литургии, предназначенной для привлечения демонических субстанций из зазвездных темных сфер, из хаоса, который, по свидетельству древней черной магии, царит за пределами космоса. Одна из этих литургий содержала таинственные упоминания о «проклятом дьяволом и одержимом демоном Ахлате в Красной Пустыне, где могущественные безумные чародеи давным-давно, к своей бесконечной скорби и сожалению, вызвали в эту земную сферу Демона из Потустороннего Мира... Ахлат, где Нечто Бессмертное и Ужасное правит суд и расправу вплоть до сегодняшнего дня... обреченный, проклятый Ахлат, от которого отреклись истинные боги, превратив все вокруг него в обжигающую пустыню».

Варданес все еще сидел на песке возле своей часто и тяжело дышавшей запаленной кобылы, когда внезапно появившиеся воины со свирепыми физиономиями напали на него, скрутили и потащили вниз с каменистых возвышенностей, кольцом окружавших город, вниз и вниз в цветущую долину с финиковыми пальмами и полными лотоса прудами — вниз и еще ниже к воротам Ахлата Проклятого.

5

РУКА ЗИЛЛАХ

Проснувшись, Конан медленно приходил в себя, но на этот раз все было совсем иначе. До сих пор его пробуждения означали возвращение к боли и мучениям. Он с трудом раздирал слипшиеся веки, чтобы тут же зажмуриться и потом на протяжении целого долгого дня щуриться от невыносимо сверкающего солнца. Он через силу заставлял себя подняться на ноги, чтобы брести,

пошатываясь, вперед через раскаленные, как в жаровне, пески.

На этот раз он проснулся очень легко, с блаженным чувством удовольствия и комфорта. Его голова покоилась на шелковых подушках. Плотный тент со свешивающейся по краям длинной бахромой защищал от солнца его тело, чистое и обнаженное, если не считать свежей набдеренной повязки из белого полотна.

Он вскочил на ноги, не медля ни секунды, подобно дикому животному, жизнь которого зависит от быстроты реакции. Оглядываясь вокруг, он не верил собственным глазам. Первой его мыслью было, что наконец смерть прибрала его и его дух перенесся ввысь в незатейливый старомодный рай, каким представляли его предки, где Кром — верховное божество его народа — восседает на престоле среди других богов и тысячных толп героев.

Рядом с его шелковым ложем стоял серебряный кувшин, наполненный прозрачной свежей водой.

Минутой позже, когда Конан оторвал мокрое лицо от кувшина, он знал, что, какой бы рай это ни был, природа его реальна и вполне материальна. Он пил не отрываясь, хотя по состоянию своей глотки и рта понимал, что та жгучая жажда, от которой он страдал в своем переходе по пустыне, больше не терзает его. Должно быть, какой-то караван нашел его и доставил в это укрытие, где ему оказали помощь и подлечили. Продолжая осматриваться, Конан заметил, что все его тело тщательно отмыто от песка и пыли и умащено смягчающими кожу целебными мазями. Кто бы ни были его спасители, они кормили и ухаживали за ним, пока он бредил и лежал в забытьи.

В ходе размышлений на эту тему он обшаривал шатер взглядом. Его большой палаш лежал поперек эбонитового сундука. Бесшумно крадучись, он двинулся по направлению к нему, как осторожный дикий кот, — и тут же замер, так как услышал звяканье воинских доспехов у себя за спиной.

Мелодичный звук исходил, однако, не от воина, а от стройной хрупкой девушки с глазами оленя. Она только что вошла в палатку и стояла, глядя на него в удивлении.

Темные блестящие волосы до пояса были ничем не скреплены, и крошечные серебряные колокольчики, нанизанные на свободно падающие пряди, издавали слабое позвякивание.

Конан оценил девушку с первого беглого взгляда: молодая, почти ребенок, тоненькая и привлекательная. Ее бледное, не тронутое загаром тело соблазнительно мерцало сквозь тонкое просвечивающее покрывало. Драгоценные камни искрились на ее тонких белых руках. По золотым украшениям на лбу и взгляду ее больших темных глаз Конан предположил, что она принадлежит к народу, родственному шемитам.

— О! — вскричала она — Ты слишком слаб, чтобы вставать. Ты должен еще лежать, чтобы восстановить свои силы. — Она произнесла это на одном из диалектов шемитского языка, полном архаичных форм, но достаточно близком к тому шемитскому, который Конан знал настолько, чтобы понимать.

— Чепуха, девочка, я в достаточно хорошей форме, — ответил он на том же языке. — Это ты ухаживала здесь за мной? Сколько времени прошло с тех пор, как ты нашла меня?

— Нет, чужеземный господин, это сделал мой отец. Я — Зиллах, дочь Еноша, властителя Ахлата Проклятого. Мы обнаружили твое тело среди бескрайних песков вечной пустыни. С тех пор миновало три дня, — отвечала она, прикрыв шелковыми ресницами свои прекрасные глаза.

«Боги! — подумал он. — Однако какая чистая, скромная девушка!» Конан не видел ни одной женщины уже несколько недель, поэтому он откровенно изучал округлые контуры ее гибкого тела, едва прикрытого прозрачными одеждами. Ее щеки слегка заалели.

— Итак, это твои прелестные ручки ухаживали за мной, а, Зиллах? — сказал он. — Благодарю тебя и того, кто произвел тебя на свет, за помощь. Думаю, я был близок к смерти. Как вам удалось найти меня?

Он попытался припомнить город с названием Ахлат Проклятый, но безуспешно, а ведь он считал, что знает

все поселения в южных пустынях хотя бы понаслышке, если не видел их воочию.

— Это не было случайностью, на самом деле мы вышли на поиски тебя, — сказала Зиллах.

Глаза Конана сузились, и весь он напрягся от предчувствия опасности. Внезапно окаменевшее выражение этого мрачного бесстрастного лица подсказало девушке, что перед ней мужчина резких животных страстей — опасный человек, не похожий на мягких и чувствительных горожан, которых она знала до сих пор.

— Мы не хотели причинить тебе вреда! — протестующе вскричала она, вскидывая свою тонкую руку, как бы защищаясь. — Однако следуй за мной, господин, и мой отец объяснит тебе все.

На минуту Конан застыл, размышляя, не навел ли Варданес этих людей на его след. Серебра, которое он получил от туранцев, хватило бы с избытком, чтобы купить с потрохами по крайней мере полсотни шемитов.

Затем он расслабился, постепенно подавляя вспыхнувший было кровожадный порыв, взял свой меч и перекинул перевязь через плечо.

— Тогда води меня к своему Еношу, милая, — уже спокойным тоном произнес он. — Я хочу послушать, что он мне наплетет.

Она повела его из помещения. Конан расправил плечи и, мягко ступая, двинулся за ней.

6

НЕЧТО ИЗ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

Енош сидел в кресле из черного дерева с высокой спинкой, углубившись в изучение измятого, ветхого от времени свитка, когда Зиллах ввела к нему Конана. Эта часть шатра была убрана темно-красными тканями, толстые ковры смягчали шум шагов. На витой бронзовой подставке в виде блестящих переплетенных змей было

укреплено зеркало странной формы. Жуткие, сверхъестественные отблески блуждали в его эбонитовой глубине.

Енош поднялся и приветствовал Конана изысканными фразами (речами). Это был высокий немолодой человек, сухой и, несмотря на возраст, стройный. На нем был головной убор из белоснежного полотна, прожитые годы и размышления испещрили его лицо морщинами, в темных глазах была усталость и вековая печаль, накопленная еще предками.

Он предложил своему гостю сесть и приказал Зиллах принести вина. Когда с формальностями было покончено, Конан спросил прямо:

— Как вам удалось обнаружить меня, о шейх?

Енош взглянул на черное зеркало.

— Пока я не утратил волшебной силы, сын мой, я могу использовать некоторые не совсем естественные средства.

— И все же как это получилось, что вы искали меня?

Енош поднял тонкую, в голубых жилах руку, чтобы успокоить подозрения воина.

— Будь терпелив, мой друг, и я все объясню, — говорил он тихим низким голосом. Оставив свой свиток, он пересел на низкий табурет и взял серебряную чашу с вином.

После достаточно обильного возлияния старик начал свой рассказ:

— Давным-давно, много веков тому назад, волшебник из этой страны, называемой Ахлат, задумал заговор против древней династии, которая правила в этих местах со времен падения Атлантиды, — медленно повествовал он. — Коварными словами он заставил народ считать, что их монарх — слабый, предававшийся изнеженным удовольствиям человек — был их недоброжелателем или даже врагом, и народ восстал и втоптал в грязь незадачливого царя. Возвеличив себя как жреца и пророка Неведомых богов, чародей претендовал на божественное, пророческое влияние. Он возвещал, что один из богов вскоре спустится на землю, чтобы самолично править Ахлатом Святым — как он тогда назывался.

Конан фыркнул:

— Вы, люди Ахлата, кажется, не менее легковверны, чем другие народы, которые я повидал.

Старик улыбнулся устало.

— Всегда легко верить в то, что хочется считать истиной. Но даже в кошмарах не могло привидеться, насколько ужасным был план этого черного колдуна. С помощью отвратительных тайных ритуалов и заклятий он вызвал демонессу из Потустороннего Мира, чтобы она выступала в роли богини, необходимой народу. Удерживая ее здесь своим колдовством, он взял на себя роль проводника ее божественной воли. Пораженный благоговейным страхом, народ Ахлата вскоре застонал под гнетом тирании, гораздо более тяжелой, чем та, от которой он страдал при правлении прежней династии.

Конан осканился:

— Я был свидетелем тому, что революции часто возносят худшие правительства, чем те, которые смещают.

— Возможно. Во всяком случае, здесь так оно и было. И со временем все стало еще хуже, так как колдун потерял контроль над демоническим Нечто, которое он вызвал из Запредела, и оно уничтожило его и захватило его место. И оно властвует по сей день, — заключил он почти беззвучно.

Конан вскинулся:

— Значит, это создание бессмертно? Как давно все произошло?

— С тех пор прошло больше лет, чем песчинок в этой пустыне, — ответил Енош. — А божество все еще господствует в несчастном Ахлате. Секрет ее вечной власти в том, что она питается энергией живых созданий. Когда-то вся эта земля была зеленой и благодатной, вдоль прохладных ручьев росли финиковые пальмы, и тучные стада паслись на цветущих лугах по окрестным холмам. Ее кровожадная жажда жизни иссушила землю вокруг, сохранив только долину, в которой расположен Ахлат, потому что эта безжизненная оболочка, питающаяся чужими жизненными соками, не может удержаться в мире сущего без его обитателей.

— Кром! — прошептал Конан, оторвавшись от своей чаши с вином.

— За прошедшие века эта земля превратилась в мертвую безжизненную пустыню, — продолжал Енош. — Наша молодежь, так же как и домашний скот, идут на утоление жуткой жажды богини. Она кормится ежедневно. Она выбирает жертвы каждый день, и каждый день сокращается их число, и все вокруг вырождается. Когда она атакует неизвестного избранника непрерывно день за днем, тот может выдержать это не больше нескольких суток, в крайнем случае — протянуть с полмесяца. Самые сильные и храбрые выносили и целый месяц, пока она не истощала весь запас их жизненных сил и не принималась за очередную жертву.

Конан любовно погладил рукоять своего меча.

— Кром и Митра, старик, почему вы до сих пор не убили это чудовище?

В ответ тот слабо покачал головой.

— Она неуязвима и бессмертна, — с грустью сказал он. — Ее тело состоит из вещества, созданного и удерживаемого неизменным непобедимой волей богини. Стрела или меч бессильны и могут только поранить эту плоть, а для нее сущие пустяки устранить повреждение. Жизненная сила, которую она пьет из других, оставляя от них только сухую оболочку, является жутким источником внутренней энергии, с помощью которой она может сформировать свое тело заново сколько угодно раз.

— Спалите ее, — прорычал Конан. — Сожгите дворец, чтобы он рухнул ей на голову, или разрубите ее на мелкие куски и бросьте в пламя костра, чтобы он пожрал ее, не оставив и следа!

— Нет, невозможно. Она оберегает себя, используя темные силы дьявольской магии. Один ее взгляд пронзает и парализует. Около сотни воинов прокрались однажды в Черный Храм, решившись положить конец ужасной тирании. От них ничего не осталось, кроме живого леса неподвижных мужских фигур, ко-

торые сами послужили угощением на этом леденящем кровью пиршестве ненасытного чудовища.

Конана била дрожь.

— Удивляюсь, что кто-то вообще выжил на этой проклятой земле! — воскликнул он. — И как это мерзкая кровопийца не высосала жизнь из каждого человеческого существа в вашей долине за такое долгое время? И почему вы не сложили пожитки и не подались из этих мест, ставших обиталищем дьявола?

— На самом деле нас осталось совсем немного. Она пожирает нас и наших животных быстрее, чем естественный прирост может восполнить потери. В течение веков демонесса удовлетворяла свое вождение, довольствуясь жизненной энергией растений. Людей она щадила до поры до времени. Когда земля опустела, она вначале питалась скотом, потом нашими рабами и наконец добралась до самих ахлатцев. Скоро и нам придет конец, и Ахлат будет одним обширным могильником. Оставить это место мы также не можем из-за того, что богиня удерживает нас своей колдовской силой в довольно узких пределах. Выйти за границу ее влияния невозможно.

Конан замотал головой так, что его нестриженная грива разметалась по бронзовым плечам.

— То, что ты рассказал мне, старик, трагично, но почему ты выкладываешь это мне?

— Из-за древнего пророчества, — тихо произнес Енош, приподняв потертый, измятый свиток с табурета.

— Какого еще пророчества?

Енош развернул часть свитка и ткнул в рукописные строки. Письмена были столь древними, что Конан не мог прочесть их, хотя шемитское письмо его времени ему было знакомо.

— «В свое время, — прочел Енош, — когда приблизится наш конец, Неизвестные боги, от которых наши предки отреклись, чтобы поклоняться демонессе, смягчат свой гнев и пошлют освободителя, и тот свергнет богиню и разрушит ее злые чары». Ты, Конан из Киммерии, и есть этот спаситель.

ЗАЛ ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ

Дни и ночи лежал Варданес в промозглой подземной темнице под Черным Храмом Ахлата. Он вопил и молил, рыдал, проклинал и молился, но стражи в медных шлемах, с каменными лицами и тусклыми, ничего не выражающими глазами, не обращали на него внимания, хотя на удивление хорошо заботились о его телесном благополучии, безупречно удовлетворяя его физические потребности. При этом они не отвечали на вопросы. Так же глухи они были, когда он пытался предлагать им деньги, что привело его в полное изумление. Как типичный заморанец, Варданес не мог себе представить, что существуют люди, равнодушные к ценностям. Это было не менее удивительно, чем их архаичная речь и старомодное вооружение. Эти странные существа были до такой степени равнодушны к серебру, которое он сумел вытрясти из туранцев в оплату за свое предательство, что даже не тронули набитые монетами седельные сумы, так и оставив их лежать в углу его камеры.

Опять же он не мог понять, почему они так ухаживали за ним, обмывая его изможденное тело и даже смазывая волдыри целебными мазями. Питание же было просто роскошным. Его кормили прекрасно зажаренной дичью, великолепными фруктами и сладостями. Они давали ему даже вино. Варданес, знавший в своей жизни и другие тюрьмы, в полной мере осознавал всю необычность своего настоящего положения. Ему неоднократно приходила пугающая мысль, не откармливают ли они его на убой.

Однажды стражники вошли в его камеру и повели его наружу. Он ожидал, что наконец попадет куда-нибудь вроде судилища, где ему должны предъявить обвинения, на которые он постарается ответить, какими бы абсурдными они ни оказались. Он воспрял духом, его самоуверенность вернулась к нему. На своем веку он не встречал судьи, чья милость не могла бы быть куплена. Вряд ли и эти останутся безучастными к серебру, да еще

в таких количествах, как в этих набитых доверху седельных сумках.

Но вместо судьи его привели темными ходами, где гуляли сквозняки, к громадной двери из позеленевшей бронзы, которая вздымалась перед ним, подобно вратам ада. Дверь была замкнута на три замка и засов. Все вместе представлялось настолько мощным укреплением, что, казалось, было способно выдержать натиск целой армии. Торопливо и явно нервничая, что было заметно по трясущимся рукам и напряженным лицам, воины отомкнули запоры и втолкнули Варданеса внутрь.

Когда дверь за ним с лязгом захлопнулась, заморанец очутился в великолепном зале, отделанном полированным мрамором. Всё было погружено в багровый полумрак и покрыто толстым слоем пыли. На всем лежала печать запустения и разрушения. Он двинулся вперед, с любопытством оглядываясь.

Был ли это торжественный тронный зал или неф какого-то колоссального храма? Трудно было сказать. Самым поразительным было даже не запустение, по всей видимости, царившее здесь веками, а скульптуры, которые стояли группами прямо на полу. Обрывки вопросов, от которых стыла кровь, возникали в цепенеющем от ужаса мозгу Варданеса.

Первое, что бросалось в глаза и казалось особенно загадочным, был необычный материал статуй. По контрасту с гладкими мраморными стенами статуи были выполнены из какого-то тусклого, серого, безжизненного пористого камня, никогда ранее им не виданного. Каков бы ни был этот материал, он производил исключительно отталкивающее впечатление и был похож на пепел сгоревшего дерева, хотя на ощупь был сухим и твердым, как камень.

Вторая тайна заключалась в поразительном мастерстве неизвестного скульптора. Трудно было представить, что человеческие руки, какими бы талантливыми они ни были, могли отделать с такой тщательностью эти необычные образцы искусства. Они были совершенно подобны живым за счет удивительно реального воспроизведения мельчайших деталей. Каждая складка одеяния

или покрывала свисала, как настоящая одежда, любая самая тонкая прядь волос была видна. С той же поразительной точностью воспроизводились и позы фигур. Никаких героических группировок или монументальной величавости не было и в помине в расположении идолов из однообразно серого, напоминающего гипс материала. Они стояли в очень жизненных позах, десятками и сотнями, расставленные как попало — без какого бы то ни было порядка. Это были изваяния воинов и вельмож, молодых людей и девушек, согбенных старцев и дряхлых ведьм, цветущих детей и грудных младенцев на руках матерей.

Одна вызывающая тревогу черта была общей для всех фигур: это было выражение невыносимого ужаса на их лицах.

Уже давно Варданес слышал непонятный слабый шум, исходящий откуда-то из глубины этого затемненного помещения. Он был похож на звучание множества голосов, настолько слабых, что слов было не разобрать. Похоже, что таинственный шепот исходил от леса статуй. Приблизившись, Варданес действительно смог различить отдельные звуки: тихие душераздирающие рыдания, слабые мучительные стоны, неясный лепет молитв, даже скрипучий смех и монотонные проклятия. Эти звуки, казалось, исходили из полусотни глоток, но заморанец не мог понять, где находится их источник. Как он ни вглядывался, ему не удалось увидеть никого в этом зале, где был только он сам и тысячи статуй.

Пот стекал по его лбу и впалым щекам. Неизъяснимый страх поднимался в нем. Всеми фибрами своей вероломной души он желал бы очутиться за тысячу верст от этого проклятого храма, где стонали, рыдали, бормотали и истерично смеялись голоса невидимых существ.

Вдруг он увидел золотой трон, который стоял в середине зала, возвышаясь над головами статуй. Алчные глаза Варданеса жадно впились в любезный его сердцу блеск. Не помня себя, он стал пробираться по направлению к трону сквозь каменный лес.

Только сейчас он обратил внимание на что-то непонятное, громоздившееся там. Похоже, это была усохшая

сморщенная мумия какого-то давно умершего царя. Плети рук были сложены на впалой груди. От горла до пят тощее тело окутывал пыльный саван. На месте головы была тонкая маска из кованого золота. Она изображала женское лицо неземной красоты.

От жадности у Варданеса перехватило дыхание. Он забыл про свои страхи, потому что между бровей золотой маски, подобно третьему глазу, сверкал огромный черный сапфир. Это было поразительное сокровище, достойное быть украшением царской персоны.

Стоя у подножия трона, Варданес не мог оторвать жадного взгляда от золотой маски. Ее глаза были прикрыты, красивые полные губы чудесного рисунка сложены, как во сне. Все дышало покоем в этом прекрасном золотом лице. Громадный черный сапфир вспыхнул знойным пламенем, когда он дотронулся до него.

Дрожащими пальцами Варданес стащил маску. Под ней было бурое ссохшееся лицо с запавшими щеками, твердое, сухое и жесткое. Его передернуло от злобного злорадного выражения в чертах этой мертвой головы — головы самой смерти.

И вдруг она открыла глаза и посмотрела на него. Он отшатнулся с воплем, маска выпала из его помертвевших пальцев и со звоном ударилась о мраморные плиты. Мертвые глаза с похожего на череп лица впились в его собственные. И тут это Нечто открыло свой третий глаз...

8

ЛИЦО ГОРГОНЫ

Конан двигался через зал серых статуй босиком, крадучись через пыльное убежище теней, как большой дикий кот. Тусклый свет скользил вдоль острого лезвия его палаша, который он сжимал в сокрушительно огромном кулаке. Он рыскал глазами из стороны в сторону, и грива у него на затылке поднималась дыбом. Это место смердело смертью. Тяжелый запах страха был настоен в затхлом воздухе.

Как он позволил старому Еношу заморочить себе голову настолько, чтобы ввязаться в эту дурацкую авантюру? Он не был ни спасителем, ни предназначенным роком освободителем, ни святым посланцем богов для избавления Ахлата от власти бессмертной демонессы. Единственной его целью была кровавая месть.

Но старый мудрый шейх говорил так много и складно, что своим красноречием убедил Конана взяться за выполнение этой рискованной миссии. Енош указал на два обстоятельства, которые убедили даже видавшего виды варвара. Первое заключалось в том, что, попав сюда, Конан уже был во власти черной магии и не смог бы покинуть этого места, пока богиня не была бы уничтожена. Второе относилось к предателю заморанцу, который был заточен в подземельях Черного Храма богини. Вскоре он должен был умереть, что, если не изменить хода событий, сулило им всем верную гибель.

Поэтому Конан пробрался сюда секретными подземными ходами, которые Енош указал ему. Он вовремя появился из скрытого прохода в стене этого огромного мрачного зала, так как Енош знал, когда Варданес должен был предстать перед богиней.

Как и заморанец, Конан отметил поразительный реализм серых статуй, но, в отличие от Варданеса, он знал ответ на эту загадку. Он старался не смотреть на ужасные выражения этих каменных лиц вокруг себя.

Он также слышал стоны, причитания и плач. Когда он продвинулся ближе к центру огромного зала, рыдающие голоса стали явственнее. Он увидел золотой трон и высохшее Нечто на нем и стал бесшумно подкрадываться к сверкающему креслу.

Пока он пробирался туда, одна из статуй вдруг заговорила с ним, он почти остоленел от шока. Мурашки побежали по телу, и пот покатил градом со лба.

В этот момент он увидел источник криков, и его сердце замерло. Потому что все эти фигуры у трона не были еще мертвыми. Они окаменели до шеи, но головы еще жили. Полные страдания глаза двигались на искаженных гримасах отчаяния лицах, а сухие губы моли-

ли, чтобы он вонзил свой меч в их еще живой мозг и прекратил муку полусуществования.

Затем он внезапно услышал вопль и узнал хорошо знакомый голос Варданеса. Что если богиня убьет его врага до того, как он осуществит свою месть? Он рванулся вперед к трону.

Ужасное зрелище открылось его взгляду. Варданес стоял перед троном с выкатившимися глазами и конвульсивно дергающимися губами. Скрежещущий звук трения камня о камень достиг слуха Конана, он взглянул на ноги Варданеса. Там, где ступни заморанца касались пола, вверх от них медленно распространялась серая бледность. На глазах изумленного Конана теплая плоть выцветала. Серая волна достигла колен Варданеса. Пока Конан наблюдал это, уже и верхняя часть ног превратилась в пепельно-серый камень. Варданес пытался сделать шаг, но не мог. Его голос взвился до визга, когда его глаза уперлись в Конана с выражением беспредельного ужаса, как у животного, попавшего в западню.

То, что было на троне, стало издавать низкие каркающие звуки, все больше напоминающие резкий смех. Конан видел, как мертвая, усохшая плоть ее скелетообразных рук и морщинистая плоть расправлялись и разглаживались. Бурая сухая кожа приобретала тона теплого живого тела. С каждым глотком живой энергии, которую кровожадная Горгона высасывала из тела Варданеса, ее собственное наполнялось жизнью.

— Кром и Митра! — выдохнул Конан.

Поглощенная каждым фибром своего существа полуокаменевшим заморанцем, Горгона не обращала внимания на Конана. Сейчас ее тело расправилось. Она расцвела, мягкие округлости боков и бедер разгладили саванообразное одеяние. Ее бюст наполнился, натянув тонкую ткань и придав ей черты женственности. Она вытянула упругие помолодевшие руки. Ее влажный алый рот открылся в новом взрыве смеха, но на этот раз это был музыкальный, чувственный смех привлекательной женщины.

Волна окаменения добралась до поясницы Варданеса. Конан не знал, сохранит ли она Варданеса на будущее полуживым подобно тем, кто стоял у трона, или выпьет до конца. Тот был молод и полон сил, его жизнь, должно быть, стала благотворным вливанием для восстановления богини-вампира.

Когда окаменение доползло до тяжело вздымающейся груди заморийца, он издал другой вопль — самый жуткий звук, срывавшийся с человеческих губ, когда-либо слышанный Конаном. Реакция Конана была инстинктивной. Как разъяренная пантера он выпрыгнул из своего укрытия за троном. Свет блеснул на лезвии его меча, когда он взмахнул им. Голова Варданеса свалилась с плеч и тяжело шлепнулась на мраморный пол. Содрогнувшееся от толчка тело опрокинулось. Оно ударилось о пол, и Конан увидел, как треснули и раскололись окаменевшие ноги. Осколки бывшей плоти рассыпались, но еще кровоточили.

Так умер Варданес-предатель. Даже Конан не мог бы сказать, нанес ли он удар из жадности мести или это был импульс милосердия, продиктованный желанием положить конец мучениям обреченной жертвы.

Конан повернулся к богине. Не осознавая последствий, инстинктивно он поднял глаза и встретил ее взгляд.

9

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

Ее лицо было маской нечеловеческой красоты; мягкие влажные губы стали полными и алыми, как спелый плод. Блестящие черные волосы ниспадали на отливающие перламутром плечи и шелковый пеньюар, под которым вдымались округлости лунообразных грудей. Она была бы воплощением красоты, если бы не огромное черное око между бровей.

Третий глаз встретил взгляд Конана и сразу приковал его. Овальная орбита была больше, чем любой орган зрения человеческого существа. В нем нельзя

было различить зрачок, радужную оболочку и белок — все оно было черным. Казалось, что взгляд Конана тонет в нем и теряется в бездонном море тьмы. Поглощенный этим, он не мог оторвать глаз, забыв, что держит в руке меч. Глаз был черен, как лишённые света пространства космоса между звездами.

Теперь ему представлялось, что он стоит на краю черного бездонного колодца. Он склонился в него все дальше, пока не опрокинулся и не полетел. Он падал вниз, вниз сквозь черный туман, через безграничную, холодную бездну абсолютного мрака. Он знал, что если он сию же секунду не отведет свои глаза, то будет навеки потерян для мира.

Он собрал всю свою волю. Пот выступил у него на лице, мускулы под бронзовой кожей напряглись, как змеи перед броском, грудь учащенно вздымалась и опускалась.

Горгона засмеялась — низкий мелодичный звук с холодной жесткой издевкой. Кровь прилила к лицу Конана, ярость поднялась в нем.

Колоссальным усилием воли он оторвал свои глаза от черной орбиты и обнаружил, что упирается взглядом в пол. Он стоял, пошатываясь, ослабевший, с кружащейся головой. Поскольку ему приходилось прилагать немалые усилия, чтобы стоять прямо, первым делом он осмотрел свои ноги. Слава Крому, они были еще из теплой плоти, а не из холодного пепельного камня! То долгое, как ему представлялось, время, что он стоял, замороженный взглядом Горгоны, оказалось только мгном, слишком коротким, чтобы волна окаменения поднялась по его телу.

Горгона засмеялась снова. Отвернувшись и набычившись, Конан чувствовал силовой поток, исходящий от нее, который выворачивал и приподнимал его лохматую голову, вынуждая опять заглянуть в ее глаза. Мускулы на его жилистой шее взбухли от усилия противостоять этому.

Пока ему все еще удавалось смотреть вниз. Перед ним на мраморном полу лежала тонкая золотая маска с ог-

ромным драгоценным сапфиром, вделанным на месте третьего глаза. И внезапно Конана осенило.

На этот раз он вскинул глаза одновременно с мечом. Сверкающее лезвие взметнулось в пыльном воздухе и пало на издевательски ухмыляющееся лицо богини, разрубив третий глаз пополам.

Некоторое время она не двигалась, молча глядя на разъяренного воина двумя нормальными глазами невыразимой красоты. Лицо ее было мертвенно бледным. Затем что-то стало меняться в ней.

Из остатков третьего глаза Горгоны по нечеловечески прекрасному лицу текла темная жидкость. Она напоминала черные слезы, медленно ползущие вниз.

Затем она начала стареть на глазах. По мере того как черная жидкость вытекала из разрушенной орбиты, жизненная сила, отнятая у других в течение многих веков, уходила из ее тела. Кожа потемнела и покрылась множеством морщин. Дряблые складки появились на шее. Блестящие глаза стали тусклыми и мутными.

Роскошная грудь опала и повисла. Обольстительные гладкие руки стали костлявыми. Медленно-медленно сократившиеся до карликовых размеров формы крошечной женщины на троне, неправдоподобно одряхлевшей в несколько минут, стали разрушаться. Плоть распадалась на обрывки, похожие на бумагу, обнажая рассыпающиеся кости. Тело рухнуло на пол, образовав кучу сухого мусора, который тут же превращался в бесцветную пеплоподобную пыль.

Долгий вздох пронесся по залу. На короткое время потемнело, как будто полупрозрачные крылья закрыли тусклый свет. Потом все успокоилось, и вместе с тем ушло ощущение угрозы, настоящее в этом воздухе веками. Осталось просто пыльное, давно запущенное помещение, от сверхъестественного ужаса не сохранилось и следа.

Статуи уснули теперь навсегда, остались лишь вечные каменные надгробья. Так как Горгона исчезла из этого мира, ее чары прекратились, в том числе и те, что удерживали живых мертвецов в состоянии ужасного подвоя жизни. Конан повернулся, чтобы уйти, оставив

пустой трон с кучкой пыли и разбитую безголовую статую — все, что осталось от самоуверенного и веселого заморанского воина.

— Оставайся с нами, Конан! — просила Зиллах своим низким тихим голосом. — Ты, освободивший Ахлат от проклятия, будешь занимать высокие посты, и тебе будут воздаваться достойные почести.

Он слегка усмехнулся, чувствуя в ее интонациях отенок личной заинтересованности, помимо простого желания хорошей гражданки включить достойного пришельца в дела возрождения города. Под испытующим взглядом горячих мужских глаз она залилась краской смущения.

Господин Енош присоединил свой мягкий голос к просьбам дочери. Победа Конана придала этому пожилому человеку живости, он помолодел в последние дни, став даже выше и стройнее. В его походке появилась твердость, а в голосе — властная уверенность. Он предложил киммерийцу богатство, почет и положение, обеспечивающее ему право на власть в возрожденном городе. Енош даже дал понять, что не прочь был бы видеть Конана своим зятем.

Но Конан, зная, что спокойная респектабельная жизнь без тревожений, в которую они его втягивали, совершенно не для него, отказался от всех предложений. Язык того, кто провел годы в битвах, в лавах и домах иных развлечений почти всех городов мира, не был приспособлен к изысканным речам. Однако со всем тактом, на который была способна его прямая варварская натура, он отклонил просьбы своих хозяев.

— Нет уж, друзья, — сказал он. — Мирная жизнь не для Конана из Киммерии. Слишком скоро это мне прискучит, а когда наваливает скука, я не знаю других лекарств, кроме как напиться, затеять драку или украсть девчонку. Хорошим же гражданином был бы я для города, который жаждет мира и покоя, чтобы восстановить свою силу!

— Куда же ты хочешь идти теперь, о Конан, когда колдовской барьер разрушен? — спросил Енош.

Конан пожал плечами, запустил руку в свою черную гриву и рассмеялся:

— Кром, благослови нас, мой дорогой господин, я не знаю! Удачно, что слуги богини кормили и поили коня Варданеса. В Ахлате, я вижу, нет лошадей, только ослы. Дурацкий же был бы вид у такого верзилы, как я, если бы я трясся на маленьком сонном ослике, волоча ноги в пыли!

Я думаю двинуться на юго-восток. Где-то там лежит город Замбула, в котором я никогда не бывал. Говорят, это богатый город, который славится злаными местами и пирушками, где вино течет почти рекой. Я хочу отвратить развлечения Замбулы и убедиться самому, какие радости они могут предоставить.

— Но ты не должен покидать нас, как бродяга! — запротестовал Енош. — Слишком многим мы тебе обязаны. Позволь отдать тебе за твои труды то небольшое золото и серебро, которое у нас есть.

Конан отрицательно покачал головой.

— Придержи свои сокровища, шейх. Ахлат не богатая метрополия, и вам понадобятся ваши деньги, когда купеческие караваны снова начнут добираться до вас через Красную Пустыню. А теперь, когда мои бурдюки полны водой и вы щедро снабдили меня провизией, я должен отправляться. На этот раз мое путешествие через Шани-Сорх будет более комфортабельным.

Кратко попрощавшись напоследок, он вскочил в седло и легким галопом поскакал из долины. Они стояли, смотря ему вслед, — Енош с гордо поднятой головой, а Зиллах со слезами на щеках. Вскоре он исчез из виду.

Достигнув вершины холма, Конан придержал черную кобылу, чтобы бросить последний взгляд на Ахлат. Затем он направил лошадь в пустыню. Возможно, он и сыграл дурака, не приняв их скромных ценностей. Но за ним бились о седло набитые сумы Варданеса. Конан ухмыльнулся с лукавством. Только жалкий торговец сожалеет о нескольких шекелях. Иногда можно себе позволить быть добродетельным! Это приятно даже киммерийцу!

1

БАРАБАН НАЧИНАЕТ БИТЬ

— В доме Арама Бакша скрывается опасность! Каркающий голос предупреждающего сорвался от волнения, а тощие с черными ногтями пальцы вцепились в мускулистую руку Конана. Это был жилистый, почерневший от солнца человек с растрепанной темной бородой. Лоскутное одеяние выдавало в нем кочевника. Он выглядел меньше и слабее, чем на самом деле, рядом с широкогрудым чернобровым гигантом киммерийцем с его мощными руками и мускулистыми ногами. Они стояли на углу Базара Оружейников, и с обеих сторон их обтекал многоязычный разноцветный уличный поток — такой экзотичный, разноплеменный, яркий и шумный здесь, в Замбуле.

Конан с трудом оторвал взгляд от прошествовавшей мимо ганарийки с дерзкими глазами и ярко-красными губами, чья вызывающая походка и короткая юбка с разрезом при каждом шаге позволяли видеть коричневое соблазнительное бедро, и недовольно посмотрел вниз на своего назойливого компаньона.

— Что ты имеешь в виду, говоря об опасности? — спросил он.

Кочевник украдкой посмотрел через плечо, прежде чем ответить, и понизил голос.

— Никто не знает этого толком. Известно лишь, что людей пустыни и приезжих, которые останавливались на ночлег в доме Арама Бакша, больше никогда не ви-

дели после и ничего о них не слышали. Что с ними случилось? Сам он клялся, что они, встав от сна, продолжали свой путь. Действительно, из его дома никогда не исчезал ни один из постоянных жителей города. Однако путешественников никто не видел снова, и люди говорят, что их вещи и снаряжение позже встречались на базарах. Как бы они попадали туда, если бы это не было делом рук Арама, который прежде должен был избавиться от их владельцев?

— У меня нет вещей, — проворчал киммериец, дотрагиваясь до обтянутой шагренью рукояти палаша, висевшего у его бедра. — Я продал даже коня.

— Но из дома Арама Бакша по ночам исчезают не только богатые странники! — продребезжал зуагир. — Более того, бедные люди пустыни ночевали там — потому что он берет меньшую плату, чем в других тавернах, — и после этого они пропадали навсегда. Однажды вождь зуагиров, сын которого исчез таким образом, пожаловался сатрапу Джангир Хану, и тот приказал солдатам обыскать дом.

— И они нашли подвал, полный трупов? — спросил Конан с добродушной насмешкой.

— Нет! Они не нашли ничего! И выпроводили вождя из города с угрозами и руганью! Но, — он придвинулся к Конану ближе и поежился, — кое-что все же они нашли! На краю пустыни за домом есть пальмовая роща, и в ней яма. И вот в этой яме были обнаружены человеческие кости, обугленные и почерневшие! И видно, что их жгли здесь не один, а много раз!

— И что это доказывает? — промычал киммериец.

— Арам Бакш — демон! Посуди сам, в этом проклятом городе, построенном стигийцами и управляемом хирканийцами, где белые, желтые и черные народы перемешались так, что образовались богомерзкие смеси всех оттенков и племен, — кто может отличить здесь человека от скрытого дьявола в человеческом облике? Арам Бакш и есть такой демон — с личиной человека! Ночами он принимает истинное обличье и уносит своих гостей в пустыню, где устраиваются тайные сборища подобных ему дьяволов.

— Почему он всегда уносит чужестранцев? — спросил Конан скептически.

— Горожане не допустили бы, чтобы он убивал местных, но им дела нет до приезжих, которые попадают в его лапы. Ты с Запада, Конан, и не знаешь тайн этой древней земли. Но с того времени, как это началось, демоны пустыни стали устраивать ритуальные действия в честь Йога, Владыки Великой Пустоты. Все это связано с культом огня — огня, который пожирает человеческие жертвы.

Прислушайся к моим словам. Ты много лун жил в шатрах зуагиров, ты наш брат, поэтому я предупреждаю тебя. Не ходи в дом Арама Бакша!

— Прячься скорее! — внезапно прервал его Конан. — Вон идет отряд городской стражи. Если они увидят тебя, то могут вспомнить коня, который был украден из конюшен сатрапа.

Зуагир поперхнулся и заметался в поисках укрытия. Он нырнул между палаткой и каменным желобом, где поили лошадей, задержавшись лишь настолько, чтобы продребезжать:

— Будь осторожен, брат! В доме Арама Бакша водятся демоны! — После этого он устремился вниз по узкому проходу между домами и исчез из вида.

Конан поудобнее приладил свой широкий пояс, на котором висел меч, и спокойно встретил пронизывающие взгляды, которыми обшаривали его стражники, проходившие мимо. Они рассматривали его с любопытством и подозрением, так как он выделялся даже в такой пестрой толчее, которая запруживала извилистые улочки Замбулы. Его голубые глаза и необычная для этих мест внешность сразу бросались в глаза в восточной толпе, а прямой меч у бедра был добавочным признаком расового отличия.

Однако стражники не обратились к нему, а, сохраняя построение, прошли, мерно печатая шаг, вниз по улице среди толпы, расступающейся перед ними. Это были наемники пелистинцы, все, как на подбор, приземистые, крючконосые, с иссиня-черными бородами, прикрывающими грудь, защищенную броней. Их на-

нимали для работы, которую правящая прослойка туранцев считала ниже своего достоинства. По этой же причине они вызывали ненависть монгрельского населения.

Конан взглянул на солнце, которое начало садиться за дома с плоскими крышами, расположенные на западной стороне базара, и, подтянув снова свой пояс, двинулся по направлению к таверне Арама Бакша.

Цепким шагом жителя предгорий он продвигался по ежеминутно меняющемуся цветистому потоку из улицы в улицу. Оборванные туники попрошайек задевали отделанные горностаем халаты надменных купцов и вышитый жемчугом атлас богатых куртизанок. Черные рабы-исполины брели, расталкивая темнобородых шемитских странников, прибывших из дальних городов, одетых в лохмотья кочевников из ближних пустынь, торговцев и искателей приключений, стекающих сюда из самых разных стран Востока.

Местное население было не менее разношерстным. Когда-то, несколько веков тому назад, эти земли были завоеваны стигийцами, которые расширили свою империю, захватив восточные пустыни. До их прихода Замбула была всего лишь маленьким торговым поселением — одним из многих в кольце оазисов. Обитателями ее были в основном потомки кочевников. Стигийцы превратили ее в большой город, осев здесь сами и приведя с собой шемитских и кушитских рабов. Многочисленные караваны, пересекавшие пустыню с востока на запад и в обратном направлении, принесли городу богатство и способствовали еще большему смешению рас. Затем страну завоевали туранцы, пришедшие с востока. Их конница отодвинула границы Стигии, и теперь вот уже на протяжении жизни целого поколения Замбула была самым западным аванпостом Турана, которым правил туранский сатрап.

Вавилонское смешение самых разнообразных говоров и наречий, разноречивые крики и галдеж, неустанно меняющиеся картины причудливо переплетающихся улочек Замбулы впечатляли даже видавшего

виды киммерийца. То тут, то там раздавался стук копыт и бряцание металла — это группы туранских всадников вклинивались в толпу. Конники были высокими, гибкими воинами с горбоносими темными лицами и кривыми саблями. Люди разбегались из-под копыт их лошадей, так как они были завоевателями и властителями Замбулы. А высокие угрюмые стигийцы держались в стороне и, стоя в тени, смотрели исподлобья, памятуя о своей былой славе. Разноплеменному же населению было мало дела до того, какой царь вершил их судьбы. Им было все равно, обитал ли он в мрачной Кемии или в блистательном Аграпуре. Замбулой правил Джангир Хан, и, как передавали люди шепотом, любовница сатрапа Нефертари правила самим Джангир Ханом. Народ же жил своей жизнью, как делал это испокон веку. Пестрая уличная толпа все так же радовала глаз мириадами цветов и оттенков, люди щеголяли нарядами, торговались, спорили, играли в азартные игры, выпивали и любили, как делали это всегда на протяжении веков, с тех пор как башни и минареты Замбулы поднялись над песками Харамуна.

Бронзовые фонари, украшенные хищными драконами, уже зажглись на улицах, когда Конан добрался до дома Арама Бакша. Таверна была последним обитаемым жилищем на улице, ведущей на запад. Обширный сад, с густо разросшимися финиковыми пальмами, был обнесен стеной. Он отделял таверну от домов, расположенных восточнее. К западу от гостиницы также возвышалась пальмовая роща, сквозь которую улица, превращающаяся здесь в дорогу, вела дальше в пустыню. Через дорогу напротив таверны тянулся ряд пустующих хижин, разбросанных в тени беспорядочно растущих деревьев. Их обитателями были только крысы и шакалы. Когда Конан спустился на дорогу, ему показалось странным, почему нищие, столь многочисленные в Замбуле, не приспособили эти пустующие дома для ночлега. Огни остались далеко позади. Здесь фонарей не было, за исключением одного, висящего перед входом в таверну: только

звезды, мягкая пыль на дороге, в которой утопали ноги, да шелест пальмовых листьев в легком пустынном бризе.

Вход в заведение Арама располагался не со стороны дороги, а находился в аллее, которая соединяла таверну с садом финиковых пальм. Конан нетерпеливо дернул шнур колокольчика, свисающий за фонарем, и, неудовлетворенный его звяканьем, заколотил рукоятью своего меча в обшитые железом ворота из тикового дерева. Приоткрылась низенькая калитка, и в ней появилось черное лицо.

— Открывая, проклятье на твою голову! — потребовал Конан. — Я гость. Араму заплачено за комнату, и я займу ее, клянусь Кромом!

Черный вытянул шею, чтобы осмотреть освещенную только звездами дорогу за спиной киммерийца, после этого он открыл ворота, не говоря ни слова. Пропустив гостя, он вновь тщательно запер их на замок и задвинул засов. Стена была необычно высокой, но в Замбуле было много воров, а дом на краю пустыни, вероятно, нуждался еще и в защите от ночных набегов кочевников. Крупными шагами Конан прошел через сад, где в свете звезд покачивались крупные бледные соцветия, и вошел в небольшой зал, где за столом сидел стигиец с бритой головой книжника, размышляя о невыразимых тайнах бытия, а в углу пререкались, играя в кости, несколько человек неопределенного вида и рода занятий.

Арам Бакш вышел навстречу, мягко ступая. Это был тучный, осанистый мужчина с черной бородой, спускающейся на грудь, большим крючковатым носом и маленькими черными бегающими глазами.

— Не желаете ли перекусить? — спросил он. — Или подать вина?

— Я уже съел хороший кусок мяса и лепешку в харчевне, — проворчал Конан. — Принеси-ка мне кружку газанского — у меня осталось только-только, чтобы заплатить за нее. — Он швырнул медную монету на залитый вином прилавок.

— Неудачно играли сегодня?

— Ты угадал, мне не повезло. Да и можно ли рассчитывать на выигрыш, если садишься играть, имея лишь пригоршню серебра? Я заплатил тебе за комнату сегодня утром, потому что знал, что могу продуться. Мне надо было обеспечить себе крышу над головой на ночь. Я заметил, что никто не остается ночевать на улицах Замбулы. Даже самые нищие бродяги стараются отыскать какую-нибудь щель или нишу, чтобы забаррикадировать ее до наступления темноты. Должно быть, город полон шайками особо кровожадных разбойников.

Крупными глотками он с удовольствием выпил принесенное дешевое вино и проследовал за Арамом из общей комнаты. Игроки за его спиной прервали свое занятие и проводили его взглядами, в которых чувствовалось непонятное сожаление. Никто не проронил ни слова. Только стигиец вдруг рассмеялся, и был в этом неприятном смехе оттенок бесчеловечного цинизма и издевки. Остальные опустили глаза, испытывая неловкость и стараясь не смотреть друг на друга. Видимо, премудрость, которую постигал стигийский школяр, не могла научить его разделять нормальные человеческие чувства.

Конан шел за Арамом вниз по коридору, освещенному медными светильниками, и ему не доставляло удовольствия наблюдать бесшумную крадущуюся походку его хозяина. Ноги Арама были обуты в мягкие туфли, а коридор был выстлан толстыми туранскими коврами, и все же создавалось неприятное ощущение вороватости и скрытности от того, как продвигался этот замбулиец.

В конце продуваемого коридора Арам остановился у двери, запертой тяжелым металлическим засовом с мощными скобами. Арам поднял засов и ввел киммерийца в хорошо убранную комнату. Конан сразу заметил, что окна в ней маленькие и забраны железными, красиво украшенными решетками. Пол здесь тоже был устлан коврами, тут же стояла тахта, убранная в восточном стиле, и табуреты с резным орнаментом. Комната была обставлена богаче, чем те, ко-

торые он мог бы снять за большую цену ближе к центру города. Это и побудило его остановить свой выбор на ней сегодня утром, когда он обнаружил, как похудел его кошелек за последние дни, проведенные в кутежах. А ведь он прискакал в Замбулу только неделю назад.

Арам зажег бронзовую лампу и показал, как закрывается комната. В противоположной стене была еще одна дверь, которая, как и первая, закрывалась на тяжелую задвижку.

— Сегодня ты можешь спать спокойно, киммериец, — подмигнул хозяин, просунув свою густую бороду в дверной проем из коридора.

Конан хмыкнул и бросил свой обнаженный палаш на кушетку.

— Твои задвижки и засовы крепки, но я всегда сплю бок о бок со своим мечом наготове.

Арам ничего не ответил; с минуту он постоял, теребя свою пышную бороду и рассматривая грозное оружие, потом молча удалился, закрыв за собой дверь. Конан задвинул засов, пересек комнату, открыл противоположную дверь и выглянул. Комната была расположена со стороны дороги, ведущей на запад от города. Дверь вела в маленький дворик, огороженный своей собственной стеной. Внутренние стены, которые отделяли дворик от основной огороженной территории вокруг таверны, были очень высокими, и никакого прохода в них не было видно. Зато стена, тянущаяся вдоль дороги, была низкой, а калитка не запиралась. Конан помедлил в дверях в свете лампы за его спиной, вглядываясь в дорогу в том месте, где она исчезала в пальмовой роще. По-прежнему было слышно только шуршание листьев на легком ветерке. За деревьями лежала голая пустыня. Далеко в противоположном направлении вверх по улице горели огни и смутно доносился шум города. Здесь же было только мерцание звезд, шепот пальмовых листьев, пыльная дорога за низкой стеной и пустые хижины с плоскими крышами, смутно вырисовывающиеся на фоне

звездного неба. Где-то за пальмовой рощей вдруг раздался бой барабана.

Обрывки наивных предостережений зуагира всплыли в его памяти. Сейчас они почему-то не казались такими фантастическими, как представлялось на людных, залитых солнечным светом улицах. Он опять подивился заброшенности хижин напротив. Почему бродяги избегают их? Постояв еще немного, он вернулся в комнату, захлопнул дверь и задвинул засов.

Свет начал мигать. Выругавшись, он осмотрел лампу и обнаружил, что пальмовое масло в ней было на исходе. Арам не явился на его зов, и тогда киммериец пожал плечами и задул лампу. В темноте, не раздеваясь, он растянулся на тахте, по привычке ощупав и придвинув поближе рукоять своего палаша. Некоторое время он бездумно смотрел на звезды, окаймленные зарешеченными окнами, и слушал шорох бриза в пальмовых листьях. Потом он погрузился в дремоту, сквозь которую смутно различал раскаты барабана, продолжавшего звучать снаружи в пустыне — низкое громахание и рокот натянутой кожи барабана, по которому мягко и ритмично ударяла черная рука...

2

НОЧНЫЕ ПОХИТИТЕЛИ

Киммерийца разбудило почти беззвучное движение осторожно открывающейся двери. В отличие от цивилизованного человека, который, просыпаясь, некоторое время ничего не соображает, оставаясь сонным и вялым, он пришел в себя сразу. Голова его была совершенно ясной, и он точно определил источник звука, прервавшего его сон. Продолжая лежать в темноте, он весь напрягся для прыжка, в то время как дверь, выйдившая во двор, медленно растворялась. На фоне ширящегося просвета, в который было видно звездное небо, он увидел огромный силуэт широкоплечей согнутой фигуры с бесформенной головой.

Конан почувствовал, как мурашки побежали у него между лопаток. Ведь он тщательно задвинул засов. Как же может открываться эта дверь, если не действием колдовских сил? И может ли быть голова человека такой странной формы? Легенды, слышанные им в шатрах зуагиров, о демонах и гоблинах всплыли в его памяти и заставили покрыться холодным потом все его тело. В это время чудовище бесшумно вползло в комнату на полусогнутых ногах, почти припав к земле. Привычный запах ударил в ноздри киммерийца. Его обычность не рассеяла страшной уверенности в его природе, поскольку зуагирские легенды утверждали, что демоны воняют именно так.

Затаив дыхание, Конан подтянул свои длинные ноги и приготовился к броску. В правой руке он держал обнаженный меч. Последовавший затем удар был неожидан и смертоносен, как прыжок тигра из засады. Даже демон не мог бы увернуться от такого выпада. Меч вонзился в тело и рассек его вместе с костями. Что-то тяжело повалилось на пол, захлебнувшись криком. Конан в темноте подобрался к поверженному и склонился над ним, не выпуская из рук меча, с которого капало на пол. Дьявол, животное или человек — что бы это ни было — лежало мертвым на полу. Он чувствовал запах смерти, как дикий зверь. Посмотрев через полуоткрытую дверь во двор, освещенный звездами, он убедился, что калитка откинута, но двор пуст.

После этого киммериец прикрыл дверь, не потрудившись задвинуть засов. В темноте он нащупал лампу и зажег ее. Масла в ней должно было хватить на одну-две минуты, поэтому, не медля, он склонился над фигурой, которая распростерлась на полу в луже крови.

Это был огромный чернокожий, голый, если не считать набедренной повязки. В руке он сжимал сучковатую дубину. Курчавые космы парня были закручены наподобие рогов, проткнутых прутиками и обмазанных сухой глиной. Эта дикарская прическа, к несчастью для ее обладателя, и придавала такой

странный вид его голове в тусклом свете звезд. Для подтверждения страшной догадки, осенившей его, Конан оттянул толстые красные губы лежащего и тихо выругался, увидев сточенные до основания зубы.

Теперь он понял, почему исчезали чужестранцы из дома Арама Бакша. Ясными стали и загадка черного барабана, выбивающего тревожную дробь неподалеку отсюда за пальмовой рощей, и ужасная тайна этой ямы с обгоревшими костями — ямы, где под звездами жарилось человеческое мясо, и черные животные, сидя на корточках вокруг, пожирали его, удовлетворяя свой кощунственный голод. Человек на полу был рабом из Дарфара, в котором сохранялся каннибализм.

Таких людоедов в Замбуле было немало, хотя открыто об этом не говорили. Но теперь Конан знал, почему люди запираются на ночь так крепко и даже нищие избегают ночевки в открытых проходах или развалинах, не имеющих дверей. Он застонал от отвращения, живо представив звероподобные черные тени, рыскающие взад и вперед по ночным улицам в поисках человеческих жертв. Лютая ярость поднималась в нем, когда он думал об Араме Бакше, который открыл им дверь. Хозяин гостиницы не был дьяволом, он был хуже. Рабы из Дарфара пользовались дурной репутацией, всем было известно, что они занимаются воровством. Не было сомнений, что Арам Бакш прибирал к рукам часть украденного, а в ответ он продавал им человечину.

Конан задул свет, шагнул к двери и открыл ее. Он нащупал металлические узоры на ее внешней стороне, один из них был подвижным, он был связан со специальным устройством, с помощью которого открывался засов. Комната была ловушкой для людей. Несчастные жертвы отлавливались, как кролики. Но на этот раз вместо кролика они будут иметь дело с саблезубым тигром.

Конан вернулся к противоположной двери, отодвинул засов и нажал на нее, пытаясь открыть. Дверь не поддавалась, и он вспомнил о запоре со стороны коридора. Арам обеспечивал себе полную изоляцию,

не желая рискованных встреч ни со своими жертвами, ни с теми, с кем он вступал в эту грязную сделку.

Приладив меч к поясу, Конан крупными шагами вышел во двор, закрыв за собой дверь. Он не собирался откладывать свои расчеты с Арамом Бакшем. Тот должен ответить за многих и многих несчастных, которых глупили дубиной во сне, волокли из этой комнаты и дальше по дороге, ведущей через пальмовую рощу к ужасной яме с огнем.

Во дворе он остановился. Барабан еще звучал, и он уловил отблески колеблющегося красного пламени, просвечивающие сквозь деревья. Канныализм был не только извращенной потребностью в пище для черных людей Дарфара, он был необходимым элементом их колдовских культов. Черные хищники уже готовились к свершению своих зловещих ритуалов. Однако, кто бы ни попал в их желудки сегодняшней ночью, это будет не он.

Чтобы добраться до Арама Бакша, ему надо было перелезть через одну из стен, отделяющих маленький дворик от большого. Эти стены были очень высокими, вероятно, для защиты от людоедов — жителей равнин и болот. Однако они не были преградой для Конана, выросшего в горах и привычного к подъемам на крутые склоны. Он стоял у ближайшей стены, готовясь перемахнуть ее, когда до него донесся крик, эхом прокатившийся под деревьями.

В ту же минуту Конан, пригнувшись, подбежал к калитке и выглянул на дорогу. Звуки доносились от хижин, стоявших в тени за дорогой. Это был прерываемый удушьем визг, как будто жертве, делающей отчаянные попытки закричать, сжимали горло — и скорее всего черными руками. Из тени от хижины появилась тесно сбившаяся группа людей. Они двинулись вниз по дороге — трое громадных чернокожих мужчин, несущих тоненькую вырывающуюся фигурку. Конан разглядел белеющие в свете звезд руки и ноги, судорожно извивающиеся в безуспешных попытках освободиться. Вдруг пленник вырвался из грубых лап и помчался по дороге — это была гибкая молодая

женщина, нагая, как в день своего рождения. Конан видел ее совершенно отчетливо перед тем, как она скрылась в тени между хижинами. Чернокожие следовали за ней по пятам и также исчезли в тени. Невыносимый вопль агонии и ужаса достиг ушей Конана. Доведенный до белого каления разгулом вурдалачьих бесчинств, Конан ринулся через дорогу.

Ни жертва, ни преследователи не подозревали о его присутствии, пока облака мягкой пыли из-под его ног не выдали его. Но к этому времени он уже настиг их, налетев как вихрь горного ветра. Он был полон безудержного гнева. Двое чернокожих повернулись, чтобы встретить его, и ожидали с поднятыми дубинками. Но они недооценили скорости, с которой он приближался. Один из них свалился, пронзенный еще до того, как смог опустить свою дубину. Извернувшись, как кошка, Конан избежал удара второй дубины и свистящим ответным ударом отсек черную голову, так что она взлетела в воздух. Безголовое тело, прежде чем рухнуть в пыль, сделало еще три неверных шага, жутко хватая воздух руками и орошая все вокруг хлещущей кровью.

Оставшийся в живых каннибал отпрянул, задохнувшись воплем, и с силой отшвырнул свою жертву. Она споткнулась и покатила в пыль, а чернокожий в панике пустился наутек к городу. Конан не отставал. Черные пятки мелькали все быстрее, подгоняемые ужасом. Однако прежде, чем преследуемый достиг самой восточной хижины, он почувствовал смерть у себя за спиной и взревел, как бык на бойне.

— Будь проклят, черный пес! — С этим возгласом Конан вонзил свой меч между смуглыми лопатками с такой мстительной яростью, что широкое лезвие вышло из черной груди почти наполовину. Поперхнувшись криком, чернокожий полетел головой вперед, и Конан, расставив ноги, вытащил меч из распростертого тела своей жертвы.

Только ветерок шевелил листья в наступившей тишине. Конан потрянул головой, как лев гривой, и зарычал, не удовлетворив своей жажды крови. Но больше ни одна

тень не вынырнула из темноты, и освещенная звездами дорога перед хижинами оставалась пустой. Вдруг он услышал шум частых шагов за спиной и живо обернулся, но это была только девушка — почти безумевшая от пережитого ужаса. Она кинулась ему на грудь в отчаянном порыве благодарности за избавление от отвратительной смерти.

— Спокойно, девочка, — проворчал он. — Теперь уже все хорошо. Как они поймали тебя?

Она прорыдала что-то неразборчивое. Он забыл все, что было связано с Арамом Бакшем, рассматривая ее, насколько это было возможно в темноте. Это была белокожая и при этом очень яркая брюнетка — очевидно, одна из замбулианских помесей — высокая, тонкая и гибкая. Свирепое выражение его глаз сменилось восхищенным. И восхищение все возрастало по мере того, как его взгляд задерживался то на ее цветущей груди, то на мягких, прекрасной формы руках, которые до сих пор дрожали от страха и напряжения. Он обнял ее за гибкую талию и сказал, успокаивая:

— Перестань дрожать, детка. Теперь ты почти в безопасности.

Его прикосновение как будто вернуло ей сознание. Она откинула густые блестящие локоны и бросила боязливый взгляд через плечо, прижимаясь к киммерийцу все теснее, как бы ища защиты в его близости.

— Они поймали меня на улице, — пробормотала она, содрогаясь. — Залегли в засаде под темной аркой — черные мужчины, как большие уродливые обезьяны!

— Что ты делала на улице в такое позднее время? — спросил он, очарованный ее гладкой, как атлас, кожей, которую он ощущал под своими беспокойными пальцами.

Она провела рукой по волосам, отводя их назад, и безучастно посмотрела ему в лицо. Похоже, она еще не совсем пришла в себя и не замечала его нежных поглаживаний.

— Мой возлюбленный, — сказала она с трудом. — Мой возлюбленный выгнал меня на улицу. Он сошел с ума и пытался убить меня. Как только я вырвалась от него, на меня накнулись эти животные.

— Такая красавица, как ты, может свести любого мужчину с ума, — вымолвил Конан, проводя рукой по ее длинным шелковым прядям в порядке опыта.

Она замотала головой, пытаясь избавиться от оцепенения. Теперь она уже не дрожала, и ее голос стал твердым.

— Это происки жреца Тотрасмека — верховного жреца Ханумана, который возжелал меня, — собака!

— Не стоит его браться за это. У старой гиены хороший вкус.

Она не обратила внимания на грубовато-простодушный комплимент. Самообладание быстро возвращалось к ней.

— Мой возлюбленный... он молодой туранский солдат. Чтобы навредить мне, Тотрасмек дал ему снадобье, которое лишило его разума. Сегодня в припадке безумия он примчался ко мне с обнаженным мечом и пытался убить меня, но я выскочила от него на улицу. Негры поймали меня и притащили туда — я не знаю, как это назвать, — что это было?

Конан уже не слушал. Бесшумно, как тень, он увлек ее за ближайшую хижину под беспорядочно стоящие пальмы. Они остановились там в напряженном молчании, пока неясный гул, который теперь слышали оба, не усилился так, что можно было различить отдельные голоса. По дороге от города приближалась группа негров — человек девять или десять. Девушка схватила Конана за руку, и он почувствовал, как ее податливое тело, прижатое к нему, содрогается от ужаса.

До их ушей доносилась гортанная речь чернокожих.

— Наши братья уже собрались у ямы, — произнес один. — Я надеюсь, они были более удачливы, чем мы, и хватит на всех.

— Арам сказал, что даст нам одного мужчину, — проворчал другой, и Конан мысленно пообещал Араму рассчитаться с ним.

— Арам держит свое слово, — проворчал еще один. — Из его таверны мы получили уже немало людей. Но мы и платим ему хорошо. Я сам дал ему десять тюков шелка, который я украл у своего хозяина. Это был хороший шелк, клянусь Сетом!

Черные протащились по дороге мимо, вздымая пыль босыми шаркающими ногами, и их голоса затихли.

— Хорошо, что эти трупы лежат за хижинами, а не на дороге — не то нам было бы туго, — проговорил Конан. — Если они заглянут в комнату Арама, то найдут там еще один. Давай убираться отсюда!

— Да, да, поторопимся! — взмолилась девушка, снова впадшая в почти истеричное состояние. — Мой возлюбленный бродит где-то один по улицам. И негры могут схватить его.

— Черт бы побрал этот обычай! — взорвался Конан, когда они пробирались к городу вдоль дороги, но держась подальше от нее за хижинами и в спасительной тени деревьев. — Почему горожане не избавятся от этих черных собак?

— Они ценные рабы, — тихо отвечала девушка. — Их слишком много, и они могут взбунтоваться, если их лишить мяса, которого они так жаждут. Живущие в Замбуле знают об их ночной охоте на улицах, и поэтому стараются оставаться за закрытыми дверями, если не случится что-нибудь непредвиденное, как со мной сегодня. Черные ловят всех, кого придется, но в основном им попадаются чужеземцы, до которых местным нет дела.

— Ну, положим, не все безразличны. Такие люди, как Арам Бакш, например, продают приезжающих черным. Он не осмелился бы на подобные проделки с горожанами.

Конан сплюнул в отвращении и минутой позже вывел свою спутницу на дорогу, которая здесь превратилась в улицу с тихими затемненными домами. Не в его характере было красться и прятаться в тени.

— Куда ты хотела пойти? — спросил он. Девушка, казалось, не возражала против того, чтобы его рука оспаривалась на ее талии.

— Ко мне домой, чтобы разбудить моих слуг, — ответила она. — Я прикажу им разыскать моего возлюбленного. Я бы не хотела, чтобы город, жрецы — вообще кто-нибудь знал о его безумии. Он — он молодой офицер с большим будущим. Возможно, нам удастся привести его в нормальное состояние, если мы найдем его.

— Если мы найдем его? — недовольно загремел Конан. — С чего ты взяла, что я хочу проводить ночь, прочесывая улицы в поисках лунатика?

Она бросила быстрый взгляд на его лицо и оценила по достоинству блеск голубых глаз. Как любая женщина на ее месте, она смогла понять, что он последует за ней куда угодно и останется — по крайней мере, на некоторое время. Но будучи истинной женщиной, она не выдавала этого своего знания.

— Пожалуйста, — начала она опять со слезами в голосе, — мне некого просить о помощи — ты был так добр...

— Ну хорошо! — согласился он. — Хорошо. Как зовут молодого негодяя?

— Как тебе сказать — ну, Алафдал. А я Забиби, танцовщица. Я часто танцую перед сатрапом Джангир Ханом и его возлюбленной Нефертари, а также перед высокородными господами Замбулы и даже господами королевской крови. Тотрасмек возжелал меня, а так как я отвергла его ухаживания, он сделал меня невольным орудием его мести Алафдала. Я выпросила у Тотрасмека любовный напиток, не подозревая о его коварстве и глубине его ненависти. Он дал мне зелье, которое я должна была подмешать в вино моего возлюбленного, и поклялся, что когда Алафдал выпьет напиток, он полюбит меня еще больше, чем до сих пор, — просто как безумный — и будет выполнять любое мое желание. Я подмешала снадобье тайком и поднесла его Алафдалу. Но когда он выпил его, то начал неистовствовать, как сумасшедший, и потом

произошло то, о чем я тебе уже рассказывала. Проклятый Тотрасмек, змеиный ублюдок — о-о-о!

Она судорожно ухватила за его руку, и оба внезапно остановились. К этому времени они добрались уже до района магазинов и лавок — пустынных и темных в такой поздний час. В начале узкого переулка, по которому они пробирались, стоял человек. Он стоял безмолвно, не шевелясь, голова его была опущена, но Конан уловил странный блеск мрачных немигающих глаз, уставившихся на них исподлбья. По его коже побежали мурашки, и не из страха при виде меча в руке незнакомца, а из-за того, что его поза и молчаливость говорили сами за себя. Это было безумие в чистейшем виде. Конан оттолкнул девушку в сторону и вытащил свой меч.

— Не убивай его! — молила она. — Во имя Сета, не губи его! Ты сильный — ты справишься с ним!

— Посмотрим, — пробормотал он, беря меч в правую руку и сжав левую в кулак, напоминающий гирию.

Он сделал осторожный шаг в сторону стоящего — и тот с диким воющим смехом сорвался с места навстречу. Подбежав, он взметнул свой меч и, приподнявшись на носки, вложил в удар всю силу своего тела. Голубые искры посыпались от скрестившихся клинков, когда Конан парировал удар, и в следующую секунду сумасшедший распростерся в пыли без сознания от молниеносного хука слева.

Девушка подбежала к лежащему.

— О, он не... он не...

Конан быстро наклонился, перевернул молодого человека и ловкими пальцами ощупал тело.

— Он не очень изувечен, — заверил Конан после осмотра. — Кровь из носа почти всегда идет после хорошей затрещины в челюсть. Немного погодя он придет в себя, и, возможно, после этого голова у него прояснится. А пока я свяжу ему руки его же поясом для меча — вот так. Теперь куда ты хочешь, чтобы я его отнес?

— Подожди! — Она опустилась на колени перед лежащей фигурой, схватила перетянутые руки и стала

жадно рассматривать их. После этого она покачала головой, как будто сбита с толку или разочарованная, и поднялась. Подойдя близко к гиганту киммерийцу, она положила свои тонкие руки на его мощно вздымающуюся грудь. Ее темные глаза, подобные черным драгоценным камням в свете звезд, заглянули ему в лицо.

— Ты настоящий мужчина! Помоги мне! Тотрасмек должен умереть! Убей его ради меня!

— Чтобы сунуть свою шею в туранскую петлю? — хмыкнул он.

— Нет! — Ее тонкие руки, сильные, как гибкая сталь, обвились вокруг его мускулистой шеи, а мягкое податливое тело затрепетало, тесно прижатое к нему. — Хирканийцы не любят Тотрасмека. Жрецы Сета боятся его. Он монгрел, который правил людьми с помощью страха и суеверий. Я почитаю Сета, туранцы поклоняются Эрлику, а Тотрасмек приносит в жертву своему Хануману осужденных! Туранская знать боится его черной магии и его влияния на смешанное население. Они ненавидят его. Даже Джангир Хан и его любовница Нефертари боятся и питают отвращение к нему. Если бы его убили ночью в храме, они не стали бы очень настойчиво разыскивать убийцу.

— А как же его колдовство? — возразил киммериец.

— Ты воин, — отвечала она. — Рисковать жизнью — часть твоей профессии.

— За плату, — согласился он.

— Конечно! — воскликнула она, приподнимаясь на цыпочки, чтобы заглянуть ему в глаза.

Близость ее трепещущего тела зажгла пламя в его крови. Аромат ее дыхания помрачил его сознание. Но когда его руки сомкнулись в объятии, она гибко увернулась от него со словами:

— Подожди чуть-чуть! Сослужи мне службу сначала. Уладь это дело!

— По рукам, договорились, — с трудом выдавил он, приходя в себя.

— Подними моего возлюбленного, — приказала она, и киммериец подошел и легко взвалил на свои широкие плечи высокое сухощавое тело. В этот момент он чувствовал, что почти с такой же легкостью мог бы опрокинуть дворец самого Джангир Хана. Девушка лепетала нежные слова своему милому, по-прежнему находившемуся без сознания, и чувствовалось, что ее отношение к нему очень искренне. Очевидно, она любила своего Алафдала всем сердцем. Было ясно, что в какие бы деловые отношения она ни вступала с Конаном, ничто не могло повлиять на ее чувства к Алафдалу. Женщины более практичны в таких делах.

— Следуй за мной! — сказала она и торопливо пустилась вдоль по улице. Киммериец не отставал от нее ни на шаг, ни в коей мере не обремененный своей ношей. Он настороженно поглядывал по сторонам, ища глазами черные крадущиеся тени под арками, но не заметил ничего подозрительного. Несомненно, черные дарфарцы, все как один, собрались вокруг своей ямы для жарки людей. Девушка свернула в узкую боковую улочку и сразу стала осторожно стучать в дверь под аркой. Почти сразу приоткрылось маленькое окошко в верхней части двери, в которое выглянуло черное лицо. Она близко склонилась к открывшему и стала быстро шептать ему что-то. Заскрипел засов, и дверь открылась. В мягком свете медной лампы стоял громадный черный человек. Конану было достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что он не из Дарфара. Его зубы не были подпилены, а курчавые волосы были коротко острижены. Он был из Вадаи. По указанию Забиби Конан передал бесчувственное тело на руки чернокожего, который уложил молодого офицера на бархатный диван. Он по-прежнему был без сознания. Удар, который привел его в такое состояние, мог свалить и быка. Забиби сразу же склонилась над ним, нервно сплетая и ломая свои пальцы. Затем она распрямилась и вышла назад на улицу к киммерийцу.

Дверь за ними мягко закрылась, звякнул замок. Когда захлопнулось и смотровое оконце, они опять остались в темноте. Забиби взяла Конана за руку, ее собственная немного дрожала.

— Ты не подведешь меня?

Он колыхнул своей гривастой головой, огромной на фоне звездного неба.

— Тогда проводи меня в святилище Ханумана, и да смилуются над нами боги!

Как духи древних времен, двигались они по тихим молчаливым улицам. Они не проронили ни слова. Девушка, возможно, думала о своем возлюбленном, лежащем без сознания на диване, освещенном светом медных ламп, или содрогалась от страха перед тем, что ожидало их в обитаемом демонами святилище Ханумана. Варвар думал только о женщине, следовавшей за ним своей волнующей походкой. Аромат ее надутых волос не оставлял его, ему казалось, что его ноздри до сих пор наполнены им. Он ежеминутно ощущал чувственную атмосферу ее присутствия, и это целиком занимало его, не оставляя места для прочих мыслей.

Один раз они услышали звяканье подкованных сандалий и бросились в тень мрачного портала, чтобы пропустить отряд пелистинских стражников. Их было пятнадцать. Они прошагали тесным строем с пиками наизготове, у шедших сзади спины были прикрыты широкими бронзовыми щитами для защиты от ножовых ударов. Угроза нападения черных людоедов была страшна даже для вооруженных людей.

Как только утих звук их шагов, Конан и девушка вынырнули из своего убежища и торопливо продолжили путь. Немного погодя перед ними стало смутно вырисовываться приземистое сооружение с плоской крышей, которое они и искали.

Храм Ханумана стоял отдельно от других зданий в середине обширной, совершенно пустой площади. Мраморная стена окружала святилище. Широкий проход в ней располагался прямо перед входом в храм. Ничто не преграждало его — не было даже ворот.

— Почему черные не хотят творить свои молитвы здесь? — тихо проговорил Конан. — Кажется, ничто не мешает им делать это в храме.

Он вновь почувствовал, как Забиби дрожит всем телом, потому что она тесно прижалась к нему.

— Они боятся Тотрасмека, как и вся остальная Замбула, даже Джангир Хан и Нефертари. Входи! Пойдем, не теряя времени, пока решимость не оставила меня. Я чувствую, что она тает во мне с каждой минутой!

Страх девушки был очевиден, но она не колебалась. Конан вытащил свой меч и зашагал впереди нее через открытый проход. Он знал отвратительные обычаи восточных жрецов и понимал, что посягающего на святилище Ханумана могут встретить здесь самые ужасные неожиданности, каких не выразишь даже в ночных кошмарах. Он отдавал себе полный отчет, что оба они с девушкой могут не выйти из храма живыми, но слишком много раз до этого он рисковал своей жизнью, чтобы всерьез обращать внимание на такие вещи.

Они вошли во двор, вымощенный мрамором, который белел в свете звезд. Несколько широких мраморных ступеней вели к обрамленному колоннами портику. Огромные бронзовые двери стояли широко открытыми, они не закрывались никогда — вот уже несколько веков. В дневное время мужчины и женщины еще могли робко входить в святилище, чтобы оставить пожертвования перед черным алтарем обезьяноподобного божества. Ночью люди старались обходить храм Ханумана, как зайцы избегают змеиного гнезда.

Зажженные курильницы наполняли храм изнутри полупрозрачными, причудливо светящимися клубами дыма, что создавало иллюзию нереальности. У задней стены, за алтарем из черного камня, сидел бог, навсегда вперивший свой взгляд на открытую дверь, через которую век за веком входили его жертвы, влекомые цепями из роз. Неглубокий желоб тянулся от входа к алтарю, и Конан, попав в него ногой, отпрыг-

нул так, будто наступил на змею. Этот желоб был протоптан неисчислимым множеством слабеющих неверных ног тех, кто умер, заходясь от крика на этом мрачном алтаре.

В неопределенном, меняющемся освещении лицо Ханумана казалось живым. В его злобном вожделеющем взгляде была скотская чувственность. Он сидел со скрещенными ногами в позе человека, а не обезьяны, но от этого его вид был ничуть не менее обезьяньим. Идол был высечен из черного мрамора, глаза, сделанные из рубинов, горели красным похотливым огнем, как угли самых глубоких преисподних. Его огромные руки лежали на коленях, ладони были приподняты, и хищно скрюченные когтистые пальцы торчали в разные стороны. В непристойной выразительности атрибутов фигуры, в плотоядном взгляде его сатиropодобного лица отражался отвратительный цинизм дегенеративного культа, который обожествлял его.

Девушка направилась к задней стене, для этого надо было обогнуть изваяние. Когда случайно ее гладкое бедро коснулось каменного колена, она отпрянула в сторону, и ее передернуло, как от прикосновения рептилии. Между широкой спиной идола и мраморной стеной с фризом из золотых листьев было пространство в несколько футов. По обе стороны от сидящего божества в стене располагались двери из слоновой кости под золотыми арками.

— Эти двери с двух сторон ведут в один и тот же изогнутый коридор, — торопливо проговорила она. — Однажды я была внутри святилища — только однажды! — Она затрепетала, и ее хрупкие плечи содрогнулись от ужасающего и непристойного воспоминания.

— Коридор изогнут, как подкова, и оба его кольца выходят в это помещение. Покои Тотрасмека находятся внутри дуги коридора и открываются в него. Но где-то здесь, в этой стене, есть секретная дверь, которая ведет непосредственно во внутренние комнаты.

Она начала шарить по гладкой поверхности, где не было и следа шва или щели. Конан стоял за ней с мечом

в руке, беспокойно, с опаской оглядываясь. Тишина и пустота святилища вместе с картинами возможных ужасов за стеной, которые рисовало воображение, настораживали его, подобно дикому зверю, чующему ловушку.

— О! — Девушка нашла наконец скрытую пружину. Квадратное отверстие открылось черным провалом в стене. И вдруг: — Сет! — взвизгнула она, и Конан, метнувшийся к ней, увидел только, как громадная уродливая рука вцепилась в ее волосы. Ее сбили с ног и втянули головой вперед в отверстие. Конан безуспешно пытался удержать ее, но его пальцы лишь скользнули по обнаженной ноге, и в ту же секунду она исчезла, а стена опять стала гладкой, как в начале. Только теперь из-за нее доносился заглушенный шум борьбы, слабо слышные вопли и грубый смех, который леденил кровь в жилах.

3

ОБЪЯТИЯ ЧЕРНЫХ РУК

С проклятиями Конан крушил стену рукоятью своего меча, мрамор трескался и обламывался от ударов колоссальной силы. Но потаенная дверь не поддавалась, и разум подсказал Конану, что, несомненно, она была заперта засовом изнутри. Тогда он кинулся к одной из дверей из слоновой кости.

Он уже поднял меч, чтобы расщепить створки, но вначале решил попробовать и толкнул ее левой рукой. Она легко приоткрылась, и он заглянул в длинный коридор, который изгибался вдали в сумерках такого же неверного света курильниц, как и в главном зале храма. Тяжелый золотой засов на косяке двери привлек его внимание. Он слегка коснулся его кончиками пальцев. Металл был чуть тепловатым, только человек, чья чувствительность далеко превосходила волчью, мог ощутить это. Дальше вступала в свои права логика: засова касались — для того чтобы отодвинуть его — всего лишь несколько секунд назад. Он мог бы предположить заранее, что Тотрасмек, конечно, дол-

жен быть осведомлен о проникновении в храм кого бы то ни было.

Войти в коридор означало, без сомнения, ступить в ловушку, устроенную для него жрецами. Но Конан не колебался. Где-то там в сумеречных внутренних покоях находилась плененная Забиби, и по тому, что он знал о жрецах Ханумана, было ясно, что она очень нуждается в его помощи. Конан, крадучись, как пантера, проник в коридор, готовый отражать возможные нападения слева и справа.

Слева от него в коридор открывались двери из слоновой кости, обрамленные арками, и он попытался открыть их одну за другой. Все они были заперты. Он прошел около 75 футов, когда коридор резко отвернул в сторону, описывая кривую, о которой упоминала девушка. Дверь, расположенная на этом участке коридора, вдруг поддалась под его рукой.

Он заглянул в обширную квадратную комнату, освещенную немного ярче, чем коридор. Стены были облицованы белым мрамором, пол — из слоновой кости, потолок покрыт потемневшим серебром. Он увидел диваны, обитые богатым атласом, украшенные золотыми узорами скамеечки из слоновой кости, круглый стол из какого-то массивного материала, напоминающего металл. На одном из диванов развалился человек, глядящий прямо на дверь. Он рассмеялся, встретив испуганный взгляд киммерийца.

На этом человеке не было ничего, кроме набедренной повязки и высоко зашнурованных сандалий. Кожа его была коричневой, черные волосы коротко подстрижены, а выпуклые глаза беспокойно бегали на его широком самодовольном лице. Он был непомерно широк и объемист, с громадными конечностями, на которых при малейшем движении взбухали и перекачивались мощные мускулы. Таких больших рук Конан никогда не видел. Уверенность в своих колоссальных физических силах сказывалась в каждом его движении и интонации.

— Почему неходишь, варвар? — насмешливо позвал он, сопровождая свои слова издевательским жестом, означающим подчеркнуто вежливое приглашение.

Взор Конана начал зловеще разгораться, и он настойчиво ступил в комнату с мечом наготове.

— Кто ты такой, черт тебя подери? — зарычал он.

— Я Бэил-птеор (Ваал-идол), — отвечал человек. — Когда-то много лет тому назад и в другой стране меня называли иначе. Но это хорошее имя, а почему Тотрас-мек дал его мне, об этом тебе расскажет любая храмовая девка.

— Значит, ты его пес! — загремел Конан. — Ну так будь проклята твои коричневая шкура, Ваал-птеор! Где девушка, которую ты втащил сюда только что?

— Мой хозяин принимает ее у себя! — рассмеялся Ваал-птеор. — Слышишь?

За дверью, расположенной напротив той, в которую вошел Конан, слышались слабые женские крики, приглушенные расстоянием.

— Дьявол унеси твою душу! — Конан сделал было шаг по направлению к двери, но повернул назад, кожа его горела. Ваал-птеор продолжал смеяться над ним, и этот смех граничил с угрозой. Шерсть поднялась дыбом на загривке у Конана, и красная волна кровожадной ярости застлала глаза.

Он кинулся к Ваал-птеору, суставы на его руке, держащей меч, побелели. Быстрым движением смуглый великан бросил что-то навстречу. Это была светящаяся кристаллическая сфера, мерцающая в колеблющемся свете.

Конан инстинктивно попытался уклониться, но каким-то чудом шар задержался в воздухе, в нескольких футах от его лица. Он не упал на пол, но повис, как будто подвешенный на невидимых нитях в пяти футах от пола. И пока Конан в изумлении смотрел на него, он начал вращаться со все нарастающей скоростью. С каждым оборотом его размеры увеличивались, он раздувался, контуры становились неясными, туманными. Он заполнил уже всю комнату. Конан оказался внутри вихря, который поглотил мебель, сте-

ны, улыбающуюся физиономию Ваал-птеора. Осталась только слепящая голубоватая туманность, вращающаяся с непостижимой скоростью. Ужасный ветер свистел в ушах Конана, он трепал его и валил с ног. Казалось, вот-вот он будет вовлечен в сумасшедшее кружение.

Давясь своим криком, Конан откинулся назад, его перевернуло несколько раз, и тут он почувствовал за спиной твердую стену. Иллюзия кружения сразу пропала. Вращающаяся необъятная сфера исчезла, как лопнувший мыльный пузырь. Конан опять оказался в комнате с серебряным потолком, и только серый туман клубился у его ног. Ваал-птеор по-прежнему сидел, развалившись на диване, сотрясаясь от беззвучного смеха.

— Сукин сын! — заорал Конан и ринулся к нему. Но туман, поднявшийся от двери, накрыл коричневого гиганта. Ничего не видя в накатившем облаке, пытаясь ощупью добраться до своего врага, Конан ощутил вдруг какое-то головокружительное смещение в пространстве — комната, туман и смуглокожий сошлись в одну точку. Он обнаружил себя стоящим в одиночестве на каком-то топком болоте, среди зарослей высокого тростника. Низко опустив тяжелую голову, на него стремительно неслись буйвол. Он отскочил в сторону, стараясь увернуться от наставленных на него изогнутых, как сабли, рогов, и вогнал свой меч под лопатку животного, точным ударом проткнув его сердце. И в следующий момент он увидел вместо буйвола, умирающего в грязи, Ваал-птеора. С проклятием Конан отсек ему голову, та взлетела высоко над землей и — вцепилась звериными клыками прямо в его горло. Из всех своих немалых сил он старался оторвать ее от себя — и не мог. Он задыхался... давился... Потом был толчок, стремительный полет сквозь неизмеримое пространство, сопровождаемый ревом и хохотом, удар, шок — и вновь он очнулся в комнате с Ваал-птеором, голова которого крепко сидела на его плечах, а сам он беззвучно смеялся, как ни в чем не бывало развалившись на своем диване.

— Гипнотизм! — невнятно прорычал Конан, изо всех сил в неистовой досаде буквально роя (топая ногами) мрамор, за неимением земли под ногами.

Его глаза полыхали ярким пламенем. Коричневый пес разыгрывал его, делая из него посмешище! Но в этих маскарадных представлениях и детских играх с туманами и воображаемыми тенями невозможно расправиться с ним. Надо просто рвануть и всадить в него меч, так чтобы коричневый прислужник распластался под ногами искалеченным трупом. На этот раз он не позволит морочить себя всякими иллюзорными тенями — но он опять был одурачен.

Леденящее кровь рычание послышалось за его спиной, он живо обернулся и в ту же секунду рубанул с плеча по пантере, приготовившейся к прыжку на него с металлически поблескивающего стола. Еще до того, как удар достиг цели, видение исчезло, и меч оглушительно лязгнул по несокрушимо твердой поверхности. Он сразу почувствовал что-то ненормальное. Меч прилип к столу! Он дергал и тянул его изо всех сил, но тот не поддавался. Это уже был не гипнотический трюк. Стол был гигантским магнитом. Конан схватился за рукоять обеими руками, когда голос сзади заставил его оглянуться. На него шел человек, который наконец поднялся с дивана.

Лишь слегка более высокий, чем Конан, но намного массивнее, Ваал-птеор неясно вырисовывался перед ним махиной угрожающих размеров. Он представлял собой устрашающий образец исполинской мускульной силы. Его огромные руки были неестественной длины, а уродливо большие лапы судорожно сжимались и разжимались, как в конвульсии. Конан отпустил рукоять своего намертво прижатого к столу меча и стоял, ничего не говоря, наблюдая за своим врагом сквозь прищуренные веки.

— Пропала твоя голова, киммериец! — издевательски проговорил Ваал-птеор. — Я откручу ее с твоих плеч, как голову цыпленка, голыми руками! Сыны Косалы приносят жертву Яджару именно таким образом. Варвар, ты видишь перед собой душителя Йота-понга. Жрецы Яд-

жара выбрали меня еще в раннем детстве и тренировали с тех пор вплоть до того, как я вошел в зрелые годы. Они учили меня искусству убивать голыми руками — потому что только такие жертвы предписаны нашим законом. Яджар любит кровь, и мы не проливаем впустую ни единой капли из жил наших жертв. Когда я был совсем мал, они давали мне душить младенцев, мальчиком я имел дело с молодыми девушками, в юношеском возрасте мне доставались женщины, старики и подростки. И только достигнув полного расцвета сил, я получил возможность убивать на алтаре Йота-понга сильных мужчин.

Долгие годы я приносил жертвы Яджару. Сотни шей ломались с хрустом и треском между этими пальцами... — Он пошевелил ими перед пылающими гневом глазами киммерийца. — Тебя не касается, почему я бежал из Йота-понга и стал слугой Тотрасмека. Через минуту ты вообще потеряешь способность любопытничать. Жрецы Косалы, душители жертв для Яджара, намного сильнее, чем могут представить люди. А я самый сильный из них. Сейчас я сверну тебе шею своими руками, варвар!

И подобно двум кобрам, громадные длани сомкнулись на горле Конана. Киммериец не предпринимал никаких попыток увернуться или отбиться от них. Вместо этого его собственные руки быстрым, как молния, движением метнулись к бычьей шее косаланца. Черные глаза Ваал-птеора расширились, когда он почувствовал жгуты мощных мускулов, защищающих горло варвара. С рычанием, рвущимся из его глотки, он напряг все свои нечеловеческие силы. Узлы, горы и канаты мускулов вздулись и перекатывались на его массивных руках. И вдруг приступ удущья перехватил его дыхание, когда пальцы Конана сцепились на его горле. На миг они застыли, как статуи, их лица с побагровевшими, вздувшимися жилами на висках были воплощением напряжения. Тонкие губы Конана расплзлись в невольном оскале, сквозь крепко сжатые губы прорывалось рычание. Глаза Ваал-птеора почти вылезли из орбит, в них все больше нарастало

выражение ужасного удивления и слабые проблески страха. Оба стояли неподвижно, как изваяния, только мускулы вздувались на их напрягшихся руках и упирающихся в пол переплетенных ногах. Силы, превышающие все обычные человеческие представления, сошлись в этой схватке — силы, способные вырывать с корнем деревья и крушить воловы лбы.

Воздух внезапно вырвался со свистом сквозь разжатые зубы Ваал-птеора. Его лицо побагровело, страх затопил глаза. Мускулы на руках и плечах гиганта, казалось, были готовы лопнуть, однако мощная шея киммерийца не поддавалась теряющему уверенность напору. Она напоминала переплетение железных канатов. Одновременно плоть самого Ваал-птеора начинала расплзаться под железными пальцами киммерийца, которые погружались все глубже и глубже в слабеющие мускулы, расплющивая их вместе с яремной веной и вдавливая в дыхательное горло.

Скульптурная неподвижность группы внезапно сменилась неистовыми рывками, так как косаланец, одолеваемый рвотными судорогами, начал дергаться и вырываться, стараясь откинуться назад. Он выпустил горло Конана и ухватил его за запястья, чтобы оторвать эти неумолимые пальцы.

Стремительным выпадом Конан оттолкнул его назад, так что тот ударился копчиком о стол. Конан продолжал перегибать его через край, все дальше и дальше, пока спина врага не начала хрустеть, готовая переломиться.

Низкий смех Конана был безжалостен, как звон стали.

— Ты глупец! — прошипел он. — Наверно, ты никогда до сих пор не встречал уроженца запада. Неужели ты считаешь себя сильным только потому, что был способен откручивать головы цивилизованным людям, бедным слабакам с мускулами, похожими на гнилые веревки? Будь ты проклят! Попробуй свернуть шею дикому киммерийскому быку, перед тем как хвастаться своей силой! Я делал это еще до того, как стал взрослым мужчиной, — вот так!

И с этими словами он молниеносным беспощадным движением крутанул голову Ваал-птеора и поворачивал ее до тех пор, пока искаженное гримасой боли лицо не оказалось за левым плечом, а позвоночник треснул, как подгнившая ветка.

Конан отшвырнул осевший труп на пол и снова вернулся к своему мечу. Он ухватился за рукоять обеими руками и изо всей силы уперся ногами в пол. Кровь текла по его широкой груди из ран на шее от когтистых пальцев Ваал-птеора. Его черные волосы были мокры, пот стекал по лицу, а грудь тяжело вздымалась. Потому что, хотя на словах он и облил презрением силы Ваал-птеора, на самом деле надо было признать, что в звероподобном косаланце он встретил почти равного себе по мощи. Но медлить было некогда, и, не давая себе передышки, чтобы выровнять дыхание, он вложил все оставшиеся силы в мощный рывок и наконец оторвал меч от удерживавшего его магнита.

В следующий момент он распахнул дверь, за которой слышались вопли, и оглядел длинный прямой коридор с рядом дверей из слоновой кости. Дальний конец был закрыт богатым бархатным занавесом, из-за которого и доносились ужасные звуки такой адской музыки, которую Конану не доводилось слышать даже в ночных кошмарах. Его волосы зашевелились, и мороз побежал по коже. В музыку вплетались женские рыдания, к которым примешивались звуки хриплого, затрудненного дыхания. Крепко ухватив меч, Конан стал крадучись продвигаться вдоль по коридору.

ТАНЦУЙ, ДЕВОЧКА, ТАНЦУЙ!

Когда Забиби была вдернута головой вперед в отверстие, которое открылось в стене за идолом, ее первой мыслью, если можно так назвать бессвязные обрывки, мелькавшие в голове в миг крайнего ошеломления, было то, что ей пришел конец. Она инстинктивно зажмурила глаза и ожидала разящего уда-

ра. Вместо этого ее бесцеремонно швырнули на мраморный пол, так что она сильно расшибла колени и бедро. Открыв глаза, она озиралась со страхом, за стеной в это время раздавались глухие удары. Она увидела гиганта с коричневой кожей, в одной набедренной повязке стоявшего над ней, а в помещении, в которое ее втащили, на диване сидел человек, спиной к богатому черному бархатному занавесу. Мужчина был широкий, полный, с жирными белыми руками и коварными глазами. По ее телу пробежали мурашки, потому что этот человек был Тотрасмек, жрецом Ханумана, который уже многие годы плел липкую паутину своей власти над всей Замбулой.

— Варвар старается пробить себе путь через стену, — произнес сардонически Тотрасмек, — но засов крепок.

Девушка увидела тяжелый золотой засов, задвинутый поперек секретной двери, которая с этой стороны стены была ясно различима. Такой засов и скобы могли выдержать натиск слона.

— Иди открой ему одну из дверей, Ваал-птеор, — приказал Тотрасмек. — Убей его в квадратной комнате на другом конце коридора.

Косаланец поклонился, приложив руки ко лбу по восточному обычаю, и удалился через боковую дверь в стене комнаты. Забиби поднялась, глядя с испугом на жреца, глаза которого жадно обшаривали ее изящную фигуру. Она не обращала внимания на подобные взгляды, так как, будучи танцовщицей Замбулы, привыкла выходить обнаженной. Но жестокое выражение его глаз вогнало ее в дрожь.

— Ты снова посетила мое убежище, красавица, — промурлыкал он с циничным лицемерием. — Это неожиданная честь. Кажется, тебе так мало понравился твой прежний визит, что я и не надеялся на его повторение. Хотя я приложил все силы, чтобы развлечь тебя и обогатить интересным опытом.

Вогнать в краску танцовщицу из Замбулы — безнадежное дело, но тут пламя гнева опалило лицо Забиби и зажглось в ее расширившихся глазах, в которых до этого был только страх.

— Жирная свинья! Ты знаешь, что я пришла сюда не для любовных утех с тобой.

— Нет, конечно, — рассмеялся Тотрасмек, — ты пришла сюда, как дура, прокравшись ночью с глупым варваром, чтобы перерезать мне горло. Зачем тебе моя жизнь?

— Ты знаешь зачем! — вскричала она, зная тщетность попыток притворяться или скрывать.

— Ты думаешь о своем любовнике, — засмеялся он. — Тот факт, что ты здесь и жаждешь моей смерти, показывает, что он выпил снадобье, которое я дал тебе. Но разве не ты сама просила меня об этом? И не послал ли я то, что ты прощала, из любви к тебе?

— Я просила тебя о лекарстве, которое усыпило бы его на несколько часов, не причиняя никакого вреда, — сказала она с горечью. — Ты же прислал слугу с зельем, вогнавшим его в безумие! Я была глупа, доверившись тебе. Можно было бы знать, что твои заверения в дружбе не что иное, как ложь для маскировки ненависти и злобы.

— Почему ты хотела усыпить своего любовника? — начал он в ответ. — Потому что только таким образом ты могла украсть у него единственную вещь, которую он не давал тебе никогда, — кольцо с драгоценным камнем, называемым Звездой Хорала. Камень был украден у королевы Офира, и она отдала бы всю свою казну, чтобы вернуть его. Он намеренно не позволял тебе брать его, так как знал, что камень обладает магической силой. Умея применять его должным образом, можно приворожить сердце любого человека противоположного пола. Ты хотела украсть у него этот камень, потому что боялась, что его чародеи найдут ключ к волшебным чарам и он забудет тебя, покоря цариц мира. Ты послала бы драгоценность королеве Офира, которая понимает ее силу, и хотела бы использовать ее, чтобы приворожить меня, как она уже пыталась делать до того, как камень был украден.

— Но зачем он нужен тебе? — мрачно потребовала она.

— Я понимаю его силу. Он сделал бы мои чары еще более могущественными.

Она фыркнула:

— Так он же у тебя сейчас!

— У меня Звезда Хорала? Да нет же, ты ошибаешься.

— Зачем ты утруждаешь себя ложью? — резко запротестовала она. — Камень был у него на пальце, когда он вытащил меня на улицу. И его уже не было там, когда я вновь нашла своего возлюбленного. Должно быть, твой слуга следил за домом и снял кольцо, когда я убежала. Ну и черт с ним! Я хочу, чтобы мой любимый снова был здоров и невредим. Почему ты не вернешь ему разум? Ты можешь это сделать?

— Я мог бы, — уверил он ее, откровенно наслаждаясь ее отчаянием. Он порывался в своих одеждах и вытащил склянку. — Здесь сок золотого лотоса. Если твой любовник выпьет его, он снова станет разумным. Да, я буду великодушным. Ты была несговорчива и пренебрегала мной, и не один, а много раз. Он постоянно идет поперек моим желаниям. Но я буду великодушным. Подойди и возьми фиал из моих рук.

Она впиалась глазами в Тотрасмека, трепеща от желания схватить склянку и в то же время опасаясь подвоха. Первое пересилило, и она стала робко приближаться с протянутой рукой. Он злорадно рассмеялся и подался от нее назад. Девушка открыла было рот, чтобы выругать его, но тут же, инстинктивно почуяв опасность, вскинула глаза вверх. С золоченого потолка падали четыре сосуда желтовато-зеленого цвета. Она сумела увернуться, так что они ее не задели, а разбившись об пол, превратились в груды осколков, обозначивших квадрат, в центре которого она находилась. Девушка вскрикнула от испуга, и тут же ее крик перешел в пронзительные воли, которые повторялись вновь и вновь, потому что из-под осколков каждого сосуда поднималась, раскачиваясь, голова кобры с характерным капюшоном. Одна из них уже добралась до ее обнаженной ноги. Конвульсивно отпрянув, девушка попала в пределы досягаемости другой змеи с противоположной стороны, и снова она метнулась с

быстротой молнии, чтобы избежать атаки отвратительно блестящей головы.

Она оказалась загнанной в ужасную ловушку. Все четыре змеи раскачивались и пытались обвить ее ступни, лодыжки, икры, колени, бедра, бока — любую часть ее роскошного, возбуждающего чувственные желания тела, которая оказывалась вблизи. При этом она не могла ни перепрыгнуть, ни пробраться между ними без риска для жизни. Ей оставалось только вертеться вихрем, отскакивать, извиваться всем телом, чтобы избежать ядовитых гадов. И каждый раз, уврачиваясь от одной змеи, она попадала туда, где до нее дотягивалась другая, так что ей надо было двигаться со скоростью света, не останавливаясь. В любом направлении она могла перемещаться только в очень ограниченном пространстве, и жуткие зубастые пасти над капюшонами угрожали ей ежесекундно. Только танцовщица из Замбулы могла еще оставаться живой в этом смертоносном окружении.

Ее уже было не разглядеть — вся она превратилась в одно размытое пятно беспорядочного движения. Змеиные головы лишь на волос не доставали до нее, но тем не менее не доставали. Ее оружием против молниеносных бросков пятнистых дьяволов, которых ее враг вызвал своими заклинаниями из ничего, были ее быстрые ноги, гибкие члены и прекрасное зрение.

Где-то тонко и жалобно зазвучала музыка, похожая на завывания. Ей вторило шипение змей. Все вместе напоминало лютый ночной ветер, свистящий в пустые глазницы черепа. Даже в вихревом кружении во спасение жизни она стала замечать, что стремительные броски змей больше не были беспорядочными. Они подчинялись жуткой, писклявой, вызывающей суеверный страх музыке. В них был ужасный ритм, и волей-неволей ее тело стало извиваться, корчиться и кружиться в согласии с ним. Неистовые движения приобрели характер танца, по сравнению с которым самый непристойный танец живота в Заморе показался бы невинным и сдержанным. Страдая от стыда и

ужаса, Забиби слышала, как злобно веселится ее мучитель.

— Это Танец Кобр, моя милая! — смеялся Тотрасмек. — Так танцевали девушки, приносимые в жертву Хануману много столетий назад, но никогда у них это не получалось так красиво. Им не хватало твоей гибкости. Танцуй, девочка, танцуй! Сколько времени ты сможешь продержаться, увертываясь от укусов Ядовитых Тварей? Минуты? Часы? Когда-нибудь ты наконец устанешь. Твои быстрые, надежные ноги начнут спотыкаться и дрожать, а бедра станут вращаться медленнее. И тогда ядовитые зубы глубоко пронзят прекрасное тело цвета слоновой кости.

Занавес за ним заходил ходуном, словно под порывом сильного ветра, и Тотрасмек пронзительно вскрикнул. Его глаза расширились, а руки судорожно вцепились в блестящее стальное лезвие, внезапно появившееся из его груди.

Музыка оборвалась. Девушка еще продолжала свой головокружительный танец, крича от смертельного отращения к колышавшимся ядовитым пастям, но все уже изменилось — только четыре легких струйки голубоватого дыма поднялись вверх вокруг нее, в то время как Тотрасмек сполз с дивана и растянулся на полу во весь рост.

Конан вышел из-за занавеса, вытирая свой палаш. Глядя сквозь драпировку, он видел отчаянный танец девушки между четырьмя раскачивающимися спиралями дыма и догадался, что для нее они выглядели совсем иначе. Но это уже не имело значения — он знал, что убил Тотрасмека. Забиби, задыхаясь, рухнула на пол, но стоило Конану двинуться по направлению к ней, как она вновь поднялась, пошатываясь, хотя ее ноги дрожали от изнеможения.

— Фиал! — еле выдохнула она. — Фиал!

Тотрасмек еще сжимал его в своей холодеющей руке. Без всякого сострадания к мертвому она вырвала склянку из его сомкнутых пальцев и тут же в страшном нетерпении начала шарить в его одеждах.

— Какого дьявола ты ищешь? — поинтересовался Конан.

— Кольцо — он украл кольцо у Алафдала. Оно должно быть у него. Его взяли, когда мой возлюбленный бродил в беспамятстве по улицам. О! Будь проклят вор!

Убедившись в отсутствии кольца на теле Тотрасмека, она начала метаться по комнате, сдирая обивку с дивана, ощупывая драпировки и опрокидывая вазы.

На какой-то момент она остановилась в раздумье и откинула с глаз влажную прядь волос.

— Я забыла о Ваал-птеоре!

— Он в аду со сломанной шеей, — заверил ее Конан.

Она выразила мстительную радость по поводу этой новости и тут же разразилась проклятиями.

— Мы не можем задерживаться здесь. Скоро рассветет. Жрецы менее высоких рангов заходят в храм в любой час ночи и, если они обнаружат нас с этим трупом, народ разорвет нас на куски. Туранцы не смогут нас спасти.

Она подняла засов на секретной двери, и несколькими минутами позже они уже были на улице и спешили прочь от безлюдной площади, над которой громоздилось старинное святилище Ханумана.

Немного погодя на продуваемом ветрами перекрестке Конан приостановился и задержал свою спутницу, положив свою тяжелую руку на ее обнаженное плечо.

— Не забывай о назначенной цене...

— Я помню! — сказала она, высвобождаясь. — Но мы должны торопиться — первым делом мы должны помочь Алафдалу!

Еще через несколько минут черный слуга открыл им дверь со смотровым оконцем. Молодой туранец по-прежнему лежал на диване со связанными руками и ногами, только теперь на месте пояса, которым стянул его киммериец, были богатые бархатные шнуры. Глаза лежавшего были открыты, но напоминали глаза бешеной собаки, губы были покрыты толстым слоем пены. Забиби содрогнулась.

— Разомкни ему челюсти! — скомандовала она, и Конан тут же исполнил приказание. Для этого ему не

понадобилось ничего, кроме собственных железных пальцев.

Забиби вылила содержимое пузырька в глотку сумасшедшего. Как по волшебству, он сразу стих. Свирепый блеск в его глазах исчез, он поглядел на девушку с недоумением, но взгляд был осознанный, и он ее явно узнал. Потом он задремал.

— Когда он проснется, то будет совершенно нормальным, — прошептала она, делая знак молчаливому слуге.

С глубоким поклоном он передал ей в руки небольшую кожаную сумку и накинул ей на плечи шелковый плащ. Ее манера держаться неуловимо изменилась, когда она кивнула Конану, чтобы он следовал за ней, и вышла из комнаты.

В нише, которая вела к двери на улицу, она повернулась к нему. Ее осанка стала царственной.

— Теперь я должна сказать тебе правду, — проговорила она с большим достоинством. — Я не Забиби, я Нефертари. А он не Алафдал, бедный капитан стражи. Он Джангир Хан — сатрап Замбулы.

Конан никак не отреагировал на это. Его покрытое шрамами загорелое лицо оставалось неподвижным.

— Я лгала тебе, потому что не смела разглашать правду никому, — продолжала она. — Мы были одни, когда Джангир Хан потерял рассудок. Никто, кроме меня, не знал об этом. Если бы стало известно, что сатрап Замбулы сумасшедший, сразу бы вспыхнул бунт и начался бы страшный разбой. Именно на это надеялся Тотрасмек, который подготавливал наше свержение.

Ты видишь теперь, как невозможна та награда, на которую ты рассчитывал. Любовница самого сатрапа не... не может быть твоей. Но ты не уйдешь без вознаграждения. Здесь золото для тебя.

Она подала ему сумку, которую получила от слуги.

— Уходи сейчас, а когда взойдет солнце, будь во дворе. Я сделаю так, чтобы Джангир Хан произвел тебя в капитаны своей охраны. Но ты будешь исполнять мои секретные поручения. Вот тебе первый приказ — бери отряд стражников и отправляйся к святилищу Ханумана

с официальной целью — найти улики для поимки того, кто убил жреца. На самом деле постарайся отыскать Звезду Хорала. Кольцо с камнем должно быть где-то там. Когда ты найдешь его, принеси мне. А теперь я разрешаю тебе идти.

Он кивнул, все также молча, и зашагал прочь. Девушка, смотревшая на спокойно покачивающиеся широкие плечи, была задета отсутствием каких-либо признаков огорчения или смущения в своем недавнем защитнике.

Завернув за угол, он оглянулся назад и ускорил шаги, но — в другом направлении. Через несколько минут он был в квартале Конного Базара. Здесь он начал колотить в одну из дверей, пока из окна наверху не показалась бородатая голова. Владелец ее потребовал объяснений, по какому поводу устроен такой шум.

— Коня, — приказал Конан. — самого быстрого, какой у тебя есть.

— Я не открываю в ночное время, — недовольно проворчал торговец лошадьми.

Конан потрянул своими монетами.

— Сучий мошенник! Ты что, не видишь, что я белый и один? Спускайся вниз, не то я разнесу твою дверь в щепы!

Вскоре Конан уже скакал на гнедом жеребце к дому Арама Бакша.

Он свернул с дороги на аллею, что тянулась от двора таверны к саду финиковых пальм, но не стал задерживаться у ворот. Он проехал дальше к северо-восточному углу ограды, затем завернул и поскакал вдоль северной стены. В нескольких шагах от северо-западного угла он остановился. Здесь деревья отступили от стены, но зато росло несколько низких кустов. К одному из них он привязал своего коня и собрался вновь влезть на него, когда услышал невнятный говор за углом.

Вынув ногу из стремени, он подкрался к углу и заглянул за него. Трое мужчин двигались по дороге по направлению к пальмовой роще. По шаркающей

походке он признал негров. Они остановились на его тихий зов и стояли, сбившись в кучу, пока он шагал по направлению к ним с мечом в руках. Их белки поблескивали в свете звезд, звериное вожделение проступало на эбонитовых лицах, но они знали так же хорошо, как он, что их три дубины не стоили одного его меча.

— Куда вы идете? — вызывающе спросил он.

— Сказать нашим братьям, чтобы они тушили огонь в яме за рощей, — последовал мрачный гор-танный ответ. — Арам Бакш обещал нам человека, но соврал. Мы нашли только одного из наших братьев мертвым в комнате-ловушке. Нам придется голодать в эту ночь.

— Я думаю, что нет, — улыбнулся Конан. — Арам Бакш даст вам человека. Видите эту дверь? — Он указал на маленькую обитую железом дверцу в середине западной стены. — Подождите здесь. Арам Бакш выдаст вам человека.

Осторожно пятясь, он отступил до места, где его уже не мог настигнуть внезапный удар дубины, повернулся и исчез за северо-западным углом ограды. Добравшись до своей лошади, он выждал, чтобы убедиться, что черные не преследуют его, затем вскочил в седло и встал на него ногами, успокаивая тихими словами беспокойного жеребца. Ему пришлось вытянуться изо всех сил, чтобы ухватиться руками за гребень стены. Подтянуться и перемахнуть ее было делом секунды. Распрямившись, он быстро осмотрелся. Таверна была построена в юго-западном углу огороженного участка, остальное место было занято рощей и садом. Вокруг никого не было. Дом стоял темный и молчаливый, а окна и двери, как он знал, были укреплены решетками и засовами.

Конан помнил, что Арам Бакш спит в комнате, которая выходит на окаймленную кипарисами дорожку, ведущую к двери в западной стене. Он проскользнул между деревьев как тень и спустя несколько минут осторожно постучал в дверь комнаты.

— Что случилось? — спросил изнутри недовольный сонный голос.

— Арам Бакш! — свистящим шепотом позвал Конан. — Черные лезут через стену!

В двери, открывшейся почти мгновенно, стоял трактирщик, в одной рубаше, но с кинжалом.

Он вытянул шею, чтобы заглянуть в лицо киммерийца.

— Что за чертовщина — ты!

Мстительные пальцы Конана сдавили его горло так, что он захлебнулся своим криком. Они покатились по полу, и Конан вырвал у своего врага кинжал.

Лезвие сверкнуло в свете звезд, и брызнула кровь. Арам Бакш стал издавать отвратительные звуки, задыхаясь, ловя воздух ртом, давясь и булькая кровью. Конан поставил его на ноги, и снова блеснул кинжал. На этот раз большая часть курчавой бороды упала на пол.

Все еще сжимая горло своего пленника — так как тот мог бессвязно закричать, несмотря на разрезанный язык, — Конан потащил его из темной комнаты и дальше по обсаженной кипарисами дорожке к обитой железом двери во внешней стене. Одной рукой он поднял засов и толкнул дверь. Она открылась, и за ней замаячили три размытые фигуры, которые, подобно черным грифам, ожидали снаружи. В их жадные руки Конан и швырнул хозяина гостиницы.

Ужасный, прерываемый бульканьем крик рвался из горла замбулийца, но никто не отозвался из молчаливой таверны. Люди внутри давно привыкли к воплям за стеной. Арам Бакш сопротивлялся, как дикарь, его выкатившиеся глаза были обращены к киммерийцу. Но жалости он не нашел. Конан думал о множестве несчастных, которые благодаря жадности этого человека приняли страшную смерть.

Негры в ликовании потащили свою жертву по дорожке, передразнивая его неистовые невнятные крики. Как они могли узнать Арама Бакша в этом полуобнаженном, залитом кровью существе с нелепо острой бородой и нечленораздельной речью. Звуки

борьбы доносились до Конана, стоящего у калитки, даже когда тесно сбитая группа исчезла среди пальм.

Закрыв за собой дверь, Конан вернулся к лошади, вскочил в седло и поскакал на запад в открытую пустыню, объезжая как можно дальше зловещую пальмовую рощу. На скаку он вытащил из-за пояса кольцо, в котором мерцал и переливался, подобно еще одной звезде, огромный драгоценный камень. Он поднял его вверх, любуясь и поворачивая так и этак. Сумка, туго набитая золотыми, приятно позвякивала на седельной луке, как обещание всевозможных грядущих благ.

«Интересно, как бы она повела себя, скажи я ей, что узнал в ней Нефертари, а в нем Джангир Хана сразу же, как увидел их, — размышлял он. — И Звезду Хорала я тоже признал. Хорошенькая будет сцена, если она когда-нибудь догадается, что это я снял кольцо с пальца Хана, когда связывал его. Но они никогда не поймают меня — я вовремя удрал».

Он оглянулся назад на затененную пальмовую рощу. Среди деревьев мерцали красные отблески. Ночь огласилась многоголосым торжествующим пением, в котором слышалось свирепое первобытное ликование. К дикому хору примешивались и другие звуки. Это были безумный оглушительный визг и нечленораздельные вопли, в которых нельзя было различить ни единого слова. Еще долго этот шум преследовал Конана, пока он скакал на запад под бледнеющими звездами.

Пролог

Целых два месяца после битвы у города Танасул — битвы, где были разгромлены вторгшиеся в Аквилонию немедийцы и их союзник, чародей Ксальтотун, — Конан трудился без сна и без отдыха, приводя в порядок свое королевство, залечивая раны, нанесенные стране захватчиками, а также принимая от Немедии оговоренное возмещение убытков.

Потом Конан засобирався в Немедию сам. Ему предстояло вернуть на родину плененного короля Тараска и забрать к себе в Аквилонию девушку по имени Зенобия — ту самую, что спасла ему жизнь, когда он был брошен в дворцовые подземелья Бельверуса, немедийской столицы. Перед тем как ехать за нею, Конан тактично распустил свой гарем. По отношению к женщинам он всегда вел себя благородно: прощаясь с прекрасными наложницами, он первым долгом каждой подыскал мужа или иного защитника и опекуна.

Поездка в Бельверус и обратно превратилась в триумфальное шествие, не омраченное ни единой случайностью. Вернувшись в Тарантию, Конан отпраздновал свою свадьбу с Зенобией со всем блеском и пышностью, на которую только было способно богатое древнее королевство.

Последующие несколько месяцев пролетели для Конана незаметно — так поглотили его государственные дела и обретенное наконец семейное счастье. Хорошо зная Конана, оставалось лишь удивляться: сорокашестилетний король сделался однолюбом и даже кое в чем слушался жену. Впрочем, своенравный киммериец всегда был непредсказуем.

Однако потом произошло непредвиденное...

«...Знай же, о принц: варвар Конан наконец достиг высшей славы и власти, сделавшись королем Аквилонии — сверкающей жемчужины зеленого Запада, с ее доблестной знатью, стойкими воинами, от-важными стражами границ и прекрасными женщинами. Но темные, жуткие силы по-прежнему усердно трудились, пытаясь поколебать трон Конана и сокрушить его будущее. Ибо в ту самую ночь, когда вся Тарантия весело пировала, празднуя мирную годовщину победы над Валерием, Амальриком, Тараском и волшебником Ксальтотуном — в ту самую ночь кошмарная крылатая тварь схватила Зенобию, молодую жену короля, и унесла ее далеко на восток. Без промедления отправился Конан на поиски похищенной подруги. Он поехал один, полагая, что путешествовать одному, и притом инкогнито, сподручнее, нежели во главе войска...»

Немедийская хроника

...Густая тьма царила меж каменных стен. Тонкие длинные свечи, горевшие в железных скобах, тщетно силились ее разогнать. Посреди зловещего покоя стоял ничем не украшенный стол, а за ним сидел некто в широкой мантии с капюшоном — некто едва различимый в окружающей мгле. Он был не один, но того, с кем он, казалось, молча беседовал, взгляд различал еще с большим трудом — просто неясная тень, скорчившаяся в темном углу...

А потом по комнате пронесся вихрь, словно бы поднятый взмахом огромных крыл. Заметалось пламя свечей — и сидевший за столом остался в одиночестве...

1

КРЫЛЬЯ В НОЧИ

Неприступные стены королевского дворца в Тарантии чеканным силуэтом выделялись на темнеющем небе. По бастионам взад и вперед прохаживались часовые — каждый с мечом у бедра и с алебардой, вскинутой на плечо. Впрочем, сегодня никто особо не нуждался в их бдительности. Подъемный мост был опущен, а решетки ворот — подняты. Во дворец съезжались гости — нарядные рыцари и дворяне со своими дамами.

Острый глаз тотчас выделил бы Просперо — полководца короля Конана и его правую руку. Просперо шел неторопливой походкой, разодетый в малиновый бархат с золотыми леопардами Пойтайнии, вышитыми на груди. На ногах его красовались высокие сапоги из великолепной кожи, выделанной в Кордаве. Был там и Паллиантид, командир Черных Драконов, не успевший снять легкой кольчуги. Вот показался Троцero, наследный граф Пойтайнии, прямой и страстный по-юному, несмотря на серебряную седину в волосах. Пришли графы Манары и Кутена, бароны Лора и Имируса и еще многие, и каждый вел под руку красавицу в шелках и атласе, а слуги едва поспевали убирать прочь носилки и золоченые колесницы, доставившие вельмож.

В Аквилонии царил мир. Вот уже более года прошло с той поры, как немедийский король, оживив ахеронско-

го чародея Ксальтотуна, попытался отнять у Конана его королевство и корону, которую за несколько лет перед тем киммериец сорвал с окровавленной головы тирана Нумедида, павшего от его руки прямо на троне.

Тогда, год назад, немедийцы потерпели полное поражение. С них взыскали немалый выкуп, заставив возместить причиненный Аквилонии ущерб, а иссохшая мумия Ксальтотуна унеслась на таинственной колеснице обратно в неведомое логово мрака. Власть короля Конана крепла день ото дня, ибо правил он мудро и справедливо, и народ отвечал ему преданностью и любовью. Единственным источником беспокойства были непрекращающиеся набеги пиктов на западной границе. Однако пиктов сдерживали закаленные войска, стоявшие на Громовой реке.

Сегодня Тарантия праздновала и веселилась. Сотни факелов, укрепленных рядами, озаряли дворцовые ворота. Многоцветные туранские ковры укрыли грубые каменные плиты двора. Нарядные слуги опрометью носились туда-сюда, направляемые и подгоняемые окликающими дворецких. Король Конан давал бал в честь своей супруги Зенобии, некогда рабыни из серала короля Немедии. Когда плененный Конан был брошен в подземные темницы Бельверуса, она помогла ему бежать — и за то удостоилась величайшей чести, которая только могла достаться женщине в западных странах: Конан сделал ее королевой Аквилонии, самой могущественной державы западнее Турана.

От взоров гостей не укрылось пылкое чувство, связывавшее венценосных супругов. Выражение лиц, жесты, взгляды — все было достаточно красноречиво. Казалось даже, Конан вот-вот отбросит лицемерную сдержанность, предписываемую цивилизацией, и, подчинившись зову своей варварской крови, могучими руками прижмет к сердцу милую королеву. Но нет — он стоял на расстоянии вытянутой руки от нее, отвечая на поклоны и реверансы гостей. Делал он это с изяществом, которое каза-

лось врожденным, но которое он на самом деле усвоил совсем недавно.

Время от времени король поглядывал на дальнюю стену: туда, где было развешено множество замечательного оружия — мечей, копий, боевых топоров, палиц и дротиков. Король рад был видеть своих подданных, занятых мирным трудом, но варвар в нем тосковал по льющейся крови, по хрусту вражеских лат и костей под ударом меча. Сегодня, конечно, подобные мысли были совсем ни к чему. Конан отвел глаза от оружия и любезно кивнул прелестной графине, склонившейся перед ним.

Множество прекрасных женщин съехалось в ту ночь во дворец. Любой ценитель поневоле призадумался бы, доведись ему избирать красивейшую, — во всяком случае, среди приглашенных. Ибо с молодой королевой не мог сравниться никто. Облегающее, с глубоким вырезом платье подчеркивало совершенство ее тела; серебряный обруч едва удерживал массу роскошных, волнистых черных волос. Но всего более красили королеву врожденное благородство и доброта, которыми лучилось ее лицо, — качества, столь редкие в те времена.

Но если мужчины единодушно считали, что королю повезло, то и у женщин было не меньше причин завидовать королеве Зенобии. Одетый в простую черную рубаху, черные штаны и мягкие черные сапоги, Конан невольно приковывал к себе взгляд. Золотой лев Аквилонии сверкал на его груди. Кроме льва, единственным украшением был тонкий золотой обруч, поблескивавший в его черной гриве, подстриженной чуть выше бровей. И довольно было один раз взглянуть на могучий разворот его мускулистых плеч, на узкие бедра и наделенные тигриной силой ноги, чтобы понять — этот человек родился не для цивилизованной жизни.

Однако самой поразительной чертой Конана были его глаза, горевшие голубым огнем на темном, покрытом шрамами лице. Непостижимые глаза, чью загадочную глубину никто не пытался измерить. Эти

глаза видели такое, что и присниться не могло веселым гостям; им случалось смотреть на поля битв, усеянные изуродованными телами, на палубы кораблей, залитые потоками крови, на дикарские казни и тайные обряды у алтарей чудовищных божеств. А руки короля в свое время сжимали и меч западных стран, и кривую зуагирскую саблю, и жайбарский нож, и туранский ятаган, и топор жителей леса — и с неизменным искусством и разрушительной мощью обрушивали это оружие равно на людей всех мыслимых рас и на нечеловеческие существа — темные порождения неназываемых царств. Да, поистине тонок был налет цивилизованности, укрывавший эту душу варвара!

И вот бал начался. Король Конан самолично открыл его, уверенно ведя свою королеву сквозь лабиринт сложных па аквилонского менуэта. Правду сказать, танцором Конан был очень неопытным, но первобытное чувство ритма помогло ему легко схватить мелодию и весьма преуспеть после считанных уроков, торопливо преподанных ему на той неделе взмокшим от усердия придворным церемониймейстером... Толпа нарядных гостей по очереди последовала примеру царственной четы. Вскоре разноцветные пары весело закружились по всему залу с его мозаичным полом, искрившимся в теплом сиянии множества свечей.

И никто не заметил легкого сквозняка, от которого чуть встрепенулось пламя на фитильках в одном-единственном канделябре. Никто не заметил светящихся глаз, окинувших танцующую толпу жадным и злобным взором из темной ниши окна. Между тем этот взгляд остановился на тоненькой фигурке в серебряном платье, которую король бережно держал в кольце своих рук. Еле слышный злорадный смешок раздался во тьме, и глаза исчезли. Тихо-тихо сомкнулись створки окна.

Но вот в конце зала пропел огромный бронзовый гонг, знаменуя перерыв в танцах. Разгоряченные гости

потянулись к столам освежиться туранским шербетом и вином, выдержанным во льду.

— Я совсем запыхалась, Конан, — пожаловалась королева. — Пойду, вздохну свежим воздухом!

И направилась к дверям, настежь распахнутым на широкий балкон. Король двинулся было следом, но тотчас попал в окружение дам и вынужден был задержаться. Пользуясь случаем, прекрасные гости засыпали Конана вопросами о его прежней жизни:

— Правду ли говорят, ваше величество, будто вы некогда были вождем диких орд в сказочном Гулистане, что в Химелийских горах?

— А верно ли, что это вы дерзким ударом спасли королевство Хауран от шемитских грабителей наемника Констанция?

— Государь, вы в самом деле были пиратом?

Вопросы так и сыпались. Конан отвечал уклончиво и кратко. Недреманный инстинкт варвара смутно предостерегал его, подталкивая вслед за Зенобией на балкон. Ему следовало защищать ее — хотя, если подумать, какая опасность могла угрожать его возлюбленной супруге здесь, в его столице, в его собственном замке, в окружении друзей и сотен верных солдат?

И все же он чувствовал беспокойство. Некое смущение в крови, говорившее о близкой опасности и неминуемом роке. Он решил довериться этому животному инстинкту и стал пробираться к балконным дверям, невзирая на молебь и упреки прекрасных слушательниц.

Проталкиваясь вперед (чуть более бесцеремонно, нежели пристало монарху), Конан разглядел наконец серебряную фигурку Зенобии. Она стояла к нему спиной, легкий, прохладный ветерок шевелил ее волосы. Король вздохнул с облегчением. Похоже, на сей раз обостренный нюх на опасность сыграл с ним шутку. Тем не менее, он продолжал идти вперед, к ней.

И вдруг тонкий силуэт королевы исчез, окутанный мраком. Зловещая черная пелена распростерлась над головами гостей; накрашенные женские губки и мужские

бородатые рты с равным ужасом зашептали тайные, оберегающие слова. Ледяное дыхание Судьбы коснулось собравшихся. Земля под ногами содрогнулась от громового раската. Отчаянно вскрикнула королева...

В воцарившейся тьме Конан пантерой метнулся к балконной двери, расшвыривая с дороги знатных гостей и уставленные яствами столы. Снова послышался крик: он удалялся, как будто неведомая сила несла Зенобию прочь. Король добрался до балкона и обнаружил, что там было пусто...

Конан окинул взглядом неприступные стены дворца. Никого и ничего! Тогда он поднял голову вверх... и вот, высоко-высоко в лунном свете мелькнула жуткая тень, кошмарное крылатое существо, отдаленно похожее на человека. Оно держало в когтях серебристую звездочку — его жену и подругу. Несколько взмахов могучих перепончатых крыл, и тварь превратилась в точку у восточного горизонта...

Какое-то мгновение Конан стоял неподвижно, точно статуя из вороненой стали. Жили только глаза, и в них билась ледяная ярость и безысходное отчаяние. И когда он вновь повернулся к гостям, они отшатнулись так, словно он был тем самым чудовищем, что умчало прочь его королеву. Он молча пошел напрямик через зал к выходу. Он налетал на столы и стулья и опрокидывал их, сам не замечая того. Люди перед ним расступались.

У самого выхода он задержался подле увешанной оружием стены и сорвал с нее простой, тяжелый прямой меч, славно послуживший ему во множестве битв. Поднял вверх блестящий клинок и хрипло промолвил:

— Отныне я вам не король! Отныне — и до того часа, пока не вернусь и не привезу назад свою украденную королеву! Какой из меня правитель, если я не способен отстоять собственную жену? Но клянусь Кромом — я разыщу этого похитителя, и он не уйдет от моей мести, хотя бы его с оружием в руках защищали все армии мира!

И, набрав воздуха в грудь, король издал грозный и страшный клич, эхом раскатившийся под сводами зала. Все содрогнулось: казалось, это был заунывный и мрачный крик гибнущих душ. Многие в толпе притихших гостей побледнели, охваченные суеверным ужасом...

Король вышел из зала.

Просперо вышел следом за Конаном. Троцero на миг задержался, обводя взглядом зал, и тоже исчез.

Дрожавшая поитайнийская графиня первая набралась смелости произнести вслух вопрос, которым про себя задавались многие вокруг:

— Скажите же, хоть кто-нибудь, что за ужасный клич здесь прозвучал? У меня так прямо кровь в жилах застыла! Мне казалось, черный рок готов был свершиться над моей головой! Поистине, так кричат мстящие души, что возвращаются из Темной Страны и несутся над бесплодными пустошами в поисках жертв...

И седовласый граф Роман, ветеран пограничных войск, ответил:

— Вы почти угадали, любезная госпожа. Это был боевой клич киммерийских племен. Но он звучит лишь тогда, когда воины бросаются в битву, не заботясь о сохранении жизни и помышляя только об одном — убить врага... — Он помолчал и добавил: — Я всего один раз слышал его прежде. Это было во время кровавого штурма Венариума, когда, невзирая на ливень наших стрел, черноволосые варвары кинулись на стены и зарубили всех... всех...

Мертвая тишина сопровождала эти слова.

— Нет, Просперо! Я сказал: нет! — Тяжелый кулак Конана с грохотом обрушился на стол. — Я поеду один. Отправить вооруженные легионы за пределы страны — значит наверняка разжечь алчность какого-нибудь затаившегося врага. Думаешь, Тараск позабыл трепку, которую мы ему задали? Да и Коф с Офиром, как всегда, ненадежны. Вот почему я поеду не как Конан, король

Аквилонии, окруженный блестящей свитой рыцарей и солдат. Я буду просто Конаном-киммерийцем, обычным искателем приключений.

— Но, Конан, — сказал Просперо с дружеской простотой, что давно уже установилась между ним и королем, — мы не можем позволить тебе рисковать жизнью в подобном предприятии. Как бы не вышло так, что ты... не доберешься до цели. Если же за твоей спиной будут поймают рыцари — никто не посмеет встать у тебя на пути. Позволь нам сопровождать тебя!

Угрюмые глаза Конана благодарно потеплели, но он отрицательно мотнул головой:

— Нет, дружище. Похоже, мне суждено одному позволять мою королеву, и даже от верных рыцарей толку будет немного. Вот что: возглавь-ка в мое отсутствие армию, а Троцero пусть правит страной. И если я не вернусь через два года — выбирайте себе нового короля!

Он снял с головы тонкий золотой ободок и положил его на дубовый стол. И некоторое время молча стоял, сдвинув брови в тяжком раздумьи.

Троцero и Просперо не пытались нарушить молчание. Они давно привыкли к тому, что мысль Конана подчас летела странными путями. Разум варвара, не испорченный цивилизованной жизнью, порой устремлялся в глубины, неведомые обыкновенному рассудку. Да, перед ними стоял не просто король, чью подругу вырвали из его объятий темные, зловеющие силы. Конан не тратился на крик и пустые угрозы, но в потаенной глубине его сердца ждала своего часа ужасная месть...

Наконец он расправил широкие плечи и заговорил:

— Коня, Просперо! Коня и обмундирование простого наемника! Я отправлюсь немедленно.

— Куда хоть? — спросил полководец.

— К чародею Пелиасу из Кофа. Он теперь живет в Хорайе, в городе Ханарии. Я не очень-то жалую колдунов и предпочитаю обходиться без их помощи, но, чувствую, придется-таки с ним посоветоваться. Сдается мне, в ны-

нешнем происшествии замешана черная магия. Летучая тварь, утачившая Зенобию, не была похожа ни на одну из земных птиц!

...Они и не подозревали, что все это время за тяжелой дубовой дверью, плотно приложив к ней ухо, стоял некий человек. При этих словах по его лицу зазмеялась улыбка. Торопливо оглядевшись, он скрылся за плотной занавесью в одной из ниш в стене коридора. Он слышал, как растворилась дверь. Конан и его друзья прошли мимо, их шаги постепенно стихли на лестнице.

Шпион терпеливо дождался, пока вновь не станет совсем тихо. Лишь тогда, оглядываясь налево и направо, он выбрался из своего тайника. Костюм дворцового слуги помог ему пересечь двор под равнодушными взглядами стражей. Вот он скрылся в помещении для слуг и вновь вышел наружу, кутаясь от ночного холода в толстый шерстяной плащ. Он назвал привратнику пароль, и ему было позволено выйти. Путь его лежал в западную часть города.

Никто не следил за ним. В боковых улочках и переулках было темно, как в дымоходе. Луна, подернутая облаками, едва рассеивала крошечную темень. Стражники в остроконечных шлемах и с алебардами на плечах прохаживались парами, переговариваясь вполголоса. Блудницы высывались из окошек, призывно окликая одинокого пешехода. Иные были красивы и старались подчеркнуть свою красоту откровенными вырезами и прозрачными шелками нарядов. У других были изможденные, усталые лица, густо покрытые пудрой и гирканскими румянами. Путник спешил мимо, не обращая на них внимания и не сворачивая со своего пути.

Наконец он подошел к богатому дому, стоявшему посреди сада, похожего больше на парк. Высокая стена окружала его; в одном месте зияла дверная ниша. Человек четырежды постучал. Дверь отворил темнокожий плечистый стигиец в белых одеждах. Они шепнули друг другу несколько слов, после чего тот, что был одет двор-

цовым слугой, торопливо пошел по дорожке к дому, окна которого были темны — все, кроме одного.

Этот дом принадлежал явно не уроженцу Аквилонии. Стены были украшены пышными коврами и многочисленными картинами, но все это убранство не имело ничего общего с западной цивилизацией. Картины изображали в основном высокие купола мраморных храмов, белые зиккураты и людей в тюрбанах, вооруженных кривыми клинками и одетых в просторные одеяния из атласа и шелка, затканые золотом и серебром. Овальные столики с инкрустацией, диваны, затянутые алыми и зелеными шелками, золотые вазы, полные заморских цветов, — все вместе безошибочно говорило об экзотическом и роскошном Востоке.

На одном из диванов возлежал крупный багроволицый мужчина, потягивавший вино из отделанного драгоценными камнями кубка. Он небрежно кивнул в ответ на «салам» дворцового слуги.

— Что привело тебя сюда, Маринус? — Голос прозвучал томно, и вместе с тем в нем слышались резкие нотки. — Или ты был недостаточно занят, исполняя мое задание на королевском балу? Ведь он должен был длиться до самого утра, если, конечно, Конан не надумал внезапно отменить все... что ж, от варвара вполне можно этого ожидать... Так что же случилось?

И вновь отхлебнул вина, впиваясь в Маринуса пристальным взглядом.

— Повелитель мой Гандар Чен! — отвечал тот. — Аквилонскую королеву утащило немыслимое чудовище, которое схватило ее и взмыло с нею в небеса! Король принял решение нынче же ночью ехать на поиски, и притом в одиночку. Конечно, первым долгом он желает вызнать хоть что-то о том, откуда прилетел похититель. Он вознамерился посетить с этой целью кофийского волшебника — Пелиаса из Ханарии.

— Клянусь Эрликом! Вот это новости! — Гандар Чен вскочил на ноги, глаза его загорелись. — Пятеро моих отравителей кормят стервятников на виселицах Холма

Казней, ибо проклятые Черные Драконы действительно неподкупны. Но теперь — теперь Конан будет один! Один в чужих странах!

Он хлопнул в ладоши. Бесшумно появился стигиец и замер, ожидая приказа, смуглое лицо его было непроницаемо и бесстрастно. Гандар Чен сказал:

— Конан, король Аквилонии, отправляется в далекое путешествие. Он едет один, одетый обыкновенным наемником. Первым долгом он держит путь в город Ханарию, что в Хорайе, думая обратиться за помощью к колдуну Пелиасу. Скажи же к Бараккусу, что стоит лагерь на реке Йивге. Вели ему взять верных людей — столько, сколько понадобится, — и убить Конана в Ханарии. Киммериец не должен добраться до Пелиаса! Если этот некромант, да будет он проклят вовеки, возьмется ему помогать... как бы он не стер с лица земли всех наших людей простым взмахом руки!..

В мрачных глазах стигийца вспыхнул огонь, обычно неподвижные черты исказились в жуткой ухмылке.

— О, я хорошо знаю Конана!.. — пробормотал он злое слово. — С тех самых пор, как у границ Хорайи он смешал с пылью войско принца Кутамуна. Я был одним из немногих, кто спасся тогда, но потом меня схватили работоторговцы Кофа и продали — меня, благороднорожденного, привычного к войне и охоте! Я долго вынашивал эту месть!.. О боги, сделайте так, чтобы мне довелось самому убить киммерийца!.. — Его рука легла на рукоять длинного кинжала. — Я еду тотчас же, повелитель!

Он низко поклонился и вышел.

Гандар Чен уселся за богато инкрустированный столик розового дерева. Вынул из ящичка золотое перо и пергамент и принялся писать:

«Королю Ездигеру, властелину Турана и всей Восточной Империи. Гандар Чен, твой верный слуга, рад приветствовать тебя, о король. Конан-киммериец, казак и пират, в одиночестве отправился в Ханарию. Я распорядился убить его там. Как только это будет исполнено, я немедленно пришлю тебе его голову. Если же некое чудо

все-таки сохранит ему жизнь, дальнейший его путь, вероятно, проляжет непосредственно через туранские земли. Писано в Год Коня, в третий день Золотого Месяца...»

Присыпав чернила песком, туранец поднялся и вручил пергамент Маринусу, успевшему развалиться в кресле поодаль.

— Выезжай немедленно, — отрывисто приказал Гандар Чен. — Скачи на восток. Мои слуги дадут тебе оружие и коня. Доставишь это письмо в Аграпур и отдашь лично королю Ездигеру. Немалая награда ждет нас обоих. Спеш!

Когда за Маринусом закрылась дверь, Гандар Чен опустился на диван и вновь потянулся к кубку с вином. Довольная улыбка блуждала по его лицу...

2

КОЛЬЦО РАХАМОНА

И спелеляющее послеполуденное солнце хлестало пустыню огненными бичами. Далекие пальмовые рощи дрожали и плыли в раскаленной мгле. Стаи стервятников казались гроздьями спелых черных плодов в зелени крон. Бесконечные пространства желтых песков простирались, сколько хватал глаз. Иссушенные плоские равнины сменялись волнами дюн...

Одиноким всадник остановил коня в тени пальм, окружавших оазис. На нем был снежно-белый халат жителя пустыни, но черты лица явственно говорили о том, что этот человек принадлежал не Востоку. Он внимательно глядел вдаль из-под руки, приставив к глазам широкую, сильную, бугристую от шрамов ладонь. Кожа всадника казалась почти бурой, но это была не природная смуглость зуагира: лицо его отливало красноватой бронзой пропеченного солнцем выходца с Запада. Глаза же горели неукротимым голубым огнем — глубокие, загадочные глаза. В распахнувшемся рукаве поблескивал металл: просторное одеяние странника скрывало кольчугу.

А на боку висел длинный прямой меч в простых кожаных ножнах.

Конан ехал быстро и проделал уже немалый путь. Ничто не могло удержать его. Он загнал четырех лошадей, пока добрался до Кофа. Достигнув наконец границы пустынь, занимавших восточную оконечность этого королевства, он дал себе короткую передышку в нищей захолустной деревушке, покупая халат и съестные припасы в дорогу. До сих пор никто не вставал у него на пути. Лишь нечесанные головы высовывались из дверей, изумленно провожая взглядами стремительного всадника, а вооруженные стражники задумчиво почесывали в бородах, размышляя, куда бы это мог торопиться одиноким наемник...

Немногие в королевстве Коф сумели бы опознать Конана, короля Аквилонии: аквилонцы и жители Кофа враждовали друг с другом и, как следствие, довольно редко общались.

Зоркие глаза Конана обшаривали горизонт. Жаркий воздух волнами наплывал из пустыни, но все-таки он разглядел вдалеке неясные очертания высоких куполов и зубчатых стен. Похоже, это и была Ханария — город в королевстве Хорайя. В этом городе он разыщет чародея Пелиаса и попросит его помочь найти свою похищенную королеву. У него были веские причины надеяться, что Пелиас ему не откажет. Пять лет назад, когда волшебник томился в подземельях Алой цитадели, в плену у своего врага Тзота-ланти, Конан повстречал его там и выручил из беды.

Конан коснулся шпорами боков вороного жеребца, посылая его вперед, к далеким башням.

— Кром! — пробормотал он. — Надеюсь, Пелиас нынче в здравом рассудке! Чего доброго, насосался вина и валяется на своем золотом диване, наплевав на весь белый свет. Но даже если так — клянусь Бадб, уж я его разыщу!

Пестрая толпа кружилась и перетекала по узким улочкам Ханарии и по мощеной рыночной площади. Кого там только не было! Зуагиры с северо-востока,

из разбросанных по пустыне крохотных деревушек; развязные наемники с жадными глазами, не снимающие руки с рукояти меча; крикливые лотошники, нахваливающие свой товар; блудницы с накрашенными лицами, в пестрых юбчонках... цветистое, живописное зрелище!

Время от времени толпу раздвигали в стороны вооруженные слуги какого-нибудь богатого вельможи, восседающего в благоухающем паланкине, водруженном на лоснящиеся черные плечи мускулистых кушитских рабов. А то отряд стражников выезжал из казарм — цокали копыта скакунов, лязгала сбруя, развевались конские хвосты плюмажей...

Дородный Крассид, капитан стражи Западных ворот, гладил седеющую бороду и знай ворчал про себя. В город нередко заглядывали чужестранцы, но таких необычных, как те, что явились сегодня, он, кажется, еще не видал. Вскоре после полудня в туче песчаной пыли из пустыни нагрянул отряд в семь человек. Предводитель был худощавым малым, чем-то смахивавшим на хищного зверя; под редкими усами виднелись плотно сжатые тонкие губы. Он был вооружен на манер рыцарей Запада, но кираса и шлем были гладкими, без герба. Бок о бок с ним ехал на черном коне здоровенный стигиец в просторном халате. Единственным видимым оружием его был тяжелый боевой лук.

Остальные пятеро были отменно вооружены: каждый вез у пояса меч и кинжал, в руках покачивались длинные пики. На вид — дерзкие негодяи, с одинаковой легкостью способные прижать в углу девушку или перерезать кому-нибудь глотку.

Ханарийская городская стража предпочитала не задерживать чужестранцев без веских на то причин. Восток и Запад встречались и смешивались здесь, торгуя и обмениваясь сплетнями. И тем не менее, Крассид напряженно следил взглядом за этой семеркой, удалявшейся по направлению к северному кварталу, пока они

не скрылись среди дымных таверн и не стих лай уличных дворняжек, мчавшихся следом.

Остаток дня прошел спокойно, но под вечер поток странноватых чужеземцев, казалось, возобновился. С последними лучами солнца у ворот, уже запертых на ночь, остановил коня рослый всадник в бурнуса и потребовал, чтобы его впустили.

Крассид, вызванный к воротам одним из дежурных стражников, явился как раз вовремя, чтобы услышать, как второй стражник кричал вниз:

— Чего тебе здесь надо, бродяга? Мы не пускаем после заката никаких чужаков, которые, того гляди, примутся резать нам глотки и обижать наших женщин! Назови-ка свое имя и скажи, куда едешь, пока не оказался в цепях!

Незнакомец смерил стражника ледяным взглядом голубых глаз, сверкнувших из-под головного платка жителя пустыни.

— Вот что, дружище, — проговорил он с варварским акцентом. — Мне случалось убивать людей и за меньшие оскорбления. А ну живо отопри ворота — не то, клянусь Кромом, я вернусь с войском и разграблю к дьяволам весь этот свиарник!

— Ну, ну, потише, — вмешался Крассид и отпихнул стражника в сторону. — Пошел вон отсюда, недоносек: я еще поучу тебя, как разговаривать с чужестранцами... — И обратился к всаднику: — Послушай, господин! Ты сам понимаешь, нам в Ханарии вовсе ни к чему забияки. Час уже поздний; если хочешь, чтобы я отпер ворота, будь добр назваться и объяснить, по какому ты делу.

— Зови меня Арусом, — буркнул приезжий. — Я хочу повидаться с волшебником Пелиасом.

— Впустите его, — велел Крассид. Заскрипели тяжелые засовы, двое стражников что было сил налегли на бронзовые рукояти, и одна из створок ворот медленно отошла. Приезжий пустил коня легким галопом и удалился опять-таки в сторону северного квартала,

даже взглядом не удостоив привратников. Когда цокот копыт его жеребца постепенно затих, молодой стражник обратился к своему капитану, с трудом сдерживая обиду и гнев:

— С какой стати впускать в город всякого наглеца, ведущего себя так, будто это он здесь правит! По мне — всадить бы ему стрелу между ребрами, и добро!

Крассид спрятал в бороде улыбку:

— Быть может, годы добавляют тебе разума, сынок... хотя лично я не особенно на это надеюсь. Неужели ты не слышал о том, как много лет назад военный предводитель одного из городов-государств Шема велел схватить и бросить в тюрьму какого-то северного варвара вроде того, что нынче пожаловал к нам? Так вот, тот малый сбежал, сколотил банду из беззаконных бродяг-зуагиров и вернулся назад, чтобы отомстить. Дикари штурмом взяли город, рубя налево и направо, с важных пленников живьем содрали на городской площади кожу, а затем сожгли все — кроме столба, на котором торчала голова того неразумного предводителя. Я думаю, наш друг сделан из такого же теста... Видишь ли, пока он один, он не доставит нам особых хлопот. А если он замышляет дурное — Пелиас живо разгадает его козни и примет меры, какие надлежит. Ну, дошло наконец?..

Конан хорошо знал, где жил чародей: в башне из золотистого камня у северной оконечности города. И он направил своего коня прямо туда, намереваясь перво-наперво свидеться с Пелиасом, а уж потом позаботиться об ужине и ночлеге. Каковы будут еда и ночлег, его заботило всего менее. Годы цивилизованной жизни не изменили его вкусов и не изнежили тела. Краюха хлеба, кусок мяса да кружка пенистого эля — вот все, что ему требовалось. А постель — если ничего лучшего не подвернется, он отлично выспится и на полу таверны...

Покои Пелиаса славились роскошью, но Конан не имел ни малейшего намерения оставаться у него на

ночь. Больно уж много темных и безымянных созданий слонялось в темноте по дому волшебника...

Спереди вдруг послышалась приглушенная ругань, потом жалобный крик. По правую руку с треском растворилась дверь, и на улицу опрометью выскочила девушка. Споткнулась и растянулась в пыли.

Конан натянул поводья. Девчонка была сложена не хуже гурий, что населяют рай приверженцев Эрлика. Конан мигом оценил ее красоту, поскольку простое платье девушки было изорвано в клочья и мало что прикрывало. Вот она отбросила с лица спутанные пряди иссиня-черных волос и с ужасом оглянулась на захлопнувшуюся дверь. Потом огромные глаза обратились на Конана, неподвижно сидевшего на коне. Испуганным жестом девушка прижала ладони ко рту...

— Что стряслось, малышка? — грубовато спросил киммериец, наклоняясь с седла. — Никак любовник поколотил?

Гибким движением девушка поднялась на ноги.

— Там... два пьяных солдата... хотели меня... обесчестить... Я пришла купить вина для отца, а они и деньги у меня отняли...

— Так, — сказал Конан, соскакивая с седла, и его глаза угрюмо сверкнули. У варвара были свои понятия о чести. В частности, он не выносил мужчин, способных применить к женщине силу. — Вот что, девочка, — продолжал он. — Я думаю, не помешало бы разок-другой дернуть их за бороды. Иди вперед, откроешь мне дверь. Там никого больше нет, кроме них?

Она кивнула, подарив ему взгляд, полный ужаса и надежды, и пошла с ним обратно к таверне. Чуть помедлила в нерешительности — и распахнула дверь. Два широких шага — и Конан оказался внутри. И услышал, как щелкнул дверной замок у него за спиной.

А перед ним... ничего похожего на то, что он ожидал. Никаких пьяных солдат, которых он легко вразумил бы одним кулаком. Прижавшись к стенам, перед ним стояло семеро вооруженных людей, и в руках у них поблески-

вали наготове мечи и кинжалы. Не теряя даром ни мгновения, они кинулись к Конану. В их глазах горела яростная решимость: убить!..

Цивилизованный человек, пожалуй, замер бы от неожиданности и был бы тотчас заколот. Гиганта киммерийца застать врасплох было трудней. Первобытныих на опасность предостерег его еще на пороге, и закаленное тело отреагировало молниеносно.

Вытаскивать громадный меч не было времени: не успеет он его обнажить, как они налетят на него, точно стая волков. Нет, единственный шанс на спасение заключался в стремительной атаке. Любой ценой следовало ошеломить и смутить соперников прежде, чем они успеют взять его в кольцо...

Могучий пинок — и под ноги троиц нападавшим полетела скамья. Они грохнулись на пол, послышался лязг металла, сдавленные проклятия. Конан увернулся от свистнувшего над головой клинка. Его тяжелый кулак обрушился врагу прямо в лицо, раздробив кости и отшвырнув его навстречу троице оставшимся.

Пользуясь некоторым замешательством убийц, киммериец вырвался из их кольца. Прыжок, достойный пантеры, — и он подхватил тяжелый дубовый стол и, ощерившись от напряжения, швырнул его во врагов. На пол полетело оружие, выбитое из рук, кто-то завопил от боли. И только теперь, получив короткую передышку, Конан вытащил из ножен длинный меч, одновременно левой рукой выхватывая кинжал.

Он не стал дожидаться, пока они нападут вновь. Вероломная засада привела его в бешенство, кровь варвара клокотала. Багровый туман взвился перед глазами, он хотел лишь одного — убивать! Конан ринулся вперед — один против шестерых уцелевших. Кто-то из негодаев еще стоял на четвереньках, не успев подняться. Ударом ноги Конан проломил ему ребра. Кинжал в левой руке отразил удар второго, между тем как тяжелый меч стремительным взмахом отсек правую руку третьего. Рука вместе с саблей полетела на пол, струей ударила кровь.

Глаза воина остекленели, он скорчился в предсмертной муке, заходясь криком...

Осталось четверо. Они выстроились полукругом и двинулись вперед медленно, осторожно. Рослый вожак, чем-то похожий на волка, сделал ложный выпад и попытался ударить Конана по ногам. Но не вышло: ответным ударом Конан едва не снес ему голову. Вожак спасся лишь тем, что вовремя бросился на пол. Конану хватило мгновения, чтобы узнать его: это был Бараккус, аквилонский вельможа — Конан в свое время выслал его из страны, уличив в сговоре с правителями Офира...

Трое кинулись на него. Чей-то клинок, занесенный в отчаянном ударе, обрушился на его шлем, смяв металл и почти оглушив киммерийца. Перед глазами вспыхнули звезды, но рука сама послала меч вверх: наградой Конану был хриплый, булькающий вопль. Острие кинжала, ударившего его в правый бок, сломалось, не пробив кольчуги, и почти одновременно сабля рассекла ему левую руку.

Торопливо смахнув с лица кровь, Конан заметил, что перед ним оставался всего один враг. Стигиец, чей кинжал сломался о его кольчугу, отскочил прочь и нагнулся к оружию, валявшемуся на полу. А рослый предводитель только еще поднимался на ноги.

Конан шагнул вперед, навстречу противнику... но неожиданно поскользнулся в луже крови и растянулся во всю длину.

Убийца, с которым он собирался сойтись, торжествуя закричал и прыгнул вперед, занося меч. Конан оказал ему достойный прием. Он так лягнул нападавшего, что тот не только промазал, но и свалился прямо на киммерийца, напоровшись на выставленный кинжал.

Отшвырнув безжизненное тело прочь, Конан с кошачьей ловкостью вскочил на ноги, встречая атаку вернувшегося стигийца. Тот ринулся на него без промедления: в глазах темнокожего гиганта бесновалось мрачное пламя, на губах пузырилась пена. Лютая ненависть на-

правила его руку — увернувшись от меча киммерийца, он ухитрился накинуть на клинок врага свой белый плащ, опутав его тяжелыми складками. Подобранный стигийцем нож ударил Конана в бок с такой силой, что звенья кольчуги не выдержали и лопнули. Острие вонзилось в тело, но Конанов кинжал был не менее беспощаден и быстр: мгновение — и он по рукоятку вошел в смуглый торс. Рот стигийца широко раскрылся в немом крике боли. Его кинжал звякнул об пол, а следом, согнувшись вдвое, повалился и он сам.

Конан высвободил свой меч, запутавшийся в плаще стигийца, и направился к предводителю — кажется, единственному, кто еще не был ранен.

— Ну что, Бараккус? — прорычал он. — Я согнал тебя с земли, но ты, я смотрю, вместе с наделом оставил и свою рыцарскую присягу! Надо было сразу снять тебе голову, как только обнаружилась твоя измена. Что ж, придется сделать это теперь!

Конан являл собой жуткое зрелище. По мокрому от пота лицу текла кровь из-под пробитого шлема. Кольчуга на правом боку была прорвана, по одежде расплзалось багровое пятно — но в страшных глазах его Бараккус явственно прочел свой приговор. Ему тотчас вспомнились кошмарные рассказы о былых деяниях киммерийца. Струсив, Бараккус повернулся и кинулся наутек. Хрипло рассмеявшись, Конан подбросил свой меч, поймал его за лезвие — и метнул, как дротик. Конец меча проломил латы на спине у Бараккуса. Изменник подломился в коленях и рухнул лицом вниз. Меч торчал кверху из его неподвижного тела, по полу растекалась кровь...

Окруженный телами мертвых или потерявших сознание врагов, Конан позволил себе ненадолго расслабиться, но чуткое ухо почти тотчас уловило сзади какой-то звук, и киммериец стремительно обернулся, ожидая нового нападения.

Но это был всего лишь толстяк хозяин, вошедший через заднюю дверь. Он ахнул от ужаса при виде разгрома и горестно заломил пухлые ручки:

— Помилуй, добрый господин, что вы учинили в моем доме? Всюду кровь! И мебель поломана...

Конан в два широких шага оказался перед трактирщиком и ткнул его кинжалом под подбородок, рыча:

— Ты тоже приложил к этому руку, скулящая шавка? Без твоей помощи они не сумели бы устроить засаду!

— Пощади, господин!.. — заплакал хозяин. — Они пригрозили, что перережут мне глотку... Хотя, кажется, лучше бы уж перерезали... Они говорили, что разделяются с тобой тихо и быстро...

Конан дал ему оплеуху, отшвырнувшую трактирщика обратно к двери. Тот едва устоял на ногах, из прокушенной губы закапала кровь.

— Молчи, ничтожество! — слегка остывая, прокоптал киммериец. — Скажи спасибо, что я не вздумал содрать с тебя шкуру вершок за вершком!

— Да, да, господин... — пролепетал трактирщик, заливаясь слезами от ужаса.

— А теперь, — приказал Конан, — живо принеси бурдючок вина, лучшего, какое у тебя есть. Шевелись, пока я не раскроил тебе башку! Да захвати чистого полотна — перевязать эти царапины...

Подстегиваемый страхом расправы, хозяин со всех ног кинулся исполнять его волю. Конан пинком отшвырнул с дороги чье-то мертвое тело и тяжело опустился на лавку. Неожданная мысль посетила его: а где, собственно, та смазливая девка, с которой все началось? В комнате ее не было...

Вернулся толстяк и, дрожа, подал Конану мех с вином и оловянный бокал. Досадливо выругавшись, Конан схватил у него бурдюк и, запрокинув голову, вылил содержимое в свое пересохшее горло. Брови хозяина изумленно поползли вверх: Конан единым духом опорожнил мех и отбросил его прочь. Утерев рот окровавленным рукавом, Конан смерил трактирщика зорким взглядом прояснившихся голубых глаз.

— Всякий раз нападает жажда, когда приходится убивать, — сообщил он толстяку. — А теперь отвечай: куда

делась девчонка, что была здесь с этими молодцами, прежде чем я вошел?

Хозяин таверны позеленел от страха и затряс головой:

— Благородный господин, я сам впервые увидел ее только вчера. Когда она явилась в гостиницу, на ней было дорогое, богатое платье... потом она переделалась в своей комнате там, наверху. Я не знаю ее имени... я вообще ничего не знаю о ней...

Конан поднялся на ноги. Раны, которые он получил в этой схватке, обычного человека на много дней приковали бы к постели, но он их едва замечал. Он выдернул меч из тела Бараккуса и прогремел:

— Ну так води меня туда, да поживей! И если там окажется еще одна западня, твоя паскудная душонка мигом отправится в преисподнюю!

Ханариец покорно засеменил вверх по лестнице; его жирные коленки тряслись. Конан шел следом, с волчьей подозрительностью оглядывая каждую трещину. Поднявшись на верхний этаж, хозяин остановился возле одной из дверей и разыскал нужный ключ в огромной связке, висевшей у него на поясе. Отперев дверь, он широко распахнул ее перед недоверчивым варваром, показывая, что никакой ловушки там нет.

Конану хватило одного взгляда, чтобы понять: в узенькой комнатке в самом деле невозможно было устроить засаду. Из мебели там были только стол и кровать. На кровати лежало шелковое зеленое платье, золотой пояс, полотнище тюрбана, снабженное изумрудной булавкой, и прозрачная кисея. Конану вдруг померещилось во всем этом нечто знакомое... Да, так одевались знатные гирканские дамы, уроженки громадной и неустанно разраставшейся Туранской империи — жительницы Акифа, Шахпура и самого Аграпура.

Конан круто повернулся и зашагал вниз, размышляя над этой новой загадкой.

Он вышел из таверны на темную улицу, настороженно раздувая ноздри и держа меч наготове. Однако все было тихо, и даже конь стоял на том самом месте, где

он его оставил. Тело слегка онемело от ран, правый бок, пробитый кинжалом, пульсировал болью, но у Конана было еще вполне достаточно сил, чтобы вскочить в седло и взять в руки поводья.

Загадочное нападение не шло у него из головы. Что ж, он хорошо знал, сколь многие люди самого разного вероисповедания, общественного положения и цвета кожи жаждали его крови, сколь многие были бы счастливы поджарить его на медленном огне. Но в это путешествие он отправился тайно, ехал быстро и никому не открывал своего имени. Только Троцерио и Просперо знали, куда он направился — а уж их верность не вызывала сомнений... И вот вам пожалуйста — не успел приехать в Ханарию, как напоролся на вооруженную до зубов засаду. Кто-то — или что-то — свело Бараккуса, уроженца Запада, с этой дочерью Востока, и надоумило их покончить с ним сообща..

Загадка выглядела неразрешимой, и с хладнокровным фатализмом истого варвара Конан в конце концов перестал думать о ней. Он подождет, пока выплывет что-нибудь новое и разрозненные части мозаики составят вразумительную картину.

Конь легким галопом нес его через ночной город. Зоркие глаза Конана подозрительно пронизывали каждую тень. Улицы были темны, лишь кое-где из окон домов проникал слабый свет. Конан снова вспомнил женщину, едва не заманившую его в зубы к смерти. А ведь как вспыхнула его кровь при виде ее точеной фигурки! Разделавшись с ее обидчиками, он собирался потребовать в награду самое меньшее поцелуй. Но она исчезла... исчезла, точно по волшебству.

Выбравшись на широкую безлюдную площадь, при свете подернутой облаками луны Конан разглядел впереди остроконечную башню, похожую на палец, указующий в небеса. Ночная тьма все больше сгущалась, но башня слабо мерцала, словно ее еще касался отблеск заката. Это была та самая башня, где укрывался от шумного людского общества Пелиас.

Золотистую башню окружали широкие лужайки и тщательно ухоженный сад. Не было ни стен, ни забора, ни наглухо закрытых ворот. Впрочем, их и не требовалось. Ханарийцы предпочитали держаться подальше от своего чародея: кто же не слышал историй, от которых волосы шевелились на голове, особенно под вечер, — историй о башнях волшебников, куда смелый воришка вполне может проникнуть, но назад нипочем не возвратится!

...Конанов жеребец шархнулся от края зеленой лужайки и заплесал, испуганно храпя и роняя пену с удил.

— Кром!.. — проворчал киммериец. — Не иначе у Пелиаса гости прямо из преисподней. Ладно, пойду пешком...

Он прыгнул с коня и пошел по узкой мощеной дорожке, озираясь и на всякий случай держа руку на рукояти меча. Некромантические обряды, совершаемые в ночи, притягивали безымянных чудовищ, как падаль — стервятников. Конану не раз приходилось сталкиваться с существами, рожденными в иные времена и даже в иных мирах. Многих из них могло умертвить лишь заколдованное оружие или заклинание, почерпнутое в пыльных древних томах, начертанных на рассыпающихся от ветхости пергаментях... Конан, впрочем, всю жизнь старался поменьше связываться с колдовством, предпочитая всем на свете магическим ритуалам — хорошо отточенный меч...

Но в эту ночь ни одно порождение темных миров не встало у него на пути. Он добрался до башни, так и не заметив ни малейшего признака жизни ни в кустах, ни среди цветников.

Тут луна выглянула из-за кисей облаков, и Конан разглядел наконец, чем был вызван золотистый блеск башни: оказывается, в известковый раствор было вмуровано множество золотых монет. Конан пригляделся к тем, что были вровень с его глазами, не узнал ни одной и заподозрил, что мог бы облазить всю башню в тщетных поисках знакомой монетки. Все они выглядели ужа-

сающе древними: с иных неумолимое время стерло все знаки и письмена, оставив лишь гладкие отполированные кружки...

Конан знал — золото, особенно в виде монет минувших эпох, считалось у волшебников немаловажным подспорьем в их ремесле. «Здесь собраны реликвии давно канувших в прошлое королевств, — подумалось Конану. — Королевств, которыми силой ужаса правили колдуны и жрецы. Кричащих девушек волокли в мрачные подземелья и совершали над ними омерзительные обряды. Тысячи пленников обезглавливали на городских площадях, и дымящаяся кровь ручьями бежала по сточным канавам...»

Конан содрогнулся: да, здесь в самом деле было собрано немалое зло... Он протянул руку к железной двери.

Тяжелая металлическая плита бесшумно отъехала внутрь. Конан обнажил меч и вошел. Все его чувства были до предела обострены, словно у охотящегося тигра. Слабый свет, проникавший в растворенную дверь, позволил ему разглядеть внутри башни две лестницы. Одна спирально поднималась вверх, другая пропадала во тьме подземелья, и тонкий нюх киммерийца уловил чуть заметный запах мускуса, долетавший оттуда. Должно быть, этот запах шел из лабиринта пещер, располагавшихся под башней. Глаза варвара нехорошо сузились: он вспомнил похожие запахи, носившиеся в посещаемых призраками катакомбах Птейона в Стигии, где в ночи бродили жуткие тени... Конан тряхнул головой — так трясут гривами разгневанные львы.

Он даже вздрогнул, когда послышался глубокий, рождающий эхо голос:

— Добро пожаловать, Конан! Поднимайся по ступеням наверх. Следуй за огоньком!

Конан сердито огляделся, но найти источник голоса так и не смог. Казалось, он шел отовсюду, отражаясь от стен, точно звук храмового гонга.

Потом перед самым носом Конана вспыхнул огненный шарик, да так неожиданно, что он инстинктивно

отшатнулся прочь. Шарик ярко горел, вися в воздухе безо всякой видимой опоры. Только теперь Конан увидел, что стоит в большом зале, увешанном шпалерами со странным и явно очень древним узором. Одну стену сплошь занимали полки, уставленные сосудами разнообразных и удивительных форм — из камня, серебра, золота и гагата! Сосуды стояли в полном беспорядке: украшенные драгоценными камнями соседствовали с простыми.

Святящийся шарик медленно поплыл над лестницей, и Конан последовал за ним без дальнейших колебаний. Никто не может заранее знать, что там на душе у чародея — но, кажется, Пелиас к Конану относился неплохо... Киммериец чувствовал себя чуть спокойнее прежнего, но меча из рук не выпускал, и ни одна ступенька не скрипнула под ним, пока он поднимался вверх.

Лестница привела его к двери, окованной медью. Тайные знаки усеивали красноватую поверхность металла, сплетаясь в прихотливый узор. В некоторых из них Конан, немало побродивший по свету, тотчас узнал могущественные волшебные символы, предметы тайного знания давно вымерших рас. Он нахмурился: все это не внушало ему доверия. Но тут дверь тихо отворилась, а святящийся шарик погас. Он был больше не нужен — Конан вступил в большую, ярко освещенную комнату. Мебель и стенные украшения в ней были сплошь драгоценными произведениями искусства, доставленными из множества стран. Мягкие ковры устилали пол.

Посередине комнаты красовался огромный, заваленный подушками диван. На диване возлежал Пелиас — высокий, худой седовласый человек в одежде ученого. У него были темные глаза мыслителя, узкая, прекрасной лепки голова и небольшие, изящные ступни и ладони. По всей видимости, Конан оторвал его от ученых занятий: на обширных книжных полках зияли пустые места, на полу возле дивана лежало несколько пухлых томов, а стоявший рядом большой

стол был сплошь завален пергаментными свитками. Во всяком случае, пергаментными они казались: Конану было хорошо известно, что, по мнению волшебников, самые чудодейственные заклинания следовало записывать на выделанной человеческой коже... А еще на стене висело зеркало — ничем не примечательное зеркало в простой железной оправе.

Конан ничуть не удивился роскоши обстановки. В отличие от большинства других чародеев, Пелиас не был приверженцем аскетизма и знал толк в земных удовольствиях.

— Добро пожаловать, Конан! — воскликнул маг. — Друг мой, вот уже почти четыре года... — И осекся, заметив тяжелую поступь гостя и то, как он убрал в ножны меч. — Э, да ведь ты ранен! И недавно — кровь совсем свежая. Погоди-ка, сейчас я подыщу для тебя кое-что покрепче вина...

Вскочив с дивана, Пелиас стремительно проследовал к резному деревянному шкафчику и открыл одну из множества крохотных дверок. На свет появился хрустальный сосуд, наполненный жидкостью дымчатого цвета. Пелиас щедрой рукой отмерил эту жидкость в чашу, а затем взял вина и протянул Конану со словами:

— Выпей, друг мой. Это снадобье приготовлено из тайных трав Туманных Островов, смешанных с зельями дальних стран за пределами Куша. Оно излечит твои раны и прогонит усталость.

Одним глотком Конан осушил чашу и на мгновение сморщился: голова закружилась, по жилам промчался огонь. Но эти ощущения тотчас сменились великолепным самочувствием и легкостью. Казалось, сто пудов свалилось с его плеч. Только теперь он как следует понял, до какой степени изнемог от застарелой усталости и от ран.

Стащив помятый шлем, Конан осторожно пощупал сквозь повязку рану на голове. В волосах было полно запекшейся крови, но его пальцы не нашли не только

никакой раны — даже и шрама. Он прислушался к себе: и бок, и порезанная саблей рука тоже перестали болеть. Он сказал:

— Вот уж вправду волшебное снадобье, Пелиас!

— Да, в него многое вложено, — отвечивал маг. — Смешав чудесные ингредиенты, я прочел над ними множество заклинаний, дабы пробудить к жизни их полную силу...

Конан стащил с плеч кольчугу и проворчал:

— Сколько было у меня случаев в жизни, когда этот флакончик пришелся бы как раз к месту...

— Скажи лучше, что тебя сюда привело? — спросил Пелиас. — Почему ты приехал один, почему так поспешно? Что-то я не слыхал, чтобы на северо-западе затевались великие войны, в которых тебе могла бы пригодиться моя помощь...

— Будь это какая следует война, я вполне управился бы и без магии, — буркнул Конан. — Вся штука в том, что на меня ополчились какие-то потусторонние силы. Можешь ли ты указать мне злодея и объяснить, как до него добраться?

И он короткими, точными фразами, не тратя попусту слов, поведал чародею о происшедшем в Тарантии.

Молча выслушав гостя, Пелиас подпер рукой подбородок, прикрыл глаза и надолго задумался. Конан, однако, хорошо знал — несмотря на кажущееся спокойствие, мозг чародея работал с нечеловеческой проницательностью и быстротой. Но вот наконец Пелиас вновь открыл глаза и заговорил:

— Твою королеву утащил демон — порождение мрака, явившееся в наш мир из-за Гор Ночи. Я знаю, как вызвать подобную тварь. Однако до сих пор я полагал, что на всем Западе этим знанием обладаю лишь я...

— Ну так призови этого демона — и вытрясем из него правду!

— Не горячись, друг мой, не горячись... Прежде чем бросаться навстречу опасности, надо ее хорошенько разведать. Ясно, что демона использовал в своих целях

необычайно могущественный маг. Если я сотворю заклинания и вызову сюда это крылатое существо, нам придется иметь дело не только с ним, но и с его хозяином, и я не уверен, сумеем ли мы справиться с обоими сразу. Нет, я знаю иной, более верный способ. Зеркало Лазбекри даст нам ответ!

Поднявшись, он вновь направился к шкафчику и извлек тускло поблескивавшую чашу, по краю которой были нанесены какие-то странные письмена. В прежних своих странствиях Конан научился худо-бедно разбирать написанное на множестве языков, но эти буквы ему прежде не попадались.

Волшебник отсыпал в чашу красного порошка из небольшого кувшина. Поставив затем чашу на низкий эбеновый столик, стоявший против зеркала в железной раме, он засучил широкий шелковый рукав и начертал в воздухе таинственный знак.

Синий дым заструился из чаши. Он густел и густел, пока его клубы не заполнили весь покой. Конан смутно различал неподвижный силуэт чародея, замершего в трансе, в предельном сосредоточении. Казалось, минула вечность; ничего не происходило. Конан нетерпеливо заерзал, но в это время Пелиас прошептал:

— Наш враг надежно укрылся от посторонних глаз... нам не совладать без помощи свыше. Какому богу поклоняется твое племя?

— Мой бог — Кром, угрюмый бог киммерийцев, — пробормотал Конан. — Хотя, если честно, я уже много лет не обращался к богам... Я не лезу в их дела и предпочитаю, чтобы они не лезли в мои.

— Помолись же своему Крому! Попроси его помощи!

Конан послушно зажмурился и принялся молиться — в первый раз за несколько десятилетий: «О Отец Кром, дарующий нам бессмертные души... дарующий мужество жить, сражаться и убивать... не оставь своего сына в борьбе с демоном, похитившим его подругу...»

И ответ не заставил себя ждать. Прямо в мозгу прозвучал суровый, неласковый голос:

«Много, много лет ты не обращался ко мне, о Конан! Однако по делам своим ты достоин называться моим сыном. Гляди же!»

Конан открыл глаза. Дым начал рассеиваться, и, уставившись в зеркало, киммериец, к своему удивлению, не увидел в нем отражения Пелиаса. Оно вообще ничего не отражало. Его поверхность показалась Конану темносерым занавесом, готовым вот-вот распануться в запретные измерения. Пелиас тихо и монотонно запел заклинание на языке, которым жрецы Стигии пользовались при своих церемониях, скрытых от мира темными стенами Кеми. Конану когда-то доводилось слышать его.

И вот — медленно, медленно, почти незаметно для глаза — в зеркале начало появляться изображение. Сперва оно было расплывчатым и неясным, потом внезапно обрело невероятную четкость. Пелиас и Конан увидели комнату с голыми каменными стенами и человека в просторном одеянии с капюшоном, со свитком в руках сидевшего за низким столиком.

Изображение росло — они как будто придвигались все ближе к человеку в надвинутом капюшоне. И вдруг он вскинул голову и взглянул им прямо в лица. От резкого движения капюшон свалился с него, обнажив лысую, обтянутую желтой кожей макушку; их взгляды скрестились с холодным взглядом узких раскосых глаз. Потом тонкие бесцветные губы растянулись в жуткой усмешке. Рука желтокожего метнулась в складки одежд и извлекла сияющий шарик. Человек замахнулся, чтобы метнуть его...

Тяжелый меч Конана мелькнул с силой и скоростью молнии: по счастью, киммериец предвидел возможную опасность и на всякий случай взял его в руки. Свистящий удар рассек надвое железную раму, и Зеркало Лазбекри осыпалось на пол мириадами звенящих осколков.

Пелиас вздрогнул и встряхнулся, точно спросонья.

— Клянусь Иштар, — обратился он к Конану. — Друг мой, ты спас нас обоих! Та сверкающая штука была опасней целого гнезда кобр. Если бы он успел бросить ее сквозь зеркало, от нас не осталось бы ни клочка... да,

пожалуй, и от половины города — тоже. А я не мог ничего сделать, ибо предельная концентрация налагает на тело оковы!

— Ну и дьявол с ним, — проворчал Конан, так и не выучившийся галантно принимать похвалы. — Скажи лучше, что все это значило? Какое отношение этот хитрец имеет к моему путешествию?

Взгляд Пелиаса, обращенный на киммерийского великана, стал очень серьезен:

— Друг мой, дело куда значительнее, чем мне думалось поначалу... Не исключено, что от тебя зависит судьба всего мира.

За окнами башни простиралась тихая темная ночь. Подкрепившись вином, волшебник откинулся на подушки и продолжал:

— Видишь ли, мы, маги Запада, давно заметили, что иные заклятья постепенно слабеют, а иные совсем утратили силу. В последние годы это стало особенно заметно. Несколько месяцев я провел в напряженных исследованиях, пытаясь доискаться причины. И я нашел ее.

Дело вот в чем: близится новая эра, эра просвещения и разума. И главным ее поборником на Западе становится Аквилония, чья имперская мощь помножена ныне на природную силу здорового варварского рассудка, а именно, твоего. Ты поистине омолодил нацию и знай, что подобные силы уже начали свое дело в других королевствах. Они понемногу изменяют равновесие мира; вот от чего рвутся сети черной магии, незримо раскинутые повсюду. Слабеет паутина зла и интриг, сплетенная силами тьмы! Некоторые из самых зловещих заклятий уже сегодня почти не имеют силы в пределах Западных королевств... И краеугольный камень крепости Света, воздвигнутый против сил Мрака, — это король-варвар на аквилонском престоле. Много лет подряд ты оказывался в самом центре всех великих дел в этих краях; благосклонное внимание богов пребывает с тобою. Теперь ты ви-

дишь, каким чередом должны развиваться события, покуда колесо Вселенной не завершит оборот и просвещение, в свою очередь, вновь не уступит первенство магии... Что же до меня — я немолод; признаться, на самом деле я старше любого из ныне живущих. Теперь я использую свои немалые познания лишь для того, чтобы обеспечить себе уют и комфорт... ну и, конечно, для научных исследований. Мне всегда были противны эти аскеты в рубищах, которые вызывают из темных бездн красноглазые когтистые существа с ощеренными слюнявыми пастями и напускают их на ни в чем не повинных людей. Однако между ними есть один, давно помогающий безраздельной власти над миром и всем, что живет и дышит под небесами. С незапамятных пор подчинил он свою жизнь этой затее. Много лет закладывал он фундаменты грандиозных, катастрофических деяний черной магии, которые должны были до основания потрясти мир и поработить его обитателей. Вот что донесли мне мои незримые соглядатаи: однажды, вырвав живое сердце из груди девственницы на залитом лунным светом алтаре заброшенного храма, он произнес над ним чудовищное заклятие... и ничего не добился. Это было его первое серьезное покушение на нашу свободу; он чуть с ума не сошел, когда оно провалилось. Сперва его точно поразило громом, но потом на смену изумлению пришел гнев. День и ночь он трудился без сна и без отдыха, выведывая, кого же ему следовало винить в своем поражении. И наконец дознался: главное препятствие на его пути — ты, Конан. И, кажется, я в общих чертах уловил план, порожденный чудовищным гением этого человека. Похитив твою супругу, тем самым он вынудил тебя пуститься в поиски. Он не сомневается, что по дороге тебя прирежут какие-нибудь старые недруги, а если нет — ты непременно найдешь гибель среди никому не ведомых народов, живущих по ту сторону Химелийских гор. Если же удача и доблесть и там тебя

сохранят, он рассчитывает сам прикончить тебя какой-нибудь дьявольской уловкой. И вот тогда-то уже ничто в мире не сможет противостоять его алчности, ибо новорожденные силы Запада еще не созрели для открытой схватки... к тому же их становой хребет будет сломлен с гибелью Конана, короля Аквилонии!

Столь долгая речь вконец иссушила горло Пелиаса. Умолкнув, волшебник потянулся к чаше с вином. Утолил жажду и продолжал говорить:

— Как ты знаешь, я считаюсь одним из сильнейших западных магов... хоть и редко теперь пускаю в ход свою полную силу. Но смущись мне сойтись в поединке с тем, о ком я только что говорил, — шансов у меня было бы, как у овечки, брошенной в пруд с крокодилами. Колдуны Востока искони сильнее чародеев Запада, а он — сильнейший из всех. Это — Ях Чиенг из города Пайканга, что в Кхитае!

Конан молча переваривал услышанное. Взгляд его был угрюм, черты — неподвижны. Но наконец вновь прозвучал его низкий голос:

— Во имя Крома, Пелиас! Ты тут столько всего взвалил на мои плечи, прямо голова кругом идет... если, конечно, дело и впрямь обстоит так, как ты говоришь. Но, знаешь, мне бы выручить мою Зенобию — а остальной мир пускай сам разбирается, как умеет!

— Ах, друг мой, — вздохнул Пелиас. — Твоя жизнь и жизнь твоей королевы слишком тесно переплетены с судьбами мира. Близятся великие перемены; сегодня решается будущность поколений и предназначение бесчисленных веков... Ях Чиенг сделал великую ставку в своей битве за власть. И он уверен в успехе — этот змей подколотный ничего не делает наобум! Похищение Зенобии — всего лишь уловка, долженствующая выманить тебя из пределов Запада, который ты защищаешь от алчных поползновений магов Востока... Подумай же, подумай хорошенько, а потом сравни! Что важнее — одна единственная женщина или жизнь миллионов?

— К дьяволу, Пелиас! — загремел Конан. — Ты что, в самом деле воображаешь, будто у меня можно вырвать женщину из объятий — и уговорить остаться дома по той простой причине, что я — вроде ходячего амулета от какого-то там колдуна? Да пусть демоны Шаггали высосут мозг из моих костей, если я хоть медный грош дам за свою корону, власть, богатства и земли! Я хочу вернуть свою женщину — и я верну ее, хотя бы мне пришлось прорубать себе путь сквозь ряды сотен тысяч солдат! Я доберусь до этого плешивого стервеца...

Пелиас со вздохом пожал плечами, поняв, что стоявшего перед ним варвара в самом деле меньше всего трогали глубинные причины вещей, которые он ему только что приоткрыл. Единственной реальностью для Конана был сегодняшний день и наполнявшая его полнокровная жизнь, а будущее — будущее его не слишком заботило.

— Увы, — наконец сказал чародей. — Как видно, богини Судеб спрятали свою нить, и я уже не властен вмешаться. Слушай же. Ты должен добраться в Пайканг, что в Кхитае. Там высится пурпурная башня Ях Чиенга, а вокруг стоят на страже двести гигантов-кхитайцев, вооруженных саблями, — самые искусные на всем Востоке бойцы. Ях Чиенг захватил власть в Пайканге, низложив законных властителей. Правит он с помощью плетей и кнута. Берегись его черного искусства! Взмах руки некроманта способен стереть с лица земли целую армию. Я не знаю, смогу ли я хоть чем-то помочь тебе, но я попытаюсь. Идем со мной...

Поднявшись, сухощавый волшебник шагнул к маленькому, украшенному золотом письменному столу. Сделан он был из какого-то неизвестного Конану дерева; и еще сквозила в нем некая странность, немало озадачившая киммерийца — как если бы искусные мастера, изготовившие столик, не принадлежали к роду людскому. Да, сколько ни странствовал Конан по белому свету, а такой мебели никогда еще не видел.

Между тем Пелиас надавил на какой-то выступ, затаянный среди замысловатой резьбы на ножке стола. Сам

собой выдвинулся маленький ящик, и волшебник извлек оттуда кольцо. Конан пригляделся: в его блеске не было ни огненных отсветов золота, ни льдистого сияния серебра, ни темно-красных медных тонов. Это приглушенное голубое мерцание не было свойственно никакому земному металлу... По всему ободку виднелись старинные иероглифы. Нагнувшись поближе, Конан различил запретные символы, подобные которым можно было найти лишь на алтарных фризах в тайных храмах Стигии — в храмах, посвященных нечеловеческим божествам...

Печатка также выглядела достаточно странно. Кто-то придал ей ромбическую форму, причем верхний и нижний углы были сильно вытянуты и заострены: неосторожный человек легко мог уколоться.

Какое-то время Пелиас молча смотрел на кольцо, чей странный синеватый блеск был сродни холодному пламени или отсвету занесенного меча. Чуткий киммериец явственно ощущал магическую силу, исходившую из загадочного кольца... Наконец волшебник выпрямился и откинул со лба седую прядь.

— Много лун успело смениться с тех пор, когда я завоевал его... — задумчиво проговорил он. — Много дней и ночей длился мой поединок с его прежним обладателем, могущественным магом из Луксура... Мошь темных сил, которые мы метали друг в друга, наверняка опустошила бы всю землю окрест — но, по счастью, противодействовавшие заклипания уничтожали друг друга. Мне казалось, я сражался с ним целую вечность, мозг готов был расплавиться у меня в голове... я балансировал на краю черноты... я был близок к изнеможению, когда внезапно он сдался. Обернувшись ястребом, он попытался скрыться... Но победа придала мне сил: я превратился в орла и устремился в погоню. Я камнем пал из поднебесья и разорвал его в клочья! Я был молод тогда и упивался своей силой... Так вот, друг мой, я хочу, чтобы это кольцо было у тебя на руке. Оно станет тебе могущественным подспорьем в пути... Слышал ли ты когда-нибудь о Рахамоне?

Конан кивнул. Земли Юга изобиловали легендами о минувшем, но имя страшного чародея все еще произносили опасливым шепотом — хотя уже полных полтора века минуло с тех пор, как ему пришел конец, а гирканские захватчики полонили и сожгли город, где он лежал в беспомощном оцепенении, вызванном пылью черного лотоса...

Многие адепты магии пытались заполучить его тайные книги, написанные, по слухам, на высушенной коже, содранной с живых девушек, — но ни один не смог их отыскать. И если это кольцо действительно было наследием Рахамона, его сила должна была быть поистине велика...

— Да, это в самом деле кольцо Рахамона, — серьезно сказал Пелиас. — Видишь ли, некоторые существа, вызываемые из глубин тьмы, очень трудно затем удерживать обычными охранительными заклинаниями. Вот он и сделал это кольцо, а металл взял из осколка звезды, упавшего наземь: он нашел его, путешествуя по ледяному Северу. Он совершил жуткие ритуалы, которым нет имени на человеческом языке. Кровь лилась в изобилии, а стонающие души жертв обрекались мрачайшим и глубочайшим безднам преисподней... но в результате кольцо получило невообразимую силу. Я и сам далеко не все знаю о нем. Скажу лишь одно: носящий его выстоит против любого порождения тьмы, вызываемого волшебным искусством! Не спрашивай меня, как им пользоваться, — этот секрет, вероятно, утерян вместе с колдовскими книгами Рахамона. Возьми его, Конан! Это, пожалуй, и вся помощь, которую я могу тебе предложить. Ни одно из известных мне заклинаний не годится против черной силы Ях Чиенга...

Конан взял протянутое кольцо. Сперва ему показалось, что оно было безнадежно мало для его пальцев, привыкших к оружию. Но стоило примерить его на средний палец левой руки — и оно наделось легко. Казалось, оно жило собственной жизнью. Конан повертел рукой: кольцо сидело, точно сделанное по мерке. Он

пожал плечами. Опыт, накопленный в течение десятилетий, научил его не воспринимать всерьез уверения насчет силы магических предметов. Быть может, безделушка когда и сработает; если же нет — ну и шут с ней. По крайней мере, Пелиас искренне желал ему добра...

— Ладно, — сказал варвар. — Хватит об этом. Меня ждет неблизкий путь. Пожалуй, я бы съел что-нибудь, запил бурдюком вина и завалился спать! Не приютишь до утра?

— О чем речь, друг мой, о чем речь! Скажи лишь, какую постель ты предпочитаешь, и ты получишь ее тотчас. Мои слуги принесут еды и позаботятся о твоём коне... — Пелиас хлопнул в ладоши.

— Хорошо, что напомнил, — сказал Конан, зевая. — Завтра, прежде чем ехать, я должен принести Крому в жертву вола. Только, пожалуйста, не говори никому. Если мои люди пронохают, они как пить дать примутся чесать языками: Конан состарился, Конан выжил из ума и шагу не может ступить без молитв!..

3

МСТИТЕЛИ ЗНОЙНЫХ ПУСТЫНЬ

Солнце поблескивало на остроконечных шлемах и отточенных наконечниках копий. Звякали шпоры, яркими цветами переливались шелковые одежды. Трое вооруженных всадников взбирались по длинному склону огромной песчаной дюны — одной из бесчисленного множества в юго-западных пределах Турана. Шлемы были обмотаны алыми тюрбанами; такие же пояса перетягивали талии. Белые шелковые рубахи, просторные шаровары, заправленные в низкие черные сапожки, и посеребренные кольчужные безрукавки довершали одеяние всадников. Изогнутые сабли покачивались у бедер. Двое держали десятифутовые туранские пики, вставленные в особые упоры у стремени, а предводитель вез при седле тугой

изогнутый лук в налуче и три десятка стрел в лакированном кожаном колчане.

Вслед за верховыми, спотыкаясь, брел человек со связанными руками: лучник тащил его на веревке. Глубокие борозды в песке говорили о том, что пленнику не всегда удавалось поспеть за конями. Его изорванная в клочья одежда когда-то была белым халатом пустынного зуагира. На темном, худом, с провалившимися щеками лице жили только глаза — воспаленные, неукротимо горевшие жаждой отмщения. Из последних сил, задыхаясь, брел он вверх по песчаному склону, но ни стопа, ни жалобы не срывалось с его уст.

Туранские солдаты отбились от своих во время песчаной бури, длившейся два дня, и теперь пробирались назад в форт Ваклу — туранскую крепость, расположенную в глубине зуагирской пустыни. Накануне они повстречали одинокого всадника. Меткая стрела, пробившая сердце, свалила на песок его лошадь, а самого зуагира оглушили черенком копья. Теперь они вели его с собою в форт Ваклу, где пленника ждала виселица, а прежде того — долгий допрос с пытками. Везиз Шах, командующий фортом, разворачивал беспощадную войну против племен пустыни, слишком часто в последнее время беспокоивших туранские караваны.

Достигнув вершины дюны, всадники остановились передохнуть. Пленник подполз на четвереньках — его силы были на исходе. Солдаты утоляли жажду водой из бурдюков, оглядываясь по сторонам. Вокруг, насколько хватал глаз, высились песчаные дюны... Опытные воины, туранцы использовали передышку, чтобы ястребиным взором обшарить далекий горизонт и расстилавшееся вокруг желтое море песка. Никого и ничего: никаких признаков жизни.

Но вдруг что-то насторожило человека с луком, что вел пленника на веревке. Он подался вперед, пристально вглядываясь из-под руки: примерно в миле от них на вершине дюны показался еще один всадник, скакавший

галопом. Перевалив гребень, он пустил своего коня вниз — так, что позади тучей взвился песок.

Предводитель повернулся к солдатам:

— Клянусь алебастровыми бедрами Йенагры, нам прямо в руки бежит еще одна пустынная крыса! Приготовьтесь, ребята! Убьем его и привезем его голову в форт на кончике пики!

И он бросил наземь веревку, державшую пленника: он знал, что поймать его вновь после боя не составит никакого труда. Пришпорив коня, предводитель погнался его вниз по песчаному склону, имея в виду перехватить незнакомца, и одновременно вынимая их чехла тугой боевой лук и прикладывая стрелу к тетиве. Солдаты с задорными криками последовали за ним, наставляя длинные пики — ни дать ни взять псы, настигающие добычу.

Летя во весь опор, предводитель натянул лук и спустил тетиву за три сотни шагов: его движения дышали небрежным искусством, присущим туранским наездникам. Однако стрела в цель не попала. Незнакомец отреагировал молниеносно. Он заставил своего коня увернуться, рванув его в сторону с такой силой, что животное едва не упало. А потом быстрым движением откинул складки халата.

Туранцы недоуменно натянули поводья. Перед ними был не иссушенный вечным голодом волк пустыни, вооруженный лишь дротиком да ножом. Они напоролась на могучего рыцаря с Запада, в прочной кольчуге и стальном шлеме. Он выхватил из ножен длинный меч, сверкнувший из солнца, а в другой руке появился кинжал. Еще немного — и предводитель неожиданно узнал его, и узкие глаза воина округлились от изумления.

— Ты дерзнул вернуться в Туран, негодяй варвар!.. — Ибо сам предводитель был не кто иной, как Хамар Кур, некогда эмир кавалерийского отряда: много лет назад у реки Йелбы этот отряд угодил в засаду и был наголову разгромлен Конаном, тогдашним вожаком казаков. Чудом спасшийся Хамар Кур был разжалован в рядовые и

отправлен на границу; мечта о мести не покидала его с тех пор ни на миг. Он мгновенно выхватил саблю:

— Вперед, парни! Это Конан, казак! Убейте его — и король доверху наполнит ваши шлемы золотыми монетами!

И все-таки туранские всадники призадумались. Каждому явились на ум страшные кровавые легенды, связанные с этим именем — Конан. Легенды, в частности, рассказывали о том, как всего с двумя галерами пиратов он взял и снес до основания укрепленный порт Хоарезм, а потом прорвался сквозь строй шести королевских галер, явившихся его покарать: три корабля из шести отправились на морское дно, а палубы оставшихся насквозь промокли от крови. Легенды рассказывали и о том, как он сколотил отряд зуагиров и нападал на форты вдоль южных рубежей до тех пор, пока не вынудил Туранскую Империю передвинуть границу. Легенды рассказывали, как дикие орды казаков под его водительством предали огню и мечу город Хоросун, обнесенный высокой стеной...

Конан не преминул воспользоваться их замешательством. Пришпорив могучего жеребца, он обрушился на них, подобно лавине. Длинный меч описывал сверкающие круги над его головой. Конь Хамара Кура взвился на дыбы, перепуганный столь сокрушительным натиском, и был тотчас сбит с ног, а всадник вылетел из седла.

Двое солдат опустили пики и яростно послали вперед своих скакунов, но не успели они взять разгон, как Конан налетел на них вихрем, беспощадно разя налево и направо. Миг — и голова одного из солдат отлетела прочь от туловища, и вслед ей взвился кровавый фонтан. Еще миг — и меч Конана в щепки разнес пику второго туранца. Солдат заслонился щитом, и следующий удар вышвырнул его из седла.

Тем временем Хамар Кур поднялся на ноги. Ему, искусственному воину, случалось бывать и на коне, и под конем. Кинувшись в сторону, он подхватил пику, обро-

ненную убитым солдатом, и сунул длинное древко в ноги Конанову коню. И отскочил прочь, избежав страшного меча варвара.

Конан рухнул наземь вместе с упавшим конем: песок пустыни тучей взлетел в небеса. Но киммериец не утратил ловкости и закалки наемника. Откатившись в сторону, он мигом вскочил, даже не выпустив меча из ладони. Холодно сощутив голубые глаза, он внимательно наблюдал за двоими уцелевшими врагами, что крадучись приближались к нему с разных сторон. Их замысел был очевиден — вынужденный драться с двоими, он должен был неминуемо подставить спину не одному, так другому

Конан тигриным прыжком кинулся на солдата, находившегося по правую руку. Он знал, что Хамар Кур вполне способен всадить ему в спину ятаган, но не в его правилах было ждать, пока враги нападут. Туранец попытался отбить смертельный удар... безуспешно. Летящий меч киммерийца перерубил его кривой клинок, а потом рассек шлем и череп под ним с такой легкостью, точно это была кожа перезрелого апельсина. Конан успел обернуться как раз вовремя, чтобы отбить рукоятью меча свистнувший ятаган Хамара Кура. Последовал быстрый обмен ударами: прямой западный меч и изогнутое восточное лезвие засверкали на солнце, мелькая в смертоносном, стремительном танце. Но вот быстрый выпад Конана достиг цели. Острие его меча разорвало тонкую туранскую кольчугу и пронзило тело бывшего эмира насквозь. Хамар Кур издал ужасающий предсмертный крик и тяжело осел наземь. Конан наклонился и высвободил окровавленный меч.

Киммериец вытирал лезвие о широкий кушак поверженного врага, когда сзади послышался какой-то сдавленный звук. Конан живо обернулся, готовый к схватке с новым противником, но его глазам предстал всего лишь истерзанный зуагир, неловко съезжавший по песчаному склону. Скотившись прямо под ноги Конану, зуагир поднялся на шаткие ноги и первым делом плю-

нул на труп Хамара Кура. Потом перевел взгляд на Конана, и при виде исполина киммерийца в видавшей виды кольчуге ярость в его глазах сменилась радостным узнаванием. Он воздел к небесам связанные руки, воскликнув:

— Хвала Кемошу, ибо он услышал мои молитвы и отправил этих псов в адские бездны! И более того — он вернул великого вождя, когда-то водившего нас в набег!.. Я приветствую тебя, Ястреб Пустыни! Праздник пришел в наши деревни! Трусливые туранские псы поожмут хвосты в своих бапнях, когда по всей пустыне разнесется весть: «Йамад аль-Афта возвратился!»

Конан пожал широкими плечами и сунул меч в ножны. Поднявшийся жеребец подошел к хозяину, и киммериец отстегнул от седла мех с водой и переметные сумы. Освободив руки пленнику, он протянул ему мех:

— На-ка, хлебни, потрепанный волк. Промочи горло, только смотри не пей сразу слишком много... — Вытащив мясо и хлеб, он не скупясь поделился едой с зуагиром и наконец попросил: — А теперь расскажи мне, что творится нынче в пустыне? И как ты угодил в лапы гирканцев?

Торопливо жуя, кочевник ответил:

— Я — Яр Аллал из племени дуали... Я спешил назад в наш лагерь, я был один, когда напоролся на этих псов. Они застрелили подо мной коня, а меня оглушили ударом по голове. Они тащили меня в форт Ваклу, чтобы пытать и казнить.

— Почему же ты спешил? — поинтересовался Конан. — И почему ты поехал один? Пески, я смотрю, нынче так и кишат туранскими разъездами...

Голос зуагира зазвенел от горя и ярости:

— Страшная беда постигла мой народ... Слушай, о вождь. Наши воины провели несколько дней в засаде у развалин Гхаратского храма, в пятидесяти милях к югу отсюда. Дело в том, что наших ушей достиг слух о богатом караване с запада. С этим караваном, сопровождаемая свои сокровища, якобы ехала сама госпожа Занара...

— Кто это?

— Знатная дама, йедка из Майпура, известная богатством и красотой. Более того — она обласкана милостями короля Ездигера. Если бы нам удалось схватить ее, мы получили бы не только добычу, но и баснословный выкуп за женщину... О вождь, мы надели новые тетивы на луки и наточили ножи. Мы устали ждать, нам казалось — собаки-торговцы так никогда и не появятся. Но вот наконец настал день, когда вдалеке зазвенели колокольцы верблюдов, а потом показалась длинная вереница людей, повозок и вьючных животных. Мы дождались, чтобы они приблизились к нам вплотную, и с боевым кличем ринулись на них из засады. Мы рассчитывали легко одолеть купцов и их слуг... но они вдруг сбросили долгополые халаты, и вместо перепуганных торговцев перед нами оказались Императорские Стражи в кольчугах и белых тюрбанах, намотанных на племени! Они прятались в повозках; их было не менее сотни. Они опустошали наши ряды, точно жнецы — созревшее поле. Половина наших воинов полегла в первой же сшибке... Скоро они расчленили наш отряд, чтобы добить поодиночке... но как мы сражались в этом неравном бою! Много туранских псов осталось навек лежать на песке — кто с копьем в горле, кто с кривым ножом, всаженным в брюхо!.. Увы, скоро они окружили нас сплошной стеной стали, и мы были обречены. Я видел, как пал мой брат, сраженный ятаганом эмира... А потом Юн Аллал, мой отец, получил удар в голову и без чувств свалился с коня. Я не мог помочь ему. Я пришпорил коня, я отчаянно рубился и все-таки сумел вырваться из кольца. Несколько часов они гнались за мной по пятам, но мой конь оказался выносливее, и они бросили погоню. Я спешил поднять на ноги свое племя, но был схвачен, как ты уже знаешь. Теперь слишком поздно: караван давно в безопасности за стенами форта Ваклы. Должно быть, туранцы ликуют — впервые за много десятилетий им удалось захватить живьем вождя зуагиров...

— Откуда тебе известно, что твой отец жив?

— Я оглянулся, уходя от погони, и увидел, как двое из них спешили и потащили его к повозкам. Он шевелился, хотя и слабо...

Конан молча переваривал услышанное. Он хорошо помнил Юн Аллала, вернейшего своего сподвижника минувших времен, когда он, Конан, был военным вождем трех объединенных зуагирских племен и водил их в дерзкие набеги против туранцев. Нынче ему, прямо скажем, было не до того, но бросить старого друга, угодившего в руки врага, Конан не мог. Он решительно поднялся.

— Поймай себе лошадь, — приказал он отрывисто, — и немедленно едем в оазис Дуали: верно, мы прибудем туда к ночи. Если мое имя еще не совсем позабыто в здешних местах, я вновь подниму племена и вызволю Юн Аллала! Клянусь Кромом — мы еще оборвем бороды туранским собакам!

Засмеявшись, он вскочил в седло и жестом велел Яр Аллалу следовать за собой. Вороной жеребец ощутил укол шпор и понес его неистовым галопом, взвизывая пески.

Звезды драгоценными камнями сияли на черном бархате неба над оазисом Дуали. Кроны пальм, облитые холодным серебром лунного света, шевелил свежий ночной ветерок. Под сенью пальм виднелось множество шатров — крупный лагерь кочевого зуагирского племени.

Еще утром ничто не нарушало спокойствия. Яркое солнце пустыни щедро лило золотые лучи на крытые верблюжьей шерстью жилища. Сновали туда и сюда женщины в паранджах; одни таскали воду из колодца, другие жарили на углях полоски мяса на ужин. Мирное похрюпывание несло из палаток, чьи обитатели наслаждались послеполуденным сном...

Зато теперь в оазисе Дуали так и кипела неистовая деятельность. В самом центре появился новый шатер, размеры которого свидетельствовали о важности про-

исходившего. Оттуда время от времени выходили воины с худыми ястребиными лицами жителей пустыни. Зуагиры в развевающихся халатах спешили к своим коням, вскакивали в седла и точно безумные уносились в пески. Другие, напротив, возвращались из поездок, спрыгивали со взмыленных скакунов и немедленно направлялись к большому шатру посередине. Целый день прибывали зуагиры из соседних оазисов — Хароя и Кирлата, так что серовато-коричневых палаток под пальмами сделалось втрое больше, нежели накануне. Люди шепотом совещались за дверными занавесками, мужчины входили и выходили, спеша по неотложным делам. Царила всеобщая суета, и вместе с тем в ней чувствовался строгий порядок — нечастое зрелище в лагере жителей пустыни...

Внутри же большого шатра собрались вожди зуагиров. Гордость и любовь переполняли сердца бородатых мужей, облаченных в просторные одеяния: исполин в потрепанной кольчуге, некогда посетивший их земли и ныне счастливо вернувшийся, давно уже успел стать персонажем легенд, героем, которому поклонялись. Много лет назад он объединил постоянно враждовавшие кланы и стал водить их в набеги столь дерзкие, удачливые и кровавые, что рассказы о них до сих пор звучали у зуагирских костров. Возвращение Конана казалось суеверным кочевникам доброй приметой. Не случайно же, в самом деле, оно последовало сразу за таким несчастьем, как разгром целого воинского отряда и пленение одного из славнейших вождей!

Стоило появиться Ястребу Пустыни, и мелкие межплеменные свары утихли сами собой. Темные глаза зуагиров светились яростным предвкушением, ибо Конан держал речь:

— Штурмовать форт Ваклу бессмысленно. У нас нет ни баллист, ни иных осадных машин. Если я что-нибудь понимаю в туранских фортах, у них там такой запас продовольствия, что они просидят в осаде хоть целый год. К тому же у них закаленная кавалерия, которая легко

сможет сосредоточенным ударом расстроить наши ряды. Нет, мы должны вступить с ними в схватку внутри стен, где они не смогут использовать конницу, а у нас будет численный перевес. Надо применить хитрость! Давайте-ка используем добычу, хранящуюся в этом оазисе, и снарядим караван. Пятьдесят наших воинов пусть переденутся купцами, слугами, рабами, погонщиками верблюдов — и, якобы направляясь в Хердпур, отведут караван в форт. В полночь мы перережем стражу ворот и впустим внутрь остальных... Перво-наперво надо будет захватить казармы, жилье офицеров и дворец правителя. Мы будем жечь, грабить и убивать — убивать до тех пор, пока туранская кровь не потечет по всем улицам! — И киммериец понялся, подтягивая пояс с кинжалом. — За дело, псы пустыни! Чтобы к рассвету снарядили мне караван, от которого потекут слюнки у любого зуагира!..

Мерно позванивали колокольцы верблюдов. Караван втягивался в ворота форта Ваку в облаке пыли, поднятой ногами людей и животных.

— Господин мой, я — Зеба, купец из города Анакии, что в Шеме, — объяснил капитану привратников сухопарый мужчина, приехавший во главе каравана. — Я везу товар из Юккуба в Хердпур...

— А это кто? — поинтересовался капитан, ткнув пальцем в сторону человека исполинского роста, закутанного в просторный халат. Головной платок скрывал нижнюю часть его лица, так что видны были лишь пронзительные голубые глаза.

— Это, — отвечивал Зеба, — мой телохранитель и слуга. Он стигиец. Прочие мои люди — наемные стражники, погонщики верблюдов, а также рабы... Клянусь Ашторет, как все-таки славно вновь оказаться под защитой крепостных стен! Я каждую минуту боялся, что на нас нападут зуагиры. Благородный капитан видит, что мои люди неплохо вооружены, но, по счастью, боги были к нам благосклонны, и нам так и не пришлось отбиваться от смердящих хищников пустыни...

Капитан усмехнулся.

— Добрый торговец, твои предосторожности поистине были излишни. Даже слабая женщина может сегодня путешествовать по караванной тропе в одиночку и ничего не страшиться. Только вчера отряд Императорских Стражей уничтожил целую стаю этих песчаных крыс и захватил вожака. Лишь один мерзавец как-то умудрился уйти...

— Право, я слышу добрую весть! — воскликнул шемит.

— Всего один день ратных трудов, но это, должно быть, надолго отобьет у них вкус к разбойным набегам, — скромно похвастался капитан. — Везиз Шах приказал убивать на месте всех зуагиров — мужчин, женщин, детей, — кто только попадется нашим разъездам. К тому времени, когда тебе придет пора возвращаться в Юккуб, мы надеемся полностью очистить от них пустыню, так что ты сможешь путешествовать безо всякого страха!

— Я принесу жертву Белу, и пусть густой дым вознесет мою благодарность на небеса, — пообещал купец, между тем как последний верблюд каравана проплыл мимо них внутрь крепости. Четверо стражников закрыли за ним ворота. Тяжелые, окованные железом створки медленно, со скрипом повернулись на петлях толщиной в человеческое бедро. Лег в проушины массивный запирающий брус...

Форт Вакла в действительности представлял собой небольшой город. Высокая зубчатая стена с башнями, на которых дежурили бдительные лучники, окружала целый лабиринт зданий и улочек, где вольготно чувствовали себя и торговцы, и воры. Отрезанный от остального мира, форт Вакла, тем не менее, содержал все необходимое для цивилизованной жизни — в том числе питейные заведения и игорные дома, где развлекались солдаты.

На широкой рыночной площади посередине крепости кого только не было: кружились в людском водовороте купцы в развевающихся одеждах, женщины с покрыты-

ми лицами и войны в кольчугах и островерхих шлемах. Воздух сотрясаясь от криков проворных лотошников и торговцев, усердно набивавших цену. Рядом с площадью возвышалась могучая цитадель: дом правителя форта Ваклы сам по себе был настоящей крепостью с серыми каменными стенами, узкими окнами-бойницами и тяжелыми дверями из кованой меди. Впрочем, те, кому довелось побывать внутри, рассказывали о роскоши, которой в угрюмой твердыне на первый взгляд и заподозрить было нельзя. По их словам, внутренние покои были битком набиты драгоценными произведениями искусства, уставлены уютной мебелью, а уж какие вина и яства там подавали...

Подошел вечер. Небо быстро померкло, там и сям в окнах стали зажигаться лампы и свечи. Взмокшие трактирщики потащили из подвалов наверх новые бочки вина, ожидая вечернего наплыва посетителей. Игроки в кости разминали руки, искусно подбрасывая и перемешивая фишки. Словом, начиналась ночная жизнь истинного гирканского города.

У западной стены, там, где обыкновенно размещались заходящие караваны, люди Конана вполголоса спорили, рассеявшись вокруг походных костров. Большинство было за то, чтобы тихо, не вызывая ничьих подозрений, сидеть здесь в ожидании назначенного срока. Конан, однако, был не согласен. В самом деле, впереди было добрых два часа: почему бы не вывести все, что возможно, о расположении и силах врага? То есть они уже знали, где находились жилища офицеров и казармы солдат — рядом с воротами, но вот сколько там было воинов, следовало уточнить.

— Хоть бы демоны оборвали ваши болтливые языки! — проворчал он наконец. — Сказал пойду, значит, пойду! По тавернам наверняка шляется немало пьяных солдат. Кто-нибудь из них выболтает то, что я желаю узнать, — даже если придется отжать негодяя, точно мокрую тряпку!

Это было его последнее слово; все доводы зуагиров разбились о железную решимость киммерийца. Он вернулся в широкий халат и зашагал прочь, сколь возможно прикрыв лицо головным платком. Вовсе незачем, чтобы какой-нибудь памятный туранец признал его и тем самым нарушил их тщательно разработанный план.

...Войдя в первую же таверну, Конан застал веселье в полном разгаре: от запаха кислого вина, несвежего пива и потных людских тел на миг перехватило дыхание. Служанки бегом носились взад и вперед, разнося кружки пенящейся браги и бутылки с вином; покрашенные потаскушки хихикали на коленях у подвыпивших солдат, которые чашу за чашей вливали в себя вино и знай требовали еще. В общем, все то же самое, что и в тавернах западных городов, разве что гости были поярче одеты.

Облюбовав себе маленький, несколько удаленный столик в темноватом углу, Конан опустился на скрипнувший под его тяжестью стул и спросил пива. И внимательно огляделся вокруг, утоляя жажду неторопливыми глотками. Совсем рядом с ним, сцепившись в борьбе, два пьяных копейщика катались по полу под визг и хихиканье женщин. Напряженные мускулы перекачивались под смуглой кожей, лоснившейся от пота. За соседним столом шла игра в кости: сверкающие монеты и драгоценные камни путешествовали от владельца к владельцу по грубо оструганной, залитой вином столешнице... Конан почувствовал себя в привычной обстановке и немного расслабился. Нервы у него были крепкие, но, проведя весь день на чеку, в самом логове неприятеля, поневоле устанешь...

— Эй, олух, ты что там заскучал? Как насчет выпить?..

Прямо к Конану, опрокидывая стулья, сквозь толпу пробирался великан воин — вслед ему сыпались проклятия и отборная ругань. Он плюхнулся на свободное место за столиком киммерийца. Его позолоченная кольчуга и шелковый кушак были заляпаны вином из чаши, кото-

рую он сжимал в кулаке. Во взгляде бродил воинственный хмель.

Глаза Конана сузились... Воин был облачен в алый плащ и белый тюрбан Императорского Стража. На тюрбане красовалось павлинье перо — отличительный знак капитана этих отборнейших войск. Без сомнения, он принадлежал к тому самому отряду, что разгромил зуагиров и пленил Юн Аллала. Быть может, даже командовал этим отрядом. Поистине боги послали Конану удачу; оставалось ею воспользоваться.

Киммериец наклонился вперед, изображая притворное дружелюбие и в то же время стараясь держать лицо в тени:

— Ты прав, приятель, скучноватое местечко. Правда, я заглянул только так, горло промочить... — И он дружески ткнул солдата в плечо кулаком. — Вообще-то говоря, я держу путь в дом наслаждений: девушки там столь прекрасны, что, пожалуй, поспорят с куртизанками Шадизара...

Икнув, капитан тряхнул головой и не без усилия проморгался.

— Д-девушки?... Отличная мысль... А ты сам-то откуда?

— Я — Хотеп из Кеми, телохранитель купца Зебы. Нет, правда, пошли вместе! Одно посещение этого дома — и тебе хватит впечатлений на месяц.

Обманщик из Конана был неуклюжий; его притворство наверняка вызвало бы подозрение у проницательного или хотя бы просто трезвого человека. Но в сознании хмельного туранца бодрствовали лишь самые низменные инстинкты. Похоть вмиг овладела им, он тяжело задышал и, громко рыгнув, оперся о стол.

— Ну так води меня туда п-поскорее... Я так долго странствовал в проклятушей пустыне и не видел ни юбки...

— Так ты случаем не из того отряда, что устроил зуагирам засаду?

— Из отряда! Ха-ха! Да я им командовал!

— Что ж, поздравляю с удачей...

— О, это была отличная схватка... Беда только, единственной бабой во всем караване была благородная Йедка Занара, да покроют боги мерзкими чирьями тело этой высокомерной!

— Как, она не пожелала тебя?

— Хуже, друг, хуже... Она влепила мне затрещину, когда я вошел к ней в шатер и попытался ее поцеловать!

— Какая наглость, — посочувствовал Конан.

— И это еще не все. Поверишь ли, она пригрозила, что с меня живьем сдерут кожу на главной площади Аграпура, если я от нее не отстану! Сдерут кожу — с меня, Ардашира из Акифа! Так ведь и сказала: если я не отстану. Это же надо быть евнухом, чтобы один раз взглянуть на нее и не возжелать...

— Стыд и срам, — сказал Конан, — терпеть такое от женщин.

— Ладно, хватит об этом... води меня скорее в дом наслаждений, стигиец! Я хочу развеяться и позабыть...

Пошатываясь, туранец поднялся и начал проталкиваться сквозь толпу к выходу. Конан последовал за ним на улицу. После духоты, царившей в таверне, прохладный ночной воздух умывал лицо, точно влажное полотенце. Похоже, он отрезвляюще подействовал на капитана: тот начал с проснувшимся любопытством вглядываться в наполовину закутанное лицо своего спутника, молча шагавшего рядом.

— Постой-ка, приятель! — заявил он неожиданно. — Куда, собственно, ты меня тащишь? Я хорошо знаю форт Ваклу, но что-то не слыхал о доме с волшебными девушками, который ты так расписывал! Где он находится? А ну, сними-ка платок...

Ему пришлось умолкнуть на полуслове, ибо могучая рука стиснула его горло. В своем отряде Ардашир по праву считался сильнейшим, но человек, захвативший его врасплох, был силен попросту невообразимо. Ардашир бился в его тисках, беспомощный, как младенец. Он отчаянно пытался глотнуть воздуха, тщетно сясь

разжать пальцы, сдавившие шею. Между тем киммериец, не тратя зря времени, затащил пленника в темный переулочек и, когда Ардашир, теряя сознание, перестал сопротивляться, живо связал ему руки его же собственным кушаком. Потом Ардашир почувствовал, что его переворачивают на спину, и увидел над собой горящие голубые глаза.

— Ты хотел знать мое имя, — с ужасным акцентом прошипел киммериец по-гиркански. — Слышал ли ты, туранский пес, о Конане, которого зуагиры прозвали Йамад аль-Афта? О Конане, вожде казаков и пиратов моря Вилайет?

Из помятого горла Ардашира вырвался хриплый звук.

— Я вернулся с Запада, — продолжал Конан. — Я буду спрашивать, а ты будешь отвечать. Ты расскажешь мне все, что знаешь, или я выжгу тебе глаза и сниму кожу с твоих ступней...

Ардашир был закаленным и мужественным человеком, но в этот миг ужас буквально парализовал его. Смелость ни разу еще не изменяла ему в сражениях против обычных врагов, будь то отряды зуагиров, кшатрийские легионы Вендии или войска западных стран, куда случалось вторгаться воинам короля Ездигера. Но гигант варвар, стоявший над ним с кинжалом наготове, внушал Ардаширу, как и всякому туранцу, суеверный ужас. Рассказчики, повествовавшие у походных костров о деяниях киммерийца, приписывали ему волшебную силу; дошло до того, что само имя его произносили с опаской, точно имя какого-нибудь мифического людоеда...

Кроме того, Ардашир знал, что угрозы Конана — не пустые слова. Все слышанное об этом человеке свидетельствовало: он без зазрения совести учинит над ним самую зверскую пытку, чтобы добиться своего. И тем не менее, вовсе не страх пытки развязал Ардаширу язык: перед ним в самом деле был Конан, и храброму капитану этого оказалось довольно.

Легонько покалывая его время от времени кинжалом, Конан выведал все, что хотел. Обычный гарнизон, состоявший из двенадцати сотен конников, был расквартирован в казармах у главных ворот, сотня же Императорских Стражей была временно расселена по всему городу. Пленный вождь зуагиров сидел на цепи в подземной тюрьме под башней правителя, в которой, кстати, гостила теперь высокородная Занара. А вот сколько было стражников при воротах — этого Ардашир, к сожалению, не знал.

Быстрый взгляд, брошенный на луну, сказал Конану, что близилась полночь. Следовало поспешать. Он проверил надежность пут пленника и затолкал ему в рот кляп, сделанный из его же тюбана. Потом оттащил Ардашира поглубже в темноту переулочка и оставил там корчиться и злобно вращать глазами в бесплодных попытках освободиться.

«Я делаюсь мягкосердечен, — подумалось Конану. — Было же время, когда, расспросив подлеца, я бы без раздумий перерезал ему глотку. Ладно, пускай о нем позаботятся мои зуагиры, которые его рано или поздно найдут...»

В роскошном покое на втором этаже дворца правителя отдыхала на шелковом диване Занара, благородная йедка из Майпура. Возле дивана на толстом ковре стоял низенький столик и на нем ваза с фруктами. Лениво жуя, Замара поглядывала на мужчину, сидевшего против нее. Облегающие полупрозрачные одеяния едва прикрывали ее соблазнительное тело... Впрочем, мужчине было не до того.

Он был маленького роста, кривоногий, с кожей цвета ила и плоским морщинистым лицом, похожим на обезьянье. Он был облачен в шкуры и кожу, лицо украшали красно-черные полосы и крути, грязные черные волосы были заплетены в косы, а на шее висело ожерелье из человеческих зубов. От него разило мокрыми кожами и немытым телом. Он был из племени вигуров, свирепых

варваров, кочевавших вдоль северо-восточного берега моря Вилайет.

Человек этот сидел на полу, скрестив ноги и вперив взгляд в тонкие завитки дыма, поднимавшегося из жаровни. Колеблющаяся синяя струйка поднималась фута на два над жаровней и там, волнуясь, сплеталась в замысловатые арабески. Кончики пальцев вигура порхали по маленькому, не более фута в поперечнике, барабану, извлекая еле слышную, но очень частую дробь.

Наконец дробь оборвалась, и йедка спросила:

— Что ты видел, Татур?

— Он идет, — высоким голосом нараспев ответил шаман. — Тот, кого ты ищешь, недалеко...

— Как так? — воскликнула госпожа Занара. — Стража Везиз Шаха бдительна. Столь приметный человек никак не мог миновать ее тайно!

— И все-таки он приближается, — стоял на своем Татур. — Духи не лгут. Беги или скоро окажешься с ним лицом к лицу...

— Должно быть, он въехал в Ваклу переодетым, — задумалась Занара. — Что же мне делать, если он в самом деле ворвется сюда? Не может ли твой хозяин, чье имя неназываемо, снабдить меня хоть каким-нибудь средством, дабы я могла справиться с ним?..

В голосе Занары послышался ужас, а рука невольным движением прикрыла нежное горло.

— Тот, чье имя неназываемо, желает, чтобы ты преуспела, — промолвил вигур. Порылся в складках овчины и вытащил маленький пурпурный фиал. — Капля этого снадобья, добавленная в стакан вина, на три дня погрузит его в оцепенение, подобное смерти.

— Это хорошо, но варвар весьма осторожен, — сказала Занара. — Он распознает опасность в мгновение ока... как нам пришлось убедиться еще в Ханарии. Что, если он откажется пить?

Татур извлек из складок овчины мягкий кожаный мешочек:

— Уж это-то уложит его — стоит только вдохнуть.

— Что это?

— Пыльца желтого кхитайского лотоса. Используй ее лишь как последнее средство! Ибо, если дуновение воздуха отнесет ее обратно к тебе, ты и сама свалишься без сознания. А если вдохнуть слишком глубоко, она может убить.

— Я учту это. Но если твой хозяин в самом деле желает, чтобы я померялась силами с киммерийцем, пусть он снабдит меня верным средством спасения на случай, если мне будет угрожать смерть. Кто-нибудь другой может недооценить варвара — но не я! Я-то знаю, на что он способен! И между прочим, твой хозяин в достаточной мере обязан мне за мою прежнюю службу...

На сморщенном лице Татура появилось подобие улыбки:

— Тот, чье имя неназываемо, говорил мне, что ты торгуешься до последнего... Вот, возьми, — и он протянул Занаре нечто, напоминавшее прозрачное яйцо. — Раздави его в минуту опасности, и помощь придет к тебе из других измерений.

Занара внимательно осмотрела все три предмета и наконец произнесла:

— Хорошо. Езжай в Аграпур: скажи королю — я буду ждать Конана здесь. Если все пойдет так, как мы предполагаем, варвар очень скоро будет валяться в цепях у его ног. Если же нет... значит, ему понадобится новое доверенное лицо. Прощай же — и поспеши!

Шаман вышел. Несколькими минутами позже лохматый гирканский пони уже нес его неутомимой рысцой через ночную пустыню.

Прохладная ночь была тиха и спокойна. Капитан стражи у главных ворот потягивался и зевал. Из своей сторожки он хорошо видел двоих лучников, ходивших взад-вперед по стене над огромными воротами. Двое копейщиков у привратных столбов стояли неподвижно и прямо; лунный свет отражался от начищенных кольчуг и островерхих шлемов. Бояться было решительно нечего. Один удар гонга, висевшего под рукой у капитана, — и

из ближних казарм бегом примчатся солдаты. С какой стати правителю форта понадобилось удваивать стражу да еще особо приказывать, чтобы держали ухо востро?..

Туранский офицер недоумевал. Неужели Везиз Шах в самом деле боялся, как бы зуагиры не вздумали напасть на форт — отбить захваченного вождя? Что ж, пускай песчаные крысы попробуют сунуться. Пускай бьются головами о стены, пока лучники будут всаживать в них стрелу за стрелой. Должно быть, правитель составил и страдает кошмарами. Пусть спит спокойно — на страже стоит его капитан Акеб Мен!

Но вот легкое облачко ненадолго скрыло луну... Акеб Мен моргнул и взгляделся. Что такое? Ему показалось, будто двое лучников на стене вздумали присесть отдохнуть. Вот поднялись и вновь размеренно зашагали. Да, надо будет присмотреть за лентяями. Пусть только попробуют отлынивать, он им устроит трехчасовую муштру в пустыне под полуденным солнцем...

Акеб Мен решил выйти наружу. Уже поднимаясь, он бросил еще один взгляд в окошко. Как раз в это время облачко отнесло прочь, и луна вновь засияла. И жуткое зрелище предстало глазам капитана: вместо плащей и остроконечных шлемов «лучники» были облачены в халаты и головные платки.

Зуагиры!..

Одному дьяволу известно, как они сумели проникнуть вовнутрь. Акеб Мен схватил молоточек, висевший рядом с гонгом, замахнулся, намереваясь поднять тревогу. Но опоздал.

Дверь сторожки не то что рухнула — разлетелась в щепы. Акеб Мен выронил молоточек и обернулся, хватаясь за ятаган, но вид представшего перед ним человека заставил его замереть от изумления. В дверях стоял не облаченный в белое зуагир из пустыни — это был западный воин, гигант в черной кольчуге, с обнаженным мечом в руке.

Туранец закричал от страха и ярости и ударил, метя в живот. Но великан оказался быстр, как молния. Он

ушел от удара. Его длинный прямой меч опустился со свистом, и Акеб Мен осел на пол, обливаясь кровью, разрубленный до середины груди.

Конану некогда было радоваться победе. Из окошка казармы в любое мгновение мог высунуться любопытствующий стражник. А если нелегкая принесет запоздалого горожанина?.. Между тем громадные, окованные железом ворота уже раскрывались, а внутрь крепости бесшумно и быстро просачивались воины-зуагиры.

Не теряя времени, Конан отдавал приказы. Он говорил тихо, но так, что слышали все:

— Двое с факелами — поджечь казармы. Три сотни лучников с хорошим запасом стрел пусть займутся солдатами, когда те побегут вон. Остальные — с факелами и мечами — вперед! Богатства и пленники принадлежат вам! Держитесь вместе, не менее чем по двадцать человек. Табит! Ты со своими пятьюдесятью — за мной! Я иду во дворец правителя.

Повелительным жестом Конан разослал по местам младших вождей и двинулся вперед во главе своей полусотни: его шаг был так широк, что зуагиры попевали за ним рысцой. Вскоре площадь позади них озарило яркое пламя — это поджигатели, подкравшиеся к казармам стражников, взялись за работу. Остальные отряды исчезли кто куда. Хитрость, придуманная Конаном, вскоре должна была оставить форт без вооруженной защиты. Тощие волки пустыни облизывали губы, предвкушая добычу и месть. Городские улицы были все еще тихи, лишь стрелы подрагивали на тетивах да лунный свет играл на лезвиях ножей и наконечниках копий...

Конан вел своих людей кратчайшим путем. Перво-наперво он собирался вызволить Юн Аллала. Кроме того, он был весьма заинтригован рассказом о красавице Йедке. Пожалуй, это будет добыча как раз в его вкусе! Прекрасные женщины всегда составляли его слабость. Стоило ему выслушать Ардашира, и воображение разыгралось. Он еще прибавил шагу — не забывая, впрочем,

окидывать бдительным оком двери домов и залитые пыльной переулки, мимо которых лежал его путь.

Когда впереди показалась центральная площадь, у Конана вырвалось ругательство. Четверо стражей прогуливалось по двое у медной двери резиденции. Киммериец рассчитывал взять правителя врасплох, но это более не представлялось возможным. Что ж! Конан помчался вперед через мощеную рыночную площадь, размахивая огромным мечом. Его бег был стремителен: пока стражи соображали, в чем дело, один уже валялся с проломленным боком. Спутники Конана неслись в двадцати шагах позади — бешеная скорость киммерийца оказалась им не по силам.

Двое копейщиков нацелили свое оружие прямо в его широкую грудь, а третий поднес к губам рог. Рог взревел, но тотчас умолк — меткая стрела какого-то зуагира пробила голову трубача, и рог звякнул о камни.

Размашистым ударом Конан срубил наконечники обоих копий. В следующий миг один из туранцев повис на его длинном мече и отлетел, захлебываясь кровью, прямо на своего товарища. Тот промахнулся с ударом, нацеленным в голову киммерийца. Его сабля чиркнула по камням, брызнули искры. Нового удара ему не суждено было нанести. Изрешеченный зуагирскими стрелами, он поник наземь, успев лишь коротко простонать.

Конаном овладела свирепая жажда убийства... Прыгнув вперед, он налег плечом на медную дверь. Времени оставалось все меньше. Погибший трубач все-таки исполнил свой долг — из окон окрестных домов высывались люди, кое-где на крышах появились лучники... Следовало проникнуть в башню прежде, чем враги успеют организовать оборону.

Дверь уступила удару его плеча. Оставив десятерых прикрывать вход на случай нападения, Конан повел остальных внутрь.

Вот спереди послышалось звяканье кольчуг, мелькнули обнаженные клинки, и не менее десятка солдат в белых тюрбанах Императорской Стражи вылетело на-

встречу Конану из какой-то двери. Боевой клич киммерийца эхом раскатился под сводами, и сражение закипело. Кривые ножи и короткие копья зуагиров находили жертву за жертвой, но и сверкающие ятаганы пожинали кровавую жатву. И все-таки двуручный меч Конана производил наибольшее опустошение. Он рубил, колол, уходил от ударов и прыгал вперед с яростью тигра и с такой немыслимой скоростью, что противники не успевали за ним уследить. Несколько минут — и десять туранцев остались лежать в лужах крови. Рядом с ними застыло восемь мертвых тел в окровавленных халатах — свидетельство отчаянного мужества защитников башни.

Прыгая через четыре ступеньки, Конан устремился по лестнице на второй этаж. Там, как он знал, находился покой правителя. Приостановившись, он отдал товарищам несколько быстрых приказов:

— Вы двое — раздобудьте ключи от подземелья и освободите Юн Аллала. Остальные — собирайте добычу, сколько сможете унести. А я навещу правителя...

Зуагиры со смехом и завываниями помчались кто вниз, кто вверх по ступеням. Конан пинком ноги разнес в щепы дверь сандалового дерева, перед которой стоял, и оказался в прихожей апартаментов правителя. Быстро пройдя ее по заглушавшему все звуки ковру, Конан остановился перед следующей дверью и прислушался. Оттуда слышался женский голос: женщина кого-то сердито увещевала.

Нахмутив брови, Конан подхватил тяжелый стол и с маху обрушил его на дверь. Высаженная дверь развалилась и рухнула. Конан отшвырнул обломки стола и шагнул внутрь.

Посредине комнаты стоял мужчина средних лет, высокий и крепкий. Приметы совпали: это был Везиз Шах. Пол комнаты был застелен коврами, вокруг стояли шелковые диваны и столики, уставленные изысканными яствами. Рядом с Везиз Шахом на столе виднелась бутылка вина и два наполненных кубка.

А напротив него на диване возлежала женщина. Она обратила на вломившегося варвара огромные темные глаза, в которых не было и тени испуга. Конан даже

вздрагнул: это была та самая девка, что позвала его на помощь в Ханарии — и завела в ловушку, где он едва не погиб!

Однако раздумывать об этом сразу стало некогда. Выругавшись, правитель форта обнажил украшенный самоцветами ятаган и двинулся к Конану, ступая по-кошачьи.

— Как смел ты ворваться сюда ко мне, негодяй? Я слышал, что ты снова появился в этих местах. Я надеялся привязать тебя к хвостам диких коней и получить удовольствие... но раз уж ты выбрал для себя иной род смерти...

И его ятаган описал дугу, взвившись в стремительном замахе. Слова были всего лишь уловкой: многие и многие люди попались бы на хитрость и остались бы лежать с рассеченным горлом, не успев отшатнуться прочь — но только не Конан, обладавший реакцией дикой пантеры. Он отбил удар рукоятью меча и тотчас сделал ответный выпад. Начался поединок: Конан оказался лицом к лицу с едва ли не самым умелым фехтовальщиком из всех, каких ему доводилось встречать.

...Но цивилизованные народы еще не родили бойца, способного противостоять отточенному искусству и стремительной мощи Конана, мужавшего в сражениях и войнах с врагами, — и с кем только ему ни приходилось сражаться! Навыки, почерпнутые во время службы наемником, сами по себе ставили его выше обыкновенных бойцов, ибо малейшие тонкости любого приема были навеки впечатаны в его мозг бесконечными кровавыми стычками. Но у кого еще была эта непостижимая, молниеносная скорость первобытного варвара, чье тело ни на йоту не смягчили годы цивилизованной жизни?..

Поединок длился. К Везиз Шаху подкрадывалась усталость: страх смерти появился в его глазах. С неожиданной силой кинул он свой ятаган Конану в лицо и метнулся к дальней стене. Его пальцы зашарили в поисках пружины, открывавшей потайную дверь.

Конан без труда увернулся от брошенного ятагана. Его рука охватила шею туранского эмира, а колено уперлось ему в спину. И Везиз Шах содрогнулся от ужаса, услышав:

— Вспомни, пес, как ты командовал кавалерией в Секундераме, и десять моих афгулов угодили тебе в

лапы! Ты прислал мне их головы в кувшинах с уксусом, сопроводив наилучшими пожеланиями... Пришло твое время — отправляйся гнить в преисподней!

— И киммериец могучим рывком перегнул тело врага через свое колено. Хребет туранца хрустнул, точно сухой сук. Безжизненное тело соскользнуло на пол. Конан утер пот и, переведя дух, повернулся к женщине на диване.

За время его схватки с правителем Занара даже не пошевелилась. И вот теперь она поднялась и, протягивая руки, бесстрашно, с сияющими глазами пошла к киммерийцу, словно бы не обращая внимания на окровавленный меч в его руке. Он почувствовал, как кровь быстрее побежала по жилам...

— Ты — настоящий мужчина! — с восторгом прошептала она, прижимаясь к жесткой кольчуге и обвивая руками его мускулистую шею. — Никому, кроме тебя, не удалось бы справиться с Везиз Шахом... Но ты смог, и я рада. Он угрожал мне... заставил прийти сюда... хотел, чтобы я исполняла его желания...

Кровь Конана так и кипела. Будь он помоложе, он немедленно сжал бы ее в могучих объятиях — и плевать, что там будет потом. Но долгий опыт научил его осторожности. Стиснув огромной ладонью оба ее запястья, он усадил Занару рядом с собой на диван и проворчал не без угрозы:

— В тот раз в Ханарии ты была одета несколько по-другому... Давай-ка выкладывай, что там была за история с засадой, да не забудь рассказать и про свою роль во всем этом деле. И не вздумай врать, если дорожишь своей хорошенькой шкуркой.

Темные глаза по-прежнему безо всякого страха смотрели на него из-под длинных ресниц. Изящная ручка тихонько выскользнула из его ладони и потянулась к кубкам с вином. Один из них она подала Конану, из другого отпила сама. И все это с уверенной грацией женщины, красивой, умной и знающей себе цену:

— Утоли жажду, мой победитель: я знаю, что после сражения воинам всегда хочется пить. Это лучшее вино

из личных погребов Везиз Шаха. Пей, а я расскажу тебе все, о чем ты хочешь узнать...

Глядя в свой кубок, Конан слушал музыкальный голос красавицы:

— Мое имя Занара. Я — йедка, то есть высокородная дама. Я родилась в Майпуре. Королю Ездигеру было угодно всемилостивейше назначить меня своим доверенным лицом — ушами и глазами короля, как говорят у нас в Туране. Когда пришла весть, что ты отправился путешествовать в одиночку, я была послана присмотреть за тупицами-наемниками, которых подыскал в Таранти наш человек. Я полагала...

Конан швырнул свой бокал об пол и, свирепея, повернулся к женщине. У него хватило догадливости понюхать вино и попробовать его кончиком языка, и чуткое обоняние варвара поведало ему о таившейся в чаше угрозе. Он сгреб в кулак длинные черные волосы Занары и прорычал:

— Ах ты, потаскушка! А я-то было решил...

Рука Занары вылетела из-за спины и метнула ему в лицо щепоть пылицы желтого лотоса. Конан отшатнулся, чихая и капляя, и выпустил волосы Занары. Она же отодвинулась прочь и встала, остерегаясь дышать.

Конан растянулся поперек дивана и беспомощно захрапел...

Занара удовлетворенно кивнула. Последующие два или три дня он будет лежать мертвец мертвецом. Следовало действовать быстро.

Ее внимание привлек нарастающий шум, доносившийся снаружи. Она подбежала к выходившему на площадь окну и отдернула занавески. Открывшееся зрелище заставило ее попятиться. Горели дома, подожженные ордами грабителей-зуагиров. Вопли взятых в плен женщин сливались с руганью сражавшихся мужчин. Там и сям мелькали жуткие фигуры в белых одеждах, зато туранских солдат вовсе не было видно. Так значит, Конан явился в форт не один, как ей думалось поначалу... Он пришел во главе стаи волков пустыни!

Впрочем, потрясенная Занара быстро собралась с мыслями.

Она была опытной шпионкой; в ее голове уже зрел план, как спастись самой и притом выполнить королевский наказ. Занара быстро надела белое одеяние, отысканное в одном из сундуков. Вооружилась длинным кинжалом с позолоченной рукоятью. Оттащила в сторону переломанное тело правителя, все еще смотревшее в потолок выпученными глазами. Ее проворные руки быстро нащупали пружину, управлявшую потайной дверью.

Раздался скрежет. Часть стены отодвинулась внутрь, открыв винтовую лестницу, уводившую вниз. Вернувшись к дивану, Занара ухватила бесчувственного Конана под мышки и, надсаживаясь, потащила неподъемное тело к тайной двери. Уложив его на ступеньки, она надавила пружину, запирая дверь изнутри. Конан знай храпывал, точно медведь в берлоге.

Занара бегом спустилась по лестнице, едва озаренной отсветами пожаров, проникавшими сквозь узенькие оконца. Ступени привели ее в круглую комнатку на уровне земли. Выход из башни управлялся пружинами вроде тех, что были устроены наверху. Занара выскользнула наружу и постаралась хорошенько запомнить место: ведь ей предстояло вернуться.

...Форт напоминал преисподнюю. Оказывается, зуагирь добрался до винных погребов и уже перепилился со всей беззаботностью первобытных кочевников, не привыкших к цивилизованному вкушению вина. Воины с факелами, хохоча, поджигали один дом за другим. Толпы полуголых пленниц гнали к главным воротам: слышались грубые шутки, свистел кнут...

Площадь перед казармами хранила следы ужасающей бойни. Плохо соображая спросонья, ослепшие от дыма, солдаты выбегали в единственную дверь — прямо под стрелы лучников-зуагиров, поджидавших на площади. Сотни мертвых тел горами лежали вокруг развалин казармы. А в самих развалинах виднелись обгорелые

трупы тех, кто угодил в огонь, не сумев добраться до двери... где все равно ждали стрелы.

В глубине внутренних строений форта обезумевшие от крови кочевники еще резались с разрозненными остатками Императорских Стражей, выбежавших на шум. Поистине, вот уже несколько десятилетий в туранских крепостях не случалось ничего даже отдаленно подобного нынешнему кровавому разгрому...

Однако многоопытную Занару испугать было непросто. Вид мертвых тел, наполнявших сточные канавы, отнюдь ее не смущал. Решительным шагом шла она вперед по улицам, освещенным пламенем пожаров, исчезая в темных дверных нишах всякий раз, когда впереди возникала очередная толпа зуагиров, с хохотом размахивавшая драгоценной добычей и гнавшая перед собой беспомощных пленниц...

Минуя узенький переулок, Занара услышала оттуда какое-то сдавленное мычание. Беглый взгляд, брошенный в потемки, натолкнулся на поверженное наземь тело. Женщине бросились в глаза остроконечный плем и кольчуга тонкой работы, несомненно принадлежавшие туранскому Императорскому Стражу.

Быстро наклонившись, Занара освободила рот мужчины от кляпа. Ей не составило труда признать в нем Ардашира из Акифа — вполне живого и целого, хотя дым близких пожаров грозил вот-вот его задушить.

Она перерезала его путы и жестом приказала ему следовать за собой. Тонкий пальчик, властно прижатый к губам, оборвал поток отборнейшей брани, хлынувшей было из уст храброго капитана. Ардашир был старым солдатом и привык подчиняться беспрекословно.

Они без особых приключений добрались назад, ко дворцу правителя, тем более что зуагиры, пресыщенные грабежом и попойкой, потянулись к выходу из форта. Лишь однажды туранцам попалась навстречу пара незваных гостей из пустыни. Кочевники, вооруженные лишь кривыми ножами, не сумели оказать достойного сопротивления. Несколько стремительных ударов Арда-

широва ятагана — и на земле остались лежать два окровавленных тела. Благополучно достигнув башни, Занара и Ардашир проникли в потайной ход. Не вполне понимая, чего от него хотят, Ардашир неохотно взошел вслед за женщиной по ступеням... но увидел Конана — и, выругавшись, вновь схватился за ятаган. Занара успела перехватить его руку:

— Уймись! Или ты не знаешь, что король осыпет нас золотом, получив живым этого дикаря?

Ардашир ответил красочным описанием того, куда, по его мнению, король Ездигер мог отправиться вместе со своим золотом:

— Этот пес запятнал мою честь! Я...

— Придержи язык, глупец, — посоветовала Занара. — Подумай лучше, что будет с тобой, когда королю донесут, что ты потерял убитыми целый отряд его возлюбленных Стражей — ты ведь знаешь, как он их ценит, — а сам не получил ни царапины?

— М-м-м, — замаялся Ардашир, заметно сникая. Занара же продолжала:

— Я не сомневаюсь, что лучшие королевские палачи станут держать совет, подбирая мерзавцу достойные муки в награду за все зло, причиненное им Турану... Подумай! Неужели ты пренебрежешь богатством и высоким званием ради того только, чтобы самому совершить месть?

Все еще ворча, Ардашир подчинился. Спрятав ятаган, он помог Занаре связать варвара по рукам и ногам. Потом Занара заглянула сквозь тайную щелку в опустевшие покои правителя и прошептала:

— Мы подождем до рассвета. К тому времени зуагиры уберутся из форта. Они так перепились, что наверняка пропустили какую-нибудь конюшню. Если не жалеть лошадей — будем вне опасности самое большее через полдня, а съестным можно запастись здесь же, во дворце. Мы поедем прямо в столицу. Если пленник начнет просыпаться, мы снова успокоим его моим порошком. Всего

пять дней — и он будет брошен в самую глубокую подземную королевскую тюрьму Аграпура!..

Говоря так, она не сводила глаз с недвижимого киммерийца, и взгляд ее горел торжеством.

4

ЗАМОК НА СКАЛЕ

Конан медленно приходил в себя. Голова отчаянно кружилась, в горле было сухо, как в пустыне, желудок сводила тошнота. Казалось, только что он сидел на роскошном диване во дворце Везиз Шаха, правителя форта Ваклы. Теперь его ложем была гнилая солома, по голым каменным стенам каплями стекала сырость, а когда он приподнялся и сел — по полу с испуганным писком шмыгнули крысы. От движения на руках и ногах звякнули тяжелые цепи. Они тянулись к кольцу, накрепко вмурованному в стену. А из одежды ему оставили лишь набедренную повязку.

Голова Конана раскалывалась от боли, язык присох к гортани. Вдобавок ко всему его мучил голод. Конан не пожалел больной головы — могучий рык его раскатился по всему подземелью:

— Эй, тюремщики! Чего дожидаетесь — чтобы я сдох от жажды и голода? А ну живо принесите еды и питья! И что это за адова дыра, хотел бы я знать?

Прошуршали шаги, послышалось звяканье связки ключей: по ту сторону железной решетки возник бородатый тучный тюремщик.

— Ага! — сказал он. — Наконец-то очнулся, западный пес!.. Знай же: ты в Аграпуре, в дворцовых подземельях короля Ездигера. Вот хлеб и вода. Подкрепись — тебе еще понадобятся силы, чтобы достойно оценить сердечную встречу, приготовленную королем...

Он просунул меж прутьев хлебец и маленький кувшин и удалился — лишь отзвуки его смеха еще какое-то

время блуждали по коридору. Изголодавшийся киммериец жадно накинулся на пищу. По крайней мере незачем было опасаться отравы. Если бы королю вздумалось быстро прикончить его, проще всего было бы это сделать, пока он лежал без сознания...

Кое-как утолив голод, Конан задумался о своем положении. Итак, он находился в руках злейшего своего врага — того самого короля Ездигера, что еще годы назад сулил баснословную награду за его голову. Сколько наемных убийц, соблазненных туранским золотом, покушалось на Конана! Цели не достиг ни один — с иными из них Конан разделался сам, другим не удалось к нему даже приблизиться. Но, видно, у короля Ездигера была цепкая память, а ненависть в его сердце ничуть не ослабла оттого, что давний недруг сам сделался королем, взойдя на трон далекой Аквилонии. И вот наконец хитрость женщины отдала Конана во власть безжалостного врага... Обычный человек содрогнулся бы, уstraшенный ужасной судьбой, которая наверняка его ожидала.

Обычный человек — но только не Конан! Он принял случившееся со стоическим бесстрашием настоящего варвара и, не тратя времени на горестные сетования по поводу превратностей судьбы, впряг свой плодovitый разум в работу. Один за другим строил и отвергал он всевозможные планы, как все-таки вырваться на свободу и натянуть нос мстительному Ездигеру...

Минуло время, и вот в коридоре снова прозвучали шаги. Конан подобрался, глаза его нехорошо сузились. Снаружи раздалась команда, и шаги замерли. Конан разглядел сквозь решетку с десятков стражников с обнаженными ятаганами в руках; позолоченные кольчуги мерцали в факельном свете. Двое держали наготове тяжелые боевые луки. Вот вперед вышел высокий, крупного сложения офицер, и Конан узнал в нем Ардашира. Голос Ардашира прозвучал металлически-резко:

— Шапур и Вардан! Хорошенько свяжите варвара и наденьте ему петлю на шею. Лучники! Держите его на прицеле, чтобы не вздумал шутить!

В камеру вошли двое солдат. Один нес шестифутовое бревно толщиной в несколько дюймов, другой держал крепкую веревку. Глаза Ардашира горели злорадством, пальцы подергивались. Он был бы рад немедленно, собственной рукой расправиться с пленником: сдерживало его лишь железное самообладание бывалого офицера. Обращаясь к Конану, он прошипел:

— Одно движение, пес, и твое сердце изведает меткость моих стрелков! Я рад был бы сам прикончить тебя, но теперь ты принадлежишь королю!

Холодные голубые глаза Конана невозмутимо встретили взгляд взбешенного офицера... Солдаты водрузили бревно ему на плечи, заставили развести руки и накрепко привязали их к бревну. Пока они возились с веревкой, Конан незаметно напряг могучие мышцы, так, чтобы охватившие их петли оказались пошире.

Тюремщик разомкнул его цепи лишь после того, как был завязан последний узел.

— Рано или поздно вы получите по заслугам, туранские псы, — проворчал Конан. — Вот увидите.

Лицо Ардашира исказилось от ярости, ответ его был подобен плевку:

— А ты, негодяй, получишь свое! Скоро тобой займутся королевские палачи! Ни одна попытка, изобретенная человеческим рассудком, не минует тебя! — И Ардашир рассмеялся почти истерически: — Хватит болтать! Следуй за мной, вшивое величество, король засиженной мухами Аквилонии!

Махнул рукой стражникам — и маленький отряд двинулся сырым коридором. Связанный варвар шел посередине, неся бревно на плечах. Он был насторожен, как попавший в клетку волк, и, как волк, был готов использовать любую мало-мальски выгодную ситуацию. При этом он не задумывался о чудовищном неравенстве сил, не тратил времени на бесполезную перебранку с врагами,

не попрекал себя самого за кратковременную утрату бдительности, повлекшую плен. Все его существо было готово к мгновенному действию — лишь бы подвернулась возможность.

Каменная лестница нескончаемо вилась кверху. Конану не завязали глаз, и он зорко впитывал малейшие детали. Дворцовое подземелье явно находилось на большой глубине. Поднимаясь, они миновали несколько этажей, и на каждом стоял стражник с ятаганом наголо или с пикой, изготовленной к бою.

Дважды они миновали узенькие окошки, и Конан сумел бросить взгляд наружу. Сумеречное небо свидетельствовало: стоял не то поздний вечер, не то раннее утро. Только тут он сообразил, откуда доносился рокот прибоя, немало удивлявший его еще внизу, в камере. Дворец стоял на окраине Аграпура, на громадном утесе, отвесно обрывавшимся прямо в волны моря Вилайет. В этом-то утесе и были выдолблены темницы. Вот, оказывается, почему в оконных щелях мелькало небо, несмотря на то, что они еще не добрались до нижнего этажа самого дворца... На всякий случай Конан это запомнил.

...Дворец оказался на диво громадным. Маленький отряд шел сквозь бесконечные комнаты с фонтанами и драгоценными вазами, в которых, приторно благоухая, красовались невиданные цветы. Звук шагов то отдавался под высокими сводами, то тонул в мягких коврах. Да, здесь роскошь Востока поистине не знала предела...

И повсюду, точно изваяния в латах, стояли солдаты с непроницаемыми лицами и настороженными глазами.

Но вот они остановились перед гигантскими позолоченными дверями. Створки уходили на добрых пятьдесят футов вверх, скрываясь в полутьме. Таинственные арабески сплетались, как змеи, на всей их поверхности: драконы, герои, волшебники гирканских легенд — кого только там не было!

Ардашир вышел вперед, и рукоять его ятагана прозвенела о золотую плиту. Как бы откликнувшись, исполинские двери медленно растворились. Слуха Конана достиг приглушенный гул голосов громадной толпы.

Тронный зал оказался обширнейшим помещением из всех, какие Конану доводилось когда-либо видеть, — а ведь ему случалось бывать и в роскошных чертогах Немедии и Офира, и в продымленных деревянных хорах Асгарда и Ванахейма. Гигантские мраморные колонны возносились к потолку, спорившему высотой с самим небесным сводом. Несчетное множество ламп, факелов и свечей в канделябрах освещало драгоценные занавеси и картины. А позади трона виднелись высокие окна, забранные цветными витражами. Снаружи сгустилась ночь, и окна были закрыты.

Глазам вошедших предстала блестящая и многочисленная толпа: уж верно, в зале собралось не менее тысячи человек. Были там немедийцы, одетые в короткие юбки, шаровары и кожаные башмаки; офиры в плащах, ниспадавших пышными складками; коренастые чернобородые шемиты с ног до головы в шелках; перебежчики-зуагиры; вендийцы в обширных чалмах и одеждах из тонких, просвечивающих тканей; посланцы далеких Черных Королевств юго-запада, разнаряженные на свой варварский лад. Был там даже одинокий светловолосый воин с дальнего севера, облаченный в простую черную рубашку. Чужой всем собравшимся, северный воин сурово смотрел прямо перед собой, положив могучие руки на крестовину тяжелого длинного меча, вдетого в ножны...

Иные из собравшихся в этом зале бежали к королю Ездигеру от гнева правителей своих стран, другие продали родину, сделавшись туранскими шпионами и соглядатаями, третьи были просто посланниками. Империя Ездигера росла день ото дня, но жадность короля не знала границ. Разборчивостью же в средствах он не отличался никогда.

Рев золотых труб отдался под сводами зала. Поспешно расступились придворные, освобождая дорогу, и во-

ины, ведущие Конана, вновь запагали вперед. Тройное возвышение оказалось так далеко, что стоявших там людей невозможно было как следует разглядеть от двери. «Ничего, — сказал себе Конан, — сейчас подойдем, разберемся!» Любопытство снедало его. Много лет назад, будучи то военным вождем зуагиров, то адмиралом пиратов моря Вилайет, то предводителем химелийских горцев, то гетманом казаков, он сражался против этого восточного деспота, но лицом к лицу не встречался с ним еще никогда...

Одним словом, Конан смотрел прямо вперед, на человека на золотом троне, и оттого не заметил, как изумленно округлились глаза светловолосого великана. Северный воин неожиданно узнал пленника, шагающего к трону, и так стиснул меч, что побелели костяшки пальцев. Взгляд его неотступно следовал за киммерийцем.

Король Ездигер оказался смуглокожим гигантом. У него была короткая черная борода, блестящие глаза и тонкие губы, кривившиеся в жестокой усмешке. Разврат, царивший при туранском дворе, наложил печать на его суровое, сумрачное лицо. Мешки под глазами и преждевременные морщины сильно старили короля, но тело его все еще было телом воина — поджарым, мускулистым и крепким. Распущенность грозила со временем превратить его в развалину, однако покамест в нем было более чем достаточно сил. Блестящий стратег, наделенный замашками грабителя, Ездигер более чем вдвое расширил владения, доставшиеся ему по наследству от короля Йилдиза, человека слабого и нерешительного. Он обложил данью города-государства Бритунии и восточного Шема. Его одетым в кольчуги наездникам случалось разбивать армии стран столь удаленных, как Стигия и Гиперборея. Хитроумный Митридат, король Заморы, лишился приграничных провинций и усидел на троне лишь ценой униженного повиновения завоевателю...

...Одетый в великолепные шелка и золотую парчу, король Ездигер развалился на блистающем троне с обманчивой непринужденностью залегшей пантеры. По

правую руку монарха сидела женщина, и у Конана кровь залокотала в жилах от ярости, когда он узнал ее: Занара!.. Наряд, подобающий знатной туранке, оттенял ее чувственную красоту, в роскошных черных волосах переливалась усыпанная бриллиантами диадема. Прекрасная шпионка с торжеством разглядывала связанного, безоружного пленника. Вот король отпустил какую-то зловещую шутку, и ее смех слился с хохотом придворных, стоявших у трона...

Стражники остановились перед возвышением. Глаза Ездигера горели, он наслаждался долгожданной победой. Наконец-то он схватил человека, который убивал его солдат, жег его города и топил корабли! Жажда близкой мести подхлестывала нетерпение короля, внешнее спокойствие давалось ему не без труда.

Воины во главе с Ардаширом преклонили колена, касаясь лбами мраморного пола. Конан кланяться не пожелал. Он стоял гордо и прямо, скрестив взгляд со взглядом властелина Турана, и в голубых глазах пылало холодное пламя. Весь вид киммерийца дышал грозным презрением и непокорством. Придворные начали перешептываться, вполголоса припоминая его прежние подвиги. Многие знали Конана под иными, не менее страшными именами. Пленный и связанный, этот человек все еще вызывал у них трепет...

Между тем коленопреклоненный Ардашир ощутил, как натянулась веревка, которую он держал. Капитан оглянулся, и ярость исказила его лицо. Он злобно рванул веревку, затягивая петлю на шее Конана. Обычный человек потерял бы равновесие и упал, но Конан стоял, как скала, лишь шейные мышцы канатами вздулись под кожей, не давая петле врезаться в горло. Потом он неожиданно наклонился вперед и вновь выпрямился, сильно дернув веревку. Это застало Ардашира врасплох: сбитый с ног, он растянулся на полу, громко лязгнув доспехами.

— Я не намерен кланяться гирканским собакам! — голос Конана громом раскатился по залу. — Ты во-

юешь руками женщин, король! Способен ли ты сам держать меч? Что ж, я тебе покажу, как пристало драться мужчине!

Говоря это, Конан расслабил напряженные мышцы рук, и веревка, державшая бревно, провисла. Обхватив его пальцами левой руки, он быстрым рывком высвободил правую кисть. Потом перекинул бревно вперед и выпростал левую руку.

Ардашир вскочил на ноги и бросился к нему, выхватывая ятаган. Конан огрел его бревном по шлему с такой силой, что туранец отлетел прочь и покатился по полу, точно брошенная кукла.

На какой-то миг все вокруг застыло от изумления, потрясенные случившимся: его избавление от пут было похоже на чудо. Конан не преминул этим воспользоваться. Конец бревна взвился вверх, превратив в кровавое месиво лицо какого-то воина. Мгновенно повернувшись, Конан швырнул бревно в стражников, только-только поднявшихся с колен и протянувших руки к оружию. Солдаты с грохотом повалились друг на друга.

С быстротой и гибкостью леопарда Конан прыгнул вперед и подхватил ятаган, оброненный Ардаширом... Кто-то из придворных попытался было остановить его у подножия тронного возвышения, но киммериец без труда прорубил себе путь и взлетел наверх по ступенькам.

Король поднялся ему навстречу, выхватывая из ножен свой собственный ятаган. Ярko блеснули драгоценные камни на рукояти, когда королевский клинок взвился, отбивая страшный удар, нацеленный в голову. Но не в человеческих силах было задержать этот удар. Ятаган Ездигера разлетелся вдребезги. Клинок Конана рассек бесчисленные складки снежно-белого тюбана, разрубил украшенный перьями райских птиц аграф, красовавшийся надо лбом, и помял стальной шлем, который король Ездигер носил под тюбаном.

Шлем спас жизнь владыке Турана: удар, предназначавшийся раскроить ему голову, лишь отбросил его ог-

лушенным назад. Свалившись прямо на сверкающий трон, Ездигер опрокинул его и вместе с троном скатился по ступеням с другой стороны, разметав кучку стражников, бросившихся было вперед.

Разъяренный киммериец готов был прыгнуть следом и все-таки добить короля... Поздно! Верные слуги уже вытаскивали Ездигера из толчеи, начавшейся около трона. Конана окружили со всех сторон. Куда ни глянь, отовсюду надвигались острые мечи и наконецники копий...

Ятаган Конана чертил в воздухе стремительный смертоносный узор: киммериец превосходил самого себя в боевом мастерстве. Яростное упоение битвы выжгло в нем всякие следы пребывания в сырости подземелья, все последствия дурманного сна. Если ему суждено умереть — он умрет, сжимая в руке меч, смеясь и разя, он по праву займет свое место в Чертоге Героев...

Вот стремительный удар вспорол чей-то живот; миг — и еще одно туранское сердце остановилось пробитым, не спасла и кольчуга. На какое-то время Конан даже очистил тронное возвышение от солдат и придворных и остался стоять один среди трупов на залитых кровью ступенях. Нет, не один: госпожа Занара, пригвожденная ужасом, все еще сидела в своем кресле. Хрипло расхохотавшись, Конан сорвал с ее головы драгоценную диадему — и не глядя швырнул женщину прямо в клубящуюся толпу.

Вот солдаты заслонились щитами и вновь двинулись к нему, сплошным частоколом выставив перед собою мечи и острые копыя. Позади них лучники примеривали стрелы к тетивам. Безоружные придворные отхлынули к дальним стенам и заворуженно следили за схваткой.

Конан взмахнул над головой ятаганом, и его яростный смех породил эхо под сводами. Кровь текла по его телу; вражеские клинки уже не раз достали его — впрочем, раны были неглубоки. Сейчас он умрет. Окруженный врагами, одинокий и без брони. Ни сила, ни быстрота не спасут его от одновременного удара десятка

отточенных лезвий. Сейчас он умрет, но это его не страшило. Он лишь надеялся прихватить с собой в темноту побольше врагов...

И тут из-за спин нападающих послышался звон стали. Хлынула кровь, ледяной молнией мелькнул длинный северный меч. Светловолосый гигант прорубал себе путь сквозь ряды закованных в латы врагов. Наконец, оставив за собой на полу три окровавленных трупа, северянин могучим прыжком взлетел на тронное возвышение и встал рядом с Конаном. В левой руке он держал два тяжелых круглых щита из кожи и бронзы — их потеряли стражники, которых Конан расшвырял в самом начале.

— Держи! — крикнул светловолосый и бросил Конану один из щитов. Конан ловко поймал его и взглянул в глаза северянину:

— Рольф!.. Ты-то что здесь делаешь, старый полярный медведь?..

— Потом расскажу, — проворчал тот, надевая на руку второй щит. — Расскажу, коли останемся живы. А коли нет — я буду драться и умру рядом с тобой!

Однако неожиданное появление столь грозного союзника уже отогнало от Конана все мысли о неминуемой смерти.

— Кто следующий, шакалы? — крикнул он, дразня врагов окровавленным ятаганом. — Ну, кому не терпится в ад? Вперед, трусливые шавки! Или я должен напасть на вас первым?

Туранские латники переминались на некотором расстоянии от тронного возвышения. Два исполина-варвара стояли спина к спине: один — черноволосый и полуголый, другой — светлоголовый, в черной рубахе. Они походили на двух царственных тигров, обложенных боязливыми охотниками. Кто решится приблизиться и нанести первый удар?..

— Лучники! — крикнул какой-то офицер, взявшийся командовать туранскими стражниками. — Окружить их, лучники, и расстрелять!

— Кажется, брат, это конец, — прорычал Рольф. — Эх, были бы у нас крепкие асгардские кольчуги... Что ж, мы неплохо сражались!

— А мне кажется, что это еще не конец, — сказал Конан. — Видишь эти окошки? Вот что... — И, обернувшись к товарищу, он быстро шепнул ему несколько слов. Рольф согласно кивнул, и два великана одновременно рванулись вперед. Два клинка заматались, точно разъяренные змеи. Стражники валились один за другим. Уцелевшие откатнулись прочь, не выдержав отчаянного натиска варваров.

— За мной, Рольф! Подпалим шерсть вонючим шакалам!.. — рычал киммериец, раздавая удары налево и направо. Он неудержимо прорубался вперед; северянин прикрывал его сзади, и туранцы валились под его мечом, подобно сжатым колосьям. Глаза Рольфа горели безумием битвы, он громко и грозно, во весь голос, пел древнюю боевую песнь своего народа, и с каждой строфой падало по врагу.

Их было невозможно остановить. Мечи и копья туранцев вотще алкали их крови. Вражеская сталь отлетала от подставленных щитов; сами же варвары наносили удары с такой быстротой, что глаз не поспевал уследить. Черная рубаша Рольфа была изорвана в клочья, на теле Конана кровоточило несколько ран, кучи мертвых тел громоздились кругом — а двое друзей были по-прежнему на ногах и сражались с неослабным упорством.

Оказавшись в конце концов против одного из широких окон, Конан и Рольф последним невероятным усилием заставили солдат отпрянуть на несколько шагов прочь. Суеверным гирканцам казалось: не смертные люди противостояли им, но два стальных великана, оживленные магической силой и явившиеся совершить ужасную месть!

Конан мгновенно воспользовался их замешательством. Драгоценное стекло витража разлетелось мириадами разноцветных осколков под ударом его ятагана: открылась зияющая дыра. Два меча и щита полетели в

лицо врагам. Киммериец и северянин разом взлетели на подоконник и исчезли, бросившись наружу. Подбежавшие стражники услышали лишь отзвук дерзкого смеха да плеск морских волн, разбивавшихся о скалу у подножия двухсотфутового обрыва.

— Лучники!.. — раздался пронзительный крик офицера. — Живо достать их! Не жалеть стрел!..

Пятеро солдат, вооруженных могучими гирканскими луками, тотчас подбежали к окну. Зазвенели тетивы... Вскоре, однако, старший из лучников досадливо передернул плечами и обратился к офицеру:

— Прости, господин, но расстояние слишком велико, а лунный свет неверен. Мы не можем даже различить, где они всплыли. К тому же они все время ныряют и плывут под водой...

Офицер злобно глянул на лучника — и, делать нечего, поплелся в королевский покой. Между тем король Ездигер вполне оправился от полученного удара, лишь на лбу белела повязка, частично скрытая тюрбаном. Офицер начал докладывать, но король, не дослушав, грохнул по столу кулаком так, что на пол посыпались вазы и кувшины вина.

— Ты посмел упустить его! Он сбежал, втоптал в грязь величие и честь Турана!.. У меня не солдаты, а слепые щенки — сотни не сумели справиться с двоими! Завтра же велю казнить каждого десятого стражника. Быть может, хоть это укрепит мужество остальных!.. — Король остановился перевести дух и продолжал уже чуть спокойнее: — Приказываю немедленно приготовить две боевые галеры. Варвары наверняка попытаются украсть лодку и пересечь море. Мы их догоним. Проследи, чтобы корабли были хорошо снабжены. Собери моих лучших воинов и моряков. Да посади на весла самых сильных рабов! Когда я схвачу негодяев, им придется изведать тысячу медленных смертей в пыточных стенах Аграпура...

Король даже засмеялся, предвкушая жестокую месть, и величественным жестом отпустил офицера. Тот опро-

метью кинулся сквозь толпу придворных, спеша исполнить приказание властелина.

Хозру-рыболов сидел на корме своей лодки, терпеливо латая сеть, изорванную огромным осетром, запутавшимся в ней в тот вечер. По счастью, яркая луна давала достаточно света, и Хозру надеялся до утра еще порыбачить.

Боги за что-то гневались на бедного Хозру: это была отличная сеть. Он отдал за нее шемитскому купцу две золотые монеты и вдобавок пообещал ему пятьдесят фунтов рыбы из первого же улова. Хозру сам понимал, что шемит содрал с него втридорога, но что он мог поделаться? Рыбаку, живущему морем, нужна хорошая снасть, иначе недолго и ноги с голоду протянуть...

Конечно, хотелось бы обзавестись еще кое-чем: приодеть многочисленную семью, подновить ветхий домишко. Но все плоды каждодневных трудов съедал непосильный налог, установленный королем. Сборщики налогов без зазрения совести пускали в ход кнут. Всякий раз, когда рыбы косяки проходили мимо сетей, на спине Хозру появлялись новые шрамы...

Подняв голову, рыбак с застарелой беспомощной ненавистью взглянул на далекий дворец. Облитый лунным сиянием, дворец высился над утесом, похожий на огромного стервятника, изваянного из золота и мраморных глыб...

Внезапно шлюпка качнулась так, что Хозру едва не вывалился в воду. Торопливо вскочив, он в ужасе вытаращил глаза при виде полугололого исполина, перелезавшего через борт. Не иначе, это злобный морской демон поднялся из неведомой глубины, чтобы пожрать тело несчастного рыбака и навек сгубить его душу!..

Тем временем жуткое видение опустилось на банку, тяжело переводя дух. У него были голубые глаза и густые растрепанные черные волосы, с которых ручьями лилась вода. Потом видение заговорило по-гиркански, и притом вполне понятно, хотя и с вар-

варским акцентом. Хозру чуточку приободрился: согласно легендам, демоны не владели человеческой речью. Но почти тотчас же рыбака снова кинуло в дрожь — через борт полезло второе ужасное существо, на сей раз золотоволосое и в изодранной черной рубахе, но зато с широким кинжалом у пояса.

— Не бойся, приятель, — прогудел черноволосый гигант. — Мы вовсе не собираемся пускать тебе кровь. Нам нужна только твоя плоскодонка. — Он сунул руку за пояс и вынул сверкающую, украшенную бриллиантами диадему: — За это ты купишь десяток таких же корыт, если не больше. Ну что — согласен?..

У бедного Хозру голова шла кругом. Схватив бесценную диадему, он с быстротой испуганной мыши прыгнул в маленький тузик, причаленный к корме большой лодки, и погнал его прочь отчаянными ударами весел.

Странные покупатели не тратили времени даром. Хозру видел, как они сноровисто подняли парус, и быстроходное суденышко, подгоняемое свежим ночным бризом, взяло курс на восток.

Окончательно сбитый с толку рыбак только покачал головой. Бросив весла, он долго сидел в своем тузике, разглядывая чудесную диадему. Драгоценные камни сверкали в лунных лучах белым огнем, от которого было больно глазам...

5

И КРОВЬ ОКРАСИЛА ВОЛНЫ...

Свежий ветер гудел в снастях и срывал с гребней волн соленую пену. Конан-киммериец дышал полной грудью, смакуя воздух свободы, а перед умственным взором чередой проносились воспоминания. Много лет минуло с той поры, когда он водил в набеги пиратов Вилайета и ураганом проносился по морю, оставляя за собой дымящиеся развалины туранских портов...

Внутреннее море и по сей день почти безраздельно принадлежало гирканцам. На его просторах господствовали быстроходные туранские боевые галеры. Отчаянные купцы из небольших государств северо-восточного побережья ухитрялись как-то поддерживать торговлю, хотя пересекать море Вилайет на купеческом корабле было весьма и весьма небезопасно. Любой туранский капитан мог вполне безнаказанно задержать, ограбить и потопить чужеземное судно. Объяснение при этом давалось очень простое: «Нарушение интересов повелителя Туранской Империи»...

Но кроме ненасытных мародеров короля Ездигера была и еще опасность, не менее грозная: пираты! Пестрое сборище беглых рабов, преступников всех мастей, грабителей и странствующих искателей приключений жаждало золота и ни в грош не ставило человеческую жизнь. Вилайет кишел пиратскими кораблями, внушавшими ужас даже мореплавателям Турана. В лабиринтах островов у юго-восточного берега располагались тайные гавани корсаров.

Междоусобные стычки, то и дело вспыхивавшие на радость королю Ездигеру, долго не давали пиратам вернуться как следует. Так продолжалось до тех пор, пока меж ними не появился удивительный варвар с Запада, голубоглазый и черноволосый. Конан жиео приструнил задир капитанов и сам встал у руля. Он объединил пиратов и сумел превратить их в грозное оружие, нацеленное в самое сердце Турана...

Конан улыбнулся, припомнив золотые деньки, когда его имя служило проклятием в гаванях Вилайета, а в портовых храмах звучали молитвы и заклинания, которыми надеялись его погубить.

...Рыбацкая шлюпка оказалась славным быстроходным суденышком. Острый нос рассекал волны, как ятаган, единственный парус, туго наполненный ветром, легко мчал ее вперед. Минуло уже почти двадцать часов с тех пор, как остался за кормой Аграпур, и Конан полагал, что они двигались быстрее туранских боевых кораблей.

Но если ветер утихнет, им придется несладко. На веслах им никогда не уйти от галер, разгоняемых слитным усилием рабов, послушных удару бича... По счастью, ветер и не думал стихать. Опытный Рольф мастерски управлялся с парусом, выжимая из лодки всю возможную скорость.

Пока длилось плавание, северянин успел поведать Конану историю долгих скитаний, приведших его в Аграпур:

— ...и вот я здесь, изгнанный сперва из родного Асгарда, а теперь и из Турана.

Конан заметил:

— Ты ведь вроде неплохо устроился при туранском дворе. И что тебе понадобилось связываться со мной?

— Неужели ты думаешь, — оскорбился Рольф, — что я позабыл, как ты спас мне жизнь в той битве с гиперборейцами в Грааскальских горах?..

— И правда, было дело, — хмыкнул Конан. — Пережив столько битв, не грех кое-что и запомнить! — Прикрыв ладонью глаза, он оглядел чистую синеву горизонта и утрировано добавил: — Не сомневаюсь, что за нами по пятам уже мчится парочка галер Ездигера. У него теперь одно шило в заднице — отомстить! Он не скоро забудет, как мы оттащали его за бороду!

— Верно сказано, — пробурчал Рольф. — Только бы ветер не скис, не то мигом окажемся носом к носу с галерами!

Однако проворный ум Конана был уже занят иной мыслью.

— Когда я ходил на кораблях Алого Братства, — подумал он вслух, — мы нередко прочесывали здешние воды, поджидая жирных купцов из Султанапура или Хоарезма... Те купцы, правда, здорово дрались: бывало, наша кровь щедро красила волны, прежде чем удавалось взять добычу... Ей же ей, где-нибудь поблизости и теперь должны болтаться пиратские корабли! — И его орлиные глаза продолжали обшаривать безбрежное морское пространство. Минуло некоторое

время, и вот он выпрямился, указывая рукой: — Гляди, Рольф! Я был прав! Видишь желтые паруса по правому борту? Это может означать лишь одно: пираты! Пожалуй, можно спустить парус и подождать, пока они подойдут. Удирать бесполезно: если они захотят, они догонят нас в полчаса...

Замеров в ожидании, внешне спокойный и невозмутимый, он пристально вглядывался в подходивший корабль.

Конан с наслаждением впитывал скрип весел, воровавшихся в гребных люках, запах смолы и крики боцманов, долетавшие с пиратского корабля. Узкая парусная галера была уже в полукабельтове от них. Желтый парус так и горел в лучах послеполуденного солнца, на верхушке мачты развевался черный флаг Братства. Конан и Рольф сели на весла и погребли навстречу галере.

Над планширем торчал длинный ряд голов. Одни были повязаны цветными платками, другие — на восточный лад увенчаны тюрбанами, третьи — покрыты бронзовыми или стальными шлемами. Кое у кого на бритых черепах красовалось по одному-единственному локону. По мере приближения маленькой лодки стихал говор и смех. Множество холодных безжалостных глаз внимательно разглядывало двоих незнакомцев.

Вот лодка ткнулась носом в высокий борт галеры. Сверху спустили веревку; Конан и Рольф взобрались по ней с ловкостью опытных моряков. Спрыгнув с планширя, они оказались в окружении любопытных пиратов: те тотчас засыпали их вопросами, перебивая и перекрикивая друг дружку. Не торопясь отвечать, Конан обвел их взглядом и приметил нескольких, ходивших с ним в прежние времена.

— Эй, псы! — прорычал он. — Не узнаете меня? Что, ослепли от старости? Или память стала дырявая? Напомнить вам мое имя?..

— Призрак! Это призрак, во имя Тарима!.. — трясущимися губами пробормотал один из них. — Сохрани

нас Эрлик! Наш адмирал восстал из могилы!.. — Старый пират, поседевший в сражениях, содрогался от ужаса, указывая пальцем на Конана: — Ты погиб много лет назад! Тебя сожрали вампиры Колчианских гор! Они напали на твоих людей, когда, отомстив шахпурцу Артабану, вы уходили от туранских солдат... Сгинь, призрак! Не губи наши души!

Конан огрел себя по бедру ладонью и громогласно расхохотался. Потом выдернул кинжал из ножен на поясе Рольфа и метнул его: лезвие ушло в палубу на несколько дюймов. Ухватив за рукоять, Конан высвободил кинжал и рывком:

— Ты вовсе выжил из ума, Артус! Где ты видел, чтобы призраки метали кинжалы? Слушай, парень, да я живее вас всех тут, вместе взятых. Что, проломить пару голов, чтобы вы поверили наконец? Я спасся и от вампиров, и от туранцев, а что было со мною потом — не ваше дело. Ну, узнали меня?

Испуг сменился весельем: старые сподвижники Конана обступили могучего киммерийца, торопясь пожать ему руку и огреть ладонью по спине. А те, кто никогда его прежде не видел, спешили разглядеть человека, чье имя давно стало легендой, а подвиги — любимой темой для разговора в тихий вечер за стаканом вина...

Внезапно радостный гам прорезал чей-то повелительный голос:

— А ну, прекратить! Что происходит? Кто это такие? Я, кажется, ясно велел выловить их из воды и привести немедленно ко мне!

На мостике, рассерженно стуча кулаком по перилам, стоял высокий мужчина в легкой кольчуге и ярко-красном платке, повязанном на голову. От глаза до подбородка, уродуя длинное, узкое лицо, тянулся скверно заживший шрам.

— Капитан, да это же Конан! — весело прокричал старый Артус. — Наш адмирал жив! Он вернулся к нам!

Капитан без труда распознал бронзовую фигуру киммерийца, и его близко посаженные глаза вспыхнули

злым огоньком. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но Конан опередил его:

— Ты страшно рад видеть меня, правда, Янак? Небось вспомнил, как я вышиб тебя с флота за то, что ты припрятал добычу, по праву принадлежавшую всем?.. И как это ты исхитрился снова стать капитаном, ума не приложу. Должно быть, Братство нынче переживает совсем уже скверные времена...

Янак оскалил зубы и крикнул в ответ:

— А вот за это, варвар, тебя подвешат вниз головой и поджарят над корабельным очагом. Здесь команду я! Я — капитан!

— Это верно, — отвечивал Конан. — Как и то, что я — по-прежнему член Братства! — Он с вызовом огляделся вокруг и, не услышав возражений, продолжал: — Каждый член Братства имеет право предложить капитану корабля поединок и в случае победы занять его место. Так вот, я требую поединка, Янак!

Он подкинул и снова поймал кинжал, позаимствованный у Рольфа. Это было грозное оружие с широким восемнадцатидюймовым лезвием, но все-таки не меч. Им с Рольфом пришлось бросить свои мечи во время побега из дворца Ездигера; теперь у них был на двоих только этот кинжал.

Команда встревоженно загудела. Все знали — по правилам капитанского поединка Конан должен был драться лишь тем оружием, которое было при нем в момент вызова, тогда как Янак мог выбрать, что пожелает. Ко всему прочему, Янак был в кольчуге...

Артус схватил киммерийца за локоть:

— Это сумасшествие, Конан! Янак изрубит тебя на кусочки! Я видел, как он дрался один с троими пьяными задирами — и всех уложил. Позволь, мы выкинем его за борт и провозгласим тебя капитаном. Все твои прежние соратники — на твоей стороне!

Конан отрицательно мотнул головой, проворчав:

— Зато другая половина команды не знает меня совсем, и такое им навряд ли понравится. Что хорошего,

если люди разобьются на кучки и станут коситься друг на друга? Как же мы сражаться-то будем? Нет, старина, все должно совершиться согласно обычаю!

Команда тем временем освобождала место около мачты. Подошел Янак. На рассеченном шрамом лице капитана блуждала злорадная улыбка: он держал в руке острый прямой меч — изделие искусного оружейника. Блестящее лезвие, отточенное, как бритва, плавно сбегало к концу. Двумя руками Янак согнул и разогнул его несколько раз: в самом деле, великолепный клинок...

Конан покрепче перехватил рукоять кинжала и тоже шагнул к мачте. Вокруг нее на палубе уже вычертили углем широкий круг ярдов шести в поперечнике. Правила поединка были просты. Разрешался любой прием, любая уловка. Схватка длилась до смерти или по крайней мере до тех пор, пока один из соперников не падал с ног, изнемогая от ран: в этом случае проигравшего отправляли на корм рыбам. Если же кто-либо из поединщиков оказывался за пределами очерченного круга, зрители немедленно вталкивали его обратно.

Конан едва успел вступить в круг, как Янак прыгнул вперед. Его меч со свистом рассек воздух, но киммериец был слишком опытным бойцом и не дал застать себя врасплох. Он проворно отскочил в сторону, и Янак спасся от его кинжала лишь тем, что в последний момент успел отчаянно изогнуться всем телом. Это заметно добавило ему осторожности: он понял, что кольчуга и длинный меч не принесут легкой победы, хотя превосходство оружия, пожалуй, стоило роста и силы киммерийца.

Несколько раз Янак неожиданно атаковал, сопровождая свои удары криком и руганью. Конан молча и без видимого усилия отбивал его выпады, пятясь по кругу. Насмешки пиратского капитана, призывавшего остановиться и решить дело, его нисколько не трогали.

Тогда Янак прибег к хитрости. Дождавшись, пока они с Конаном окажутся по одну сторону мачты, он высоким

прыжком взвился в воздух, одновременно рубанув сверху вниз по непокрытой голове киммерийца.

Конан отреагировал молниеносно. Он не попытался отскочить прочь, нет! Он метнулся вперед. Меч Янака просвистел за его спиной, не причинив вреда, зато кинжал киммерийца по рукоять вошел в живот врага — легкая кольчуга не задержала ужасающего удара. Очередное проклятие замерло на языке у пирата; он рухнул на палубу, изо рта хлынула кровь, рука выпустила меч. Нагнувшись, Конан поднял его за одежду и могучим размахом швырнул мертвое тело через головы команды за борт. Потом поднял оброненный меч и ледяным взглядом обвел ряды притихших пиратов:

— Ну что, парни? Как теперь зовут вашего капитана?

— Конан!.. — дружно заорала команда. Усомнившись, кажется, не нашлось. Какое-то время Конан наслаждался триумфом и вновь приобретенной властью. Потом его громовой рык погнал людей по местам:

— А ну, к шкотам и за весла, лентяи! Кто-нибудь — на мачту, да поживей! У меня на хвосте сам король Ездигер, но, во имя Крома, придется ему за нами побегать! Повеселимся, ребята!

Кое-кто невольно ахнул, услышав, что величайший гонитель Братства находился так близко. И все-таки почти священная вера в капитана Конана была столь велика, что сомнения очень скоро отпали. Многие помнили — Конан не раз выходил из самых гибельных ситуаций, то силой, то хитростью добывая победу. И те, кто видел это своими глазами, спешили поведать остальным.

Конан одним прыжком оказался на мостике и прокричал:

— Поднять парус! Курс — юго-восток!

Люди послушно схватились за фалы, помогая себе задорным моряцким напевом. Желтый парус развернулся над головами и выгнулся, наполняемый ветром. Пират у руля налег на правило, разворачивая узкий, стройный корабль. Галера птицей полетела на юго-восток...

— Значит, Артус, ты решил, что Конан свихнулся? Во имя Крома, я очень надеюсь, что и Ездигер думает так же!

Смеясь от души, киммериец откинулся к спинке кресла и поднес к губам кубок с вином. Дело происходило в капитанской каюте. Конан не преминул завладеть гардеробом своего покойного предшественника и облачиться в красочный наряд вилайетского пирата: алые шаровары, ботфорты, желтая, с широкими рукавами рубаха из тонкого вендийского шелка и широкий многоцветный кушак на талии. Венчала наряд красная головная повязка, а за кушаком торчал длинный кинжал с резной рукояткой слоновой кости.

Галера стремительно рассекала воды внутреннего моря. Шкипер Артус, сидевший вместе с Конаном и Рольфом в капитанской каюте, нахмурился и поставил кубок на стол:

— Нет, Конан, я так не думаю. Я слишком хорошо тебя знаю. Но со стороны, согласись, это выглядит прямой глупостью. Ты ведь сам бросаешься в пасть Ездигеру! Наши люди верят в тебя, точно в Бога, и вовсе не задумываются о том, что у Ездигера с собой самое меньшее два могучих боевых корабля. Но я-то слишком стар для щенячьих восторгов. Я привык трезво смотреть на вещи. Конан, что у тебя на уме?

Посерьезнев, Конан встал и подошел к позолоченному деревянному шкафчику. Вытащив оттуда пергаментный свиток, он разложил его на столе. Это была карта той части моря, где они теперь находились.

— Мы вот здесь. Ездигер четыре дня как вышел из Аграпура. Его корабли идут наугад и притом уступают нам в скорости. По моим прикидкам, они должны быть где-нибудь тут... — Он ткнул пальцем в карту. — Идя нынешним курсом, мы, полагаю, как раз встретим их в виду островов Журази.

— Хм, Журази... — пробормотал Артус. — Опасно плавать в тех водах. Глубины не проставлены на карте... Нет, разумному человеку незачем совать туда нос. Кое-

кто говорит, там шляются всякие чудовища, демоны и иные порождения тьмы. Стоит высадиться на берег, и не успеешь оглянуться, как погибнешь сам и душу погубишь!

— Вот заладил — погубишь да погубишь, — пробурчал Конан. — Я как-то две недели прожил после кораблекрушения на самом большом из северных островов, и ничего, остался целехонек. Там, правда, в горах обитало племя каких-то желтокожих. Еле убедил их, что местный Бог-ящер вполне обойдется без человеческой жертвы в моем лице...

Наверное, только Конан мог вот так, посмеиваясь, невзначай помянуть драматические события, много лет назад разыгравшиеся на островах: волосы вставали дыбом у всякого, кто был им свидетелем. Отчаянный киммериец тогда не только выжил среди враждебно настроенного народа, он еще и уничтожил страшилище, что явилось из давно минувших веков и наводило ужас на жителей... Но таков уж был Конан: он не имел привычки цепляться за прошлое. Бурное, красочное, полнокровное настоящее — вот что его интересовало больше всего.

Он помолчал некоторое время, внимательно глядясь в карту. Потом смахнул ее со стола и снова повернулся к друзьям:

— Ты совершенно прав, Артус, глубины там не помечены. Но ведь карта туранская, не так ли? Личные картографы короля нарисовали ее в Агратуре, а значит, наш кровожадный преследователь располагает точно такой же или подобной. Вот на этом-то мы и сыграем.

И так ничего больше не пожелал объяснить им, как его ни расспрашивали.

Мускулы перекачивались на залитых потом спинах рабов, прикованных к веслам. Длинные лопасти размеренно взлетали и падали, гоня вперед тяжелую боевую галеру. Здоровенный надсмотрщик прохаживался туда-сюда по мосткам, щелкая плетеным бичом: кожа его лоснилась от масла и пота. Стоило кому-нибудь из греб-

цов чуть-чуть промедлить или выбиться из ритма, и бич взлетал с шипением жалящей кобры и безжалостно впивался в обнаженное тело. Надсмотрщики туранских кораблей отнюдь не отличались мягкосердечием, но на «Ятагане», флагманской галере короля Ездигера, их жестокость поистине не знала границ...

На корме корабля, затененная пологом, стояла шелковая кушетка. На кушетке, потягивая из золотой чаши вино, возлежал владыка Турана. Рядом с ним на таком же ложе отдыхала госпожа Занара.

Король был погружен в тягостное раздумье. Бледно-золотой напиток играл в драгоценной чаше, но взгляд Ездигера оставался угрюмым. Наконец он проговорил:

— Силы зла помогают киммерийскому дьяволу! Должно быть, он украл лодку сразу после побега, и дрянная посудина оказалась куда как проворна. А у моих треклятых адмиралов полдня ушло только на то, чтобы приготовить к плаванию флагман! После чего демоны повернули против нас ветер... Я спрашиваю, есть ли предел человеческому терпению? Мы ползем, точно улитки!

Занара лениво приподняла длинные ресницы, глядя на туранского короля:

— Терпение, мой повелитель! Ты не удовлетворен скоростью, но ведь лодка варвара движется еще медленнее. Далеко ли унесут его против ветра два жалких весла, даже если грести без отдыха и без сна? Каждый удар барабана, задающего темп твоим гребцам, уменьшает преимущество, которое негодяй получил вначале. Повремени еще немного, и Эрлик отдаст варвара в твои руки для мести!

— Я часто слышал подобное от своих людей, — ответил король, — и, тем не менее, мерзавец всякий раз точно по волшебству уходил из любой западни. Но теперь — теперь я сам иду по его следу! Я сам прослежу за тем, чтобы он не сумел бежать. Клянусь бородой моего родителя, короля Йилдиза, он не уйдет от расправы!

Вместе с мыслью о расправе к нему вернулось бодрое расположение духа, глаза вспыхнули нетерпением. Он

поднял руку и, оглядев из-под ладони сияющую морскую даль, жестом подозвал к себе адмирала. Тот подоспел бегом; чешуйки позолоченной брони переливались под солнечными лучами.

— Я вижу землю, Утгиз, — сказал король. — Мы что, отклонились от курса?

Адмирал, хорошо знавший гневный нрав властелина, тотчас развернул перед ним карту:

— Ваше величество, это острова Журази. Весьма вероятно, что киммериец высадился где-нибудь здесь, надеясь пополнить запасы еды и питья. Осмотрев берега, мы скорее всего обнаружим его лодку... Кроме того, эти острова лежат как раз на кратчайшем пути к восточному побережью Вилайета...

— Ну ладно... будем надеяться, ты прав. Проследи, чтобы все люди были наготове... Как близко к берегу мы можем подойти?

— Государь, мы в неведомых водах. Жизнь островов окутана легендами и суеверными слухами. Люди рассказывают жуткие истории о сверхъестественных чудесах, что якобы бродят в здешних горах... Землемеры и картографы никогда не посещали эти края. Подводные скалы не обозначены на картах. Подойдя слишком близко, мы можем угодить прямо на рифы...

Недовольно бормоча, король откинулся на позолоченную кушетку. Между тем прекрасная йедка внимательно разглядывала изломанные хребты, вздымавшиеся у горизонта. И вдруг... что это? Или ее подвели глаза, утомленные бликами, игравшими на волнах? Не парус ли корабля мелькнул там, вдалеке — мелькнул и сразу исчез за одним из множества скалистых островков?.. С каждым ударом весел туранские корабли придвигались все ближе к островкам; Занара нетерпеливо ждала, чтобы парус появился опять. И дождалась. Женщина выпрямилась, указывая рукой:

— Взгляни, повелитель! Вот добыча, достойная твоих кораблей! Это пираты! Ты застал их врасплох!

Все глаза обратились туда, где мелькали желтые паруса. Зазвучали стремительные команды. Команда готовилась к бою. Расторопно взвились сигнальные флаги и оповестили второй корабль о том, что ожидалось сражение.

Надсмотрщики лишний раз прошли между скамьями гребцов, проверяя цепи невольников. Возле мачты появились козлы с оружием, солдаты поспешно занимали места. Лучники карабкались на рангоут с полными колчанами стрел, а у бортов встали плечистые моряки, вооруженные абордажными крючьями.

Даже острое зрение Конана не могло различить всех деталей этих приготовлений, но он не сомневался — они начались точас, как только он позволил им заметить свои паруса. Что же до пиратского корабля — он давно изготовился к бою. Силы были далеко не равны, но команда верила своему варвару-капитану безоговорочно и непоколебимо. Люди, плававшие с Конаном много лет назад, без устали припоминали морские битвы тех дней, одна страшнее другой. И не было случая, чтобы киммериец не изобрел какой-нибудь уловки и все-таки не вырвал победы. Пираты потрясали отточенными клинками, издали грозя туранским галерам. Бородатые рты извергали проклятия на множестве языков...

— Приготовиться к развороту! — железный голос капитана легко перекрыл гвалт.

Такой приказ явился полной неожиданностью для команды. В самом деле: перед ними были вражеские корабли, они приготовились к битве, их вел величайший на свете боевой капитан — и что же вдруг приказывает этот прославленный вождь? Бежать, подобно перепуганным кроликам!.. Недоумевающие пираты без особого энтузиазма разошлись по местам. Конан заметил, как они сникли, и зарычал:

— Шевелитесь, вшивые псы, пока я не спустил с вас пикуру кнутом! Я еще не свихнулся окончательно, чтобы драться в открытом море с двумя галерами, на каждой

из которых вдвое больше народу, чем у меня! Нет, я придумал кое-что получше! Не бойтесь, бездельники, вам еще предстоит кровавый пир, о котором будут сложены песни. А теперь живо за работу, акулий корм!

Вдохновленные этими словами, питаты быстро полезли на снасти, и вскоре корабль полным ходом мчался в глубину архипелага Журази. Моряки видели, как Конан подозвал корабельного плотника и, поговорив с ним, удовлетворенно кивнул. У него не было никаких сомнений в том, что его план сработает. Оставалось только надеяться, что знание здешних вод не подведет его спустя долгие годы.

Архипелаг Журази состоял из двух больших островов, окруженных несметным количеством островков поменьше. Пролив между главными островами представлял собой длинную, узкую протоку: туда-то Конан и повел свой корабль. И со зловещим удовлетворением оглядывался на туранские галеры, мчавшиеся по пятам. Их весла работали во всю силу, какую только удавалось выколотить из невольников-гребцов.

Король Ездигер, облаченный в посеребренную туранскую кольчугу и шлем с золотым навершием, мерял шагами кормовую палубу галеры. Круглый гербовый щит висел на его левой руке, длинный ятаган раскачивался у бедра. Жестокий и мрачный повелитель Турана при всем том был стойким и отважным воителем и любил сам принимать участие в кровопролитных сражениях.

— Глядите, — прокричал он, — как удирает эта желтая гиена! Хочет поиграть с нами в прятки? Скоро острова закроют им ветер: тут-то мы и догоним их на веслах. Прибавить ходу!

Тем временем адмирал вполголоса советовался со шкипером корабля: тот в чем-то убеждал его, мотая головой и усиленно жестикулируя. Когда адмирал вернулся на полукот, вид у него был неуверенный.

— Государь! — обратился он к королю. — Эти воды никогда не промерялись, и, боюсь, карты наши ненадежны. Шкипер опасается, как бы мы не сели на мель. Осмелюсь предложить: давайте обойдем острова и перехватим пирата в открытом море с той стороны...

Ездигер сделал решительный жест, как бы отметая все сомнения моряка.

— Я уже сказал тебе: скоро негодяй заштитеет, и мы с легкостью догоним его, — отвечал он раздраженно. — Прибавить ходу, и пусть надсмотрщики не жалеют кнутов! Еще немного, и мы вонзим зубы в добычу!

Казалось, так тому и суждено было случиться. Стройный парусник едва достиг середины пролива и с явным трудом продвигался вперед. Туранцы разразились криками радости: добыча сама шла в руки...

Среди пиратов царила тревога, близкая к ужасу. Корабль еле полз, между тем как гирканские галеры нагоняли его с каждым ударом весел, точно два ястреба, пикирующих за голубем. Рольф, неразговорчивый, как и все северяне, молча смотрел назад, зато Аргус положительно одолел капитана:

— Конан, гирканцы достанут нас много раньше, чем мы успеем выбраться из протоки! У нас нет надежды. В этой узкости нельзя даже сманеврировать: их тараны раздавят нас, как яичную скорлупу... Может, спустим шлюпки или выбросимся на берег? В джунглях мы сможем дать им хоть какой-то отпор... О, Тарим! Конан, да сделай же что-нибудь!..

Киммериец с полным спокойствием кивнул в сторону подхлотивших галер. Да, это было прекрасное и грозное зрелище! Впереди шел «Ятаган», и белый бурун кипел у его форштевня, временами открывая десятифутовый бронзовый таран. Казалось, то не корабль, а разгневанный ангел мщения летел покарать нечестивца. Следом двигался второй корабль, лишь чуть уступавший королевскому флагману...

— Во имя Иштар! Отлично идут, — сказал Конан невозмутимо. — И скорость что надо. Верно, надсмотр-

щики умаялись махать плетками... Как ты думаешь, во сколько раз передняя галера тяжелее нашей скорлупки? Раза в три? Или в четыре? — Неожиданно оставив легкомысленный тон, он окликнул матроса, державшего в руках лот: — Ну, что с глубиной?

— Пять сажений, капитан, и растет понемногу, — долетело в ответ. — Мы миновали самое мелкое место. И как только мы не оставили там наше бедное днище!..

— Отлично, — сказал Конан. — Я так и думал, что мы проскочим. А теперь поглядим, как там наши преследователи...

...И в это время «Ятаган», полным ходом мчавшийся прямо на пиратский корабль, вдруг замер на месте. Чудовищный треск дерева и хлопки рвущегося такелажа отдались эхом по берегам обоих островов. Под крики ужаса его мачта переломилась у основания и рухнула вперед, окутав все палубы складками парусины. Гребцы принялись табанить, пытаясь стащить «Ятаган» с мели, но без толку. Слишком велика была скорость: галера застряла намертво. Песчаная банка, невидимая под водой, держала корабль, подобно гигантскому спруту.

Второй галере повезло чуточку больше. Ее капитан оказался решительным человеком. Увидев, какая судьба постигла передний корабль, он тотчас велел табанить. Однако в суматохе весла ударили вразнобой, галера вильнула к левому берегу и была спасена от скал лишь второй песчаной мелью, в которую благополучно и въехала. Команда начала спускать шлюпки и заводить концы, пытаясь высвободить крепко засевший корабль...

Пираты были от радости, потрясая оружием и оскорбляя туранцев похабными жестами. Все дружно славили Конана, и в том числе шкипер:

— Они снимутся с мели самое раннее через несколько дней... И я сомневаюсь, что «Ятаган» вообще поплывет: у него, похоже, высажено все днище. Куда же мы теперь направимся, капитан? В Кораф, где на площадях толпятся торговцы прекраснейшими рабынями Юга? А может, в Рамдан, где оканчивают свой путь караваны?

Конан презрительно фыркнул и окинул толпу взглядом льдисто-голубых глаз:

— Я еще не все сделал здесь, что собирался. Вы видите? Перед нами туранские корабли! Мы не бежали от короля Ездигера — мы поймали его в ловушку! Я обещал вам кровавый пир, и вы его получите! — Он посмотрел вверх и продолжал: — Ветер крепчает; мы выходим из-за островов. Обойдем тот, что у нас по левому борту, и доберемся до Ездигера!

Только тут до всех дошла гениальная простота задуманного киммерийцем. Пираты бегом бросились по местам...

■

Сам не свой от ярости метался король Ездигер по кормовой палубе безнадежно загубленного корабля. Он успел до некоторой степени сорвать зло на рулевом и на матросе, мерявшим глубину: обоим отсекали головы без промедления. Счастье еще, что галере не грозило затопление, ибо она и так стояла на дне. Однако вода столь быстро залила трюм сквозь многочисленные пробоины, что сделалось очевидно — спасти «Ятаган» не было никакого смысла. Надо ли говорить — хитрость, подстроенная удиравшим пиратом, довела до белого каления и без того вспыльчивого короля.

— Пусть он бежит хоть на край света, я все равно изловлю его! — в бешенстве кричал правитель Турана. — Тем более, что я, кажется, узнаю руку Конана, этого дьявола в человеческом облике! Клянусь, он там, на борту. Когда же Когар наконец снимет с мели свое корыто, будь оно проклято?..

И он топал ногами от ярости, в то время как на втором корабле, «Звезде Хоралы», кипела усердная работа. К исходу долгого дня две команды начали дюйм за дюймом стаскивать его с мели: без отдыха работали весла шлюпок, моряки изнемогали, натягивая канаты. Капитан «Звезды» с головой ушел в спасательные работы и вздрогнул от неожиданности, когда из «вороньего гнезда» на мачте его корабля послышался тревожный крик.

Взволнованный голос дозорного срывался, моряк отчаянно махал руками, указывая за корму. Капитан Когар повернул голову...

Из-за мыса, величаво распустив золотистые паруса, прямо на них летел тот самый корабль, которому по их понятиям надлежало быть далеко в море — и удирать без оглядки. Стремительно и плавно мчался он вперед, а на бортах и на вантах было темно от готовых к бою пиратов. Их насмешливые выкрики, ослабленные расстоянием, показались туранцам воплями демонов, вырвавшихся из ада...

Пиратский корабль спешил прямо к беспомощной «Звезде Хоралы», как орел, сложивший крылья и вытянувший когти в последнем броске за добычей. Вот он протаранил одну из шлюпок, и та с хрустом развалилась надвое — в воздухе мелькнули щепки и переломанные тела. Потом парус скользнул вниз, последовал быстрый разворот — и пираты встали борт о борт со своей жертвой. Взвились абордажные крючья, смертоносным ливнем ударили стрелы, а следом за стрелами через борт хлынула толпа разъяренных убийц.

Туранцы дрались отважно. При всей внезапности нападения капитан все же сумел как-то организовать оборону. Корсары вихрем прошли по нижней палубе, и мертвые тела густо усеяли доски. Но туча стрел, посыпавшихся с полуюта, принудила их остановиться. Там, на корме, ошестинившись копьями, сгрудились туранские воины. Но даже им не удалось задержать пиратов надолго. Те неудержимо мчались вперед, ведомые одетым в кольчугу варваром-капитаном, который крушил врагов направо и налево с легкостью, наводившей на мысли о колдовстве.

Туранцы не смогли выстоять против этих закаленных воинов с их киммерийским вождем. Один могучий размах тяжелого меча Конана — и в частоколе копий открылась широкая брешь. Пираты заполнили кормовую палубу, расшвыривая гирканцев, точно соломённые чучела.

Капитан Когар бросился наперерез киммерийцу, хорошо понимая: единственный шанс спасти корабль от пиратов заключался в том, чтобы убить вождя. Их клинки скрестились и заплескались, разбрызгивая искры. Но туранцу далеко было до Конана, прошедшего тысячи битв. Острое лезвие его ятагана смахнуло вороную прядь с головы пригнувшегося киммерийца; в следующий миг на покрытый кольчугой бок капитана обрушился тяжелый прямой меч, и Когар задохнулся в предсмертной муке, оседая с проломленной грудью.

Гибель капитана поколебала мужество туранских солдат. Со всех сторон послышались крики: «Пощады! Пощады!..» и на палубу со звоном посыпалось оружие — туранцы бросали его, сдаваясь в плен.

Конан с утробным удовольствием оглядывал взятый корабль. Около двадцати пиратов пали в бою, но уцелевшим досталось единственное пригодное к плаванию судно. Кое-кто из команды уже сбивал цепи с лодыжек рабов, и оттуда, снизу, неся многоголосый радостный крик: иные пираты повстречали давным-давно пропавших друзей. Пленных туранцев отвели вниз и заперли в трюме.

Часть людей осталась вызывать «Звезду Хоралы» из цепкой хватки песка, остальные перешли на пиратский корабль и отчалили. На его палубах было не повернуться: в команду влились десятки освобожденных рабов. Подобрав брошенное оружие, они горели яростным желанием скорее пустить его в ход. Галера направилась прямо к неподвижно замершему «Ятагану»...

...В городе Онагруле, тайной крепости вилайетских пиратов, в многолюдной таверне звучали громкие голоса, требовавшие еще вина. Прохладный светлый напиток щедро лился в чашу старого Артуса, а собравшиеся, затаив дыхание, ожидали продолжения рассказа. Вот седой шкипер залил жажду несколькими глотками, потом удовлетворенно утер губы тыльной стороной ладони и обвел взглядом столпившихся слушателей:

— Да, парни, немало вы потеряли оттого, что вас там не было! Великое и славное дело мы совершили, захватив первый корабль. Но сражение на этом не кончилось: Конан повел нас на корабль Ездигера! Мы, должно быть, казались туранцам сущими дьяволами, вылетевшими из ада. Надо, однако, отдать им должное: они встретили нас достойно. Они обрубали наши абордажные крючья топорами и ятаганами, но потом наши лучники отогнали их прочь от борта, и тут-то мы налегли на канаты, стягивая корабли.

Как же все мы жаждали крови!.. Конан первым перескочил к ним на палубу, и они взяли его в кольцо, размахивая мечами, но он дрался так, что они едва успевали отскакивать. Тут уж мы все хлынули через борт, и веселье закипело. Туранцы, надобно вам сказать, все как один были отлично обученными и закаленными вояками. Еще бы — личная охрана Ездигера, и притом сам король наблюдал, как они дрались. Какое-то время даже было не ясно, чем кончится дело, — хоть Конан и крушил туранские латы, точно гнилушки. Нет, правда, они стояли сомкнутым строем, и мы раз за разом откатывались прочь, точно прибой от скалы.

Но тут раздался крик торжества: оказывается, часть наших ребят прыгнула вниз, перебила надсмотрщиков и освободила рабов. И вот рабы выплеснулись на палубу, точно мстительные души из преисподней! Ох, братцы, как же они ненавидели своих прежних хозяев! Они подхватывали оружие, которого полным-полно валялось рядом с трупами, они отпихивали нас в сторону, чтобы скорее добраться до туранцев... Надо было это видеть: иные сами бросались грудью на копья, а другие тотчас карабкались по их телам и голыми руками душили солдат. Я видел, как громадный раб схватил труп гирканца и орудовал им, точно дубиной, расшвыривая врагов. Когда он наконец свалился, в его теле торчала добрая дюжина стрел...

Немудрено, что туранцев охватило смятение. Их сверкающие ряды дрогнули. Конан издал ужасный боевой

крик и кинулся в самую гущу, и мы бросились следом, решившись победить или умереть.

Это был ад, парни, кровавый ад!.. С мечами в руках пронесли мы по всему кораблю, из конца в конец, подобно волне. Кровь не успевала вытекать через шпигаты — вот что там творилось! Ну, а на Конана было просто страшно смотреть. Его меч мелькал, точно молния, туранцы падали, как снопы. Он рвался туда, где бой кипел гуще всего, и его приближение означало гибель. Он яростно пробивался на корму, туда, где в окружении отборнейших телохранителей стоял и распоряжался сам Ездигер.

Конан ворвался в их ряды, точно боевой слон. Солдаты валились вокруг, словно тряпичные куклы. Король Ездигер взревел от ярости и самолично кинулся ему навстречу. Похоже, он только тут с изумлением разглядел, что у нас за капитан. Боги, как он рутался!..

«Я сразу узнал твою руку, проклятый киммериец! — кричал король. — И, клянусь Эрликом, настал час расплаты! Умри, пес-варвар!..»

И он обрушил страшный удар на голову Конана. Быстр и силен был этот удар: обычный человек не смог бы ни отбить его, ни увернуться. Но против Конана, как вы знаете, нужна дюжина обычных людей. Сталь лязгнула о сталь: Конан отбил удар движением столь быстрым, что глаз не мог уследить.

«Умри сам, туранский шакал!» — прогремел его голос. Вообразите, ребята: и мы, и туранцы не сговариваясь опустили оружие и только смотрели, как эти двое рубятся один на один. Да, на такое стоило поглядеть! Удар следовал за ударом, пока наконец Конан не разнес вдребезги щит Ездигера. Еще взмах меча — и бородастая голова слетела с плеч короля, а гигантское тело рухнуло на палубу!

Надо ли говорить, что после этого туранцы безропотно сложили оружие... Вообще-то ярость сражения была такова, что пленников набралось немного. У нас у самих из первоначальных двухсот человек осталось на ногах

едва половина, но что за беда — мы зарубили или взяли в плен более трех сотен гирканских собак!..

Артус допил вино, и ему без промедления налили еще. Кто-то из слушателей спросил:

— А туранская йедка? С ней-то что случилось?

Артус нахмурился: воспоминание заставило его содрогнуться:

— Это... это, ребята, было самое страшное из всего, что случилось в тот достопамятный день... Мы считали пленников и перевязывали раны, когда солнце вдруг скрыла темная туча, и у каждого по спине побежали мурашки, словно над нами готов был свершиться немолимый рок. Высокая скала прикрывала нас от ветра, но в снастях тотчас завыл ледяной вихрь — право же, я думал, так воют разве что затерянные души, — и вода почернела, вскипая вокруг кораблей.

Тут кто-то вскрикнул и указал вверх. В небесах появилась какая-то точка. Она росла на глазах, стремительно приближаясь. Издали она походила на птицу, не то на летучую мышь, но потом мы все застыли от ужаса: это было что-то жуткое, несусветное... вроде человека, но с перепончатыми крыльями. Тварь спикировала прямо на мостик и закричала так, что у нас кровь в жилах застыла.

На этот крик из каюты в кормовой надстройке выскочила женщина — так вышло, что до той каюты никто из нас еще не добрался, — и вот чудовище в мгновение ока подхватило ее и унесло прочь, тяжело хлопая кожистыми крыльями над протокой... Скрылось из виду, и солнце вновь засияло.

Тогда мы стали оглядываться друг на друга, и надобно вам сказать: столько белых лиц сразу я еще не видел. «Что это было?» — спрашивал каждый. И уж что говорить про нас, если сам Конан стоял бледный от пережитого потрясения. Нет, правда, — задержись страшилище хоть на миг, и я думаю, мы все как один попрыгали бы за борт!..

«Мне уже приходилось однажды видеть эту тварь», — пробормотал Конан, но объяснять ничего не стал. Кое-кто из нас порешил было — это дьявол уволок Занару в ад, о котором рассказывают почитатели Эрлика, и, право же, ей там самое место. Но другие — те, кто оказался поближе, — утверждали: она вовсе не испугалась чудовищной твари, скорее, даже обрадовалась. Ни дать ни взять сама позвала ее на подмогу!

В конце концов Конан встряхнулся, точно избавившись от кошмарного наваждения, и приказал снять с мертвых оружие и отправить за борт мертвецов, в том числе и труп короля.

«С потаскушки следовало бы спустить шкуру за ее вероломство. Но коли уж ее уволокло крылатое пугало — и шут с ней: я с бабами не воюю!» — сказал Конан. Клянусь, ребята, это было вообще все, что он сказал насчет таинственного исчезновения Занары.

Собственно, на том и кончилось дело. Мы спалили засевавший на мель «Ятаган», а вторую галеру взяли с собой сюда...

— Но где же теперь Конан? — воскликнул кто-то из слушателей. — Почему его нет здесь, почему он не сам рассказывает нам о своих похождениях? И, главное, возглавит ли он нас еще раз, чтобы мы наконец очистили Вилайет от туранцев?

— Увы, нет, — вздохнул Артус. — Киммериец велел кораблям идти прямо к восточному берегу. Он сказал, что у него какое-то неотложное дело, а здесь, мол, он задержался лишь для того, чтобы свести старые счета с королем Ездигером. Он обнаружил кхитайца среди освобожденных нами рабов. Вообразите, они часами сидели рядом, беседуя о далеких землях за Химелийским хребтом. Вот мы и подумали: если Конан в самом деле направился в Кхитай — не иначе, прослышал о каком-нибудь совершенно уж баснословном сокровище. Ведь это чистое безумие — в одиночку пытаться достичь чуждадных земель за чертою рассвета!

— А что ж он не взял с собой хоть десятка два морских бродяг?

— Еще одна тайна, — ответил шкипер. — Он сказал, что поклялся совершить это путешествие без спутников. Более того — в ином случае он просто не сможет добраться до цели!.. Что ж, мы высадили его на восточном берегу, как он и просил. Они с северянином Рольфом попрощались коротко, по-мужски. Опечаленная команда завела былю морскую погребальную песнь, но Конан рявкнул на нас и, выругав, велел заткнуться. Мы видели, как он скрылся за песчаной дюной, вновь вступая на неведомую, исполненную опасностей тропу... Нашим капитаном стал Рольф: после Конана он, без сомнения, первый моряк на всем Вилайте. Да, таких, как Конан, больше нет и не будет, пока это море не превратится в песчаную пустыню, а звезды не упадут наземь с небес... Я пью за здоровье Конана! И еще за то, чтобы он достиг своей цели, какова бы она ни была!

Этот тост сопровождала тишина, более чем странная для пиратской таверны...

6

ДВОРЦОВЫЙ ЗАГОВОР

— **А** как поживает ее королевское высочество, Деви Вендии? — жадно глотая ароматное ширакманское вино, спросил Конан тучного трактирщика. Он был переодет воином-кшатрием и заглянул в погребок не только ради выпивки, но и за новостями. Как же не разузнать о пленительной женщине, чье королевство он некогда спас! Лыдистоголубой взгляд киммерийца невольно потеплел от нахлынувших воспоминаний...

Таверна была почти пуста. Тем не менее хозяин счел за благо склониться к самому уху Конана и едва решился боязливо шепнуть:

— О, наша Деви правит мудро и притом крепкой рукой, хоть и нет у нее супруга, что помогал бы ей и

поддерживал в трудный час. Одна беда — недовольная знать хотела бы видеть на троне кого-нибудь повоинственной... Ходят даже слухи, будто Ченгир Хан, двоюродный брат Деви, имеет виды на верховную власть... и на нее самое. До сих пор она упорно отвергала все его домогательства, но общественное мнение скоро принудит ее принять какое-то решение. Династия должна быть продолжена, а значит, придется бедной Ясминне исполнить свой долг перед королевством...

Дородный вендиец метнул быстрый взгляд в открытую дверь. Оттуда донеслось бряцание оружия: к таверне подходил отряд воинов. У каждого на руке висел щит, длинные копья покоились на обтянутых кольчугами плечах. Вот прозвучала команда, и вымуштрованные солдаты разом остановились. Пожилой, покрытый шрамами офицер — по-вендийски «гхебра» — вошел в таверну. Его взгляд быстро obeжал всех присутствовавших, ненадолго задержавшись на лице Конана. Подойдя к стойке, офицер шепнул что-то трактирщику. Пара пыльных бутылок пропутешествовала через потертые доски стойки в шелковый мешочек в руке офицера. Покинув таверну, гхебра отдал еще одну команду, и его отряд размеренным шагом двинулся дальше.

Конан проводил солдат равнодушным взглядом... «Бедняжка Ясмина, — подумалось ему. — Каково-то ей сидеть одной во дворце и править державой без защитника-мужа...»

Он передернул плечами. Пусть внутренние дела Вендии идут так, как распорядится судьба: ему, Конану, нынче не до того. Ему следовало получше подготовиться к новым испытаниям, которые его ожидали. Завтра он двинется дальше на восток, в предгорья Химелийских хребтов, а значит, сегодня надлежало как следует выспаться. Он знал, что железное тело не подведет его в трудах, немыслимых для цивилизованного человека; но, повинаясь звериному инстинкту, не раз его выручавшему, перед дальней дорогой Конан всегда стремился от-

дохнуть и набраться сил. Так ведет себя лесной хищник во время долгой охоты.

— Эй, трактирщик! — позвал киммериец. — У тебя, полагаю, найдется комнатка на ночь? Я с ног валюсь от усталости. Знаешь, эти переходы по пустыне ну просто вытягивают все соки...

...Жаркий, ласкающий, шелковый полог восточной ночи накрыл стольный город Айодию. В черной вышине бриллиантовой россыпью горели крупные звезды, на западе повис узкий серп ущербного месяца. Повсюду сияли свечи и факелы. Из ярко освещенных дворцов доносились отголоски музыки и веселого смеха, слышался легкий топоток — это кружились в пляске девушки-танцовщицы. А в сумрачных храмах сурово звучали золотые цимбалы, и голоса верующих сливались в мягкий мощный хор, торжественно славящий богов.

Конана разбудил какой-то шорох, донесшийся от двери. В эту знойную ночь он решил обойтись без простыни и одеяла и лежал на кровати почти без одежды, в одних шелковых шароварах. Мгновенно проснувшись, он бесшумно, точно встревоженный волк, пересек комнату с обнаженным мечом в руке. Каждый мускул его тела был готов к немедленным и стремительным действиям.

Кто-то возился с дверной щеколдой, приподнимая ее, — медленно, осторожно. Когда дверь начала открываться, Конан отступил в сторону, прячась за створкой. В комнату крадучись вошел кто-то невысокого роста, закутанный с головы до ног, — Конан смутно различал его в сиянии звезд. Он видел, как человек в нерешительности застыл на пороге, словно удивляясь тому, что комната оказалась пуста.

Конан напрягал слух, стараясь понять, что делалось снаружи, но оттуда не долетало ни звука. Похоже, таинственный ночной посетитель пришел без сообщников и провожатых. Любопытный вендиец, узнав Конана, привел бы с собой половину городской стражи, ибо кшатрии слишком хорошо помнили вожака грабителей с холмов Гхо-

ра — хоть и много лет минуло с тех пор, как он в последний раз спускался с тех холмов во главе косматой орды...

Загадочных ситуаций Конан не любил никогда. Потихоньку прикрыв дверь, он беззвучно шагнул вперед. Мгновенный бросок — и широкая ладонь киммерийца зажала рот нежданному гостю. Тот отчаянно затрепыхался, но Конан без малейшего усилия опрокинул его на кровать и прошипел:

— Что ты позабыл у меня в комнате? Отвечай живо! Да не вздумай кричать!

Полные ужаса глаза смотрели на Конана из темноты. Убрав руку и отдернув прочь кисею, он с некоторым удивлением разглядел пухлые губы и тонкий прямой нос вендианки. Женщина!.. Ее голосок напомнил ему серебристый звон храмового гонга:

— Я пришла, чтобы отвести тебя к моей госпоже... Она узнала, что ты прибыл в Айодию, и очень хочет видеть тебя. Пожалуйста, оденься и пойдем со мной. И, прошу тебя, поторопись!..

Конан подозрительно прищурился:

— Куда нам спешить, девочка? Я хочу спать! Неужели твоя госпожа не может потерпеть до завтра?

— Днем во дворце моей госпожи многие сразу узнают Конана из Гхора... Моя госпожа совсем не хотела бы, чтобы его привязали к двум слонам и разорвали на части...

Киммериец немедленно насторожился:

— Конан из Гхора? Кто меня здесь знает? Да кто, наконец, твоя госпожа и чего ей от меня надо?

— Этого я тебе сказать не могу. Но, когда я уходила из дворца, она предупредила меня: «Если он усомнится, скажи ему: галзайская девушка с горы Имша хочет отплатить ему за наряд, который он когда-то ей подарил».

Имша!.. Конан вмиг перенесся на тринадцать лет назад, в те незабываемые дни, когда он бросил вызов магам Черного Круга... и однажды в самом деле снабдил некую девушку нарядом, кушленным — под угрозой ме-

ча, но все-таки действительно купленным за монетку — у девушки-галзайки, шедшей за водой... А та, кому предназначался наряд, была сама Деви Ясмина!

— Так это Деви тебя прислала? — пробурчал Конан. — Что ж ты сразу-то не сказала?

— Да, и Деви просит тебя прийти... Поторопись же!

Конан живо оделся и захватил оружие: ему было не привыкать. Девушка тихо отворила дверь и выглянула в коридор. Потом жестом поманила за собой Конана. Друг за дружкой они бесшумно прокрались вниз по ступеням, а потом наружу, в знойную темноту.

Они шли извилистым, окольным путем. Скоро Конан понял, что слухи о дворцовых интригах были, вероятно, не лишены основания: девушка поминутно оглядывалась через плечо и то и дело сворачивала в узенькие мощеные переулки, как бы стараясь ускользнуть от возможного преследования.

В одном из таких переулков из темной дверной ниши, глухо рыча и скаля слюнявую пасть, на них бросилась громадная собака. Ударом кинжала киммериец отправил ее издыхать в сточной канаве. В другой раз в конце улицы появилась кучка каких-то оборванцев. Они загродили было дорогу, но белозубая улыбка Конана и рука, протянутая к рукояти меча, заставила их удрать без оглядки. Больше двоих путников не беспокоил никто.

Вскоре они остановились у высокой зубчатой стены королевского дворца. Высокие, стройные башни вздымались к самому небу. Из сада, раскинувшегося за стеной, лился аромат зрелых плодов и редких цветов. Внимательно осмотрев каменную поверхность, девушка надела в двух местах одновременно. Часть стены беззвучно отошла внутрь. Открылся полутемный коридор.

Девушка приложила палец к губам, призывая Конана к молчанию, и повела его вперед. Стена сомкнулась за его спиной. Конан по пятам следовал за провожатой, не снимая руки с рукояти меча. Он был уверен, что Ясмина отнюдь не желала ему зла, — в противном случае, верно, она избрала бы иной способ свидеться с ним, — и все-

таки варвар, привыкший повиноваться инстинктам, был настороже.

Они поднялись по каменной лестнице, потом вновь нескончаемо шли темноватыми коридорами, пока наконец девушка не остановилась перед какой-то дверью, заглядывая внутрь сквозь маленькое отверстие на уровне глаз. Потянула рычажок, и дверь открылась. Они перешагнули порог.

— Подожди здесь, господин, — сказала девушка. — Я скажу госпоже, что ты пришел.

И она выбежала вон, пропущив тонкой тканью одежд. Конан передернул плечами и стал оглядываться.

Комната была обставлена со всей роскошью, присущей восточным владыкам. Шелковые занавеси, золотая посуда, бесценные вышивки, отделанные драгоценными камнями... Впрочем, в комнате царил не только богатство, но и изысканный вкус. Конан тотчас понял, что попал в женский будуар: достаточно было взглянуть на туалетный столик с драгоценным зеркалом туранской работы, уставленный золотыми, серебряными, нефритовыми сосудиками с мазями и бальзамами, приготовленными лучшими искусниками Востока. Женская рука чувствовалась и в убранстве огромной кровати с ее плотными шелковыми занавесями и балдахином шемитского золотого шитья.

Конан не сдержал одобрительного кивка. Сам он был по-воински неприхотлив, но, став королем, научился понимать толк в обстановке покоев...

Звук открываемой двери прервал его размышления. Конан круто обернулся, хватаясь за меч, но рука его тотчас же замерла. Перед ним стояла Ясмина.

В ту первую их встречу ее красота едва расцветала: насколько помнилось Конану, ей не было еще двадцати. Тринадцать минувших лет превратили ее в зрелую женщину. В глазах Деви по-прежнему светился недюжинный ум, позволивший ей удержать за собой трон; но облегающие шелковые одежды свидетельствовали, что хрупкая девичья фигурка приобрела влекущее очарова-

ние. Немало поэтов прославилось, воспевая красоту своей Деви. А ядовитые уста злопыхали, что, дескать, на невольничьем рынке Султанапура за нее отвалили бы тысячу с лишним таларов...

Прекрасное лицо Ясмینی залилось счастливым румянцем. Она протянула к Конану руки, шепча:

— Мой горный вождь... ты возвратился ко мне...

Кровь гулко застучала в висках киммерийца. Широко шагнув, он оказался подле Деви и подхватил ее на руки. Ее теплое тело затрепетало у его груди.

— Никто не побеспокоит нас, мой горный вождь... Я отослала стражу прочь до утра и крепко заперла дверь. Тринадцать лет я ждала, чтобы ты однажды вернулся... и обнял меня... Я не ведала счастья с того самого дня, когда мы расстались после битвы в долине Фемеш. Обними же меня крепче... Сделай так, чтобы ни один из нас до смертного часа не позабыл эту ночь...

В это самое время в другой части дворца, в богато убранной комнате сидели пятеро мужчин. Прихлебывая из золотых кубков вино, они слушали рослого смуглолицего человека, говорившего:

— Время настало! Сегодня или никогда! Я только что узнал, что Ясмينا зачем-то отослала два десятка солдат, которые обычно охраняют ее покои... Женский каприз, не более — но отчего бы им не воспользоваться?

— Государь Ченгир, — вмешался один из заговорщиков, — так ли уж необходимо убивать Деви? Я сражался с туранской кавалерией на наших границах и мечом прорубал себе путь, попав в засаду, устроенную дикими горцами... но стоит мне подумать о том, чтобы пойти и хладнокровно зарезать спящую женщину...

Смуглолицый Ченгир повернулся к нему:

— А мне, думаешь, это по вкусу, Гхемар? Но что делать, если это необходимо для блага Вендийского королевства! Пора обновить нашу кровь! Надо усилить власть, а для этого необходимы новые завоевания. Мирное правление Деви скоро сделает нацию мягкотелой.

Мы, раса воинов-завоевателей, унизились до строительства плотин и дорог для мерзостной черни из низших каст! Не-е-ет, Деви должны умереть. Трон перейдет ко мне, и я без промедления поведу кшатриев к новым завоеваниям! Мечом создадим мы новую империю, захватив Кхитай, Утгара Куру и Туран! Потоками крови смоём мы горцев с Химелийских хребтов! Весь Восток дрогнет и поколеблется, когда прогремят наши громы! День и ночь в Айодию станут прибывать караваны верблюдов, нагруженных бесценной добычей... Ну, кто со мной?

Четыре изогнутых клинка до половины вышли из отделанных золотом ножен. Полководцы громким шепотом выражали предводителю свое полное одобрение.

Принц Ченгир взмахнул рукой, восстанавливая тишину:

— Не так громко, господа... Помните — огромное большинство вендийцев, лишенное нашей с вами прозорливости, все еще сохраняет верность Ясмине. Вздумай мы решиться на открытое выступление, войска и народ попросту разорвут нас в клочки. Но если она умрет от руки неведомого убийцы... что ж, я, как близкий родственник и наследник, не пожалею сил и времени на розыск злодеев... На худой конец, казним пару каких-нибудь козлов отпущения — конечно, предварительно отрезав им языки. А потом, соблюдая приличествующий случаю траур, я соберу свою армию и двинусь походом на север и на восток. Историки станут восхвалять мое имя наравне с именами великих завоевателей минувшего!

Глаза Ченгира горели, голос возбужденно звенел. Он величественно поднялся:

— Возьмите оружие, господа. Наденьте маски. Я проведу вас потайными ходами прямо в спальню Ясмینی. Через какой-нибудь час наш долг перед королевством будет исполнен!

И пятеро мужчин в черных масках один за другим покинули комнату. Они шли убивать беззащитную женщину, спокойно спавшую в своей постели.

...Второй раз в течение ночи Конану довелось пробудиться от еле слышного звука. Обычный человек на его месте самое большее перевернулся бы на другой бок, бормотнул что-нибудь спросонья и, приписав беспокойство возне крыс или дурному сновидению, вновь мирно заснул.

Но не таков был Конан! Он мгновенно стряхнул всякий сон и чутко прислушался, пустив в ход всю остроту своих звериных инстинктов. И пока его правая рука тихонько вытягивала меч из шагреновых ножен, левая осторожно раздвинула полог. Ясмина безмятежно спала рядом, улыбаясь во сне...

Звездный отблеск едва рассеивал темноту. Острый глаз Конана различил блеск обнаженных клинков в руках пяти смутных фигур, но и без того он немедленно понял: опасность! Смертельная опасность! Люди в масках редко приходят по ночам с добрыми намерениями в королевские спальни. Сжимая меч и внутренне клокоча от ярости, Конан приготовился к прыжку.

Убийцы подкрадывались все ближе, заноса кинжалы для ударов, долженствовавших возвести на трон Вендии нового властелина. Вот чья-то рука потянулась к занавесам королевской постели...

Конан рванулся вперед, как спущенная пружина. Тигриный прыжок — и прежде, чем убийцы успели оправиться от неожиданности, один уже валялся со вспоротым животом. Меч Конана летал взад и вперед, жая, точно разъяренная кобра. С треском прорубил он чей-то шлем и голову под шлемом — до самого подбородка. Пинком отшвырнул киммериец мертвое тело под ноги остальным, принудив их отскочить и одновременно отбивая удар, нацеленный ему по коленям. И тут же возвратным движением меча отсек правую руку заговорщика почти по плечо. Отрубленная рука задержалась на полу, а следом упал и ее владелец.

Не теряя времени, Конан ринулся навстречу оставшимся двоим. Перед яростным натиском обнаженного киммерийца те вмиг позабыли, зачем явились сюда:

теперь они дрались за свою жизнь, отчаянно размахивая саблями и шаг за шагом пятась назад. Они едва успевали отбивать сыпавшиеся градом удары. Конан же следил только за тем, чтобы не оказаться между ними.

— Хотели по-тихому прирезать спящую женщину? — рычал он, сверкая глазами. — Труссы! Шакалы! Да по сравнению с вами любой вероломный стигиец сойдет за честного бойца! Но, клянусь, сегодня прольется лишь ваша кровь, и больше ничья!

Его клинок превратился в луч смертоносного света. Страшный режущий взмах — и с плеч слетела еще одна обтянутая маской голова. Последний оставшийся противник киммерийца прижался спиной к стене. Мечи с удвоенной яростью замелькали в слабом свете звезд, скрещиваясь и отлетая один от другого.

Проснувшаяся Ясмина стояла рядом с постелью и, затаив дыхание, следила за схваткой. Внезапно у нее вырвался крик ужаса: Конан поскользнулся в луже крови и растянулся плашмя.

Убийца немедленно прыгнул вперед, заноса меч. Его глаза горели злобным торжеством... но удара так и не последовало. Конан видел, как рот вендийца распахнулся в немом крике боли. Вот, пошатнувшись, он выронил меч, издал какой-то булькающий звук и рухнул на пол. Позади мертвого стояла Ясмина. А между лопатками кшатрия торчал всаженный по рукоятку кинжал.

Конан распорол мечом плащ убитого, в котором запутались его ноги, и поднялся. Он был с головы до ног залит кровью, но в голубых глазах мерцал прежний неукротимый огонь.

— Повезло же мне, девочка, что ты так проворно подросла со своей зубочисткой... если б не ты, я точно составил бы этим господам компанию в преисподней. Кром! Неплохая драчка была!

Голос Ясины прозвучал по-женски заботливо:

— Ты весь в крови, мой предводитель... Дай я промою и перевяжу твои раны!

— Чепуха, — буркнул Конан, разматывая чалму одного из убитых и небрежно вытираясь. — Это их кровь. Ну, может, разве пара царапин... Не ахти какой труд — усмирять разные ничтожества...

— Благодарение богам, что ты был подле меня, — содрогнулась Девы. — Не то они... преуспели бы в задуманном. Но могла ли я думать, что в собственной спальне мне придется опасаться убийц? Вендийский народ любит меня и считает мое правление справедливым... армия и большинство знати сохраняют мне верность... Неужели это Ездигер Туранский подослал в мои покои лазутчиков?..

— Ездигер никогда более не досадит тебе, — пробормотал киммериец. — Он мертв: я убил его на палубе его же корабля. А ну, сними-ка с них маски!

Девы сорвала маску с лица человека, которого навек успокоил ее кинжал, — и отшатнулась в ужасе и недоумении.

— Ченгир!.. Мой двоюродный брат!.. В какую же черную измену вовлекла его жажда власти!.. Но я этого так не оставлю. Завтра же покатытся головы... — И, встряхнув черными локонами, она обратила взор влажных темных глаз на бесстрастно стоявшего киммерийца: — Вот теперь я и в самом деле вижу, что мне не обойтись без супруга... Правь же Вендией вместе со мной, Конан! Объявим о нашей помолвке, а через месяц сыграем свадебный пир, каких не было в Вендии на памяти ныне живущих! Я люблю тебя, мой предводитель...

И она обняла Конана, нежно прижавшись к нему гибким молодым телом и покрывая его лицо поцелуями. У него слегка закружилась голова, но он твердо и бережно отстранил Девы.

— Кром свидетель, девочка, твое предложение куда как заманчиво. Честное слово, немного найдется женщин красивее тебя... или умнее. Тот, кому судьба подарит счастье стать твоим мужем, поистине может считать себя любимцем сотни богов. Десять лет назад, когда я был бродячим искателем приключений, я, пожалуй, со-

гласился бы остаться с тобой... Но теперь — не могу. У меня нынче есть свое королевство в землях Запада — Аквилония, могущественнейшая на свете держава. Есть у меня и любимая королева... Ее похитил злой чародей, живущий в Ххитае, и я поклялся ее разыскать. Сама посуди — разве достойно мужчины дать клятву и не исполнить ее? Избери себе мужа среди вендийцев: всякий народ предпочитает короля от своей плоти и крови. А мой путь лежит за Химелийские горы...

Ясмина не сводила с него глаз, полных великой любви и нежности, смешанной со слезами:

— Видно, боги ниспосылают счастье лишь для того, чтобы тотчас его отобрать... Но, может, это и к лучшему: не будь горя, мы бы не ведали, что значит истинное счастье... — Она смахнула влагу с ресниц, и странная, не лишенная лукавства улыбка тронула ее уста. — Завтра ты снова двинешься в путь, но у нас есть еще несколько часов до рассвета... Давай же не будем тратить время на бесполезные разговоры!

Их руки снова переплелись в страстном объятии. Звездный свет холодно отражался в остекленных зрачках мертвых убийц...

7

ДЕМОН ГОРНЫХ СНЕГОВ

Вдоль замеченной снегом тропы осторожно крался охотник. Нагнувшись вперед, он внимательно разглядывал землю; ноздри его чутко раздувались, словно у гончей, бегущей по следу. Никто прежде него не бывал в этих местах. По крайней мере, никто не пришел назад, чтобы рассказать. Туманы и вековые тайны окутывали ледяные пустоши близ вершин величественных Химелийских гор...

Зельвар Аф один охотился высоко в горах и случайно заметил удивительные следы. Громадные косолапые ступни неведомого существа глубоко продавили снег,

шаг его составлял не менее четырех футов: это говорило о поистине гигантских размерах. Зельвар Аф никогда еще не видел ничего похожего, но в памяти тотчас всплыли страшные легенды из тех, что рассказывали седобородые старцы, сидя у очагов в крытых соломой хижинах горных деревень...

Зельвар Аф отбросил зародившийся страх со всей безрассудной отвагой первобытного существа. Верно, он был один и в нескольких днях пути от дома. Но не его ли называли первым охотником племени вамадзи? Зажатая в ладони рукоять могучего гирканского лука добавила уверенности. Крепко стиснув ее, он огляделся вокруг. И, ступая по-кошачьи, двинулся дальше по следу.

Он ничего не увидел и не услышал, но что-то заставило его остановиться. Перед ним, сколько хватал глаз, величаво вздымались заснеженные склоны, а за ними угадывались иззубренные силуэты дальних хребтов, упиравшихся в самые небеса. Нигде никаких признаков жизни... Откуда же взялся ледяной тошнотворный ужас, неожиданно затопивший сознание? Ужас, словно бы вправду навеянный жутью легенд о нечеловеческих тварях, являвшихся из порубежных, окутанных мраком пределов... Зельвар Аф вмиг обернулся, выхватывая смуглой рукою увесистый жайбарский нож... и кровь обратилась в лед у него в жилах!

Гигантское белое существо скользило к нему по снегу. Оно отдаленно напоминало человека и от этого казалось только страшней. Никаких черт нельзя было различить на поросшем белым мехом лице. Стремительными прыжками плыло оно к окаменевшей от ужаса жертве. Наконец, со сдавленным криком Зельвар взмахнул ножом, но поздно: белые руки сомкнулись в ледяном, смертельном объятии.

И вновь тишина воцарилась на заснеженном плоскогорье...

— Разрази меня гром! До чего же славно опять быть среди горцев!..

Удар полуобглоданной говяжьей костью по грубой деревянной столешнице сопровождал эти слова. В просторном доме вождя племени хиргули собралось не менее двадцати человек — старейшины окрестных деревушек и лучшие воины, все дикие и свирепые с виду. Войдя в дом, они скинули пушистые меховые плащи, защищавшие тело от холода вечных снегов, и остались в овчинных безрукавках и кожаных сапогах — излюбленной одежде горцев. Широкие бакарийские пояса и рукояти сабель из позолоченной слоновой кости отличались варварской роскошью.

Но человек, находившийся в центре внимания, не принадлежал ни к одному из свирепых горских племен. На почетном месте восседал Конан-киммериец. Более десяти лет назад распростился он с извилистыми тропами Химелийских хребтов, и оттого разнообразен и долог был его рассказ.

— Да, пожалуй, туранцы впредь будут меньше вам досаждать... — Наконец речь зашла о недавних похождениях, и в голубых глазах киммерийца заплясали веселые искры. — Я зарубил Ездигера на палубе его флагманского корабля. Клянусь, я стоял по щиколотку в туранской крови! Трон Ездигера некому унаследовать, и можно ждать, что усобицы враждующих шахов вскорости развалит империю...

Седобородый вождь вздохнул:

— С тех пор, как ты со своими афгулами и Деви Ясмина с ее кшатриями разгромили туранцев в долине Фемеш, они к нам почти не совались. Не тревожат нас и всадники Вендии: с того самого дня мы по молчаливому уговору соблюдаем перемирие. Вообрази, мы ни разу не наскakивали даже на их заставы! Я почти тоскую по прежним дням битв, когда мы обрушивали камни на их остроконечные племя, когда в каждом ущелье закованных в железо латников подстерегали засады!..

Воспоминания заставили Конана улыбнуться. Потом его мысли вновь обратились ко дню сегодняшнему. Он знал, что до конца дней своих не позабудет гибкую

черноволосую женщину с заплаканными глазами, стоявшую на дворцовой стене, и ветер рвал шелковую вуаль из ее руки, вскинутой в прощальном движении, а конь уносил его вдаль, к окутанным синей дымкой хребтам, громоздившимся на горизонте...

Тучный бородатый старейшина откашлялся, прочищая горло.

— Мы так поняли, Конан, что дело у тебя неотложное, — сказал он. — Но послушай совета: обойди стороной плоскогорье Талакму. Последнее время там творится нечто страшное... страшное! Говорят даже, будто снежные демоны наших легенд снова бродят в горах!

— Что же это за демоны, — хмыкнул Конан, — которым удалось вселить страх в мужественные сердца сынов Гулистана?

Старейшина наклонился вперед и ответил не без трепета в глосе:

— Дьяволы из черных бездн, порождения ночи, свившие гнезда на заснеженных перевалах Талакмы, вот что это такое. Мы находили там мертвые тела, изувеченные, смятые нечеловеческой силой... Но самое страшное — все они, даже только что убитые, заморожены насквозь! Люди говорят, замерзшие пальцы отламывались, подобно хрупким сосулькам...

— Спасибо за предупреждение, — невозмутимо поблагодарил Конан. — Но обходить Талакму — значит потерять добрых два месяца, а я, как ты верно заметил, в самом деле очень спешу. Я пойду напрямик, кратчайшим путем.

Тут вожди и старейшины заговорили разом, пытаясь его разубедить, но все понапрасну. Он устало поднялся и ушел во внутреннюю комнату, где ждала теплая меховая постель, а его друзья-горцы еще долго сидели все вместе и негромко беседовали, не спеша расходиться, и неподдельная тревога за Конана звучала в их голосах.

Конан шагал по снежной пустыне под скорбное завывание ветра. Летящий снег хлестал его по лицу, ледяной

холод проникал даже сквозь толстую меховую куртку. За плечами киммерийца висел дорожный мешок, битком набитый всем необходимым для долгого пути в снегах. Горцы Гулистана щедро снабдили его грубым хлебом и сушеным мясом. Конан шел вперед, и пар от дыхания двумя белыми струями вылетал из ноздрей.

Вот уже несколько дней он шагал и шагал неутомимой легкой походкой жителя гор, поглощавшей милое за милей. На ночь Конан выкапывал себе пещеру в снегу; для этого при нем была короткая, широкая лопатка. Бездонные пропасти пересекали его путь. Иные он попросту перепрыгивал с разбега, иные обходил, а то спускался вниз по веревке и карабкался на противоположную сторону...

Ни единого следа не нарушало здешних снегов. Живые существа почти не попадались Конану на глаза. Лишь однажды голодный снежный барс бросился на него, но взмах жайбарского ножа отшвырнул хищника прочь. Конан там его и оставил — стыть на вечном морозе.

...Ощутив, что режущий ветер начал стихать, киммериец ободрал сосульки с бровей и остановился, оглядываясь. Позади него расстилалось беспредельное заснеженное плато, прорезанное глубокими трещинами. Громадные пики прятались в облаках. А впереди, далеко-далеко, смутно угадывалось начало спуска вниз, на равнину. Там ждал отдых, вдвойне желанный после столь изнурительного перехода...

Но тут зоркие голубые глаза заметили кое-что еще. Охваченный неожиданным любопытством, Конан прошел несколько шагов и снова остановился, внимательно разглядывая удивительные следы на снегу. Таких следов он никогда прежде не видел. Отчасти они напоминали медвежьи; но ни у одного медведя не было лап подобной величины, притом без когтей и с пальцами, сильно скошенными внутрь. Кем бы ни был оставивший след, он прошел здесь совсем недавно: поземка еще не успела замести глубокие вмятины. След вел мимо высокого

ледяного обрыва. И Конан двинулся вперед, настороженный, как охотящаяся пантера...

...Но даже молниеносная быстрота реакции не помогла киммерийцу увернуться от белого чудовища, кинувшегося на него сверху. Он успел заметить бесформенные конечности и голову без лица. Тварь сбила его с ног. Он с такой силой ударился оземь, что из легких вырвался воздух.

Он все-таки сумел наполовину вывернуться из смертоносных объятий, не дав белым лапам сомкнуться за спиной. Тем не менее, демон сжимал его, точно в тисках. Конан отчаянно бился, пытаясь высвободить правую руку, державшую нож... напрасно: чудовище было неизмеримо сильней. Тщетно напрягались исполинские мускулы киммерийца. Безликая голова склонилась над ним, точно желая заглянуть ему прямо в глаза... Невероятный холод начал растекаться по телу, и одновременно Конан ощутил мысленное прикосновение. Обитатель бездн зла, безымянный ужас снегов вознамерился пожрать его душу. Конан облился холодным потом. Его разум отчаянно сопротивлялся...

Обычный человек уже давно пал бы жертвой этой неодолимой неведомой силы. Но, по счастью, налет цивилизованности, прикрывавший варварские рефлексy Конана, был весьма тонок. Как всегда в минуту опасности, в нем могуче заговорил инстинкт хищного зверя. Жажда жизни собрала в железный комок все его мышцы. С треском разорвалась меховая одежда: Конан выпростал-таки левую руку и ударил кулаком в склонившуюся безглазую морду.

И произошло невероятное: демон издал пронзительный завывающий крик, и хватка его сразу ослабла.

Кольцо!..

Кольцо Рахамона, которое Конан все еще носил на руке! Подарок Пелиаса, наделенный неведомой магической силой!.. Единственное оружие, способное поразить злого духа снежной тьмы, демона, что губил

души людей и разбрасывал по сугробам замерзшие изувеченные тела!..

Конан ударил еще раз, и вой чудовища сменился жалобным визгом. Оно шарахнулось прочь, спасаясь от страшного кольца. Конан прыгнул к нему и вновь замахнулся. Им владело яростное вдохновение: он не спасался, он нападал! Острые концы печатки рванули белую плоть. Демон кинулся прочь. Бесцветный иxor хлестал на снег из его ран.

Конан загнал его на край глубокой трещины в леднике. Дальше бежать было некуда; дрожа и шатаясь, чудовище остановилось. Кулак киммерийца, увенчанный кольцом Рахамона, трескливо размахивался в безжалостном размахе. С ужасающим криком демон качнулся назад, пытаясь сохранить равновесие... но ледяная кромка внезапно обрушилась под ногами, и вой гибнувшего постепенно затих далеко внизу.

Конан отошел от края и встряхнулся, точно волкодав после схватки с целой стаей волков.

— Ну и перстенок всучил мне Пелиас, — пробормотал он. — Холера бы взяла этих снежных демонов! Ладно, по крайней мере одного я спровадил куда следует... А теперь вперед, если я намерен хоть завтра дотащить до восточного склона!

8

КХИТАЙСКИЙ ДРАКОН

Двадцать пять дней назад Конан вступил в пределы Кхитая...

Безрадостные, засушливые земли — пограничье великой пустыни Вухуань, где редко-редко встречались шатры прокаленных солнцем кочевников, — сменились бескрайней страной топких болот. Водоплавающие птицы тучами кружились над неподвижной гладью озер. Красноглазые, злобные болотные буйволы с плеском и фырканием продирались сквозь высокие тростники. Неумолчно жужжали кусачие рои насекомых. Да-

леко разносился капляющий рык тигров, вышедших на охоту...

Конану не привыкать было к болотам. Ему доводилось пробираться и джунглями Куша, и непролазными трясиными, что окаймляли море Вилайет. Прежняя сноровка весьма ему пригодилась, пока, пользуясь то самодельными мокроступами, то плотами, на скорую руку связанными из бамбука, он пересекал эти негостеприимные края.

Наконец болота остались позади, но идти не сделалось легче: начались густые джунгли. Конан не выпускал из рук тяжелого жайбарского ножа, буквально прорубаясь сквозь заросли. Железная решимость гиганта-киммерийца была столь же крепка, как и его закаленные мышцы.

И вот что поневоле бросалось в глаза: когда-то эта земля была населена и богата. Когда-то очень давно, когда для цивилизации Запада едва занимался рассвет. Конану то и дело попадались среди джунглей обветшалые развалины храмов, дворцов и даже целых городов, покинутых и позабытых много тысячелетий назад. Пустые черные окна казались глазницами черепов. Лианы обвивали статуи неведомых, дочеловеческих богов — изъеденные временем, рухнувшие с пьедесталов... Потревоженные вторжением обезьяны разбежались с дороги, испуганно вереща.

Джунгли постепенно сменились холмистой равниной, где под присмотром шафрановокожих пастухов бродили стада. Эти земли пересекала Великая Кхитайская Стена, протянувшаяся через горы и доли. Конан помрачнел, завидев ее. Была бы при нем хоть тысяча бесстрашных аквилонских солдат с таранами и катапультами, он бы живо преодолел это гигантское, но малолюдное сооружение: молниеносный удар достиг бы цели прежде, чем с других участков стены подоспела бы помощь.

Нынче Конан не располагал ни воинами, ни осадными орудиями, но, тем не менее, пересечь Великую Стену было необходимо. И вот в темную ночь, когда плотные

облака укрыли луну, он перелез ее испытанным воровским способом — при посредстве веревки, снабженной крюком. На стене остался лежать страж, оглушенный ударом по шлему. Оказавшись на той стороне, Конан пустился через травянистые луга неспешной на первый взгляд рысцей, незаметно пожирившей милю за милей. Он редко останавливался отдохнуть.

Скоро опять начались джунгли; но, в отличие от нехоженных дебрей, которые он только что с таким трудом пересек, здесь повсюду встречались свежие следы пребывания человека. Заросли бамбука были густы по-прежнему, однако теперь меж коленчатых стволов виднелись узенькие тропинки. Лианы вились с дерева на дерево; ярко окрашенные пичуги щебетали над головой. Издалека доносился рев леопарда...

Конан крадучись двигался по тропе, сам похожий на дикого хищника джунглей. Если верить словам кхитайского раба, освобожденного после битвы в море Вилайет, — он как раз вступал в лес, окружавший город-государство Пайканг. Кхитаец говорил ему: джунгли простирались на восемь дней пути. Конан надеялся преодолеть их в четыре. Но перво-наперво следовало разыскать хоть какую-нибудь деревушку. Насколько ему было известно, жители леса боялись и ненавидели жестокого владыку Пайканга. Словом, Конан крепко рассчитывал обрести в них друзей, которые помогут ему достичь города кратчайшим путем.

В бамбуковой чаще царил жутковатая, загадочная полутьма. Конан ощущал ее почти как физическое присутствие. Неисследованная, тысячелетиями не знавшая — если не считать редких троп и полянок — топора, эта чаща, казалось, молчаливо хранила тайны давно прошедших эпох. Нагие, немыслимо ровные бамбуковые стволы высились со всех сторон, словно бы погруженные в вековую думу. Понятные лишь посвященным, традиции этой страны считались древними еще в те времена, когда люди Запада впервые познакомились с огнем. Обширны и овеяны временем были сокровища знаний,

накопленные ее философами, ремесленниками... и колдунами.

Конан покрепче перехватил рукоять изогнутого клинка, страшивая тягостное наваждение. Его ноги бесшумно ступали по ковру опавшей листвы. Он чувствовал себя волком, вторгшимся в охотничьи угодья чужой стаи: все его чувства были предельно обострены. Вот в гниющей листве послышался шорох. Громадная змея, грифельно-серая с пламенеющим алым зигзагом вдоль спины, взвилась в хищном прыжке. Капли яда блеснули на длинных, готовых вонзиться клыках. Но меч в руке Конана просвистел мгновением раньше. Острое лезвие отсекло ядовитую голову. Конан хмуро вытер меч и двинулся дальше, а длинное тело змеи еще долго свивалось кольцами и корчилося в предсмертной агонии...

Потом что-то заставило его остановиться и замереть в неподвижности. Уши Конана настороженно ловили малейший звук, ноздри раздувались, вбирая едва уловимые запахи. Он услышал звяканье металла. А теперь к нему добавились и человеческие голоса.

Конан беззвучно скользнул вперед. Через сотню шагов тропа неожиданно повернула, и, выглянув между коленчатыми стволами, киммериец разглядел наконец, в чем дело.

Его глазам предстала небольшая поляна и два здоровенных желтых солдата, которые привязывали к дереву шафрановокожую девушку. Конан сразу обратил внимание, как резко отличались эти рослые мускулистые воины от большинства здешнего народа — невысокого, узкого в кости. Лакированные, составленные из металлических полосок доспехи и яркие шлемы придавали им зловещий и экзотический вид. У каждого на боку висел широкий кривой меч в деревянных лакированных ножнах. Лица солдат были зверски жестоки и оттого отвратительны.

Девушка отчаянно билась в их лапах и тщетно умоляла о чем-то. В юности Конан служил наемником в войске туранского короля и там научился неплохо по-

нимать музыкальную, певучую кхитайскую речь. Послушав немного, он убедился, что почти ничего не забыл. И еще он приметил, что заплаканная пленница, черноглазая и по-восточному раскосая, была изумительно красива.

Солдаты между тем делали свое дело, не обращая внимания на ее жалобные мольбы. Конан почувствовал, как волной вздымается в нем ярость. На его глазах готовилось человеческое жертвоприношение — жестокий обычай, который он по мере сил искоренял у себя на Западе и который по-прежнему процветал на Востоке. Нет, подобного обращения с беззащитной девушкой он не мог допустить! Кровь Конана заклокотала. Диким буйволом вылетел он на поляну, держа в руках меч.

Треск зарослей, сокрушаемых киммерийцем, мигом достиг слуха кхитайских солдат. Обернувшись на шум, они в неподдельном изумлении вытаращили глаза. Потом выхватили мечи и изготавились встретить варвара с самодовольным спокойствием уверенных в себе бойцов. Они не произнесли ни слова, но девушка крикнула из-за их спин:

— Беги, благородный воин, беги! Не пытайся спасти меня! Это лучшие во всем Кхитае фехтовальщики из личной стражи Ях Чиенга...

Однако ненавистное имя врага лишь подлило масла в огонь. Свирепо сузив глаза, Конан бросился навстречу солдатам...

Может, они вправду слыли первыми рубаками во всем Кхитае, но перед лицом разгневанного Конана они больше напоминали несомую ветром солому. Они попросту не успевали уследить за мечом варвара, ткавшим в воздухе серебристый узор. Ложный выпад — и стремительный смертельный удар разрубил лакированные латы вместе с ключицей. Желтый солдат осел наземь; жизнь покинула его тело.

Второй зашипел по-змеиному и удвоил усилия, бросившись в яростную атаку. Конан не пожелал отступить. Мечи с лязгом встретились в воздухе. И кхитайская

сталь не выдержала удара упругого, гибкого клинка, выкованного из несравненной химелийской руды лучшим кузнецом племени хиргули. Меч Конана вспорол нагрудник и вошел в сердце кхитайца.

Онемевшая от ужаса девушка широко раскрытыми глазами следила за схваткой... В первый миг, когда Конан только выскочил на поляну, она посчитала его одним из родственников или друзей, отважившихся ради нее на безумный поступок. Теперь она видела, что это был «ченг-ли» — светлокожий чужестранец из окутанных тайной земель, лежавших к западу от Великой Стены, далеко за пустыней Вухуань. Что он сделает с ней? Съест живьем, как уверяли легенды?.. Или сделает ее рабыней, за волосы оттащит в свою страну и до смертного часа заставит надрываться на непосильной работе, приковав на цепь в вонючем подвале?..

Страх бесследно растаял, когда Конан подошел к ней и с дружелюбной усмешкой перерезал путы. И когда он окинул ее оценивающим взглядом, это не был взгляд удачливого завоевателя, рассматривающего рабыню. Свободный человек любовался женщиной, столь же свободной, как и он сам. Откровенное восхищение, читавшееся в его глазах, заставило ее порозоветь.

— Во имя Махи! — сказал он. — Мог ли я знать, что в этой желтой стране живут подобные женщины! Нет, надо было мне собраться сюда много лет назад...

Его акцент был ужасен, но девушка без труда разобрала, о чем он говорил. Она ответила:

— Белые чужеземцы редко приезжают в Кхитай... Поистине, твое прибытие и эта победа совершились по воле богов. Если бы не ты, они двое, — и девушка указала рукой на трупы солдат, — отправили бы меня прямо в пасть Ужасу, который Ях Чиенг поселил в джунглях...

— У меня свои счеты с этим лысым козлом, — проворчал Конан. — Так что я с удовольствием посчитаюсь с ним еще и за тебя. О каком ужасе джунглей ты говоришь?

— Никто из видевших его не пришел назад, чтобы рассказать... Люди говорят — великий волшебник вызвал к жизни чудовище из давно забытых эпох, из тех времен, когда огнедышащие звери населяли землю, содрогавшуюся от землетрясений... С помощью этого создания Ях Чиенг держит страну в унижительном страхе. Он часто требует человеческих жертв... Солдаты хватают самых талантливых мужчин и прекраснейших женщин, и чудовище набивает ими утробу...

— Да, неудобное соседство, — согласился Конан. — Знаешь, девочка, не то чтобы я так уж заранее трясся от ужаса перед этой образиной... но все же, по-моему, лучше бы как-нибудь разминуться с ней по дороге в Пайканг. Далеко ли твоя деревня?

Девушка не успела ответить: что-то тяжело затрещало в лесу, ходуном заходили стебли бамбука, и до слуха долетел хриплый рев. Со зловещей улыбкой Конан опустил руку на рукоять меча и стал ждать, напрягшись всем телом, словно тигр перед прыжком. Девушка в ужасе юркнула за его широкую спину.

И вот, оглашая поляну утробным, квакающим рыком, из зарослей выломилась на поляну гигантская туша. От кончика носа до шипа на хвосте было не менее сорока футов. Короткие кривые лапы оканчивались острыми загнутыми когтями. В огромной пасти торчали клыки, по сравнению с которыми клыки саблезубого тигра казались смешными и безобидными. По бокам головы бугрились могучие мускулы, приводившие в действие эту ужасную машину разрушения. Чешуйчатая шкура тошнотворно отливала свинцом, смрадное дыхание отравляло воздух запахом мертвечины...

Выбравшись на солнечный свет, чудовище заморгало и на мгновение остановилось.

— Лезь на дерево! Живо! — рявкнул Конан окаменевшей от ужаса кхитайке. — Там ему тебя не достать!

Словно очнувшись, девушка проворно вскарабкалась наверх. Тем временем внимание киммерийца было приковано к исполинскому ящеру. Да, это был самый опас-

ный соперник из всех, с какими ему когда-либо приходилось встречаться! Рыцари, закованные в броню, воины, размахивающие мечами, кровожадные хищники и отравители, крадущиеся в ночи, — чего они стоили по сравнению с живой боевой машиной, со всех ног мчавшейся прямо к нему!

Но не так-то просто было сожрать лучшего охотника киммерийских холмов, джунглей Куша и туранских степей. Конан не сдвинулся с места: если бы он побежал или взобрался на дерево, дракон скорее всего устремился бы за девушкой. Варвар отскочил в сторону лишь в самый последний момент, когда громадные зубы, казалось, готовы были впиться в его тело. Дракон по инерции проскочил вперед и с треском врезался в заросли, а Конан тем временем ринулся к бамбукам.

Чудище выпуталось из кустов быстрее, чем он ожидал, и, с ревом развернувшись, вновь бросилось на него. Конан понял, что на сей раз не сумеет ни увернуться, ни добраться до спасительного дерева. Бамбуки же были гладкими и скользкими — не влезешь, — зато чудище легко переломило бы их одним движением головы. Нет, тут нужно что-то другое...

Выхватив свой жайбарский нож, Конан срубил под корень гибкий коленчатый стебель. Еще взмах — теперь наискосок — и макушка, увенчанная султаном листвы, отлетела прочь, а у Конана в руках оказалось десятифутовое импровизированное копьё с острым скошенным концом, блестящим, точно стекло. Держа его наперевес, Конан повернулся навстречу дракону...

У него оставалось мгновение, чтобы вогнать острие между ощеренными челюстями, прямо в темную глотку. Пустив в ход всю свою силу, Конан всаживал бамбуковое копьё все глубже и глубже в податливые внутренности дракона. Потом челюсти захлопнулись, перекусив древко в какой-нибудь пяди от руки киммерийца. Неистовый рывок головой — и Конан кувырком полетел в густые кусты на двадцать футов прочь.

Крича от боли, ящер бился в агонии. Конан кое-как поднялся, слегка удивившись, что руки и ноги все еще были при нем. Каждый мускул отзывался болью, но все-таки он вытащил меч и двинулся вперед. Пыль, поднятая судорогой дракона, слепила глаза. Не без труда увернувшись от хлещущего хвоста и лязгающих челюстей, Конан с размаху всадил меч чудовищу в глаз. Клинок вошел легко, точно в масло, последние корчи дракона выбили рукоять из руки, Конана вновь швырнуло на землю, но вот чешуйчатая туша затрепетала, вытянулась и замерла.

Хромая и с усилием выкашливая из легких пыль, Конан направился к дереву, где высоко среди ветвей съежилась девушка.

— Стареем, стареем, — пробормотал он, переводя дух. — А ведь были деньки, когда я разделался бы с ним одной левой. Подумаешь, насадить ящерицу на прут!

Конан скромничал, с наивностью варвара преуменьшая свой подвиг. В глубине души он знал — совершенного им не смог бы повторить ни один человек на свете. И этой победой он был обязан только себе самому, а вовсе не предначертанию судеб или удачному стечению обстоятельств...

— Слезай, девочка! — прокричал он хрипло. — Дракон сдох, обожравшись бамбука. Веди меня в свою деревню: я помог тебе, а теперь вы мне помогите!

9

ТАНЕЦ ЛЬВОВ

Бамбуковая хижина была погружена в полутьму.

Ароматный дымок желтого лотоса кольцами поднимался вверх, прозрачные щупальца тянулись к дымовому отверстию в потолке, вырастая из нефритового чубука изукрашенного золотого кальяна, стоявшего на полу перед старым кхитайцем, что сидел, скрестив ноги, на красной циновке.

Старику было под восемьдесят; лицо его напоминало пожелтевший пергамент, испещренный бесчисленными письменами морщин. Тем не менее, в его облике сквозила почти юношеская энергия, сочетавшаяся с властным спокойствием и ясностью мысли. Он придерживал чубук левой рукой, размеренно и с наслаждением поправляя душистым, слегка пьянящим дымком. Зоркие черные глаза внимательно изучали черноволосого, белокожего исполина, который сидел на низком стуле против него и с жадностью поглощал тушеный рис «ши-ла», что подала ему спасенная девушка.

Теперь на ней была курточка, целомудренно застегнутая чуть не до подбородка, и вышитые штаны. Наряд выгодно оттенял ее золотистую кожу и огромные, глубокие, раскосые глаза, а блестящие волосы были уложены в замысловатую прическу. Словом, ничего общего с полуголой, растрепанной, насмерть перепуганной девочкой, которую Конану довелось спасать и от людей, и от чудовища. Но киммериец хорошо помнил жаркое объятие ее рук в час отдыха на лесной поляне, когда она по-женски отблагодарила его со всем пылом дочери Востока, — ну, а в нем-то ответная страсть всегда вспыхивала легко...

Они путешествовали один день и одну ночь, останавливаясь лишь тогда, когда девушка выбивалась из сил. Когда же она окончательно выдохлась, Конан усадил ее на свои широкие плечи, и его не знающие усталости ноги понесли вперед их обоих. И вот наконец тропа вывела их на просеку. Там, у ручья, стояла дюжина крытых щепой лачуг; ручей сверкал серебром от обилия играющей рыбы. Из лачуг навстречу пришельцу выбежали суровые желтокожие мужчины, вооруженные луками и мечами. Они, впрочем, быстро разобрались, что к чему, и воинственный клич сменился криками радости: спасителя односельчанки приветствовали, как желанного гостя.

Скоро Конан узнал, что в деревне жили люди благородных кровей, бежавшие в джунгли от тирана Ях Чи-

енга Ужасного. Жизнь их была исполнена постоянного страха: в любой момент могли нагрянуть прислужники чародея — когорты вооруженных меченосцев — и всех уничтожить...

Когда, насытившись и допив последний глоток желтоватого рисового вина, Конан утер рот, старый хозяин заговорил:

— Могушествен некогда был клан Канг, который я, Канг Хзу, по сей день возглавляю... В те годы Пайканг с его пурпурными башнями был прекраснейшим среди всех городов-государств северного Кхитая. Сверкающие латами полки охраняли мирный люд от воинственных поползновений Шу-чена с севера и Руо-чена, что на юге. Плодородная земля приносила обильные урожаи... Мой дворец в Пайканге блистал всем великолепием искусства и культуры нашей древней цивилизации... Но потом пришел Проклинаемый. Его войска налетели с юго-востока в темную ночь, подобно разрушительному урагану. Наши армии были сметены с лица земли его нечистым искусством: их поглощали землетрясения, сжигал волшебный огонь, поражал неведомый мор. Проклинаемый отдал беззащитный прекрасный город на разграбление своим извергам. Кровь затопила Пайканг, ревущий огонь уничтожил дома и дворцы. Жестокостям, которые тогда совершались, нет имени на человеческом языке... Мне с семьей и кое-кому из слуг удалось скрыться на быстроногих верблюдах. Тяжел и опасен был наш путь, пока наконец мы не обосновались здесь, в джунглях. Сомневаюсь, чтобы Ях Чиенг догадывался о нас: иначе бы он нас давно уничтожил. Меченосцы схватили мою дочь Канг Лю-цзе, когда она гостила в соседней деревне за несколько миль отсюда, а к нам, в это укрытие, никакие ищейки еще не добрались. Иногда мне кажется, что все надежды напрасны... Нас горстка — можем ли мы противостоять колдовской мощи и тысячами хорошо вооруженных солдат? И все-таки я знаю, что наш народ, стонущий под бременем жестоких налогов и иных взысканий, не позабыл прежних времен — безоблачных

времен процветания и свободы. Дай ему малейшую надежду, и он поднимет восстание. Но покамест полководцы Проклинаемого держат народ в железном ярме. Его меченосцы проходят по улицам Пайканга развязной походкой завоевателей, с кнутами в руках... Это тянется уже двадцать лет; впору было бы совсем утратить надежду, если бы не пророчество, которое только и вело нас сквозь бесконечные годы кошмара...

Молча слушавший Конан осторожно полюбопытствовал:

— Я чужестранец и не знаю почти ничего... Что это за пророчество?

— Моя жена, мать Лю-цзе, повелевала удивительными силами, — ответил старик. — Она понимала язык птиц; я сам видел, как дикие звери джунглей ластились к ней, тычась носами в ее ладони... Когда разразилось несчастье, один из мародеров Ях Чиенга ворвался в покой моей супруги и поразил ее насмерть во время молитвы богам. Я прибежал слишком поздно... Я зарубил злодея, но ее спасти уже не успел. Я стоял с окровавленным мечом в руке, сам не свой от горя и ужаса... И тогда она нашла в себе силы поманить меня рукою и прошептать:

«Мой час настал... Беги же, любимый, спасай себя и детей. Спрячьтесь, ждите и не отчаивайтесь. С Запада придет доселе невиданный воин, наделенный благородным сердцем и щедрой душой. В своем гневе он сокрушит и раздавит врага, точно ядовитую змею под каблук. Это будет белокожий человек необыкновенной силы, король своей страны... Подобно огненной молнии поразит он Проклинаемого. За ним стоят боги! Пайканг снова будет...» — но тут алая кровь хлынула из ее уст, и она умерла. Несмотря на охватившее меня горе, я выполнил ее последнюю волю. Я собрал и вывел из дому наших детей. Самых маленьких вынесли потайным ходом верные слуги... С тех пор и до сего дня мы ждали появления белокожего полководца. Мы мечтали о том, как он придет во главе блистающих армий и его стяг

взовьется над башнями Пайканга. Но из великих пустынь налетают лишь кочевые орды грабителей... А годы идут, и с каждым днем слабеет надежда. И вот я составил; дни мои сочтены. Я отчаялся... какая судьба ждет мой народ?

Широко улыбнувшись, Конан топнул ногой и прогремел:

— А кто тебе сказал, дед, что я не король? Я король прекрасной Аквилонии, самой могущественной державы Запада! Когда-то я завоевал ее и своими руками, прямо на троне, задушил тирана, правившего ею тогда. Кожа у меня светлая, а что касается силы, мне случалось драться один на один с профессиональными душителями — и побеждать! Ну как, не подхожу под твое пророчество?

Старец вскинул глаза, страстно желая и не решаясь поверить:

— Ты не шутишь, Конан?.. Ты в самом деле король? Но если так, значит, верно и то, о чем я еще не успел тебе рассказать... Моя бедная супруга обещала, что пророчество сбудется не позже чем через двадцать лет после нашего разгрома... О, слава богам! Мы сегодня же соберем священный благодарственный пир, а завтра — располагай нами, как пожелаешь. Ты согласен вести нас?..

Конан от души рассмеялся:

— Не так скоро, дружище! Даже я, наделавший в своей жизни вполне достаточно глупостей, — даже я не столь безрассуден, чтобы кидаться прямо в пасть чародею во главе двух десятков людей. Боги, видишь ли, охотнее помогают тем, кто сам шевелит мозгами. Мы должны тщательно предусмотреть каждый шаг...

Но Канг Лю-цзе уже разнесла новости, и скоро все звуки потонули в восторженных криках толпы, собравшейся около хижины. Пришлось Конану с самым серьезным видом принимать скромные знаки поклонения шафрановокожих людей, чью единственную надежду на спасение он воплощал.

И вот в дерезушке, населенной кхитайскими беглецами, собрался высокий совет. Густо вился над кальянами благоухающий лотосом дым. Конан разлегся на циновках, держа в руке кубок вина. Зоркие голубые глаза внимательно изучали лица новых союзников. Атмосфера в бамбуковой хижине была наэлектризована до предела...

— Не так-то легко проникнуть в замок Проклинаемого, — рассказывал рослый узкоглазый мужчина, чье лицо было изуродовано шрамом через весь лоб. — Меченосцы стоят на страже ночью и днем, не говоря уже о потусторонних силах, которыми он повелевает... С другой стороны, народ безоружен. Открытое нападение на хорошо вооруженную цитадель с нашими ничтожными силами — безумие!

— Ты совершенно прав, Ленг Чи, — ответил старый Канг Хзу. — Лишь хитрость может проложить нам путь к успеху. Вот послушайте: я знаю, как попасть в цитадель. Через неделю Проклинаемый дает пир: так отмечает он каждую годовщину взятия Пайканга. И каждый год венцом праздника становится Танец Львов, исполняемый по всем правилам древности, — тем самым Ях Чиенг как бы идет навстречу народной любви к зрелищам и приверженности старым традициям. В этот день, единственный раз в году, раскрываются главные ворота, и люди могут войти во внутренний двор... Да, но как мы проведем с собой короля Конана? Он светлокожий и круглоглазый, да и ростом слишком заметен. Хотя погодите, мы можем спрятать его в каком-нибудь ящике...

Конан счел за благо вмешаться:

— Ну нет, друзья! Лежать без движения в ящике, точно покойник в гробу, вот еще не хватало! Но этот ваш Танец Львов наводит меня на мысль... Я слышал о нем от путешественников. Насколько я понял, двое влезают в один костюм, снабженный головой льва. Вот тут, под самый конец праздника, я и проскользнул бы в замок, а там-то уж... Только вот где взять львиный костюм? У вас его нет, а делать небось долго...

— Судьба поистине нынче к нам благосклонна, — серьезно отвечал старец. — В Шаулуне, за день пути отсюда, живет команда танцоров, которая что ни год ходит на праздник. Есть у них и костюм. Мы уж постараемся, чтобы они не прогадали, одолжив его нам. А в остальном ты прав: у тебя будет достаточно возможностей проскользнуть в замок, ибо под конец праздника Проклинаемый нередко выставляет для черни вино. Тогда поднимается такая неразбериха и крик, что в прошлые годы меченосцы Ях Чиенга, бывало, выставляли толпу за ворота под угрозой оружия. Быть может, на сей раз нам удастся к своей выгоде использовать пьяный разгул... Представляю, как разинут рты меченосцы, увидев перед собой трезвых людей, да с запрещенным оружием в руках! Веселый праздник ждет Ях Чиенга в этом году!..

— Не говори гоп, — предостерег Ленг Чи. — Сколько воинов мы можем собрать? Между тем по первому зову Ях Чиенга сбегутся знаменитые Двести, а следом подоспеют войска. Знали бы воины, что мы затеем, может, кое-кто и перекинулся бы к нам, но...

— Да и оружия у нас маловато, — сказал другой старейшина. — Не забывайте, друзья, что душегубы Проклинаемого сплошь в кольчугах и панцирях, точно раки из озера Хо!

Изгнанники еще раз подсчитали свои ничтожные силы и заметно приуныли. И тогда заговорил Конан:

— Старейшина Канг! Помнится, ты как-то обмолвился об отряде наемников с Запада, захваченном Ях Чиенгом в прошлом году. Что тебе известно о них?

— В месяце Кабана откуда-то с Запада явился отряд в пятьдесят человек, — отвечал старец. — По их словам, они состояли на службе у короля... как бишь звалась эта держава? Туран — да, Туран. Им, однако, вскоре надоело терпеть унижения от тамошних полководцев, и они направились далее на восток, думая попытать счастья в Кхитае.

— Они прошли в нескольких милях от здешних мест, через деревню Шаулунь, — подхватил Ленг Чи. — Их

полюбили в деревне: они никого не насиловали и не грабили, но зато уничтожили шайку разбойников, не дававших людям житья. Жители Шаулуня пытались предостеречь их против Ях Чиенга. Но они не послушались и пошли оттуда прямо в Пайканг. И там, как мы слышали, предложили Проклинаемому свои мечи. Чародей сделал вид, что очень обрадовался, на самом же деле у него были совсем другие планы. Он устроил им пир, но в самый разгар торжества в зал ворвались его воины. Капитану наемников там же срубили голову, а остальных бросили в подземелье.

— Ну и зачем ему это понадобилось? — спросил Конан.

— Мы думаем, он решил использовать их как жертвы в каких-то великих обрядах своей дьявольской магии.

— Что же с ними случилось?

— Насколько мы знаем, они все еще ждут своей участи. Впрочем, с тех пор прошло вот уже три месяца...

— Откуда вам об этом известно?

— В Шаулунь бежала из Пайканга женщина — бывшая любовница одного из Двухсот. Она-то и рассказала нам обо всем.

— Старейшина Канг, — сказал Конан. — Ты говорил также, что Ях Чиенг поселился в твоём бывшем дворце. Припомни поподробнее, что там и как. Я вовсе не хочу блуждать вслепую!

Канг Хзу принялся чертить на земляном полу хижины.

— Учти только, Проклинаемый мог многое перестроить и изменить с тех пор, как я там жил. Я могу рассказать только о том, как все выглядело при мне. Смотри же: вот главные ворота, а здесь расположен большой зал...

Несколькими часами позже план нападения был разработан вплоть до мельчайших деталей. Поднявшись, Канг Хзу высоко поднял свой кубок, так что янтарное вино замерцало в дымном свете масляных ламп:

— За будущее! За величие и честь Пайканга! За то, чтобы голова Змеи вскоре хрустнула под пятой Мстителя!..

Приветственные крики сопровождали этот тост. Конан осушил чашу, хмелея не столько от вина, сколько от одной-единственной мысли: наконец-то он был совсем близко от цели!..

Лучи рассвета едва пробивались сквозь тучи пыли, повисшие над дорогой, что вела в Пайканг с запада. Сотни кхитайцев в синих и коричневых одеяниях спешили по направлению к городу.

Высокие стены Пайканга отсвечивали на солнце мраморной белизной. Вода, наполнявшая ров, отражала белые зубцы стен, бурые холмы вокруг да синее небо. Стаи диких уток плавали во рву. А за стенами поднимались высокие пагоды Пайканга: многослойные крыши сверкали зелеными, голубыми, пурпурными изразцами, загнутые кверху концы покрывала затейливая позолота. Золотые львы и драконы щерились по углам бастioned, венчавших огромные городские ворота.

Запыленный сельский люд рекой вливался в ворота — кто на осликах, кто просто пешком. В кои веки раз солдаты Ях Чиенга смирно стояли по сторонам, опершись на трезубцы и алебарды: в обычные дни никого не пропустили бы мимо без издевательского допроса, без обыска и вымогательств...

Там и сям тусклый людской поток расплывался яркие костюмы танцоров. Особенно выделялись танцоры из Шаулуня. Позолоченная львиная маска так и горела на солнце, обращая выпученные глаза и извивающийся язык то туда, то сюда. Судя по тому, как возвышалась она над головами кхитайцев, ее нес человек исполинского роста.

Внутри города живая река без задержки текла по широкой улице прямо ко дворцу. Выглядывая сквозь щелочки, нарочно проделанные в маске, Конан внимательно вбирал звуки и пряные запахи кхитайского города. Каждый торговец оповещал о себе и зазывал покупателей особым рожком, колокольчиком, свистком или

погремушкой, но для непривычного уха все это сливалось в бессмысленный шум.

Вместе с толпой приблизился Конан ко внутренней стене и распахнутым настежь широким воротам. За воротами толпа разделялась, обходя преграду: изваянные в нефрите, сплетались каменные драконы — футов десять в высоту и тридцать в длину. И вот наконец они вступили в широкий двор прежнего родового гнезда клана Канг, а ныне — замка Ях Чиенга.

Вокруг столов, где прислужники чародея, орудуя черпаками, раздавали тушеный рис и вино, царила крикливая толкотня. Многие из гостей успели уже приложиться к хмельному: достаточно было послушать, как ревела толпа. Жонглеры метали в воздух мячики и топоры. Музыканты тянули жалобные песни, подыгрывая на однострунных лютиях, — хоть слышать их могли только стоявшие совсем рядом.

— Сюда, — шепнул на ухо Конану Лейг Чи. — Скоро начнется танец. Смотри только, не очень усердствуй и не вздумай завоевать приз! Вовсе ни к чему, чтобы судьи потребовали снять маску и начали тебя поздравлять!

...Длинный коридор был темен и тих, точно могила. Конан крался вперед, как хищный кот джунглей — не издавая ни малейшего звука и держа меч наготове. Он был одет в кхитайскую куртку и шелковые штаны, приобретенные у торговца в пограничной деревне.

Покамест все шло так, как он и рассчитывал. Во дворе шло такое разгульное веселье, что в неверном факельном свете никто и не заметил, как в некоторый момент под одним из львиных костюмов остался всего один человек. Прячась в густых тенях и укромных закоулках, Конан быстро проник внутрь дворца и теперь пробирался в самое сердце вражеской цитадели...

Все чувства Конана были обострены до предела. Не в первый раз проникал он в жилище враждебно настроенного чародея. Воспоминания о жутких существах, встречавшихся ему в обителях колдунов, всплывали в его

памяти. Если он в своей жизни чего-нибудь и боялся, так разве что сверхъестественных сил. Но воля и железное самообладание всякий раз оказывались сильнее первобытного страха. Вот и теперь он сумел превозмочь ужас и, не останавливаясь, продвигался вперед...

Потом коридор разделился. Перед Конаном были две лестницы: одна — вверх, другая, смутно видимая в потемках, вела вниз. Конан начал спускаться по ней. Цепкая память надежно хранила план замка, выученный наизусть.

...Йо Ла-гу, один из Двухсот Ях Чиенга, в крайне скверном настроении развалился на скамье в подземелье под цитаделью Пайканга. Снаружи вовсю шел пир, на котором женская любовь и вино были равно доступны; ему же выпало в одиночестве сидеть здесь, внизу, карауля западных пленников, не стоивших, по его мнению, даже плевка. Чародей был способен держать человека в подвале годами, готовя его для каких-то магических штук. Зачем, интересно бы знать, — ведь простой налет на любую деревню мог доставить ему сколько угодно кхитайцев...

Ворча про себя, Йо Ла-гу приподнялся со своего скрипучего ложа — добыть еще вина из тайничка, ведомого ему одному. Латы на нем шуршали и звякали.

Он успел протянуть руку к стенной нише, где пряталась от постороннего взгляда бутылка... но это оказалось его последним сознательным движением. Чьи-то стальные пальцы сдавили и смяли его горло. Черная мгла затопила сознание, и Йо Ла-гу осел на пол безжизненной грудой.

Конан с мрачной ухмылкой окинул взглядом дело своих рук. Наконец-то он добрался до врагов!.. Кровь тяжело ходила по жилам, рот сам собой щерился в зверином оскале...

Он расправился со стражником настолько тихо и быстро, что никто из узников, спавших в зарешеченных камерах, даже не пошевелился. Нагнувшись, Конан сдернул с пояса мертвого тюремщика большую связку ключей.

чей и стал примерять их один за другим к замку ближайшей камеры.

Негромкое щелканье замка разбудило лежавшего внутри человека. Тот встряхнул головой и открыл глаза, оборачиваясь к двери, и ругательство замерло на его устах при виде странной фигуры, поворачивавшей ключ. Он изумленно вскочил, когда решетчатая дверь отворилась, и кинулся было вперед, но сразу остановился, ибо пламя стенового факела блеснуло на мече в правой руке незнакомца. Гигант жестом призвал его к молчанию. Потом поманил за собой.

Выйдя на свет, узник пригляделся как следует, и глаза его округлились. Конан нахмурился, роясь в памяти, и наконец сказал:

— Лико из Хоршемиша! Ты, что ли?..

— Да, это я! — И сильные руки соединились в крепком пожатии. — Клянусь белоснежными грудями Иштар, — продолжал узник, — вот уж кого я всего менее ожидал здесь увидеть, так это тебя, Конан! Ты привел сюда аквилонское войско, чтобы разделаться с чародеем? Или, быть может, орел принес тебя на спине?

— Ни то, ни другое, дружище Лико, — проворчал киммериец. — Я и вправду пришел совершить правый суд над желтомордой собакой... но я рассчитывал набрать войско прямо здесь. И, во имя Крома, я не ошибся! Когда мы с тобой были наемниками, помнится, в бою тебя нелегко было превзойти!

— Большинство сидящих здесь пленников — славные парни и рубаки что надо, — ответил Лико. — И надо ли говорить, что каждый спит и видит, как бы всадить меч в этих вероломных шакалов!

— Ну так и всадите. Вот ключи от подвалов: возьми их и выпусти своих людей. Оружейная — вон там, дальше по коридору. Вооружайтесь, и за дело! Отомстите за свои страдания и помогите спасти королеву Аквилонии... — И зловеще улыбнулся, заметив изумление на лице старого друга. — Понял теперь, какая нелегкая ме-

ня сюда занесла?.. Во дворе — толпа кхитайцев, среди них — наши союзники... Ну давай!

И киммериец исчез, точно призрак, растворившись во тьме. Лико принялся отпирать камеры и будить спящих товарищей. Одни сразу побежали в оружейную, другие занялись оставшимися замками.

— Клянусь Митрой, варвар безумен, — бормотал Лико. — В одиночку пройти целый мир, чтобы вызволить женщину!..

Но в глазах его светилось искреннее восхищение.

ЛОГОВО ЧАРОДЕЯ

Сыроватый каменный коридор привел Конана в громадный сводчатый зал. Квадратные плиты пола покрывала многолетняя пыль; неподвижная тишина казалась зловещей. Высокий потолок уходил в непроглядную мглу. Конан направился через зал к отверстию следующего коридора, черневшему в противоположной стене. Он ступал так осторожно, как будто каменные плиты могли вот-вот провалиться у него под ногами.

И внезапно как будто удар грома эхом раскатился меж каменных стен. Страшный, нечеловеческий крик заставил Конана похолодеть. Свистнули в полете могучие крылья, и сверху, из темноты, точно ястреб на добычу, на него кинулась ужасная тварь.

Варвар едва успел отскочить в сторону и тем избежать острых, как бритва, когтей на лапах чудовища. Одновременно его меч описал в воздухе сияющую дугу, и в оглушительное хлопанье крыльев вплеся жалобный вой. Темная зловонная кровь струей хлынула на пол: одна лапа монстра была отсечена по локоть. Развернувшись в воздухе, злобное создание снова бросилось на киммерийца.

На этот раз Конан не двинулся с места. Перед ним была та самая тварь, что много месяцев назад унесла

прочь Зенобию. Он знал: даже покалеченное, чудовище было способно с легкостью разорвать его в клочья. Кона-
нана мог спасти лишь один-единственный безошибоч-
ный удар в какой-нибудь жизненный центр...

Развернув крылья, тварь набрала высоту и стрелой
кинулась вниз. Конан пригнулся в самый последний
миг — когти уцелевшей лапы раскроили рубаху на его
спине — и вложил всю свою силу в бешеный вспарыва-
ющий удар.

Крик демона оборвался мучительным вскриком.
Крылатое черное тело рухнуло на каменный пол. Конан
как следует уперся ногами и не без усилия высвободил
глубоко засевший клинок.

Волосы киммерийца слиплись от пота, по спине
текла кровь из глубоких борозд, оставленных когтями
чудовища, но в голубых глазах неугасимо горел огонь
мести. Он быстро пересек зал и углубился в следую-
щий коридор, а уничтоженный демон недвижно лежал
в бурой луже, вперив слепые желтые глаза в породив-
ший его мрак...

Коридор, в который вступил Конан, оказался короток
и прям. Впереди виднелась каменная дверь; ее сплошь
покрывали таинственные знаки, что были в ходу у магов
Кхитая. «Должно быть, — подумалось Конану, — это и
есть Туннель Смерти, ведущий в личные покои чаро-
дея...» Там, за каменной дверью, прятался его враг. Глаза
Конана хищно блеснули в потемках, рука, готовая к от-
мщению, стискивала рукоять меча.

И вдруг тьма сменилась ослепительным светом! Пря-
мо из пола с адским ревом взвилось алое пламя! Жадные
языки облизали потолок и потекли навстречу Конану,
грозя сжечь его живьем. Раскаленная смерть дышала ему
в лицо, одежда на груди и руках начала тлеть. Пот потек
по лицу. Он смахнул его тыльной стороной ладони... и
кожу царапнул металл.

Кольцо Рахамона! Он успел совершенно позабыть про
него. Сможет ли оно поспорить с могуществом желтого
колдуна?..

Он взмахнул рукой с надетым кольцом, пронеся ее
сквозь само пламя. Удар, подобный грому тысячи цим-
балов, потряс каменные стены. Языки пламени со зво-
ном осыпались на пол, точно осколки разбитого стекла.
А те, что не разбились, застыли, неожиданно отвердев и
остыв, — бессильные изваяния зла.

Конан могучим прыжком перелетел через окаменев-
ший огонь и побежал к каменной двери, чувствуя себя
непобедимым. Ничто не сможет остановить его! Подняв
руку с волшебным кольцом, он занес ее для удара...

Зенобия дрожала от холода, распростертая на камен-
ном алтаре. Нежные руки тщетно силились вывернуться
из тяжелых оков, прочная цепь, державшая ноги, тяну-
лась к кольцу, вделанному в пол. Ее мучитель суеился
поблизости, у длинного темного стола, заставленного
магическими приспособлениями, ларчиками и фиала-
ми, заваленного свитками тронутых гнилью пергамен-
тов. Из-под надвинутого капюшона мага торчала жидкая
борода...

Потолок обширной комнаты был так высок, что Зе-
нобия никак не могла его рассмотреть. Надеяться было
более не на что, и Зенобию душили слезы отчаяния, но
она не давала им воли. Свой смертный час она встречала
с тем же достоинством, с которым держалась все долгие
месяцы плена...

Она думала о Конане, своей единственной любви,
своем муже, и сердце готово было разорваться от горя
и тревоги. «Конан в одиночку отправился тебя выру-
чать», — время от времени напоминал ей колдун. Что за
демоны сообщили о том Ях Чиенгу, Зенобия не знала.
Быть может, ее любимый давно уже лежит мертвым в
туранских степях, а может, его схватили и зарезали
дикие химелийские горцы?.. В восточной половине мира
было много могущественных людей, отнюдь не желав-
ших ему добра...

Нынче в полдень за нею явились приспешники жел-
того чародея, приволокли сюда, в этот покой, и прико-

вали к ужасному алтарю. С тех пор она и лежала здесь, беспомощная, наедине с магом-кхитайцем. Покамест, впрочем, ему как будто было не до нее: бормоча, одно за другим вычитывал он заклинания из пропахших затхлой сыростью фолиантов. Зенобии оставалось лишь крепиться из последних сил, помимо воли вновь и вновь обращаясь мыслями к ожидавшей ее страшной судьбе...

И вот наконец безжалостный истязатель направился к ней, и в руке его поблескивал длинный, странно изогнутый нож. Темные таинственные письмена были начертаны на клинке. Жестоким, злобным предвкушением мерцали маленькие глаза колдуна...

Прощаясь с жизнью, Зенобия мысленно вручала свою душу Митре — Богу небесной справедливости и солнечного тепла.

И тогда...

Тяжелая каменная дверь, взломанная страшным ударом, рухнула внутрь комнаты. Обломки разнесенного вдребезги порфира покатались с таким грохотом, словно рассыпалась целая тысяча замков. Тучей взвилась пыль.

В проломе стоял черноволосый исполин: голубые глаза его полыхали царственным гневом. Огни факелов плясали на лезвии меча в его руке.

Вот тут-то у Зенобии и хлынули слезы из глаз, а сердце едва не выпрыгнуло из груди. Он все-таки пришел! Пришел наконец! Ее любимый, ее заступник и повелитель! Конан!..

Конан быстро оглядел комнату и сразу увидел, что здесь затевалось. Ему хватило одного взгляда на Зенобию, распятую для жертвоприношения на алтаре, чтобы понять: еще чуть-чуть, и было бы поздно.

Молча, с ужасающей яростью, кинулся киммериец на желтого некроманта...

И вдруг Зенобия поднялась с алтаря, освобожденная от оков. Нет, не Зенобия — громадный тигр прыгнул на Конана, выпустив когти и ощерив клыки. Рев зверя эхом отдался меж каменных стен. Меч Конана взвился на-

встречу, готовый снести ему голову... но вместо тигра перед киммерийцем стоял гниющий скелет в темно-зеленом одеянии с капюшоном. Костлявые пальцы сомкнулись на запястье Конана, и рука онемела.

Конан с рычанием вырвал меч из окутавших его складок темно-зеленой хламиды и разнес ухмыляющийся череп на тысячу мелких кусочков. И тут что-то обожгло средний палец руки, казалось, его охватило пламя. Волшебное кольцо разгоралось сверхъестественным голубым светом, пронизывая мозг стрелами нестерпимой боли. Конан содрал с руки раскаленное, шипящее от жара кольцо и выронил, не удержав. По комнате раскатился гулкий хохот Ях Чиенга.

Вот кхитайский волшебник простер руки над головой. Иссохшие губы что-то пробормотали, и пламя факелов потускнело. Конан ошеломленно мотал головой: нелегко было оправиться от потрясения, которое он только что получил. Почти равнодушно следил он за синим туманом, за клубившимся у его ног. Туман поднимался медленно и зловеще, волнами окутывая Конана. К тому времени, когда в голове у киммерийца окончательно прояснилось, туман был повсюду. Конан попробовал двинуться с места, но это было все равно, что идти по пнею в густом меду. Он едва мог оторвать ногу от пола. Каждый вдох давался страшным усилием, по лицу градом катился пот...

Туман неумолимо сгущался, и вот в синей дымке вокруг Конана замелькали видения. Он видел старых друзей и женщин, которых любил, рыцарей на конях и раззолоченных королей. Потом их сменили былые ненавистники и враги, а тех, в свою очередь, — жуткие призраки, ни дать ни взять поднявшиеся из преисподней. Конана окружили чудовища — едва ли не все чудовища, которых страшился род людской еще с тех пор, как его далекие предки впервые выбрались на сушу из моря. Все ближе и ближе подступали они. Их лапы тянулись к его горлу, в глазах читалась жажда вырвать

душу из тела и обречь ее вечному проклятию адских бездн...

Все существо Конана содрогнулось от ужаса и отвращения. Его мускулы напряглись в нечеловеческом усилии... тщетно. Силы, раздиравшие его разум, казались непреодолимыми. Конан понял, что потерпел-таки поражение. Все его усилия пошли прахом. Тьма и зло поглотят весь мир, а его околдованная душа будет вечно корчиться в преисподней...

Последняя искра сознания готова была угаснуть в его мозгу...

И в этот отчаянный миг сквозь синий туман, сквозь гнусно ухмылявшиеся бесовские хари он увидел перед собой громадный сумрачный чертог. Из исполинских бревен были сложены его стены. Кровлю поддерживали стропила толщиной в четыре обхвата. Конан увидел трон, вокруг которого стояли герои в серых кольчугах. А на троне восседал черноволосый король. Был он высок и угрюм; темные, не ведающие жалости глаза горели на суровом лице.

«Киммериец! — явственно послышалось Конану. — Ты — сын Крома, ибо в сердце своем ты был мне верен всегда. И Кром не допустит, чтобы твоя душа погибла навеки. Да не получают ее черные силы Востока!»

Гневом вспыхнули темные глаза Бога. Вот он простер могучую руку, и из руки излился ослепительный свет. Конан почувствовал, как прежняя мощь наполнила его тело. Синий туман поредел, отступая, точно в испуге. Демоны отхлынули прочь, вопя и стеная от ужаса. Король Аквилонии шагнул вперед, не удерживаемый более ничем...

Страх заметался в глазах Ях Чиенга. Схватив жертвенный нож, он взмахнул им над головой. Зенобия видела, как взвился блестящий клинок...

Но быстрее ножа мелькнуло тяжелое тело, и чародей опрокинуло на пол — только взмели пыль широкие складки одежд. Это Конан тигриным прыжком перелетел

через алтарь, и его руки пригвоздили Ях Чиенга к каменному полу.

— Наконец-то мы встретились, желтомордый пес, — повеяло могильным холодом в лицо чародею. — Хватит, наколдовался! Боги вынесли тебе приговор. Нет больше твоей черной силы! — Руки Конана медленно сжимались в смертельной хватке. — Слышишь крики и звон оружия? Видишь огни? Это пленники, спасенные из подземелий, это народ Пайканга добывает твоих меченосцев! Отправляйся же на самое дно преисподней, пес, и пусть твоя душа гниет там во веки веков!

Всего один раз вздулись его могучие мышцы, и месть свершилась. Что-то хрустнуло, и киммериец, тяжело переводя дух, отшвырнул прочь обмякшее тело.

Обгорелая рубаха на нем было изорвана в клочья, спина еще кровоточила, изодранная когтями, брови опалило огнем. Но все-таки он поднялся и подошел к алтарю. Еще одно предельное напряжение сил — и цепи, державшие Зенобию, разорванными полетели на пол.

Когда же в комнату с радостными криками ворвался победивший народ, Конан целовал свою милую королеву со всей нежностью и жаром впервые влюбленного.

В ту ночь Конан совершил жертвоприношение Крому, Богу черноволосых киммерийцев, во второй раз за двадцать пять лет.

ЭПИЛОГ

Посреди бесконечной, иссушенной солнцем степи сидели на конях двое. Один — исполин в кольчуге и стальном шлеме, с длинным прямым мечом у бедра, другая — тоненькая, стройная женщина в одежде восточной наездницы. Женщина держала в руке круторогий кхитайский лук. Перед всадниками лежали на земле два неподвижных тела. Кровь впитывалась в землю, пыль успела осесть на остроконечные блестящие шлемы и яркие тюрбаны.

Два коня, потерявшие всадников, бешеным галопом уносились на восток.

— Все-таки не повезло нам, Зенобия, — проворчал великан в кольчуге. — Это был передовой разъезд туранского отряда. И ни раньше, ни позже — как раз тогда, когда наши кони измотаны, а до ближайшего укрытия еще скакать и скакать! И самое скверное, что один из них все же удрал...

— Значит, ни к чему задерживаться здесь, — звонко ответила женщина. — Будем двигаться на запад... пока сможем! Как знать, вдруг нам еще удастся спастись!

Конан пожал широкими плечами и развернул коня. Короткая передышка пошла на пользу животным: они галопом понесли своих седоков к западу, туда, где на горизонте едва проступали очертания далеких гор.

— Плохо ты знаешь гирканцев, — буркнул Конан. — Они — точно стая гончих: нипочем не отвяжутся, пока не перебьешь всех.

— Но если их главные силы еще далеко, мы можем успеть добраться до леса.

— Вот уж сомневаюсь... Передовые разъезды туранцев никогда не отбиваются далеко от самого войска. Я-то знаю, я сам там служил. Обычно они двигаются по степи плотной колонной, когда же учуют добычу — рассыпаются шеренгой и атакуют на хорошо отдохнувших конях. Выдвигают фланги вперед и берут жертву в клещи. Эх, незадача! Столько проехали — и угодить в западню чуть не на пороге своего дома!..

Коня снова начали спотыкаться. Конан дернул поводья, заставив свою лошадь поднять голову. Потом повернул ее и поглядел на восток из-под ладони.

По всему горизонту разрасталось облако пыли... Там и сям поблескивал металл. Земля тяжело содрогалась под тысячами копыт...

Конан стиснул зубы, и его меч со свистом вышел из ножен. Конан улыбался. Это будет его последняя битва. Пусть так! Он уж постарается, чтобы ее не скоро забыли.

В голубых глазах короля тлел зловещий огонь, железные пальцы с силой сжимали рукоять меча.

Зенобия смотрела на мужа, и взгляд ее был полон преданности и любви.

Клубящаяся пыльная туча пододвигалась все ближе с каждым ударом сердца. Уже хорошо была видна длинная шеренга всадников, далеко растянувшаяся в стороны. Посередине скакал предводитель в ало-золотом ярком наряде, а подле него виднелась фигурка поменьше, облаченная в развевающиеся шелка. Конан приподнялся в седле и напряг орлиное зрение. Вглядевшись, он вздрогнул и выругался сквозь зубы.

Зенобия приложила стрелу к тетиве и вопросительно посмотрела на мужа.

— Занара! — прорычал король. — Наш крылатый дружок спас ее у островов Журази. Дьяволица опять на коне и опять готовит мне западню!..

Всадники были уже так близко, что до слуха долетал ослабленный расстоянием воинственный клич. Вот, нацеливаясь, поблескивающей волной опустились копыта... Конан подобрался в седле, готовясь достойно встретить туранцев...

И вдруг, один за другим, нападающие стали придерживать своих скакунов. Разогнавшиеся кони поднимались на дыбы и кружились; стройная линия атаки была нарушена.

Конан бросил взгляд через плечо, желая знать, что же могло привести их в такое смущение...

Полуденное солнце слепило глаза, отражаясь от полированных лат, шлемов с забралами, склоненных пик и обнаженных клинков. Четыре тысячи хайборийских рыцарей во весь опор летели навстречу туранцам. И зная Аквилонии вилось на ветру, рея над острием железного клина.

Аквилонцы разомкнули строй, обтекая Конана и его королеву, — и грохочущей молнией врезались в ряды ошеломленных туранцев. Люди и лошади валились сотнями. Аквилонские рыцари сражались, как тигры. Конан

конечно же не смог устоять в стороне и кинулся в сечу. Его меч обрушился на шлем рослого туранского всадника и вышиб его из седла. В мгновение ока король Аквилонии оставил своего измотанного коня и перескочил на свежую лошадь. И без промедления направил ее в самую гущу врагов. Его меч свистел и сверкал, оставляя кровавую просеку в туранских рядах.

Какой-то лучник прицелился в него в упор, но Конан одним взмахом швырнул его наземь, точно смятую куклу. И оказался лицом к лицу с эмиром — тем самым великаном вельможей в алом и золотом.

— Собака-варвар! — крикнул ему тот. — Вот мы и встретились вновь! Я повешу твою голову на стене замка госпожи Занары!..

— Я смотрю, ты уже оправился от оплеухи, что я тебе тогда закатил, — взревел киммериец, обмениваясь с ним мастерскими ударами. — Вероломной шлюхе только и не хватало сподвижника вроде тебя. Отправляйся же в ад!

Его меч засверкал с удвоенной силой и быстротой, и в какой-то миг рука Ардашира дрогнула. Тяжелая отточенная сталь рассекла кольчугу, мышцы и кость. Туранский офицер повалился наземь, разрубленный почти до седла.

Конан огляделся вокруг. Повсюду валялись мертвые тела в остроконечных шлемах. Пять тысяч туранцев почти полностью полегли в степи, аквилонцы же отделались небольшими потерями. Сверкая доспехами, рыцари Запада устремлялись туда, где еще длилось сражение. Уцелевшие туранцы бросали оружие, прося пощады. Немногие, вовремя вырвавшиеся из схватки, успели превратиться в точки на горизонте. Конан улыбнулся с угрюмым удовлетворением и огляделся в поисках Зенобии.

Он успел отпрянуть в сторону, заметив краешком глаза какое-то движение. И тотчас же мимо просвистела стрела: Конана в который раз спасла присущая варварам молниеносная реакция мышц. В тридцати футах от себя

он увидел Занару. Лицо ее было искажено яростью, рука снова натягивала тетиву. Вот она вскинула лук, прицелилась... но в это время стрела, взявшаяся неизвестно откуда, с чмокающим звуком впилась ей прямо в грудь, и прекрасная йедка сползла наземь с седла. Зенобия подъехала к Конану и остановила коня. Меткости в стрельбе ей было не занимать.

— У кого еще есть такая жена!... — прогремел Конан, снимая ее с коня и усаживая на луку своего седла. — У какого короля есть подобная королева!..

Битва была кончена. Двое рыцарей в запыленных доспехах подъехали к королю, подняли забрала и поклонились.

— Просперо! Троцери!.. — Пыль взвилась тучей: тяжелый кулак Конана с размаху прошелся по их окованным сталью плечам в дружеском приветствии. — Вовремя вы подоспели, друзья! Еще чуть-чуть, и нам пришлось бы несладко. Но откуда вы здесь? Я прямо глазам своим не поверил!

Просперо — гибкий, прямой, ясноглазый — ответил:

— Нас вел Пелиас. Я часто посещал его с тех пор, как ты уехал. Волшебство помогло ему выведать, что ты победил и возвращаешься. Он провидел и то, что здесь, на границе, на тебя нападут. Вот мы и выехали навстречу. В горах Коринфии мы сбились с пути, но, по счастью, все-таки не опоздали!

— А как наше королевство, Троцери?

— Народ с любовью и надеждой ждет твоего возвращения, государь. Когда мы покидали Тарантию, вслед нам летело столько благословений, сколько не доставалось на долю еще ни одному по тайныйцу. На границах мир; никто не отважился покуситься на нас. Урожай изобилен, страна процветает, как никогда. Не хватает лишь короля с королевой, чтобы до края наполнить чашу изобилия и довольства...

— Хорошо сказано, дружище... Э, а это еще кто? Чтоб мне лопнуть, если это не Пелиас!

К ним и в самом деле ехал волшебник — высокий, сухопарый, седовласый, с улыбкой на устах. Ветер развеивал его шелковые одежды.

— Добро пожаловать домой, король Конан, — сказал он искренне. — Много месяцев прошло с того вечера, когда мы держали совет у меня в башне. Ты избавил землю от алчного чудовища: мир станет светлей и, надеюсь, счастливее...

— Спасибо тебе, Пелиас, и за своевременную подмогу, и за то, что одолжил эту вот безделушку, — сказал Конан, вытаскивая из кошелька кольцо Рахамона. — Возьми ее обратно. Несколько раз она и впрямь неплохо мне послужила, но я крепко надеюсь, что больше в ней не будет нужды!

Бросив последний взгляд на залитое кровью поле битвы, Конан повернул коня и поскакал к западу во главе своих рыцарей.

— Проклятье! От всей этой говорильни у меня в глотке сухо, точно в преисподней, — вполголоса обратился он к ехавшему рядом Просперо. — Есть у тебя хоть капля вина в седельной фляжке?..

■ Пролог

Нэг Ужасный вошел в зал Мертвых. Это грязное, промозглое место как нельзя больше подходило ему — Нэг был колдуном, и его могущество питали силы, темным сиропом стекающие с умерших. Однако он вовсе не был второразрядным чародеем, способным разве что призывать души умерших, нарушая их вечный покой. Нет, он был куда более сильным магом. Своих пленников Нэг держал в холодных каменных казематах подземелья мрачного храма, населенного Безглазыми. Люди называли прислужников Нэга зомби, или «живыми мертвецами», и, говоря о них, неизменно скрещивали пальцы, чтобы уберечься от колдовства.

Вспомнив об этом, колдун засмеялся. Люди были овцами, а он, Нэг, — их пастухом. В один прекрасный день он будет владычествовать над живыми так же, как правит сейчас мертвыми.

Черные свечи в позеленевших от времени бронзовых подсвечниках бросали на запачканные сажей стены дрожащие, пляшущие узоры. Дым от маленьких язычков пламени растворялся в затхлом воздухе, беспокоя пауков в их паутинах.

Ни один живой человек не заходил сюда по собственной воле, даже Безглазые появлялись здесь лишь для того, чтобы зажечь или потушить свечи, да и то только по приказу Нэга. Самим-то им не было нужды в освещении, зомби Нэга тоже было все равно, видят они друг друга

или нет. Заклятие Нэга удерживало их, подобно цепи, и они всеми силами желали только одного — сорваться с этой цепи и обрести вечный покой в Серых Землях, таинственной обители мертвых.

Нэг рассмеялся, и смех его эхом отозвался в пустом коридоре, снова и снова отражаясь от каменных стен. Колдун не сомневался, что его мертвые слуги мечтают покинуть его дружелюбные объятия. Вот только он не собирался давать им такую возможность. Зомби знали многое, о чем обычно живые люди не имели ни малейшего представления. И через них Нэг также овладел этими секретами. Древние знания дарили могущество тому, кто сумел разобраться в них.

Потревоженная шагами колдуна, серая крыса зашипела и оскалила мелкие зубы, недовольная тем, что ее оторвали от завтрака — полуистлевшего человеческого пальца. Нэг впился в крысу своим страшным, жестоким взглядом, и животное замолчало, пораженное силой этого зловещего взора. Крыса задрожала, выдавив последний писк, и свалилась набок. Ее длинный голый хвост пару раз дернулся и затих.

Нэг улыбнулся...

Колдун миновал сырой, холодный зал и оказался в большой комнате. Толстый налет черной плесени покрывал стены, а дрожащий свет свечей не слишком-то рассеивал темноту. Спертый, сырой воздух был пропитан тяжелым запахом смерти. Стук сапог Нэга по черным камням отдавался эхом в большом зале.

Нэг быстрыми шагами прошел в центр зала, не обращая внимания на темноту, как человек, отлично знающий дорогу. Он глубоко вздохнул, упиваясь запахом разложения, как любой другой человек вдыхал бы аромат дорогих духов. Это были его владения. ЕГО.

— Идите! — приказал колдун. Его голос ушел в темноту и вновь вернулся, отразившись от стен вместе со звуком шагов.

В темноте что-то зашевелилось. Затем послышался хруст мыщц, треск сухой, как из склепа, материи и шорох мертвой кожи, касающейся камня. Холод, охвативший

Нэга, стал еще сильнее, ледяными иглами пронизывая тело и душу колдуна. И это тоже было частью его Силы, его Могущества.

Поднялся легкий ветерок, шевельнувший пряди длинных волос Нэга. Когда-то его волосы были черными, такими черными, что казались почти синего цвета, но они уже давным-давно поседели. Миновало пятьсот лет с тех пор, как он прошел обряд посвящения в мужчины, когда был молодым... Впрочем, теперь это уже не имело большого значения — Нэг давным-давно обогнал возраст любого смертного.

Невидимые обитатели зала приблизились, образовав вокруг Нэга кольцо. Ближе, еще ближе...

— Стойте!

Все звуки исчезли. Ни одно дыхание, кроме дыхания Нэга, не нарушало неподвижной тишины комнаты.

— Кто я? — спросил колдун.

Тридцать голосов ответили, как один:

— Повелитель.

Но звук их голосов был приглушен, интонация — безжизненна, воля — мертва.

— Да, я ваш повелитель и буду таковым, сколько пожелаю. Никогда не забывайте этого. — Нэг помолчал, наслаждаясь своей властью. Молчание окружало его, как одеяло из толстой шерсти.

Он заговорил снова:

— Кто знает о Талисмани Света?

— Я знаю, — ответил глухой мужской голос.

— Подойди ближе.

В темноте послышалось легкое шуршание ступней, касающихся камня. Нэг щелкнул пальцами — звук напоминал тот, с которым ломается сухая ветка или, возможно, сухая кость. Маленький огонек сорвался с темного ногтя большого пальца колдуна, и желтый свет немного рассеял темноту, осветив небольшой кусочек зала. Его было достаточно, чтобы стали видны серые, лишенные всякого выражения черты мертвеца.

— Стой. Говори. Почему он не был доставлен мне?

Губы человека дернулись, он уставился прямо перед собой, словно вглядываясь в какую-то далекую землю.

— Грифы треплют трупы твоих людей в тени Большой Стены Кофа.

— Во имя Черной Руки Сэта! Что случилось? Быстро, расскажи мне, что произошло!

Бесцветный, невыразительный голос продолжал рассказывать:

— Твои слуги убили несколько человек из Хаурана и добыли талисман, который ты повелел им отыскать. Но они решили увеличить количество золота в своих кошельках и продали талисман колдуну из кофского города Калис. Но вместо золота колдун дал им отравленный порошок черного лотоса. В схватке все твои люди погибли.

— Глупцы! Я призову их назад из Геенны и заставлю молить о смерти целую тысячу лет!

Нэг сплюнул на камни, трясаясь от гнева, от которого сердито поднялись его худые плечи. Эти люди действительно ответят за все, но сейчас ему нужно было узнать о талисмане. Он спросил о нем мертвеца.

— В схватке колдун был также убит, — ответил зомби. — Талисман Света попал в руки жреца. После этого Талисман очутился в храме Суддах-Облага.

— НЕТ!!!

— Да. — Легкое подобие улыбки мелькнуло на мертвом лице.

Нэг сорвал с пояса свой кошель и выхватил из него горсть острых, матово-белых кристаллов. Он швырнул их в зомби, и порошок кристалла окутал того пламенем, подобным огоньку, горевшему на большом пальце колдуна. Зомби глухо застонал, когда кристаллы коснулись его лица. Опускаясь на кожу мертвеца, они издавали шипящий звук, словно жир, капающий на камни очага. От горячей плоти поднимался дым. Зомби рухнул на пол, освобожденный от магии, при помощи которой Нэг когда-то вернул его к жизни. Колдун гневно посмотрел на труп.

— Нет, так легко ты от меня не отделаешься. Насладись же как следует своим коротким отдыхом в Серых

Землях, раб, так как я очень скоро призову тебя служить мне!

Нэг глянул на маленький огонек в своей руке, и тот погас. Колдун резко повернулся и направился к выходу из зала.

— Прочь с дороги! Убирайтесь в свои ямы, к вашим снам и кошмарам!

Когда Нэг выбежал из зала, поработанные мертвецы безучастно заковыляли к краю своей тюрьмы. Заколдованная соль на полу шипела, испаряясь жирным желтым облаком и наполняя воздух запахом сторовшей серы и извести. Зомби жадно смотрели на исчезающую соль. В ней было освобождение, хотя и временное, для одного из них. Все они знали, что лишь в колдовстве Нэга была для них надежда на свободу. Но соль исчезла, а вместе с ней исчезла и их надежда.

В темноте неподвижно стояла женщина. Звали ее Туэнн. При жизни она была прекрасна, и даже после смерти, благодаря магии Нэга, сохранила свою красоту. Она одна стояла неподвижно, не подчинившись приказу колдуна. Крупинка магической соли пролетела мимо зомби, которому она предназначалась, и упала на высокую, красивую грудь Туэнн. Тонкий шелк ее платья остался неповрежденным, но соль жгла эту нежную грудь раскаленной иглой. Боль была невыносимой, но женщина не кричала. Ощувив боль, Туэнн в тот же миг поняла, что чары, сковавшие ее, больше не действуют. Остальные мертвецы уже сидели на полу, вновь погрузившись в сонный кошмар, но Туэнн стояла, не шелохнувшись, и в голове у нее кружился вихрь вопросов. Не было ли это новой жестокой шуткой Нэга? Если она попытается покинуть этот зал, не будет ли чародей поджидать ее у выхода? Как вообще все это могло случиться? Ведь раньше эта соль всегда возвращала зомби обратно, в Серые Земли. Могло ли случиться так, что такая крошечная порция соли разрушила лишь часть заклинания? Неужели она действительно свободна? Нет, решила Туэнн, она не на свободе. Что бы ни произошло, она все еще была зомби, не мертвой, но и не совсем живой. В таком состоянии она провела уже бо-

лее ста лет, удерживаемая чарами колдуна. Все, кого она знала при жизни, давно уже бродили по Серым Землям. Ей было отказано в месте среди них, и ничего она не желала сильнее, чем обрести это место, как мечтали о том и все остальные мертвые слуги Нэга.

Ну что ж. Если это не была ловушка, если она действительно соскочила с крючка, с цепи, которой была связана, что же ей теперь делать? Нэг держал в своих руках ключи от ее смерти, и ему достаточно было лишь взглянуть на Туэнн, чтобы вновь завладеть ее душой. Что могла она сделать, чтобы окончательно вырваться из этого дьявольского, колдовского круга? И должен же быть какой-то способ помочь остальным, тем, кого Нэг держал в плену уже столько лет! Туэнн напрягла память, стараясь оживить воспоминания — и о своей жизни, и о коротком пребывании в Серых Землях. Через минуту ответ возник в самой глубине ее разума, словно яркий свет в темноте, — она нашла решение. Свет. Талисман Света, который искал Нэг, чтобы увеличить свое могущество. В этом талисмане было освобождение — для нее и для других рабов-зомби в этом дьявольском зале. Она должна найти талисман и с его помощью освободить себя и всех остальных. Да. Именно это она и должна сделать.

Прекрасная зомби медленно направилась к выходу, улыбаясь впервые за сто лет неволи. Она сделает все, что возможно, чтобы добыть Талисман Света. Все, что будет в ее силах...

Глава 1

Юноша шел с севера, через высокие и холодные горы, чьи острые зубчатые пики отделяли Гиперборею от Бритунии. Его звали Конан, и под его меховым плащом играли нешуточные мускулы. Северянин был высокого роста, за спиной у него висел тяжелый прямой меч из старинной голубой стали, все еще острый, хотя и с несколькими вмятинами от давно отгремевших битв. Этот меч Ко-

нан снял с костей мертвеца и едва не погиб при этом. Воспоминания о тех минутах снова заставили Конана вздрогнуть. Юноша вовсе не пришел в восторг, когда его атаковал покрытый плесенью труп. Дьявольское колдовство! Легко можно потерять свою душу, играя в такие игры.

Ледяной ветер взъерошил густую копну волос Конана, но холодный блеск его синих глаз не в силах была потушить никакая погода. В Киммерии, где он родился, такой ветер был обычным делом и воспринимался как самое легкое из тех испытаний, что посылает людям суровый бог Кром.

Конан шел уже несколько дней, питаясь корешками и остатками перезревших ягод, и лишь изредка ему удавалось поймать зайца. Это был нелегкий путь, но все же он был лучше, чем то, что выпадало на долю Конана раньше. Любая жизнь, даже самая тяжелая, кажется прекрасной в сравнении с рабством, которого юноше довелось хлебнуть, и даже волки, преследовавшие его через пару дней после выхода на свободу, не показались таким уж страшным приключением. Волки уже исчезли, а если они вернутся... Что ж, теперь у него есть меч. Внимательный взгляд Конана пробежал по камням, лежащим вдоль дороги. Он искал особенный камень, и вскоре нашел его. Это был кусок песчаника, самой природой предназначенный для того, чтобы снимать зазубрины с лезвия меча. Этот урок своего отца Конан запомнил хорошо: «Всегда держи сталь оружия гладкой и острой, небрежность может стоить жизни».

Один час работы с камнем придал мечу новый блеск и остроту, и даже самые глубокие зазубрины и вмятины были заглажены. Конан взмахнул пару раз своим оружием и довольно улыбнулся. Как сын кузнеца, он прекрасно разбирался в достоинствах железа и бронзы и не мог не признать, что оружие ему досталось отменное. Снимая меч с мертвеца, Конан не испытывал угрызений совести. Скелету (несмотря на его живучесть после того, как киммериец снял с него оружие) меч был уже не нужен, в то время как Конану он, безусловно, понадо-

биться. В мире так много богатых людей, у которых золота гораздо больше, чем они смогут истратить... Наверно, если время от времени освобождать их от малой толики этого богатства, это вряд ли причинит им особые неудобства. Конан слышал, что на юге, в Заморе, есть город, в котором живет немало богатых купцов, обладателей сундуков, битком набитых драгоценностями. Говорили, что для умелого вора это не город, а рай земной, так что Конан решил добраться до этого рая (он назывался Шадизар) и проверить справедливость слухов. Правда, как далеко находится Шадизар, Конан не знал. Что ж, он будет идти на юг, пока не найдет его.

С того момента, как Конан свалился в таинственную гробницу, спасаясь от голодных волков, он не повстречал ни одного человека. Лишь зайцы да медведи, а как-то раз большой тигр пробежал по снегу невдалеке, но Конан был недостаточно быстр, чтобы успеть разузнать у него дорогу. Эта мысль развеселила его.

Крик прорезал морозный воздух, и Конан вскочил на ноги, держа меч в руке и готовый отразить нападение врага. Крик эхом отразился в горах — как раз в том направлении, которое выбрал Конан. Киммериец был человеком весьма любопытным, но глупцом он не был. Плен и рабство, не уменьшив его мужества, научили его осторожности. Лишь младенец и глупец прыгают, не оглядевшись по сторонам, а Конан не был ни тем, ни другим. Он пошел на крик быстро, но с осторожностью, внимательно прислушиваясь и глядя по сторонам.

Сначала ему показалось, что он видит одиночного воина с мечом, окруженного пятью нападавшими врагами, вооруженными мечами, копьями и длинными кинжалами. Одиноким мужчиной, облаченный в длинное темное одеяние, стоял спиной к крутому склону горы. Лицом к лицу он ожидал нападения врагов. Узкая полоска каменистой почвы, игравшая роль поля битвы, слегка уходила вниз. Оборонявшийся был окружен явно превосходящими силами врагов, но он стоял на возвышении, и они не могли напасть на него с тыла. Первым

стремлением Конана было ввязаться в драку и помочь одинокому путнику — хотя бы потому, что силы были явно неравны. Но в последний момент он остановился. Пожалуй, для начала лучше будет немного понаблюдать за происходящим. Высокий, сильный киммериец подобрался ближе, все еще незамеченный сражающимися. Один из пяти бойцов бросился вперед и взмахнул своей кривой саблей над головой путника. Тот отскочил влево и ответил угловым ударом, используя свое короткое оружие как саблю. Удар пришелся нападавшему по ребрам. Раздался смачный звук, с каким падает на камни мостовой спелый арбуз. Конан моргнул, удивленный. В руках незнакомца был не меч и не копье, а короткий посох, слегка изогнутый сверху. Нападавший застонал и упал на спину, повалив при этом одного из своих приятелей, выронил саблю и схватился руками за пострадавшее ребро. Второй бандит замахнулся копьем на путника, и снова Конан был поражен быстротой, с которой человек в темном одеянии парировал этот выпад. Последний молниеносно развернулся и ударил посохом снизу, отбивая удар копья. Он продолжал полукружное движение, теперь уже вверх, отбросив копье в сторону, после чего посох с треском опустился на плечо незадачливого копейщика. Конан услышал, как сухо треснула кость. Но третьему негодяю удалось, просунув свое копье между широко расставленными ногами путника, повалить его. Двое остальных немедленно бросились к упавшему, торопясь разделаться с ним.

Конан издал дикий крик, чтобы отвлечь бандитов, и прыгнул на них, размахивая своим только что отточенным, свистящим в воздухе мечом. Что подумали бандиты об этом покрытом шерстяным плащом «привидении», он не знал, но они слегка отступили. Копейщик, поваливший путника, ударил Конана копьем, целясь ему в грудь, и юный киммериец разрубил деревянное древко пополам одним ударом меча. Громадный бандит рубанул Конана устрашающего вида кинжалом, прорезав большую дыру в шкуре, брошенной на плечи юноши и

украсив его бедро широкой кровавой царапиной. Разъяренный Конан резко повернулся и обрушил на врага свое страшное оружие. Острое лезвие пропело победную песнь, и враг упал, рассеченный почти надвое, — клинок вонзился ему между глаз и рассек тело до талии. Хлынувшая из страшной раны кровь и мозги забрызгали стоявших рядом приятелей бандита. Негодяй был убит на месте, и душа его вылетела из тела раньше, чем он коснулся, падая, каменистой земли. А через мгновение путник с посохом уже вскочил на ноги, и, увидев, что боевая удача повернулась к ним спиной, бандиты бежали, бросив своего мертвого товарища валяться на земле.

Конан стоял, наблюдая за их бегством, и пар вырывался из его рта от дыхания в морозном воздухе. Рядом с ним стоял наготове человек в длинных одеждах, держа посох на уровне шеи, и также следил за тем, как убегают враги. Через секунду он сунул посох за пояс и наклонился, чтобы осмотреть упавшего бандита.

— Мертв, — сказал он. Конану почудилась в его голосе нотка сожаления.

— Да, — ответил киммериец. — Надеюсь, я в драке выбрал правильную, честную сторону.

— Зависит от того, с какой позиции на это смотреть, — ответил мужчина. — Если смотреть с моей стороны, то ты, безусловно, выбрал правильно. — Он бросил взгляд на мертвеца. — Ну, а если встать на его точку зрения, то, я думаю, он был весьма опечален результатом. — Путник развел руками, показывая, что они пустые. — Меня зовут Сенгх, я бедный жрец из Суддах-Облата.

Он был высоким человеком, хотя и ниже Конана, с жидкой шевелюрой и небольшой бородкой. На вид ему можно было дать лет тридцать или около того.

— Я Конан из Киммерии.

— Приятно познакомиться с тобой, Конан. Скажи, что заставило тебя встать на мою, а не на их сторону?

— Пятеро против одного — не слишком честное дело, а? — Конан указал рукой на посох, заткнутый за пояс

Сенгха. — Будь у тебя меч, а не эта штука, ты смог бы убить их и обошелся бы без моей помощи.

— Мы не убиваем людей, — ответил Сенгх. — Даже горных бандитов, не знающих жалости.

— Но ты, кажется, ничего не имел против того, чтобы переломать им кости.

— М-мм... Нет.

Конан пожал плечами. Его дело было закончено, и он повернулся, чтобы уйти.

— Постой, — окликнул его Сенгх. — Подожди. Куда ты собираешься идти?

— Я иду в Замору.

— Ты спас мне жизнь. Позволь отплатить тебе хоть чем-нибудь.

— Ну что ж... Ты мог бы сказать мне, ведет ли эта дорога в Шадизар.

— Злое, дьявольское место, — покачал головой жрец. — Притон воров и проституток. Зачем тебе туда?

— Возможность найти работу, — ухмыльнулся Конан.

— Но ты ранен. — Сенгх указал рукой на бедро Конана.

— Царапина. Она быстро заживет.

— Отсюда до Шадизара целый месяц путешествия пешком. Я иду в Нерушимую Обитель, центр Суддах-Облатов, это всего в двух днях ходьбы отсюда. Пойдем вместе — там мы сможем оказать тебе некоторое гостеприимство и дать новую одежду, а может, и что-нибудь еще.

Первым, инстинктивным желанием Конана было отказаться. Он не любил связываться со жрецами и храмами, и все же... вонючая шкура, служившая ему одеждой, уже готова была сгнить... Да и мысль о сытном горячем ужине и убежище, где можно было бы хотя несколько ночей поспать на чистой постели, вовсе не была ему неприятна. В конце концов, он спас жизнь этому человеку. Будь Конан на его месте, он тоже предложил бы как-то отплатить за услугу.

Человек должен расплачиваться со своими долгами. Так что будет вполне естественно, если в благодарность за спасение он позволит жрецу оказать ему услугу.

— Хорошо. Я полагаю, что несколько дней отдыха не слишком повредят моим планам.

Местность, по которой они шли, была по-прежнему гористой и сплошь усеянной камнями. Сенгх пояснил Конану, что Кецанкианский Хребет тянется вдоль всех восточных границ Бритунии, Заморы и Хаурана. Сразу же за высокими холмами, между Гипербореей и Бритунией, начиналась дорога, ведущая с севера на юг, идти по которой было куда удобнее, чем брести по глубокому снегу.

Конану было любопытно узнать, где жрец научился так ловко владеть своим посохом, и, не удержавшись, он спросил об этом. Сенгх улыбнулся.

— А-а, дело в том, что хотя мы и против насилия, но бывают ситуации, когда, к сожалению, ничто другое помочь не может. Дикие звери очень редко прислушиваются к голосу разума, а некоторые люди, как мне кажется, бывают немногим лучше зверей. Ну и напы отцы-основатели Ордена (весьма прагматического склада люди) решили, что нужно создать какое-то оружие защиты. Так что и у нас есть оружие — шесты, посохи, различные типы сетей, веревки, но мы избегаем пользоваться даже ими.

Тропа резко вильнула вверх, и Конан с удвоенной осторожностью ступал теперь по скользким обледенелым камням.

— Тогда как же, — спросил он, выбравшись на более или менее безопасное место, — вы охотитесь?

— Мы совсем не охотимся. Мы не едим мяса домашних и диких животных, мы не едим мяса птиц. Никого, в чьих жилах бежит теплая кровь. Только рыбу нам дозволено употреблять в пищу.

Конан покачал головой, но не сказал ни слова. Не есть мяса? Как может человек существовать без мяса? Разве его кровь может быть красной без этого? Разумеется, ему самому не слишком часто в последнее время приходилось есть мясо, но это было отнюдь не из-за отсутствия желания. С другой стороны, Сенгх выглядел не хуже тех людей, которых Конану приходилось встречать за свою не слишком долгую жизнь. По меньшей мере двое из нападавших на Сенгха бандитов испытали это на себе.

— Но в любом случае, — сказал Сенгх, — я только новичок в ФАМБИ. Он погладил ладонью свой посох. — В Нерушимой Обители Облат Кенсах, проживший уже шестьдесят пять зим и волосы которого белы как снег, продемонстрирует тебе НАСТОЯЩЕЕ искусство.

Конан кивнул. Как воин, он очень хотел увидеть это.

Конану и Сенгху оставался еще целый день ходьбы, когда Нерушимая Обитель показалась на горизонте. Конан сразу же понял, почему ее так называли: массивное каменное строение держалось (что казалось просто невероятным) на каменном шпиле. Конану показалось, что это все равно, что держать тарелку с яблоками на балансирующей соломинке. Он уставился на Обитель и почувствовал, как холодок пробежал по его спине. Конечно же, ни одно нормальное здание не сможет удержаться на такой подпорке. А для юного варвара все необычное связывалось с колдовством — это было так же бесспорно, как и то, что древняя Атлантида была проглочена океаном. Сенгх улыбнулся, увидев Обитель, и Конан сменил выражение удивления на своем лице на безразличную маску. Он не собирался демонстрировать свой страх перед этим человеком.

Тропа становилась все более крутой, и в нескольких местах им приходилось буквально карабкаться по склону. Впрочем, лазание по скалам не составляло особого

труда для Конана, и даже Сингх обратил внимание на его сноровку.

— В Киммерии мы посылаем детей собирать хворост для костра на более крутые склоны, — заметил Конан. Это было не совсем правдой, так как очень у немногих родителей были «лишние» дети, которыми можно было бы пожертвовать, другое дело, что дети сами частенько удирали в скалы. Конан и сам нередко поступал так в детстве.

Когда путники выбрались на более ровное место, Сенгх внезапно остановился, прислушиваясь. Конан тоже насторожился, пытаясь понять, что встревожило жреца. Прямо перед ними возвышалась масса покрытых снегом высоких скал с густыми темно-зелеными кустами, растущими у подножья. Тропа уходила влево и, казалось, сужалась до узенькой полоски, на которую едва можно было поставить ноги, после чего вновь поднималась вверх. Конан снова прислушался, но ему ответил лишь ветер, стонавший в каменистых ущельях. Вдали вскрикнула какая-то птица, и снова все стихло. Хотя... Какой-то новый звук донесся до него. Что-то вроде очень высокой дрожащей ноты. Нечто подобное он уже слышал однажды — это была змея, которая, извиваясь, ползла по песку. Когда она бросилась на Конана, он разможил ей голову камнем и тогда понял, откуда брался этот звук: множество острых шишечек-наростов, пустотелых внутри, украшали хвост змеи.

— Это змея? — спросил Конан.

— Хуже.

Сенгх вытащил из-за пояса свой посох и выпрямился. Через мгновение Конан понял, что он имел в виду. Из-за огромного валуна появилась тварь, подобной которой Конану еще не приходилось встречать. Чудище было высоким (не ниже Конана) и, подобно человеку, имело что-то, напоминавшее руки и ноги. Однако это чудище не было порождением женщины. Это была рептилия, покрытая зеленовато-

серой чешуей, и ее волочившийся хвост был у основания толщиной с ногу Конана, там же, где он сужался, толщина его была не больше человеческого пальца. Морда напоминала морду ящерицы, со щелями вместо ноздрей, желтыми узкими глазами и большими губами, покрытыми темными пятнами и сложенными в трубочку, словно зверюга намеревалась свистнуть. На его узкой, украшенной тремя шипами голове виднелось несколько маленьких и плоских костяных «тарелок» с отверстиями, издававшими при каждом движении зверя тот самый звук, который заставил путников насторожиться. Передние лапы были короткими, и на каждой — три внушительных когтя. Казалось, чудовище улыбается, приоткрыв пасть и обнажив при этом клыки размером с детские ножи.

— Это Стит, — сказал Сенгх, отвечая на невысказанный вопрос Конана. — Следи, чтобы он на тебя не плюнул.

Конан вытащил меч из ножен, не отрывая глаз от Стита.

— Он нападает на вооруженных людей?

— Да. Он атакует хоть пятьдесят вооруженных людей. Он готов убить и больше — все из-за своей кровожадности. Дьявольское отродье.

— Насколько он проворен?

Улыбка Стита исчезла, и он снова плотно сжал свои губы.

— Слишком проворен, чтобы можно было от него убежать, — ответил Сенгх.

Стит пододвинулся к двум путникам, охлестывая себя по бокам хвостом, как пантера. Конан плотнее сжал истертую рукоять своего меча.

— Иди влево, — приказал он. — Я буду стоять справа.

Но прежде чем они успели сделать хоть один шаг, Стит сжался в пружину и прыгнул в сторону Конана. Он передвигался большими прыжками, как заяц, используя свой толстый хвост в качестве баланса. Зверь был действительно очень быстрым, в этом сомневать-

ся не приходилось! Конан взвился вверх и вправо, как раз в тот момент, когда Стит выплюнул на него тонкую, вонючую струйку изумрудного цвета. Она коснулась земли в том месте, где только что стоял киммериец. Жидкость растекалась по каменистой почве, и там, где она коснулась камней, от них поднялся удушливый дым.

— Кром! — Конан взмахнул мечом и с силой рубанул зверя, когда тот прыгнул рядом с ним, но юноша слишком засмотрелся на разрушительные способности ститовой слюны, что несколько замедлило его рефлексы. Вместо того, чтобы отсечь голову Стита, Конан отрубил всего лишь кончик его хвоста. Ститу это явно не понравилось. Он закричал — звук напоминал крик ребенка, коснувшегося горячего чайника, — и, развернувшись, снова плюнул в своего мучителя зеленой струйкой яда. Конан нагнулся и ярко-зеленая струя плеснула на расстоянии, не превышающем толщину ладони, от его груди и плеча. Конан отскочил назад, прижав рукоять меча к уху. Стит развернулся и глубоко втянул в себя воздух, готовясь снова выплюнуть яд, в чем Конан нисколько не сомневался.

— Хей! — Крик СENGХА сопровождался сухим громким треском посоха, опустившегося на спину Стита. Монстр закашлялся и вместо тонкой струи яда выплюнул клубы темно-зеленого тумана. Конан почувствовал жжение на лице и руках и, поспешнее выскочив из ядовитого тумана, снова замахнулся мечом. Стит резко повернулся к СENGХУ и снова втянул в себя воздух. Конан взвился вверх. Сверкнув крутой дугой, меч опустился на чешуйчатое тело. Остро отточенное лезвие перерезало мощную шею, на мгновение задержавшись между двумя позвонками, и вышло внизу под горлом. Кровь забила фонтаном, когда голова Стита отвалилась от шеи и ударилась о твердую, каменистую почву. Содрогающееся безголовое тело рефлективно подпрыгнуло и свалилось набок. Молодой

варвар в изумлении уставился на мертвого зверя. Если жрецы знают, что эти адские создания разгуливают по здешним горам, и вооружаются только палками, то они либо очень храбрые, мужественные люди, либо глупцы.

А возможно, и то и другое одновременно.

Глава 2

— С нег! — крикнул жрец.
Конан в изумлении уставился на него. Неужели СENGХА пошел с ума?

— Скорее, беги к снегу, что лежит на валунах! — приказал СENGХА. — Быстро!

Сперва Конан решил было, что у Стита была самка, которая, возможно, боялась снега, но скоро понял, что ошибся. Едва двое мужчин добежали до хрустящей крошки снега, лежавшего в тени скалы, как жрец набрал в обе руки полные пригоршни снега и бросился к Конану, словно собираясь швырнуть снег в лицо киммерийцу. Юный варвар сделал шаг вперед, подняв меч высоко над головой.

— Это что еще за глупости?

— Яд Стита, — пояснил СENGХА. — Мы должны как можно скорее смыть его с твоей кожи. Даже от малой дозы его можно заболеть, а то и умереть.

Только теперь юноша вспомнил о том жжении, которое почувствовал, когда чудовище каплянуло на него зеленым туманом. Так вот в чем дело! Конан положил меч на землю и набрал горсть колючего снега. Он протер им свое лицо, чувствуя, как начинают гореть щеки от жестких, как наждак, ледяных кристаллов. После нескольких минут такого самоистязания СENGХА наконец удовлетворенно кивнул. Но теперь он указал рукой на шкуру, служившую варвару плащом. Зеленое пятно виднелось на левом плече.

— Яд дойдет до кожи, — сказал жрец. — Лучше всего вырезать этот кусок.

Конан потянулся было за своим мечом, но Сенгх извлек спрятанный у него под одеждой короткий кривой нож, формой напоминавший зуб.

— Вот, держи, этим будет удобнее.

Киммериец взял нож, попробовал острие ногтем и кивнул. Нож Сенгха был отточен так остро, что им можно было бриться. Конану потребовалось всего несколько секунд, чтобы срезать запачканный ядом кусок шерсти. Сенгх проверил результаты его работы, придирчиво осмотрев лицо и одежду киммерийца.

— Я думаю, что все в порядке, — провозгласил он наконец. — Большое количество разбрызганного яда почти всегда смертельно, но, похоже, на тебя упало всего несколько крошечных капелек.

Конан вытер кровь с меча кусочком шерсти, только что срезанным с его накидки. Кривой нож он вернул Сенгху.

— Похоже, в вашем Ордене не возражают против ношения такого оружия, а?

Пряча нож под одежду, жрец усмехнулся.

— Иногда, знаешь ли, возникает необходимость разрезать съедобные корешки или, к примеру, почистить овощи и фрукты.

Конан не ответил улыбкой на шутку Сенгха. Эти Облаты вполне могли быть мирными людьми, но они, без сомнения, были очень опасны для любого, кто был достаточно глупым, чтобы считать их безобидными.

— Есть ли поблизости еще твари вроде этой? — Конан махнул рукой на мертвого Стита.

— Скорее всего, нет. Они, как правило, живут в одиночку, и у каждого есть своя территория.

— Горы, бандиты, чудовища... Мне кажется, посетители должны не слишком часто беспокоить ваш Орден своими визитами, — сухо сказал Конан.

— Абсолютная правда, — так же сухо ответил Сенгх.

При ближайшем рассмотрении Нерушимая Обитель оказалась куда менее магической, чем показалось сперва

Конану. Каменный столп, удерживающий основную массу монастырских зданий, был куда более толстым и массивным, чем казалось со стороны. Более того, подойдя поближе, молодой варвар заметил, что у основания и выше столп укреплен колоннами и разного рода подпорками, построенными людьми. Кроме всего этого, подпорки были помещены и на многочисленные арки, а такая форма здания (как было известно даже Конану) добавляет прочности строительной конструкции. Так что, скорее всего, оригинальная конструкция постройки, а не магия, удерживала храм на столпе, хотя и каменную основу нельзя было полностью сбрасывать со счетов.

Это был огромный монастырь, по размерам приближавшийся к небольшому городу. Жрец и киммериец подошли к узким ступеням лестницы, вырубленным прямо в толще скалы. Впереди виднелись деревянные ворота, установленные в скрепленной кирпичами каменной стене; и ворота, и сама стена втрое превышали человеческий рост. Стоя у стены с ее наружной стороны, Сенгх крикнул часовому:

— Хо, впусти ли храм внутрь одного из своих сыновей?

Лицо, наполовину скрытое капюшоном, появилось на вершине стены. Внимательные глаза осмотрели путешественников, стоявших у ворот.

— И что это за сын? — спросил часовой.

— Сенгх-посланец, — ответил спутник Конана. Он откинул свой капюшон, чтобы часовой мог увидеть его лицо.

— Хо, Сенгх! Добро пожаловать! А что это за гигант с тобой?

— Это Конан из Киммерии, я обязан ему жизнью.

— А-а, тогда приветствую и тебя. Добро пожаловать, Конан из далекой Киммерии.

Человек на стене исчез, и через секунду одна створка ворот отошла в сторону, заставив тяжелые железные петли громко заскрипеть. Ворота были толщиной в грудь Конана, так что отодвинуть их было нелегко. В храме

стоял густой запах людей, животных и еды. Молодой киммериец с жадностью вдыхал эти ароматы, только сейчас осознав, как много времени прошло с тех пор, когда он в последний раз соприкасался с цивилизацией. Если уж на то пошло, Обитель была еще больше, чем казалась снаружи. Тут были свои улицы, дома, общественные здания. Конан подумал, что правильнее было бы назвать эту Обитель городом. Сенгх приветствовал взмахом руки людей в таких же одеждах, как и он сам, и они улыбались и махали рукой ему в ответ. Вскоре Конан сообразил, что все люди, которых он здесь видел, были мужчинами. Он видел и детей, играющих тут и там, но и они все были мальчиками. Конан спросил об этом Сенгха.

— Это правда, — ответил жрец. — Женщинам запрещено появляться в Обители. Все мы дали обет безбрачия.

Конан подумал с секунду.

— Тогда каким же способом вы обзаводитесь детьми?

— Мы не делаем этого. Новообращенные, неофиты, стекаются сюда со всего мира.

— Зачем?

— Это хорошая жизнь, особенно для детей бедняков. Мы даем им еду, крышу над головой, одежду, веру и знания.

— Но не женщин.

— Жизнь жреца — не для каждого человека.

— Это верно, — отозвался Конан. Хотя киммериец и был очень молод, но в этом вопросе сомнений у него не возникало. Есть корешки и обходиться без общества женщин — нет уж, увольте.

Когда они проходили мимо группки людей, проверявших содержимое корзин с фруктами, Конан обратил внимание на мелькнувшее под капюшоном пилигрима молодое нежное лицо. По крайней мере один из этих учеников жрецов весьма походил на женщину.

Не все из закутанных в плащи фигур возвращали дружелюбные взгляды, которые бросал на них Конан. А когда несколько подростков засмеялись и начали тыкать

пальцами в потертую накидку варвара, он почувствовал, как в нем поднимается темная волна гнева. «Кто из них сумел бы вырваться из рабства, сразиться с волками и мертвецами?» — подумал Конан.

— Не обращай на них внимания, — сказал Сенгх. — Они равнодушны и не знают истинной цены человека. Они еще выучатся этому.

— Если останутся в живых. — Голос Конана напоминал глухое рычание.

Взмекивающий козел пробежал мимо них, преследуемый толстым человеком в плаще с капюшоном. Преследователь вопил: «Стой, зверюга! Я уже лишился твоей сестры и ее молока! Вернись!» Эта сценка рассмешила Конана, и его гнев, так быстро вспыхнувший, так же быстро и угас.

Сенгх провел Конана в здание, вырезанное из цельной скалы белого гладкого камня. Внутри здания был бассейн, вделанный в пол. Теплый пар поднимался над поверхностью воды, чистый, острый запах достиг ноздрей юноши.

— Вода — отличное средство для того, чтобы размячить мышцы и расслабиться, — заметил Сингх. — Может быть, ты хочешь принять ванну?

Молодой гигант-киммериец кивнул. Горячая чистая вода? Да он будет просто счастлив смыть со своего мускулистого тела грязь и пот, накопившиеся за время путешествия.

— Я попрошу людей, чтобы тебе принесли чистую одежду. Я должен доставить донесение, прежде чем сам смогу добраться до ванны.

Уже сбрасывая с себя меховой плащ, Конан кивнул. Он положил меч на край бассейна и вошел в теплую воду. А-а, какое это было наслаждение! Вода была так горяча, что на коже у него выступили пупырышки. Конан сел на ступеньки, и расслабляющее тепло дошло до его подбородка. Он закрыл глаза и откинулся спиной к стенке бассейна. А-а-а...

Сенгх шел к покоям Верховного Облата, не замечая, что один из жрецов удостоил его пристальным вниманием. С первого взгляда его нельзя было отличить от других, бродящих по главной торговой улице города-храма, но в действительности это был лжежрец. Серый плащ Облата скрывал под собой человека по имени Скир. Это был негодяй с тысячью личин — вор, грабитель, шпион, убийца — все что угодно, только не жрец. Его присутствие в Нерушимой Обители было результатом осторожного выполнения сложного плана, подкрепленного к тому же силами дьявольской магии. Скир получал плату от Нэга, мастера черного колдовства.

Лжежрец быстро установил свое тайное наблюдение. Он был весьма искусен в этом, и искусство это возникло от долгой практики. Но главным козырем Скира было его лицо. У агента Нэга было лицо, прямо-таки излучавшее чистосердечие и невинность. О Скире говорили, что, попадись он за убийство жирного купца, ему достаточно будет сказать, что он всего-навсего чистит нож, — и ему поверят, ибо человек с таким лицом не может лгать. В прочем, следить за жрецом не было бы слишком сложно даже для дилетанта. Скир, конечно, время от времени останавливался, делая вид, что завязывает свои сандалии или разглядывает товар на лотке, но это, скорее, было следствием многолетней привычки, а не действительной необходимостью. Сенгх ни разу не обернулся. Глупец. Сенгх вошел в здание, и Скир поспешил следом за ним. Жрец должен был передать кому-то свое сообщение. Агент Нэга не знал, кому именно, но зато он прекрасно знал, что ему необходимо услышать это сообщение. Известные Скиру источники утверждали, что Сенгх обладает крайне важной информацией. Неудача в добыче этой информации может задержать, а то и поставить под удар миссию Скира. Нэгу не понравится любая задержка, а Скиру меньше всего хотелось вызвать неудовольствие колдуна. При мысли об этом Скир содрогнулся. Вот потому-то и получилось так, что когда

Сенгх передавал свое наиважнейшее и сверхсекретное сообщение Верховному Облату, слова его донеслись и до тех ушей, которым они вовсе не предназначались. И улыбка, появившаяся на губах шпиона, была такой ангельской, что, наверно, даже мать одной из его наиболее жестоко умерщвленных жертв не смогла бы не ответить на нее.

Позади козьего загона Скир вытащил короткий, с широким лезвием кинжал и занес его над козой, у которой были связаны все четыре ноги. Толстый жрец никогда не найдет свою потерянную козу. А если и найдет, то вряд ли сможет получить от нее молоко. У этой козы было иное предназначение. Скир вонзил в животное кинжал и вырезал сердце. Кровь хлынула ручьем, и лжежрец подставил ладони под темную струю. Затем он трижды поднял и опустил сложенные ладони, как это предписывалось ритуалом заклинания, и нарасспев произнес фразу, которую вдолбил ему в память Нэг.

КАК ТЕПЛО ОСТЫВАЕТ,
КАК ЖИЗНЬ СТАНОВИТСЯ СМЕРТЬЮ,
СЕРЫМИ ЗЕМЛЯМИ, ДЕМОНОМ ГИБЕЛИ
Я ВЫЗЫВАЮ ТЕБЯ!

Проговорив это, Скир плеснул в воздух кровью и начертил алой влагой на своем левом запястье замысловатый, причудливый знак, обозначающий Нэга. Для этого ему пришлось взять кровь из своего правого указательного пальца. Воздух перед Скиром задрожал и, казалось, сгустился. Лжежрец содрогнулся. Ему не раз уже приходилось проделывать эту процедуру, но каждый раз это приносило ему очень много радости. Скиру стало холодно, словно он угодил в ручей тающего снега.

— ГОВОРИ. — Голос донесся из дрожащего воздуха, невесомый, но громкий и властный.

— Я узнал то, что было вам необходимо, господин.

— Я не сомневался, что ты сделаешь это. Когда?

- Через три дня, повелитель.
- Отлично. Не допусти ошибки, Скир.
- Ни за что, мой повелитель!

Воздух снова задрожал, как и человек, который разговаривал со Скиром, и через мгновение все исчезло. Скир глубоко вздохнул. Мысль о возможной неудаче мелькнула у него в голове, но он быстро отменил ее. Об этом лучше не думать.

Один из Безглазых бесшумно подошел к Нэгу и замер. Колдун коротко взглянул на него. Строго говоря, прозвище было не совсем точным. У слуг БЫЛИ глаза. Они были абсолютно белыми, почти непрозрачными, и казалось, что в молочных зрачках перемещаются матовые облака. Так что человек, рискнувший заглянуть в эти глаза, вполне мог решить, что он сходит с ума. Разумеется, для того чтобы видеть, глаза эти были совершенно непригодны. Но, с другой стороны, за свою слепоту Безглазые получали определенную компенсацию.

Нэг усмехнулся. Повернувшись к неподвижной фигуре, он сказал:

— Подготовь мою камеру. Через месяц у меня будет все, что нужно, чтобы начать работу.

Безглазый кивнул, поклонился и гибко выскользнул из личных покоев Нэга. Да-да, подумал Нэг, у Скира есть хитрость куницы и ласки... да и мораль соответствующая, но он выполнит все, что ему приказано. Он не осмелится нарушить приказ — на то у него имеется веская причина. Скоро. Скоро.

Мальчик принес Конану одежду в крытый бассейн. И неплохую одежду, отметил киммериец. Он опасался, что ему выдадут облачение жреца, но нет, одежда была самой обыкновенной, только очень добротной. Здесь была набедренная повязка плотного шелка, короткие кожаные штаны, толстые сандалии с грубыми ремешками, удобная кожаная туника и, кроме того, нож и кошелек. По-

следний, однако, был прискорбно пуст, отметил Конан. Все это было сложено на мягком толстом полотенце. Конан вышел из бассейна, насухо вытерся полотенцем и оделся. Клянусь Кромом, подумал он, одежда сидит как влитая! Он как раз затягивал последний ремешок на своих новых сандалиях, когда вернулся Сенгх и прямо-таки направился к бассейну. Жрец кивнул киммерийцу, сбросил с себя одежду и погрузился в горячую пряную (к ней были подмешаны благовония) воду бассейна.

— А-а... Благодарение богам за эту воду!

Конан согласно кивнул. Он и сам чувствовал себя теперь гораздо лучше. Сенгх сказал, отфыркиваясь:

— Если ты подождешь несколько минут, пока я смываю с себя дорожную пыль, то, думаю, я смогу найти кого-нибудь, кто не откажется нас накормить.

Юный киммериец снова кивнул. Еда была бы сейчас весьма кстати.

— Дозволяется ли Облатам пить сок виноградной лозы?

Жрец засмеялся:

— Вино? Конечно! Мы же не варвары!.. — Сенгх осекся. — Я не хотел оскорбить тебя, Конан.

— Это не оскорбление. К тому же именно варвары придумали вино.

— А жрецы придумали наилучший способ его употребления, — отозвался Сенгх. — Я продемонстрирую его тебе.

Храм Безглазых был приземистым зданием, расположенным на склоне темного холма, недалеко от пересечения границ Коринфии, Бритунии и Заморы. Лес у подножия холма был влажным и промозглым из-за дождя, который в этой местности лил почему-то гораздо чаще и сильнее, чем где бы то ни было. Грозы здесь часто раскалывались ослепительными гигантскими молниями, гневно осыпая землю градом и рвякая ударами грома. А о низвергавшихся потоками с неба проливных дождях и говорить не приходится.

Так случилось, что именно через этот негостеприимный лес и тусклые потоки дождя пробиралась спасающаяся от власти Нэга Туэнн. Конечно, она не была живым, уязвимым, смертным человеком, но у нее не было и магической силы, способной спасти от раскисшей, скользкой почвы или от ледяных потоков воды, пронизывающих до костей. Сверкали молнии и грохотал гром, когда прекрасная зомби бесшумно вышла и растворилась в темноте, покидая свою многолетнюю тюрьму. Ее длинные черные волнистые волосы липли к спине, а ветхая одежда в дюжине мест была порвана ветром и градом. Но больше, чем все это, вместе взятое, Туэнн терзал все усиливающийся холод, так что порой ей казалось, будто ее мышцы, грудь и щеки вырезаны из глыбы льда. Глупые люди, полагавшие, будто зомби не могут чувствовать холод, тепло и боль, ничего не смыслили в подобных вещах.

Туэнн не знала, куда идет. Шаги ее направлял талисман, зовущий, притягивающий ее, словно они были связаны невидимой нитью. Отклонись она в сторону — мгновенное изменение этой связи мигом вернуло бы Туэнн на верный путь. Талисман Света, ее спасение, находился где-то в ЭТОМ направлении — на север и восток, и поэтому именно в этом направлении она и должна идти. Туэнн не могла остановиться раньше, чем она достигнет цели, раньше, чем она доберется до того места, где находится магический талисман. Она найдет его и использует, чтобы добыть свободу себе и своим братьям и сестрам, которых все еще держит в неволе колдун. Неизвестно, как это сделать, но она отступать не намерена.

Молния прорезала чернильный мрак, и ближайшая лиственница вдруг разлетелась в щепки. Гром попытался скрыть разрушения, громкими раскатами прокатившись в ночи. Туэнн вздрогнула и от вспышки молнии, и от удара грома — это было очень близко от нее, молния и гром следовали друг за другом так быстро, что, казалось, слились воедино.

Зомби снова упала, поскользнувшись на липкой грязи, и ее мокрое платье снова порвалось, еще больше обнажив гладкую кожу, цветом напоминающую слоновую кость. Это, впрочем, не имело значения. Она найдет себе новую одежду. Правда, одежда не сможет согреть зомби, но и это не будет иметь значения. У Туэнн есть сейчас цель — сто лет она жаждала этого. Она будет терпеть до того момента, пока не достигнет ее.

Глава 3

Конан вошел следом за Сенгхом в большой зал, где теснились Облаты, одетые в серые плащи с капюшонами. Здесь все, кроме юного киммерийца, были одеты одинаково, даже слуги. Баня и новая одежда доставили удовольствие варвару, а вот еда, состоящая из кореньев и ягод, не вызвала у него особого энтузиазма. Ну что ж, он давно уже научился довольствоваться тем, что было под рукой, и не жаловаться на недостаток еды или прочие житейские неудобства. Сенгх нашел два свободных места на длинной деревянной скамье у одного из столов и жестом пригласил Конана. Киммериец последовал приглашению. Он был вынужден выпустить свой меч из рук и прислонить к столу — ножен у клинка не имелось. Конан обвел глазами зал и обнаружил, что здесь был только один вооруженный человек — он сам. Во всяком случае, он был единственным, чье оружие красовалось на виду. Юный варвар вспомнил кривой нож Сенгха и подумал, что в длинных и широких жреческих одеяниях можно при желании спрятать все что угодно. Мысли Конана были прерваны слугой, поставившим на стол глиняный кувшин с вином и пару оловянных кружек. Сенгх разлил вино и протянул Конану полную кружку. Киммериец поднял ее к губам и осушил одним глотком. Охлажденное вино порадовало и горло, и желудок.

— Хорошая штука, — заметил Конан. На самом же деле это было лучшее вино, какое ему только приходилось пробовать. Сенгх улыбнулся и вновь доверху наполнил опустевшую кружку:

— Да, время от времени и нам попадаете недурная лоза.

Неся дымящийся поднос с едой, появился второй слуга. Конан с интересом следил за его приближением. На подносе лежало несколько рыбок, и аромат, поднимавшийся от них, был просто чудесен. Сенгх достал из-за пазухи свой нож и разрезал им рыбку вдоль туловища, обнажив длинный ряд костей. Он ловко подцепил клинком рыбий хребет и отделил мясо от костей.

— Это лучший способ есть рыбу, — прокомментировал Сенгх свои действия. — Рыбка — местная, из здешних горных речек. А кости лучше выбрасывать, потому что будет весьма неприятно, если они застрянут у тебя в горле.

Конан кивнул. Он успел уже усвоить этот фокус. Взяв с подноса одну из рыбок, киммериец размял горячее мясо и острым ногтем большого пальца отделил костистый позвоночник. Затем он забросил почти половину рыбины себе в рот.

— Это тоже недурно, — пробормотал Конан, жуя сочное мясо. И снова, как и с вином, вкус был более чем терпимый. Рыбка была просто великолепна на вкус и поджарена как раз так, как надо. Киммериец начал понимать, как удавалось жрецам обходиться без мяса. Едва ли эта трапеза напоминала о тех корешках и ягодах, которых он так опасался. Конан и Сенгх полностью ушли в увлекательный процесс поглощения пищи. Подносы продолжали прибывать, и после дюжины отнюдь не маленьких рыбок голод Конана был утолен. А поскольку в хорошем вине недостатка не было, смерть от жажды Конану тоже не грозила. У цивилизации есть свои приятные стороны — Конану-варвару пришлось это признать.

Скир сидел через два стола от них в большой столовой, рядом с факелами, отбрасывающими на присутствующих яркий дрожащий свет. Он равнодушно жевал — не для удовольствия, а для насыщения.

Ни вино, ни еда не доставляли ему удовольствия. Нет, настоящей страстью и наслаждением для Скира были две вещи — женщины и курение черного лотоса. Но ни того, ни другого не было в Нерушимой Обители. Обе этих страсти были наслаждением для Скира, обе же вместе они дарили ему радость, равной которой он не знал... Если, конечно, не считать золота. Время от времени Скир бросал беглый взгляд на Сенгха и его приятеля-варвара. Последний поглощал еду без какой бы то ни было изысканности, за что Скир его презирал, но презрение это ни на секунду не мешало ему помнить об окружающей варвара ауре настороженности. Варвары вообще куда внимательнее и осторожнее так называемых цивилизованных людей, так что шпиону вовсе не улыбалась мысль о возможных столкновениях с этим неотесанным гигантом. Эти холодные голубые глаза были слишком острыми даже для Сенгха — своим животным чутьем киммериец ухитрился почувствовать даже такое незаметное наблюдение. Варвар осознавал, что за ним следят, в этом шпион был абсолютно уверен. Скир снова принялся за еду. Собственно говоря, ощущения варвара мало беспокоили его сейчас. Да и жрец не имел никакого значения. Все, что хотел узнать агент Нэга, он уже знал — ему оставалось всего несколько дней на то, чтобы закончить свою миссию здесь. Когда же дело будет закончено, плата за него позволит Скиру купить всех женщин и столько черного лотоса, сколько он пожелает... Безусловно, эта мысль была весьма приятной.

Конан проснулся на рассвете. Комнату, которую предоставил в его распоряжение Сенгх, едва ли можно было назвать роскошной, но все же она была чистой, соломенный матрас — толстым и свежим, а одеяло — теплым. Конан глянул в маленькое окошко и обнаружил, что на извилистых улочках города-храма царит уже утреннее оживление, хотя петух еще не прокукарекал утреннюю побудку. Юный киммериец потянулся, поразмыслил и

направился в столовую. Похоже, здесь было не принято обменивать деньги на товары и услуги, и Конан тихо удивлялся про себя тому, как слаженно действовала эта маленькая община.

Столы были уставлены деревянными тарелками с сыром, вареными яйцами и разнообразными фруктами, был здесь и черный хлеб. Конан не долго думая уселся за стол и стал закусывать, запивая завтрак большими глотками великолепного вина жрецов. Он чувствовал себя отдохнувшим и был готов продолжать путешествие в Замору. Сенгх, державший в руках кожаные ножны, встретил Конана у выхода из столовой.

— А-а, ты уже встал. Ты позавтракал?

— Только что закончил.

— Отлично. Я подумал, что без этой штуки тебе будет не слишком удобно таскать свой меч. — Жрец протянул Конану кожаные ножны. Великан-киммериец взял подарок и внимательно осмотрел его. Ножны были сделаны из грубой, шероховатой кожи, прошитой тройным швом и с толстыми бронзовыми прокладками в тех местах, где их должны были касаться края лезвия. Конан медленно вложил меч в ножны, затем резким движением выдернул его. Кожа зашипела от прикосновения стали, но ни на миг не задержала полет клинка. И тут Конана посетила забавная мысль.

— Сенгх, если вы не убиваете животных, то откуда же вы взяли эту кожу?

Сенгх засмеялся и кивнул головой:

— Неуместный вопрос, Конан. Ведь ты сам добыл эту штуку.

Конан взглянул на ножны. Кожа и впрямь выглядела знакомой. Через секунду он все понял.

— Стит?

— Конечно.

— Но ведь он был убит всего два дня назад.

— Мы перенесли его в надежное место и использовали, как смогли. Мы не убиваем животных, если можем

избежать этого, но мы также ничего не выбрасываем из того, что можно использовать.

— Но как вам удалось так быстро продубить кожу?

— У нас есть... м-мм... особый процесс.

«МАГИЯ», — перевел Конан недосказанное жрецом. Но расспросы решил прекратить. Вместо этого он сказал:

— Я считаю, мы теперь полностью квиты, Сенгх.

— Мне казалось, что моя жизнь стоит дороже, чем то, что я дал тебе, но ты волен сам оценивать, — ответил жрец.

— Тогда я, пожалуй, пойду.

— Может быть, прежде, чем ты двинешься в путь, ты захочешь посмотреть, как обучают приемам нашей борьбы с посохом?

Конан поразмыслил. Конечно, Замора может подождать денек-другой. Кроме того, в душе Конана жило острое любопытство юности, а умение Сенгха обращаться со своим посохом отнюдь не оставляло киммерийца равнодушным.

— Да, я хотел бы посмотреть на это.

— Тогда пойдем.

Конан сунул меч обратно в ножны и последовал за Сенгхом.

Мужчина был стар, волосы и борода — белее снега, но стоял он прямо в своих серых одеждах, глядя на человека, который был моложе его по крайней мере на сорок зим. Соперники сжимали обеими руками короткие посохи, и каждый стоял, направив свое оружие в горло противника. Сильное, мускулистое тело молодого жреца было обнажено до пояса. Он шагнул вперед и начал передвигаться быстрыми танцующими движениями то влево, то вправо, держась на расстоянии вытянутой руки от пожилого жреца и слегка балансируя на пальцах ног. Конан видел однажды зверьков из семейства грызунов, которые охотятся на змей, — их доставили как-то в Киммерию из далекой Вендии. Хозяин бросил маленького, похо-

жего на крысу зверька к очковой кобре, укус которой дарит быструю смерть. Этот парень плясал вокруг старика так же, как тот зверек плясал вокруг кобры. Под конец, несмотря на всю свою быстроту и смертоносность, змея была убита грызуном.

Старик слегка передвинулся, сфокусировав все внимание на своем горячем противнике. Его движения были обдуманными и расчетливыми. Если бы кто-нибудь спросил Конана, тот поставил бы на юношу. Он был быстрее и, безусловно, ловчее своего противника, и он был более агрессивным. К тому же, судя по его движениям, он отнюдь не был новичком в этом виде борьбы. Да, у него были преимущества, а вот его соперник пока не проявил ни одного из этих качеств...

Молодой жрец атаковал. Он взвился в воздух — вперед и вверх, — подняв посох над головой, и резко опустил его, словно собираясь разрубить белую голову старика. Это был быстрый и сильный удар и, попади он в цель, он, несомненно, оглушил бы жертву, если не хуже. Старик очень медленно, как показалось Конану, сдвинул свое тело в сторону и коротким ударом опустил свой собственный посох. Удар юноши прошел мимо цели. Посох же старика ударил парня в бок, громко хлопнув по его ребру. Седовласый воин танцующим шагом слегка отступил в сторону, снова направив свой посох на шею противника. Юноша оправился от удара и повернулся лицом к старику. Через мгновение оба бойца расслабились и улыбнулись друг другу. Хо, подумал Конан, иногда медленная змея убивает быструю крысу! Он знал, что только что выучился чему-то очень важному. То, что старик не сразу и не явно продемонстрировал свое умение, еще не означало, что у него его нет. Очень впечатляюще.

— Я хочу, чтобы ты познакомился с Облатом Кенсахом, — сказал Сингх.

Старик объяснял своему противнику, в чем секрет этого удара, когда Сенгх и Конан подошли к нему.

— Это тот человек, о котором я говорил, — сказал Сингх.

— А-а, — произнес Кенсах, — чужеземный воин с мечом. Сенгх очень высоко отзывался о твоих бойцовских талантах.

— И я обратил внимание на ваши таланты, — ответил Конан.

Кенсах пожал плечами:

— Мейло — мой самый лучший ученик. Мейло, это Конан, о котором ты уже слышал.

Мейло, как заметил киммериец, вовсе не был поражен теми историями, которые ему довелось услышать о Конане. Он ухмыльнулся варвару, глядя прямо на его длинные черные волосы и смуглую кожу.

— Ты кажешься довольно сильным, чужеземец, — проговорил Мейло. — Быть может, ты не откажешься состязаться со мной?

— Я не знаю правил твоей игры.

— Игры? — воскликнул Мейло. — Люди гибли, играя в эту ИГРУ! Никаких правил — только победа!

Конан взглянул на Кенсаха. На лице старика мелькнула печальная улыбка.

— Иногда Мейло бывает чересчур горяч. Ты — наш гость, а не ученик. Тебе не нужно сражаться.

Конан засмеялся:

— Пусть Мейло научит меня этой игре на палках.

Кенсах передал свой посох Конану. Тот прикинул его на вес, перевернул несколько раз, ощупывая дерево, и наконец кивнул Мейло:

— Начнем, когда ты будешь готов.

Мейло оскалился по-волчьи и, пританцовывая, продвинулся на два шага вперед, держа свой посох в защитной позиции. Конан стоял, расслабившись, по-прежнему держа оружие у пояса. Мейло, казалось, горел от нетерпения:

— Поднимай свое оружие! Защищайся!

— Пока в этом нет необходимости, — ответил Конан.

Это вывело Мейло из себя. Он прыгнул на Конана и замахнулся своим посохом над головой киммерийца. Ко-

нан шагнул навстречу своему противнику и левой рукой ухватился за занесенный над ним посох. Недоумение на лице Мейло сменилось шоком, когда Конан опустил свой посох сначала на ребра Мейло, а затем — на голову. Жрец упал на землю, оглушенный ударом. Кенсах засмеялся, и Конан непринужденно улыбнулся ему в ответ. Мейло кое-как поднялся на ноги.

— Ты сжульничал! Если бы мы бились на мечах, ты потерял бы руку, схватившись за лезвие!

— Если бы у тебя в руке был меч, я, конечно, не стал бы хвататься за него. Но у тебя был только деревянный посох.

— Но он же должен изображать настоящий меч!

— Ну тогда считай, что моя рука была боевой перчаткой. С шипами.

Мейло никак не мог успокоиться, но Кенсах одним взмахом руки заставил его замолчать.

— Ты не хотел бы помериться силами со старым человеком, Конан? — мягко спросил он.

— Да.

Мускулистый киммериец встал перед старым учителем. Несколько секунд ни один из бойцов не двигался. Затем Конан слегка ушел влево.

Кенсах так же на волосок, не больше, сдвинулся влево.

Конан передвинулся вправо.

Кенсах вновь в точности повторил его движение.

После серии таких движений и контрдвижений Конан знал: что бы он ни сделал, чтобы подготовиться к атаке, — старик будет готов отразить ее. Атаковать — значило бы незамедлительно напроситься на ответный удар. Киммериец привык атаковать первым, мало задумываясь о последствиях, но сейчас подобная безрассудная атака, будь у них мечи, привела бы к одному — убийству. Это Конану не слишком нравилось. Он был храбрым, но и интуиции своей он привык доверять. Конан знал, что опыт может помочь бойцу и уравновесить и силу, и храбрость, а Кенсах был самым опытным фехтовальщиком из всех, с кем приходилось когда-нибудь сталкиваться Конану. Моло-

дой киммериец опустил свой посох и поклонился старому учителю. Кенсах ответил ему тем же.

— Ты мудр не по годам, Конан из Киммерии. Если ты решишь остаться, я почти за честь поделиться с тобой своими скромными знаниями.

— Нет, Облат, они вовсе не малы. Но мой путь ведет далеко отсюда и мне пора уходить.

Когда Конан и Сингх покидали тренировочный плац, Конан и не оборачиваясь чувствовал на своей спине раздраженный взгляд Мейло. Киммериец не оглянулся, хотя этот взгляд жег ему спину.

Туэнн шла и шла, и теперь ноги ее были обуты в новые сапоги, а драное платье сменилось новыми штанами и туникой под теплым меховым плащом. Мужчины, который отдал ей все эти вещи, почитал себя счастливым за то, что так легко и дешево отделался. Он желал ее, стоворился с ней и заплатил условленную сумму еще до того, как коснулся тела Туэнн. Могильно-ледяной холод ее плоти мгновенно обратил его вожделение в ужас. Так что теперь прекрасная зомби шла по южному ответвлению Большого Бритунского Тракта, двигаясь на восток, к своей цели. Она не могла знать, как далеко ей придется идти и сколько времени займет этот путь. Ей не нужна была пища, не нужен был и отдых — она будет идти столько, сколько потребуется.

У нее не было ничего, кроме Времени.

Глава 4

В подземелье храма Нэга Ужасного была комната, не похожая ни на одну из соседствующих с ней. В центре комнаты, облицованной полированным белым мрамором, возвышался шпиль из чистейшего хрусталя, высотой в половину человеческого роста и толщиной в ногу взрослого мужчины. Срезанная верхушка шпиля была плоской и по размерам не превышала кулак ребенка. В остальном комната была пуста, даже на чистейшем полу не удалось

бы обнаружить и пылинки. На сверкающих полированных стенах были укреплены скобы из хрусталя, на каждой из которых стояли две-три необычные, тонкие свечи, горевшие абсолютно бездымно и отбрасывавшие во все уголки комнаты мягкий желтый свет. Эта комната была полной противоположностью всему остальному храму: она была чистой, светлой и пахла благовониями. Каждые четыре-пять часов Безглазые приходили сюда и вновь тщательно начищали каждый уголок комнаты, стараясь сохранить ее в неизменной чистоте.

Нэг быстрыми шагами вошел в комнату и внимательно осмотрел хрустальный шпиль. Эта комната, по сути дела, была лишь оправой для талисмана, который он искал. Как только Нэг найдет Талисман Света, тот займет предназначенное ему место на вершине хрустального шпиля. Да, в тот же миг, как он получит талисман, огромная сила, заключенная в этом камне, начнет истекать из него, подобно солнечным лучам, и Нэг получит эту Силу.

Это был секрет, на который колдун наткнулся, допрашивая своих мертвых слуг, возвращенных им из небытия. При мысли об этом Нэг улыбнулся. Да. Он взошел на самую высокую ступень колдовского могущества, но и у нее есть свой предел. Когда же ему будет принадлежать энергия Талисмана Света, никто не сможет встать над ним. Странно, что такая темная, дьявольская сила может прийти от, казалось бы, полностью противоположной ей вещи. Но не в характере Нэга было спрашивать «почему» — только «как». Ему было вполне достаточно того, что свет и тьма могли смешаться и дать в результате то, к чему он стремился. Могущество. Власть. Господство над мертвецами. Одним взмахом своей тощей руки Нэг сможет поднять под свое знамя мириады мертвецов, второй взмах руки с такой же легкостью вернет их обратно, в вечный сон. В бою его солдаты будут непобедимы, более того, каждый солдат противника, павший в сражении, тут же станет его рабом. Как, наверное, это будет ужасно, когда твой убитый товарищ-солдат

вдруг очнется от смерти и станет врагом! Скоро, скоро Нэг добьется своего. Через несколько дней Скир доставит то, за чем был послан. Да, очень скоро он вернется в храм Безглазых и доставит свою добычу повелителю. И тогда Нэг Ужасный сможет стать Нэгом Всемогущим и Всевидящим.

Колдун резко повернулся и быстро вышел из зала с развевающимися от поспешного шага одеждами. Проходя через холл, он заметил, что Безглазые направляются туда, чтобы вновь отполировать и без того сверкающую поверхность. Отлично. Отлично...

Конан собирался покинуть Нерушимую Обитель. Он хорошо отдохнул, был бодр и намного лучше подготовлен к своему долгому путешествию, чем до встречи с Сенгхом. Не считая новых ножен для меча, за спиной его висел большой походный мешок, наполненный сухарями, копченой рыбой и сушеными фруктами. Еды должно было хватить не меньше, чем на пять дней пути. Несколько дней Конан наблюдал за тем, как Облат Кенсах тренирует молодых жрецов, и многому научился. Было бы очень заманчиво остаться в храме, наслаждаясь такой легкой, приятной жизнью, но жажда путешествий звала Конана в путь. Шадизар ждал его.

Киммериец простился с Сенгхом и пошел по узким улицам города-храма, когда внезапно натолкнулся на нечто, заставившее его остановиться. Притаившись за грудой мусора, один жрец, казалось, следил за другим жрецом, идущим вдоль одной из узеньких торговых улиц. Идущий был явно утомлен и покрыт дорожной пылью. Но особенно интересным показалось киммерийцу то, что жрец, сидевший на корточках в засаде, держал в своей худой руке кинжал, явно готовясь нанести удар. Хо! Это что, убийца? Человек с ножом внезапно резко повернулся и заметил Конана, наблюдавшего за ним. Киммериец уловил беглый взгляд из-под капюшона. Лицо показалось Конану знакомым — молодое, почти женственное... Жрец прыгнул на Конана и, подняв кин-

жал, постарался его ударить. У варвара-северянина не было времени обнажить меч. Он плавно ушел влево, заноса над головой кулак. Пудовая тяжесть обрушилась на запястье атакующего врага, выбив нож из его руки. Теперь была очередь Конана атаковать. Жрец выругался и попытался отскочить, но киммериец был быстрее. Прежде чем его противник успел отскочить, он толкнул его в плечо и опрокинул на землю. Конан тут же прижал руки противника к земле, сбросив с него капюшон... и встретился с яростными глазами женщины. Ее волосы были коротко подстрижены (короче, чем у Конана), но лицо вовсе не было просто женственным лицом юноши. Конан вполне мог узнать женщину, когда видел ее. Но, чтобы окончательно убедиться, Конан провел рукой по телу упавшего жреца и обнаружил тугую, высокую женскую грудь. Этот жест не слишком понравился женщине. Она возобновила свои попытки вырваться и прокляла Конана сквозь стиснутые зубы:

— Невежа, дикий зверь! Чтоб Митра отобрал твою мужскую силу!

Конан усмехнулся. Эта женщина явно не была трусихой — ругать мужчину, который крепко держит ее! Он громко спросил:

— Кто ты? Почему ты хотела ударить меня кинжалом?

— Пес, сын собаки, жрущей навоз, отпусти меня!

Конан кивнул. Он схватил ее за запястье своей сильной рукой и, встав с колен, осмотрел пленницу.

— Отпусти меня!

— Когда ты ответишь на мои вопросы?

— Я закричу!

— Да? И сообщишь добрым жрецам, что женщина осквернила их храм?

Это заставило ее замолчать. Она сделала несколько глубоких, сильных вдохов и осмотрела Конана повнимательнее. Пока она занималась этим, он припомнил, где мог видеть ее прежде. В день, когда он пришел в храм, она выбирала фрукты на главной улице. Он уже тогда

подумал, что лицо молодого послушника было более чем женственным. Она явно решила, что крик не слишком поможет ей в сложившейся ситуации.

— Итак? — спросил Конан.

— У этого жреца есть кое-что, принадлежащее мне, — сказала она. — Я хочу получить назад свою собственность.

— Получить, убив человека?

— Нет. Кинжал был мне нужен, чтобы припутнуть его, не больше.

— Тогда зачем ты набросилась на меня?

— Я думала, ты добиваешься помешать мне.

— Нет, — сказал Конан. — Я просто проходил мимо.

— Тогда отпусти меня, чтобы я смогла закончить свое дело. Это не имеет к тебе никакого отношения.

— Это стало иметь ко мне отношение в тот миг, когда ты попыталась убить меня.

— Идиот-варвар! Я ДОЛЖНА настичь этого жреца раньше, чем он доберется до Верховного Облата! Мне очень жаль, что я неправильно истолковала твои намерения. Ну пожалуйста!..

Конан подумал с минуту. У него не было никаких обязательств перед жрецами, и это не было его делом, что верно, то верно. Он освободил ее запястье. Не задержавшись ни на секунду, молодая женщина подняла с земли свой упавший кинжал и исчезла в переулке. Через секунду Конан услышал ее крик. Она опоздала. Любопытство киммерийца взяло верх над всеми остальными чувствами, и он бросился к переулку. Если увидеть девушку в наряде жреца было зрелищем интересным и необычным, то теперь он увидел нечто небывалое: два жреца боролись друг с другом шагах в ста от него. У одного из них в руке был короткий кинжал, блестящий в лучах восходящего солнца. Еще один жрец лежал ничком на пыльной мостовой, и кровавый ручеек стекал с его спины, окрашивая пыль в красный цвет. Женщина бежала к сражавшимся, держа свой клинок наготове. Пока Конан развлеклся этим зрелищем, один из жрецов

вонзил свой кинжал в живот противника; раненый человек упал, держа в руках свои собственные внутренности. Красная струйка сочилась сквозь его пальцы. Убийца повернулся к другому упавшему жрецу и сорвал сумку с пояса истекавшего кровью человека. Он заглянул в нее и, казалось, был удовлетворен осмотром.

Затем он вдруг заметил женщину, приближающуюся к нему с ножом в руке, и бросился бежать. Через секунду он исчез в соседнем переулке. Женщина пробежала мимо раненых и бросилась вслед за убийцей. Но у того было два преимущества: он был уже на довольно значительном расстоянии от нее, и если он хорошо знал город, то у нее было не слишком много шансов схватить его. Конана все это не касалось, но он все же подошел к упавшим жрецам, и любопытство его разгорелось еще пуще. Он узнал одного из упавших. Человек, которого ударили ножом в живот, был Сенгх. Внезапно все это стало ЕГО делом. Сенгх был его другом. Гнев охватил Конана.

— Сенгх!

Жрец закашлялся.

— К-к-конан... Я думал, что ты ушел...

— Дай мне осмотреть рану.

Сенгх покачал головой:

— Ты не сможешь мне помочь. Рана смертельна.

Сенгх снова закашлялся, и кровь сильнее потекла сквозь его пальцы.

— Кто это сделал? Почему?

— Т-т-талисман Света. Он в-взял его.

— Кто?

Умиравший жрец снова покачал головой:

— Я не знаю его. Один из слуг Нэга. Ты... Ты должен добыть его, Конан. Иначе Нэг сможет... он сможет... — Сенгх снова закашлялся и содрогнулся, выплевывая кровь.

— Говори, Сенгх! Кто такой Нэг? Где я могу найти его?

Выражение покоя разлилось по лицу жреца, и он неподвижно вытянулся на руках Конана. Гнев Конана вспыхнул еще сильнее. Мертв! Юный киммериец стоял, сжав кулаки, его могучая грудь тяжело вздымалась. Он знал Сенгха совсем недолго, но этот человек успел стать его другом, он накормил и одел его, он делил с ним опасности пути. Шадизар может подождать. Кто-то заплатит за все это. Кто-то очень дорого заплатит за это.

Скир торопливо добрался до главных ворот, оторвавшись от всех своих преследователей. Появление невысокого жреца с ножом, а затем — варвара, было неожиданностью для него, но, в сущности, не имело большого значения. Он получил Талисман. Через несколько минут Скир будет уже вне пределов храма, на пути обратно, к своему господину, и ему понадобится не больше десяти дней на эту дорогу. Нэг будет весьма доволен, а значит, Скир будет очень богатым.

Конан нашел укрытие неподалеку от главных ворот Обители, место настолько узкое и тесное, что человек мог пройти рядом с ним и не заметить, что внутри кто-то скрывается. Киммериец не сомневался, что убийца намеревался покинуть Обитель со своей добычей. Если поспешить, подумал Конан, то, возможно, удастся опередить убийцу и перехватить его здесь, у ворот. Если это так, то убийца сам встретит здесь свою смерть. С другой стороны, если этот негодяй опередил его и уже миновал ворота, ожидание здесь, в засаде, даст ему время еще больше оторваться от погони. Конан решил подождать некоторое время и, если убийца не появится, покинуть укрытие и поискать следы этого человека дальше, под горой. Если же и это ему не удастся, то Конан отправится к тому, кого называют «Нэг». Наемный убийца должен будет вернуться к своему господину, и вот тогда-то они ОБА заплатят за смерть его друга. Холод ледяными иглами впивался в тело Конана, пробившись сквозь плащ, но юноша не обращал на это внимания.

Холодный ветер взъерошил его густые волосы, выжигал слезы из жестких голубых глаз, но и этому Конан не придавал значения.

Через час после того, как он начал свое наблюдение, одиночная фигура, закутанная в серую одежду, показалась у укрытия Конана. Человек приближался со стороны города. Киммериец улыбнулся волчьей улыбкой и поднял свой меч с камня, к которому тот был прислонен. Он еще раньше вытащил его из ножен, чтобы даже легкий шорох кожи, соприкасающейся с металлом, не выдал его местонахождение, когда придет время. Он бесшумно выскользнул из-за валуна, за которым прятался, и собрал в кулак всю свою силу, собираясь выпрыгнуть из укрытия на ничего не подозревающего врага. Еще один шаг... Еще один... Конан выскочил из убежища, взмахнул своим тяжелым мечом, готовясь отрубить голову под жреческим капюшоном.

— Готовься встретиться со своими проклятыми богами, убийца!

Человек в сером плаще быстро отскочил в сторону и поднял правую руку в знак мирных намерений.

— Постой! — раздался его голос. — Ты ошибся!

Даже сейчас, все еще стремясь добраться до врага и уничтожить его, Конан узнал этот голос. Женщина быстро сдернула капюшон, повернув к киммерийцу лицо. Юная девушка из переулка. Конан с отвращением опустил свой меч.

— А-а, это ты.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она его.

— Поджидаю типа, который подлю убил моего друга. Считаю, что тебе повезло и ты — не он.

На это у нее не нашлось ответа. Но через мгновение она сказала:

— Боюсь, тебе вечно придется ждать Скира. Мне пришлось ждать удобного момента — из-за этого убийства весь город закрыт на замок. Если он внутри, жрецы найдут его. Если же нет, то, боюсь, он уже миновал это место.

Конан повторил имя, которое она упомянула:

— Скир, говоришь?

Она покачала головой, словно только сейчас сообщила, что сказала слишком много. Конан снова поднял меч.

— Я должен знать все, что знаешь об этом ты, женщина. Если это не было моим делом раньше, то теперь оно стало моим. Говори!..

— Ты не убьешь женщину!

— Может и нет. Но для того, чтобы получить необходимые сведения, есть различные способы.

Эта угроза заставила ее, казалось, содрогнуться. Она вздохнула.

— Ну хорошо. Я скажу тебе. В конце концов, мы оба собираемся отомстить одному и тому же человеку. — Конан ждал. — Меня зовут Элаши. Я родилась в пустыне, в Хауране. Мой народ — кочевники, мы кочуем по пустыне в течение сотни поколений. Человека, которого ты ищешь, зовут Скир, он состоит на службе у черного колдуна.

— Это, должно быть, Нэг, — вставил Конан.

— Ты слышал о нем?

— Только имя.

Элаши продолжила свой рассказ:

— Мой отец, Лорвен, был вождем нашего племени. Нэг приказал убить его. Ценный... предмет был взят с мертвого тела. Я хочу отомстить за смерть отца и вернуть украденную вещь.

— Разве у тебя нет братьев? Месть — занятие для мужчин.

Ее глаза сердито вспыхнули, и Конан увидел, что она начинает злиться.

— Я родилась первой. Мои братья смотрят за своими овцами и женами. Эта обязанность лежит на самом старшем в семье, это его долг — отомстить за отца!

— И этот... ценный предмет... его не зовут случайно Талисманом Света?

Эти слова буквально потрясли ее.

— Откуда ты это знаешь?

— Завещание умирающего человека.

Она помолчала секунду прежде, чем ответить.

— Да, мне и вправду кажется, что на нем лежит печать смерти. Мой отец нашел его в развалинах древнего мертвого города, руины которого были обнажены кочующими с места на место песками. Его убили за это, и те, кто его убил, в свою очередь тоже были убиты. Ты видел, что случилось со жрецом, к которому попал Талисман после этого.

— Эта вещь проклята?

Она снова вздохнула.

— Может быть. Она наполнена могуществом, силой и энергией. Какая-то древняя магия спит внутри, об этом говорил шаман нашего племени. Но он не смог определить ее действие.

Конану стало как-то не по себе от этого разговора. Весь его жизненный опыт твердил, что с магией лучше не связываться. Те, кто имел дело с магией или с колдовством, частенько попадали в ловушки, предусмотреть которые заранее не мог никто из смертных.

— А почему ты сразу не отправилась к этому Нэгу? — спросил Конан. — Это было бы гораздо проще.

— Нет. Он обладает огромной Силой. Ни один человек не сможет без его ведома приблизиться к нему. Я думала найти ту вещь, которую он ищет, и проникнуть к нему с ее помощью. Нэг встретился бы с самим Сэтом, Черной Душой, чтобы заполучить Талисман Света. Я проникну к нему, а как только приближусь на достаточное расстояние — убью.

Конан поразмыслил над услышанным. Довольно-таки замысловатый, сложный план и на его вкус слишком уж заумный, но он мог сработать.

— Ну, а что ты будешь делать сейчас? Ты упустила свой шанс.

Ее лицо окаменело.

— Я знаю в лицо Скира и знаю, куда лежит его путь. Я сумею догнать подлеца.

Киммериец взглянул на женщину. Она была немного старше его — на три или четыре зимы, и лицо у нее было весьма привлекательное. Он знал, что под одеждой жреца скрывалось красивое женское тело. И в то же время, хотя она и была женщиной, ее воля, ее стремление к цели были непоколебимы. Ему никогда еще не приходилось встречать такую женщину, и она очень привлекала его. Правда, по натуре он был бойцом-одиночкой, но он не мог не видеть, что сейчас у них была общая цель. Он сказал:

— Мне совершенно не нужен твой Талисман, но я очень хотел бы видеть, как Скир и его хозяин отправятся в Серые Земли. Возможно, нам лучше пойти вместе.

С секунду она размышляла.

— Что ж, возможно. Если, конечно, наша общая цель — это действительно то, что тебе нужно.

Конану нетрудно было догадаться, что она имеет в виду. По правде говоря, мысль о том, что неплохо было бы провести с ней ночь, действительно пришла ему в голову, но если ее это не интересовало, то и в этом случае все в порядке. Он никогда не заставлял женщин силой делать то, чего они не хотели, — в этом никогда не было необходимости.

— Да. Тогда давай отправимся в путь и нагоним нашего общего врага. Он уходит вперед, пока мы тут разговариваем.

Киммериец и женщина повернулись и стали спускаться вниз, к подножию горы.

Глава 5

Большой Бритунийский Тракт был даже в самое благоприятное время года пустынным, безлюдным местом. Даже когда солнце согревало долины и низменность до температуры человеческой крови, на горной тропе, с ее вечным снежным покровом, лежал холод. Летом сапоги путешественников, копыта лошадей и мулов протаптывали узкие тропы и проходы, но зимой там скапливались сугро-

бы снега высотой в три человеческих роста. В полях, далеко внизу, уже зрела пшеница и рожь, готовились к новому урожаю. Зима еще только собиралась дунуть на Тракт своим ледяным дыханием, но ее младшая сестра, Осень, уже посылала предупреждающие холодные ветра. В них уже был пронизывающий холод, но, по крайней мере, они не несли с собой снега. Именно по этой, продуваемой всеми ветрами тропе шла Туэнн. Она уже давным-давно перестала беспокоиться о холоде. Он был постоянным, таким же неприятным днем, как и ночью, и она переносила эти мучения стоически. Впереди нее, судя по тем сведениям, которые она получила, находился небольшой поселок. Это безымянное место притаилось на пересечении многих дорог, что гарантировало прибытие путешественников, останавливающихся в деревне для отдыха или еды. Она чувствовала, что вещь, к которой она стремилась, приближалась сейчас к селению с противоположной стороны — маленькие пальцы Туэнн ощущали энергию, исходящую от магического предмета. Если ей удастся добраться до поселка раньше, чем туда войдет посланец Нэга, она сумеет устроить ему ловушку. Надо будет соблюдать осторожность, хотя смерти в ее обычном смысле она могла не бояться. Но магия, которую Туэнн искала, чтобы освободить остальных, могла слишком рано освободить ее саму, если обращаться с ней неосторожно. Этого не должно случиться. Она должна получить Талисман и вернуться. Впереди Туэнн услышала легкое покашливание горной кошки. Этот звук на секунду заставил ее остановиться. Она не была вооружена, по крайней мере, таким оружием, которое могло бы вызвать уважение у этого зверя. Чувство страха не было чуждо Туэнн. Быть съеденной зверем — изменит ли это магические знаки, охраняющие зомби от истинной смерти? Будет ли она каким-то образом жива в желудке этой гигантской кошки? Эта мысль заставила ее содрогнуться.

Кошка притаилась за глыбой холодного серого гранита, прижавшись брюхом к земле. Готовясь к прыжку, она нервно охлестывала себя по бокам хвостом. Туэнн остановилась и замерла, не двигаясь, наблюдая за животным. Она не смогла бы убежать от зверя, да в этом

и не было никакой необходимости. Если кошка охотилась за Туэнн — что могла сделать женщина-зомби? Ветер дул сзади, в сторону хищника. Громадная кошка вдруг остановилась как вкопанная, и Туэнн увидела, как наморщил зверь ноздри, принюхиваясь. Кошка зарычала, и Туэнн подпрыгнула от неожиданности. Но в этом рычании не было намерения напасть, скорее, в нем прозвучала нота, которую зомби не сразу поняла. Возможно, это было раздражение. Или может быть... страх. Потому что громадная кошка, почти в два раза больше ее, начала отступать, настороженно глядя на маленькую безоружную женщину. Дойдя до гранитного выступа, она повернулась и, подпрыгнув, исчезла в одно мгновение. Вот так, подумала девушка. Даже зверь узнал запах смерти и отказался от нападения. Ее проклятие было, как подумала Туэнн, благословением в эту минуту. Но эта мысль не доставила ей большой радости. Быть существом, от которого в страхе удирает даже голодный хищник, — это не совсем то, чему можно порадоваться.

Вздыхнув, Туэнн продолжала свой путь, хотя и несколько медленнее, чем раньше. Темнота не была опасной для зомби. Во всяком случае, теперь она была еще менее опасной, чем раньше...

Скир устал, продрог и страшно проголодался. Он оставил монастырь в большой спешке, а лошадь, которую он аккуратно стреножил, готовясь к своему побегу, каким-то образом сумела избавиться от своих пут раньше, чем он добрался до нее. Во вьюках лошади была еда для путешествия и одеяла, так что все, что он мог сейчас сделать, — это идти пешком, и побыстрее. Можно было, конечно, вернуться в монастырь за пропавшей лошадью и продовольствием, но это было бы величайшей глупостью и впридачу весьма эффективным способом быстрого самоубийства. Ну что ж. До поселка оставалось около часа ходьбы — не так уж и много. У Скира были с собой деньги, он мог отдохнуть, хорошо поесть и, возможно, получить женщину, которая согрела бы ему

постель. Правда, на рассвете он должен был покинуть поселок. И, как он надеялся, верхом, а не пешком. Жрецы конечно же были весьма рассержены убийством и кражей, и погоня не замедлит последовать за ним. К счастью, от монастыря вела больше чем одна тропа, отвлекаясь от главной дороги, и Скир надеялся, что фальшивые следы, в изобилии оставленные им, будут приняты преследователями за настоящие. Такая удача даст ему достаточно времени, чтобы оторваться от погони. Он, безусловно, мог позволить себе остановиться. И так же безусловно они не смогут идти по его следам ночью. Темнота окутала холмы своим темным покрывалом, но Скир был уже почти на месте. Вскоре он дойдет до поселка, он уже видел горящие впереди огоньки, словно маяк, влекущий к себе усталого путешественника.

— Конечно же он пошел сюда, в этом направлении, — сказала Элаши. Она указала на следы, ведущие на юг.

— Не думаю, — ответил Конан.

— Я — женщина пустыни, — вспыхнула Элаши, — а не какая-то жалкая шлюха из таверны, с разжиженными мозгами! Я могу читать следы так же хорошо, как и любой мужчина в моем племени, а здесь они настолько очевидны, что даже одноглазый козел не сможет не заметить их. Эта сломанная ветка (видишь, как пыль сдвинута с места?) и камни, отброшенные в сторону, — тут и тут, — она указала на гравий, — все эти следы говорят мне о том, что он прошел именно здесь. Он прошел вон в том направлении, а здесь он поскользнулся на сырой земле, это так же ясно, как если бы он оставил нам письмо!

— Возможно, что именно это он и сделал, — откликнулся Конан. Он указал на тропу, ведущую вправо. Не оборачиваясь, он направился туда. Через секунду Конан услышал быстрые шаги Элаши, догоняющей его. Ее голос был раздраженным:

— Варвар, ты что, сошел с ума? Я же объяснила тебе, что означают все эти следы, но ты, похоже, решил не обращать на них внимания! Почему ты так поступаешь?

Конан продолжал идти вперед, бросив, однако, беглый взгляд на свою спутницу.

— Этот человек, которого ты называешь Скиром, явно не похож на небрежного дурня, — сказал он. — Многие участки вдоль высокой тропы куда более опасны и ненадежны, но он не оставил следов по крайней мере в дюжине мест, где ты поскользнулась и потеряла равновесие, да и я чуть было не сделал то же самое. Мне что-то не верится, что он мог легко оступиться здесь, на таком простом и, кстати, заметном повороте.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что он оставил эти следы нарочно.

Она поразмыслила с минуту над его словами, не говоря ни слова. Затем спросила:

— Ну а что, если ты неправ?

Конан пожал плечами.

— Я бывал неправ и прежде. Это не смертельно.

Элаши ничего не ответила на его слова, но продолжала идти рядом с ним.

Туэнн подошла к поселку и обнаружила единственный в этом забытом богами месте караван-сарай. Хозяин постоянного двора нервно улыбался, глядя на нее, словно она и привлекала и отпугивала его в одно и то же время. Он отвечал на ее вопросы пересохшими губами:

— Нет, госпожа, никто, кроме вас, не останавливался на сегодняшнюю ночь.

Она кивнула. Это подтверждало ее ощущение: Талисман был недалеко от нее, но все еще в стороне от поселка.

— Мне нужна комната. Я проведу некоторое время в общем зале, у огня. Принесите мне туда вина.

— Д-да, госпожа. — Хозяин торопливо отправился за вином, а Туэнн подошла к грубо сколоченному столу и села на стул, рядом с очагом, в котором горел веселый

огонь. Зал был длинным и невероятно грязным, а чадающие светильники, заправленные жиром, прибавляли куда больше дыма и копоти, чем света.

Несколько мужчин сидели в зале за деревянными столами: двое похожих на бритунийцев, если судить по их одежде и манерам; один, с хищным острым носом и очень худой мужчина был, судя по всему, стигийцем, четвертый же, одетый в темные меха, наброшенные поверх еще более темной кожи, мог быть уроженцем Куша или Кешана. Худенькая женщина с грязными волосами (вообще-то, от природы они были белокурыми) стояла возле бритунийцев и чересчур громко смеялась над их шутками. Судя по одежде, она была деревенской шлюхой. На девице была легкая прозрачная туника, под которой явно ничего больше не имелось.

Сев за стол, Туэнн начала ловить на себе жадные мужские взгляды. Некоторые улыбались ей и пытались поймать ее взгляд, но она не обращала на них внимания. Темнокожий мужчина сделал пальцами жест, отгоняющий злых духов, и отвернулся от Туэнн. Этот человек обладает недурной интуицией, подумала Туэнн. Что касается проститутки, то она смотрела на зомби с явной неприязнью — как на соперницу, не более того. Хозяин подошел к Туэнн и протянул ей кружку с вином. Туэнн не шелохнулась, не собираясь платить, и он, подождав несколько минут, поставил кружку перед ней и вернулся к себе в комнату. Она коснулась глиняной кружки, несколько раз повернула ее на столе, но пить не стала. Еда и питье смертных были ей не нужны — она не ощущала вкуса и не нуждалась в пище для поддержания своего существования. Вино было только предлогом, позволяющим ей находиться в зале, не более. Она будет сидеть здесь и дожидаться появления Скира. Ее план был очень простым — она попытается заманить его к себе в комнату. Если ей это не удастся — она последует за ним в его комнату или куда он пойдет и при помощи камня, который она спрятала в кошельке на поясе, оглушит человека и отберет у него Талисман.

Скир приближался. Туэнн чувствовала его приближение. Она продолжала играть с кружкой вина и ждала.

Скир вошел на постоялый двор и сразу же заметил прекрасную женщину с бледной кожей, в одиночестве сидящую у догорающего очага. Как могла такая женщина оказаться здесь одна? Или мужчины, сидящие в зале, враз лишились своей мужской силы? При виде красавицы Скир сразу же загорелся желанием. Он закажет вина, чтобы прогнать холод из своих костей, и как можно скорее поговорит с этой женщиной, иначе она может исчезнуть — конечно же это была сказочная фея из самого сладкого сна! Он сообщил ей об этом своем открытии, едва лишь уселся напротив нее за столом. Ну что ж, эта ночь будет много лучше, чем он мог надеяться, — с ним будет женщина, о которой он будет вспоминать долго! Поедая черствый хлеб и полупрожаренную свинину, поставленные перед ним хозяином, Скир продолжал говорить. Большая часть его речи была ложью, включая имя, которым он назвался, место рождения и род занятий. Он знал, как лучше всего представиться скептически настроенной женщине: ему не раз приходилось практиковаться в этом искусстве. Но, казалось, с этим чудесным созданием все уловки были излишни. Если не считать того, что казалось некоторой... холодностью, она охотно улыбалась его грубым шуткам и, казалось, верила всей той лжи, которую он плел. Скир запивал хлеб и вранье большими глотками вина и вскоре почувствовал, что его тело отогрелось, а кровь и страсть закипели еще сильнее. Женщина выпила совсем немного, но едва ли это имело значение — она, похоже, готова была идти с ним и без всякого вина.

— Я подумал, — проговорил он, — что, возможно, вы могли бы составить мне компанию, пока я заказываю комнату на ночь.

И снова холодная, возбуждающая его улыбка появилась на ее лице.

— Я уже сняла комнату на эту ночь, — сказала она. — Быть может, вы не откажетесь разделить ее со мной?

— Клянусь Митрой, я и мечтать не смел о таком счастье! Пойдем туда скорее!

— Разве вы не хотели бы сперва допить свое вино?

— Мы возьмем кувшинчик с собой. И еще один, на всякий случай. — Он едва мог поверить своей удаче. Ему даже не придется платить за ночлег. Скир встал, слегка покачиваясь, и протянул к женщине руку, чтобы сопроводить ее (как там ее звали?) в комнату. «Впрочем, имя неважно», — подумал он.

— Твоя рука холодна как лед, — сказал он, вынимая руку из ее ладони.

— О такой мужчина, как ты, сможет, конечно, ее отогреть.

Он ухмыльнулся.

— О, да. Я смогу согреть очень многих, госпожа.

Туэнн провела посланца Нэга по узкому коридору к комнате, которую указал ей ухмылявшийся хозяин караван-сарая. Единственная свеча тускло горела в подсвечнике, отбрасывая дрожащие тени и едва рассеивая темноту. Они вошли в комнату, и Туэнн улыбнулась невидимой улыбкой. В темноте ей будет гораздо удобнее действовать. Она протянула руку к кошельку и нащупала гладкий камень.

Туэнн заметила сыплющиеся искры, сопровождающиеся громкими ударами кремня о кресало.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Зажигаю вторую свечу, госпожа.

— Зачем? Для нашего занятия свет вовсе не обязателен.

Искры продолжали сыпаться на подсвечник, и еще один язычок пламени заплясал в комнате.

— А-а, госпожа, такая красота, как твоя, заслуживает не только того, чтобы ее касаться, но и того, чтобы на нее смотреть. Ну вот мы и пришли. Сними же свои одежды, и позволь мне насладиться зрелищем твоей красоты.

Туэнн колебалась только одну секунду. Он казался более настороженным теперь, чем тогда, когда вошел в большой зал, и он мог видеть ее лучше в свете двух свечей. Пожалуй, не стоит рисковать и нападать на него сейчас — у него был при себе Талисман, и она не знала, что может случиться с ней при малейшей ошибке. Позже, когда он будет занят или устанет, наступит более подходящий момент. И не страшно, если она сделает то, чего он так страстно желает.

Она стала раздеваться, снимая свои сапоги и штаны, затем — тунику и нижнюю рубашку. Через минуту она стояла перед Скиром обнаженная, и свет свечей отражался от ее прекрасного нагого тела. Рядом с ее кожей даже слоновая кость показалась бы темной, а ее тело было таким же нежным и гибким, как и у живой женщины. Скир ошеломленно вздохнул.

— Ты еще прекраснее, чем я надеялся, — сказал он, и голос его был хриплым.

Он начал торопливо сбрасывать свою одежду. С особенной тщательностью он отложил в сторону дорожную сумку, и Туэнн поняла, что именно там лежит то, что она так долго искала. Как только Талисман будет лежать рядом с ним, она может начать действовать.

— Подойди ближе, — приказал Скир. Он лег на соломенный матрас и протянул к ней руки. Туэнн улыбнулась и придвинулась к нему. Незаметно она придвинула ногой свою сумку к краю матраса, так что ей нужно было только протянуть руку, чтобы достать камень.

У начала скрипучей лестницы, ведущей на второй этаж постоянного двора, стояли Конан и Элаши и негромко разговаривали с хозяином.

— Мои постояльцы, видимо, занимаются... делами интимными, — сказал хозяин. Но при этом он потер пальцами, словно ощупывая невидимую монету. Как бы отвечая ему, Конан опустил свою правую руку и коснулся рукояти меча. В словах не было больше необходимости — хозяин понял смысл жеста.

— М-м-м... третья дверь от конца, слева по коридору. Он... он там с женщиной.

— Возвращайся к своим делам, — посоветовал Конан.

Когда хозяин исчез, Конан начал подниматься по лестнице. Элаши последовала было за ним, но он жестом остановил ее:

— Нет. Я сам расправлюсь с убийцей моего друга.

— Но Талисман Света...

— Меня не интересуют магические предметы. Я принесу его тебе, когда все будет кончено.

— Как я могу доверять тебе?

Голубые глаза Конана полыхнули в слабом освещении.

— Я дал тебе слово.

Несколько секунд они молчали, и когда он снова повернулся к лестнице, она осталась на месте. Поднявшись до середины, Конан обнажил меч. Три двери от конца коридора, так? Он осторожно побежал, ступая по половицам так, словно они были из хрупкого льда и он не хотел их сломать.

— Клянусь Бэлом, ты холодна, как зимний ветер!

Туэнн прижалась к лежащему рядом мужчине и сказала:

— Я стояла обнаженной на сквозняке. В этой комнате так дует! Глоток вина согреет меня. Я вернусь через секунду.

— Скорее!

Но то, что было в ее руке, когда она возвращалась, не было ни кружкой, ни кувшином. Гладкий камень удобно лежал в ее ладони.

— Что ты делаешь? Что это? — Он насторожился: что-то в движениях Туэнн выдало ее намерения. Она вывернулась и подняла камень. В этой ситуации Скир мог сделать множество вещей, две-три из них дали бы ему преимущество. Он мог бы, к примеру, соскочить с постели и удрать, он мог бы схватить Туэнн за запястье и побороть ее (ведь ее сила не превышала силу обычной смертной женщины), он мог бы, наконец, просто наклониться и увернуться от удара. Но вместо всего этого он сделал иное. Он вырвал из-под своей одежды спрятанный заранее кинжал. Одним быстрым и рассчитанным движением он вонзил короткое лезвие в живот женщины, погрузив клинок до рукояти, и тут же выдернул, давая крови свободно течь из раны. Туэнн улыбнулась, видя, как удовлетворение на лице врага сменяется выражением ужаса. На месте пореза не выступило ни капли крови, а если бы Скир остался в сознании еще несколько минут, он увидел бы, как края раны затянулись и исчезли, словно ее никогда и не было. Круглый камень ударил шпиона чуть выше уха. Скир покачнувшись, потеряв сознание, мешком обрушился на пол. Туэнн бросила камень и выпрямилась. Она кинула беглый взгляд на лежащего без сознания человека и повернулась к стопке своей одежды.

Конан ударил ногой в дверь с такой силой, что она слетела с петель. Одним прыжком он влетел в комнату. Свет единственной свечи освещал... Кром! Вот это женщина! Она была ослепительна в своей наготе, словно совершенная мраморная статуя. Она повернулась к нему. Прежде, чем она успела заговорить, Конан сказал:

— Не бойтесь, госпожа. Мое дело касается только вашего приятеля. — Конан мечом указал на лежащего. — Он спит довольно крепко, несмотря на весь этот шум.

— Он не спит, великан. Он без сознания. Он хотел... хотел взять меня силой. Мне удалось ударить его по голове. Это ужасный негодяй.

— Да, это правда, госпожа. — Конан, пораженный, не сводил глаз с женщины. Ему и раньше приходилось видеть обнаженных женщин, но ни одна из них не была так прекрасна, как эта. И он был достаточно молод, чтобы при одном взгляде на эту красавицу огонь ярко запылал в его крови.

— Ты спас меня, и я очень благодарна тебе за это, — сказала она. Туэнн улыбнулась Конану и только теперь, казалось, заметила, что все еще обнажена. — Ох...

Конан не считал, что он слишком много сделал для ее спасения, но он конечно же не собирался спорить с красоткой. Она могла быть благодарна ему — он ничего не имел против. Конан опустил меч. Она подвинулась ближе.

— Меня зовут Туэнн. А как твое имя, мой герой?

— Конан. Конан из Киммерии.

— А-а. Один из сильных и бесстрашных людей севера.

Пока внимание Конана было сосредоточено на женщине, его осторожность несколько ослабла. В комнате было окно, прикрытое тонким полотном. И именно в этот момент Скир, лежавший, по общему мнению, в обмороке, удрал. Одним быстрым движением он схватил свои сапоги и нырнул в открытое окно. Выругавшись, Конан бросился за ним и тоже сиганул бы в окно, если бы его не остановил голос сзади:

— Стой!

Конан резко остановился и поднял над головой меч. Элаши стояла в дверях, держа свой собственный меч наготове. И откуда она только добыла его, с любопытством подумал Конан.

— Скир сбежал, — сообщил он, указывая рукой на окно.

— Мне нужен мой Талисман, — проговорила Элаши. — Отдай его мне.

— У меня его нет... — начал было киммериец.

— Отдай мне его сейчас же или я выпотрошу тебя, как свинью! — Она наступала на него, размахивая мечом. Женщина или нет, но Конан не был человеком, который равнодушно относился к подобным угрозам. Он встал в

боевую позицию и приготовился отразить атаку. Одновременно краем глаза он заметил, что женщина, которую звали Туэнн, скорчилась в углу, одеваясь. Он сосредоточил все свое внимание на Элаши: Туэнн не представляла для него угрозы, в то время как эта ненормальная девица из пустыни вполне могла наломать дров.

— За моего отца! — выкрикнула Элаши и бросилась на него с мечом в руке.

Он парировал ее удар, не переходя в наступление. Кем бы она ни была, она вряд ли могла считаться хорошим фехтовальщиком. Ее равновесие и баланс были слабыми, выпады — неуклюжими, а движения порой просто смешными. Конан позволил ей нанести еще два удара, прежде чем клинки скрестились. Удар был настолько силен, что меч вылетел из ее пальцев и упал со звоном на пол. Элаши бросилась на киммерийца, очевидно, собираясь разорвать на части голыми руками, и ему пришлось быстро отвести в сторону меч, чтобы ненароком не поранить ее.

— Хватит, — сказал Конан. — Я сдаюсь.

— Не вздумай валять со мной дурака, варвар!

— Нет, Элаши. Я не враг тебе, хотя ты и отказываешься понимать это. Вспомни — Скир удрал без одежды. Если у него и был твой Талисман, он должен остаться здесь.

Она выпрямилась.

— Очень хорошо. Ну и где же он?

— Возможно, Туэнн видела его... — Великан-киммериец запнулся на полуслове. Куда подевалась прекрасная женщина?

— Если ты говоришь о плуток, то она уже ушла.

Конан подошел к куче одежды, оставленной Скиром. Он видел мельком кошелек, который лежал среди вороха материи, когда он вошел в комнату. Но теперь его не было на месте, он исчез, пропал, испарился.

— Ну? Где же он?

— Похоже, Туэнн забрала его, — сказал Конан.

— И ты так просто дал ей возможность сделать это?

— Это была ты, ты начала всю эту суматоху, — ответил он. — Если бы ты не ворвалась сюда со своим дурацким

мечом, у нас был бы и Скир, и Талисман. Теперь же у нас нет ни того, ни другого.

— Твой талант констатировать очевидное просто изумителен, Конан. Теперь нам нужно найти их обоих. — Элаши повернулась и быстрыми шагами вышла из комнаты. Конану оставалось только пожать плечами. Женщины. Сможет ли мужчина когда-нибудь их понять?

Глава 6

Если какое-то количество вина и оставалось еще в его крови, свою способность одурманивать разум оно уже потеряло. Нет, холод этой ночи, касавшийся его кожи, избавил бы его от опьянения даже без головокружительного прыжка с низкой крыши постоянного двора на весьма твердую землю. Его голова раскалывалась от удара, который нанесла ему женщина (женщина-зомби, поправил он сам себя) каким-то тяжелым предметом. Но хуже всего было то, что он потерял Талисман Света. Скир терялся в догадках. Женщина была зомби, это очевидно. Он достаточно насмотрелся на этих созданий во дворце Нэга, чтобы разбираться в таких вещах, и чувствовал себя последним дураком, что не узнал ее сразу. Что касается великана-варвара, то его Скир узнал. Он видел этого парня еще в храме Облатов. Несомненно, это был пес, посланный жрецами. К тому же этот варвар сумел разобраться в оставленных Скиром следах.

Плохо дело. Итак: собака, бегущая по его следам, и женщина-зомби. У одного из них был теперь Талисман, и ему нужно было узнать, у кого именно, а потом отобрать его обратно. У Скира не было ни малейшего желания самому становиться одним из зомби Нэга, а его провал, вне всякого сомнения, приведет именно к этому. Это само по себе неприятно, но страшный переход между этими двумя состояниями ужаснее всего. Нэга никогда нельзя было обвинить в милосердии к жертвам.

У Скира была теперь кое-какая одежда. Веревка с сушившимся бельем предоставила ему грубую рубашку

из холста и штаны, а мастерская сапожника, в которой был плохой замок, — новые сапоги, почти подходившие по размеру. Еще один набег на лавку купца снабдил Скира коротким мечом с ножнами и банкой соли. В этой соли не было никакой магической силы, однако сейчас это было все, на что он мог рассчитывать. Он смешал соль с водой, растворив ее в банке, — эта смесь могла остановить зомби, если Скиру придется с ней встретиться. Сильный соляной раствор сможет парализовать зомби на короткое время. Вполне достаточное для того, чтобы отобрать у нее Талисман и удалиться на расстояние нескольких часов скачки, прежде чем живой мертвец придет в себя. Если только Талисман и в самом деле был у нее. Вполне возможно, что он был у воина-варвара, что создавало совершенно другие проблемы. Но и варвар должен иногда спать. Скир же забудет об этом удовольствии, чтобы спасти свою шкуру. Итак, первым делом нужно было выяснить, у кого на руках находится Талисман. Варвар, вне всякого сомнения, вернется с ним в монастырь Суддах-Облатов, чтобы получить свое вознаграждение. Поэтому он должен идти по тому же пути, по которому Скир вошел в деревню. Что касается зомби... ну что ж, кто может сказать, о чем думает мертвая женщина? Если она была одной из служанок Нэга, она должна была прийти с Востока, в отличие от него, пришедшего с Запада. Но какого черта она вообще явилась сюда? Неужели Нэг прислал ее, не доверяя способностям Скира? Скир не мог полностью сбрасывать со счетов такую возможность, но, по большому счету, такой поступок вряд ли имел смысл. Если ей нужен был Талисман... тогда она, вероятно, постаралась бы избежать жрецов, зная, что они тоже охотятся за Талисманом. Поэтому ей нужно было уходить в противоположном направлении.

Итак, кто же? Зомби или варвар? По правде говоря, ни один из них не привлекает Скира. Но третий вариант, в котором он должен был столкнуться с гневом Нэга, привлекает его еще меньше. И если он сделает непра-

вильный выбор, столкновение с Нэгом станет неизбежным. Ну что ж. Поскольку и зомби и варвар — оба охотились за Талисманом и оба были в той комнате, где он находился, Скир мог быть почти уверен в том, кто же победит в таком случае. Хотя он был хитер и умен, но даже он был обманут этой женщиной. Какой же шанс был у какого-то варвара против жестокости и ума такой красавицы?.. Очень маленький, а то и вовсе никакого, решил он. Ну, что ж, тогда он пойдет на восток. Разыскивая тропу, ведущую из деревни на восток, Скир украл лошадь. Если зомби идет пешком, он догонит ее еще до заката солнца.

Туэнн держала Талисман Света в толстой кожаной сумке, так, чтобы даже случайно не коснуться его. Она чувствовала его силу, слышала мистический, таинственный зов, вызывающий желание коснуться его и освободиться, но ее решение оставалось твердым. Нет, только тогда, когда она освободит остальных из их оков, только тогда она получит свободу для себя. А до этого момента она не имеет права внимать магическому зову.

Вмешательство Конана и этой женщины, которая явно была в сговоре с ним, были для Туэнн почти катастрофой. Ей просто повезло, что она сумела спастись. Судя по всему, не только она искала Талисман Света, и ей не просто будет сохранить его, пока он не перестанет быть ей необходимым. Ей было безразлично, кому он достанется после этого, — лишь бы не Нэгу... Ей было просто невыносима мысль, что ее снова позовут (нет! прикажут вернуться) из Серых Земель.

Туэнн шла обратно той же дорогой, по которой пришла сюда, и ночь и холод окутывали ее морозным покрывалом. Она устала, но ни одно живое существо не могло бы испытывать подобное чувство, и ей не нужны были ни еда, ни сон. Смертный преследователь должен был бы остановиться, чтобы отдохнуть и поужинать, теряя драгоценное время.

Туэнн продолжала идти в темноте, впервые за эти сто лет чувствуя надежду на спасение, надежду на будущее.

— Нам нужно идти на восток, — сказал Конан.

— Понимаю, — отозвалась Элаши. Киммериец взглянул на нее. До этой минуты она отчаянно спорила со всеми его решениями. Он не спросил ее, почему она вдруг согласилась с ним, но Элаши ответила ему сама.

— Любой, кто пойдет на запад, столкнется со жрецами и угодит в ловушку. Это мы всегда успеем проверить. Любой, кто захочет убраться отсюда, направится на восток, и вот тут-то мы их и перехватим.

— М-м-м, — отозвался Конан, соглашаясь с ее логикой. — На рассвете.

— Да, а пока мы вполне можем воспользоваться комнатой, которую Скир оставил нам. Ты будешь спать там, — она указала рукой на угол и бросила ему одеяло. — Я буду спать здесь.

Конан пожал плечами. Элаши растянулась на постели, в то время как молодой гигант направился в указанный ему угол. Но когда он уже начал погружаться в сон, девушка вновь заговорила:

— Ты думаешь, что она была красивой?

Конан очнулся от дремоты.

— Кто?

— Эта женщина. Туэнн — кажется, так ты ее назвал.

— Да.

— Ты так считаешь? У нее такая мертвенно-бледная кожа, а ты все-таки считаешь ее красивой?

— Да.

— Мужчины!

Конан ожидал продолжения разговора, но его не последовало. Тогда он снова пожал плечами и погрузился в глубокий сон.

Когда начало светать, Скир по-прежнему шел по тракту на восток. Он не раз рисковал свернуть шею себе и своему коню, оставляя тропу, чтобы срезать угол по обрывистому склону. Но ему повезло: у его лошади все еще были целы все четыре ноги и наконец его риск был вознагражден! Скир залег в ожидании у толстой ели, оставив коня привязанным в стороне от укрытия, где его не было видно. Шаг зомби был медленным, но уверенным, и было похоже, что она обращает мало внимания на окружающее. Скир открыл банку с солью и теперь держал ее наготове. Скоро... Скоро...

Туэнн появилась совсем рядом, в нескольких шагах от него. Одним быстрым прыжком Скир подскочил к ней и молниеносным движением опрокинул банку с солью. Она вскинула руку, стараясь отбиться от этого неожиданного нападения, но этот жест не помог ей. Едва жидкость коснулась Туэнн, она замерла, одеревенев, и упала на землю, как кусок сухого дерева. Скир подошел к неподвижному телу, наклонился и вырвал свою сумку из ее руки. Он засмеялся:

— Это научит тебя не вмешиваться в дела Скира, дохлая сучка!

Он взглянул на нее, беспомощно лежащую на пыльной дороге. Она слышала и видела его — он знал это, но она не могла сделать ни одного движения. Он поразмыслил: не закончить ли ему сейчас то, чего он так желал ранее, на постоялом дворе. Она не смогла бы сопротивляться, но теперь у него не было интереса к ее прелестям... Хотя, с другой стороны, на то, чтобы раздеть ее, у него уйдет всего несколько секунд... Нет. Он один раз уже чуть не потерял Талисман подобным образом, и за это недолгое время преследователи могли оказаться много ближе к нему, чем Скиру этого хотелось. Жаль, но жизнь свою он ценил много больше, чем любую женщину, независимо от того, насколько она была красива. Богатство и десятки красавиц ожидали его в самом ближайшем будущем, здесь же было всего лишь минут-

ное удовольствие в сочетании с большим риском. Скир повернулся и направился в своей стреноженной лошади.

— Прощай, девочка! — Его смех эхом отозвался в роще деревьев.

Солнце поднялось и осветило неподвижное тело, но тепло небесного светила было слабым, а лучи не могли пробиться сквозь пелену облаков. Вот уже несколько часов Туэнн пыталась пошевелиться, но не могла даже вздрогнуть. Она снова собрала всю свою силу... Ее рука, покрытая коркой подсыхающей соли, дрогнула и шевельнулась. Это было едва заметное движение, почти что дрожь, но оно означало, что эффект соленой воды начинает проходить. Скир был, конечно, уже далеко, но как только она снова получит возможность ходить, она последует за ним. Ее цель была для нее ВСЕМ.

Конан первым заметил женщину. Она сидела прямо посреди дороги, что было очень странно. Конан обнажил свой меч, и Элапи сделала то же самое (меч, как она наконец призналась Конану, был стянут ею у пьяницы в общем зале постоялого двора). Скорее всего, ему еще предстояло проснуться, чтобы обнаружить свою пропажу. Урок воровства, который Конан взял себе на заметку. Любой, кто мог позволить украсть свой меч с такой легкостью, скорее всего, не слишком в нем нуждался.

Туэнн, должно быть, услышала шаги — она повернула голову, но даже не попыталась встать.

Быть может, женщина ранена? Что ж, тем лучше, подумал Конан, но не для нее. Он навис над сидящей женщиной. Шевельнув для наглядности мечом, он сказал:

— Ты отдашь нам сумку Скира вместе со всем, что в ней находится.

Туэнн внезапно заплакала. Ее тело содрогалось от рыданий, слезы проложили грязные дорожки на гладкой коже. Она рыдала, как ребенок, потерявший мать. От неожиданности Конан отступил на шаг, опустив меч.

— Подожди, девочка, что ты? Что случилось?

Женщина продолжала плакать. Ее плач был не очень громким, но она явно была в большом горе.

— Перестань! — сказал киммериец, чувствуя себя крайне неловко. — Никто не причинит тебе зла. Мы хотим только...

— Да замолчи ты, глупый варвар! — воскликнула Элаши. Она уже вложила свой меч в ножны и теперь склонилась над плачущей женщиной, обняв ее. Туэнн уткнулась лицом в ее грудь, продолжая тихо всхлипывать. Элаши погладила ее темные волосы и мягко прошептала:

— Ничего, ничего, все будет хорошо. — Повернувшись, она гневно уставилась на Конана. — Видишь, что ты наделал?

— Я? Да что я такого сделал?

— Да, ты. Ты и твои дурацкие угрозы.

Гнев охватил Конана, однако он не знал, на кого его выплеснуть. Ему хотелось проткнуть кого-то или что-то своим мечом, но вот кого? Или что?.. Плачущую женщину, которую успокаивает другая? Он повернулся и пошел по краю дороги, тихо надеясь, что кто-нибудь выскочит и нападет на него. Медведь, волк, демон — все равно. Но никто, однако, не показывался, и раздражение Конана, не находя выхода, усилилось. Через несколько минут Элаши окликнула его:

— Конан! Иди сюда. Тебе нужно услышать это.

Туэнн перестала плакать и с помощью Элаши стала на ноги. Конан увидел, что ее одежда покрыта какой-то белой пудрой.

— У меня нет Талисмана, который вы ищете, — начала она. — Тот, кого вы называете Скиром, следовал за мной и отобрал его.

Конан заскрипел зубами. Всем нужен этот проклятый Талисман!

— Я должна добыть его, — сказала Туэнн.

— Зачем?

Она повернулась, чтобы ответить на вопрос киммерийца.

— Он нужен мне, чтобы я смогла умереть.

Когда Туэнн закончила свой рассказ, Конан не знал даже, что сказать.

— Так ты что, в самом деле зомби?

— Я умерла больше ста лет назад, — ответила она. — Но мне не разрешено занять мое настоящее место в Землях Мертвых. Как и десяткам других, которых держат на цепи, в рабстве. Это все Нэг...

— Этот Нэг заслуживает смерти, — проворчал Конан.

— Если он получит Талисман Света, то сможет поднять целую армию мертвецов из могил. И можно не сомневаться, что он использует свое могущество для того, чтобы причинить еще больше зла.

Конан пожал плечами:

— Это не моя забота — вмешиваться в дела колдунов. Я должен вернуть долг, отплатить за Сенгха, вот и все.

— Мы должны помочь ей, — сказала Элаши. Ее голос был твердым и решительным. Конан промолчал, зная, что она и так объяснит ему свою мысль. Она всегда это делала. Элаши не разочаровала его и на этот раз. — Мы схватим Скира и получим Талисман Света. Потом мы отправимся к гробницам, где содержатся остальные пленники-зомби, и освободим их. И Туэнн тоже. Ты, — она кивнула на Конана, — сможешь тогда разделаться с Нэгом, а я заберу Талисман и верну его в наше племя.

Юный гигант покачал головой. Элаши фыркнула:

— Ты что, видишь недостатки в моем плане? Он что, недостаточно прост для тебя?

— Он более чем прост, — ответил Конан.

— Тогда в чем дело?

Конан подумал с секунду. Он действительно хотел посчитаться со Скиром, а так как убийцу подослал Нэг, планы Конана распространялись также и на Нэга. План был достаточно прямым (и это тоже привлекало Конана), вот только... м-м-м... мысль о том, чтобы путеше-

ствовать с двумя женщинами... Это могло бы крайне осложнить все предприятие.

— Ну? — требовательно спросила Элаши.

— Нет, ничего, — ответил он. — Мы попробуем осуществить твой план.

— Я не вижу, как он может не сработать, — сказала Элаши.

Конан благоразумно решил промолчать.

Зима дала почувствовать свое холодное присутствие. Началась метель, порывы воющего ветра швыряли снег до самых горных вершин. Сразу потемнело, из-за снега и облаков видимость сузилась до десяти шагов. Конан знал, что делать в такую погоду. Он начал быстро срезать ветки с ближайшего дерева, устраивая шалаш. Через час убежище для троих было уже готово, а перед входом в шалаш горел небольшой костер, согревая путешественников, сидящих на пружинистых еловых лапах.

— Сколько мы просидим здесь? — спросила Элаши.

— Пока метель не утихнет.

— У нас в пустыне такого не бывает. Сколько это будет длиться?

Конан покачал головой:

— Час, день, три дня... Одним богам это известно.

— Но Скир успеет убежать!

Прежде чем Конан успел ответить, Туэнн мягко сказала:

— Вряд ли. Если вы не можете идти в такую погоду, то и он не сможет это сделать.

Элаши воззрилась на бледнокожую женщину.

— А ты что, можешь идти в такую метель?

— Да, только медленно. И мне будет... холоднее, чем обычно.

Женщина пустыни вздохнула:

— Ну что ж, я полагаю, нам остается только ждать и надеяться, что мы не потеряем его след.

— Я всегда смогу найти то, что он носит с собой, — сказала Туэнн. — Он может убежать, может скрыться. Но только не от меня.

Холод в ее голосе коснулся Конана, как кусочек льда, он был холоднее пронзительного ветра, воющего вокруг них. Туэнн была прекрасна, нет сомнений, но она также была существом, с каким киммерийцу еще не приходилось сталкиваться. Она не выглядела опасной, но в том, что она могла быть такой, юноша не сомневался. Конан подбросил дров в костер, но так и не смог избавиться от холода, охватившего его от этих мыслей.

Удача Скира перешла в не-слишком-хорошее-положение. Когда началась метель, он пришпорил лошадь в надежде обогнать непогоду и найти убежище. Но когда снег покрыл землю, Скир потерял тропу. Его лошадь споткнулась и сбросила его на землю. К счастью, толстый слой снега смягчил удар, и он отделался легкими ушибами. А вот лошадь, к несчастью, сломала ногу. Скир понял, что застрянет здесь, пока не кончится метель. Ну что ж, подумал он, извлекая меч из ножен и приближаясь к бьющейся на снегу лошади, голодать ему, во всяком случае, не придется.

Глава 7

Два дня и две ночи била метель землю своими ледяными кулаками. На рассвете третьего дня солнце наконец осветило землю, и его теплые лучи отражались на ослепительно-белом полотне снега. Решительно вовремя, подумал Конан — они только что прикончили последние припасы. Пока вокруг бушевала метель, киммериец не сидел без дела. Своим киялом он вырезал из дерева три пары коротких лыж. Снежный буран, конечно, не пощадил дорожку, а ночные морозы сковали ее поверхность льдом, но он был недостаточно прочным, чтобы выдержать человека. Конан собирался запастись и провизией, но, увы, пока свирепствовала метель, он ничего не мог

сделать... Так что за эту работу взялась Туэнн, которая не нуждалась в пище. Ей удалось выкопать из-под снега несколько жестких толстых корешков, которые жевали Конан и Элаши. Киммерийцу не слишком нравилось это блюдо (он начинал чувствовать себя чем-то вроде белки), но большого выбора у него не было. Заячья еда все же лучше, чем никакой. Впрочем, метель уже сделала свое дело, и им пора было выступать. Но Элаши продолжала колебаться:

— Как мы пойдем? Мы же провалимся в снег по грудь!

— Нет, — ответил Конан. — С этими птуками, — он махнул рукой в сторону лыж, — мы сможем идти по снегу, не проваливаясь, если, конечно, будем осторожны.

Так оно и вышло. Киммериец повел свой маленький отряд по бывшей дороге: он слегка погружался в снег, но лишь самую малость, и от его шагов в воздухе раздавалось едва слышное шуршание. Конан был высоким, тяжелым мужчиной, и если уж снег выдерживал его вес, то Туэнн и Элаши и вовсе можно было не бояться. Правда, скорость такого передвижения оставляла желать лучшего.

Дыхание молодого киммерийца паром клубилось в воздухе, когда он брел по тропе, похороненной под несколькими метрами снега. Скорее всего, и Скиру приходилось сейчас туговато, если, конечно, он не прошел тропу до того, как начался снегопад. Конан, впрочем, надеялся, что этого не случилось. А с другой стороны, вору и убийце Скиру не было необходимости принаравливаясь к темпу передвижения двух женщин...

В тот миг, когда трое преследователей снова отправились в погоню, Скир сидел не шелохнувшись: завернувшись в одеяло рядом с огоньком небольшого костра, он готовился к магическому контакту с Нэгом. Он хорошо поел, но его движение замедлилось из-за снегопада и гибели лошади. И ему нужно как можно скорее оправ-

даться перед Нэгом, иначе может нездоровиться. Скиру было нелегко развести свой костер. Но делать было нечего — Скиру было необходимо согреть кусок конины. Само мясо было ему не нужно, а вот теплая кровь была основной частью заклинания. Использовать свою собственную кровь Скиру вовсе не хотелось, хотя это было надежным запасным вариантом.

В воздухе замерцало прозрачное зеркало. Контакт между Скиром и его повелителем был установлен.

— ГОВОРИ.

Лучше всего начать с самого главного, решил Скир.

— Я задержался из-за снежного бурана, мой повелитель. Моя лошадь пала, и мне потребуется время, чтобы раздобыть новую. Если мне это вообще удастся в этих местах.

— У ТЕБЯ ЕСТЬ ТО, ЧТО МНЕ НУЖНО?

— Да, господин. Я сделаю все, чтобы доставить это к вам как можно скорее.

— ТАК И ДОЛЖНО БЫТЬ. НЕ ТЕРЯЙ ВРЕМЕНИ.

— Слушаюсь, повелитель.

Скир почувствовал, что его контакт с Нэгом прервался, и содрогнулся от той дьявольской силы, которая все еще вибрировала в его душе. Лучше не давать Нэгу поводов для недовольства, не то его страшная сила обрушится на него, как уже не раз на глазах Скира обрушивалась на других. Как повелитель, колдун был щедр к тем, кто служил ему хорошо. Что же касается тех, кто служил не столь успешно... впрочем, о них лучше не вспоминать.

Вор постоял, разминая затекшие мыщцы, потом несколько раз взмахнул руками, чтобы восстановить циркуляцию крови. Лучшее, что он может сделать, — это неукоснительно следовать полученному приказу и не терять напрасно времени.

— Ты знаешь эту тропу? — спросил Конан.

Туэнн кивнула.

— Да. Мы часто ходили к четырем горным пикам, их называют Маска Смерти. В одной из долин между ними лежит Опкофард, город тайны. Я никогда его не видела, о нем даже говорить предпочитают шепотом.

— Как ты думаешь, может наш враг направиться туда? — спросила Элаши.

Туэнн покачала головой.

— Не думаю. Самый короткий путь — прямо. У него нет причин уходить в сторону.

— Тогда, быть может, мы еще успеем догнать его, — проговорила Элаши.

Конан решил не высказывать своих сомнений по этому поводу, например о том, что у Скира была лошадь, в то время как у них ее не было. В одиночку, бегом, он мог состязаться с конем. Однако с этими двумя, мрачно подумал Конан, их шансы догнать беглеца весьма сомнительны.

Через час ходьбы они обнаружили брошенный лагерь Скира. Найдя останки несчастной Скировой лошади, киммериец порадовался, что не стал раньше времени высказывать свои сомнения. Задняя левая нога животного была сломана, хотя не это послужило причиной его смерти. Хотя хищники уже очистили от мяса тушу коня, Конан обратил внимание на перерубленный (очевидно, мечом) позвоночник несчастного животного. Скир убил своего коня, когда тот сломал ногу, догадался киммериец. И съел изрядное количество мяса, надо полагать. Но главное — теперь их скорости уравнились. Ну что ж, вот и им улыбнулась наконец удача.

— Возможно, Скир все-таки свернет к этому Опкофарду, — сказал Конан. — Если, конечно, он не хочет пройти оставшуюся часть пути пешком. Быть может, мы сумеем настичь его там. Или, по крайней мере, раздобудем коней для себя.

— У тебя есть деньги для такой покупки? — поинтересовалась Туэнн.

Конан улыбнулся.

— Нет. Но я уже начал понимать, что это далеко не всегда можно считать препятствием.

Когда ступились сумерки, тройка путешественников выбралась наконец на свободное от снега место. Вряд ли Скир мог идти быстрее, удирая от них. Конан быстро набрал хвороста и веток с сухого дерева.

— Нам нужно развести костер, — сказал он.

Элаши, по своей милой привычке, едко спросила:

— Почему ты так спешишь, Конан? Неужели ты так сильно замерз?

Как бы отвечая на ее слова, издали донесся вой, эхом отражаясь в сгущающихся сумерках. Через несколько мгновений вой подхватил второй, затем — третий зверь. А еще через мгновение воздух задрожал от дикого воя кошмарных созданий. Элаши повернулась к Туэнн, помогавшей Конану собирать топливо для костра.

— Волки, — сказала Туэнн просто. — Или и того хуже.

— Хуже?

— Не исключено, что это даир-волки. Или же те, кого коснулось колдовство «вер».

— «Вер»? — переспросила Элаши. — Это еще что такое?

— Вервольфы. Люди, которые в полнолуние, когда колдовские силы обретают наибольшее могущество, превращаются из людей в магических существ. Они выглядят, как волки, и ведут себя, как волки, но они умны, как люди, и обычным оружием их не убить.

Элаши вздрогнула. Через несколько секунд она придвинулась ближе к Конану, срывая сухие ветки с мертвого дерева. Как только костер, весело потрескивая, разгорелся, Конан почувствовал себя увереннее. Обычные звери боялись огня. Если же твари, что были в темноте, не были обычными зверьми, то он будет надеяться на свой меч. Кром дает своим сыновьям мужество, а в том, что сильная рука и острый

меч смогут отделить голову проклятой твари от ее туловища, Конан не сомневался.

Но, честно говоря, он предпочел бы не проверять это. Прежние столкновения с колдовством оставили у Конана весьма неприятные воспоминания, и ему не хотелось больше связываться с этим.

Звериный вой подбирался все ближе и ближе. Конан с усмешкой отметил про себя, что обе его спутницы, кажется, с гораздо большей терпимостью относились к нему сейчас, чем раньше. Наклонившись вперед, чтобы подбросить дров в костер, он обнаружил, что обе женщины с двух сторон прижимаются к его бедрам. Он улыбнулся, но эта легкая улыбка относилась больше к нему самому и потому была почти незаметна. Что ж, в этом ночном шуме были свои преимущества... Конан широко развернул свой плащ.

— Закутайтесь в него, — предложил он женщинам, — так мы сможем согреть друг друга своим телом.

На самом деле огонь, трещавший всего в нескольких шагах от них, давал достаточно тепла, но несмотря на это и Элаши и Туэнн с явной охотой последовали совету киммерийца. Справа сидела Элаши, действительно излучая тепло, но Туэнн, сидевшая слева, казалась мраморной статуей в зимнем саду. Ее тело было мягким, но удивительно холодным.

Желудок Конана бурчал от диеты из корешков, которыми он питался последнее время. Тепло костра и соседство двух прекрасных женщин расслабили киммерийца, и он незаметно для себя заснул.

Его разбудил торопливый шепот Туэнн:

— Конан!

Голубые глаза киммерийца мгновенно раскрылись, и он увидел чудовище, стоящее в десяти метрах от него, напротив потухающего костра. Это создание было похоже на волка, но по размерам приближалось к лошади, а его белая шерсть почти сливалась с окружающим снегом. Чудовище оскалило зубы, и в туск-

лом свете догорающего костра они блеснули, будто слоновая кость. Конан почувствовал, как Элаши зашевелилась рядом с ним.

— Будь готова подбросить хворост в огонь, — прошептал он ей. — Я хочу проверить, смогу ли я напугать зверюгу.

Даир-волк подошел ближе, напряженно и пристально наблюдая за Конаном. Внезапно Конан вскочил на ноги и взмахнул своим мечом.

— Хо, волк! — громко крикнул он. Его низкий голос гулко прозвучал в тишине ночи.

Волк отпрыгнул метров на пять назад, ошеломленный, но тут же остановился и вновь оскалил зубы. Конан, не поворачивая головы, спросил:

— Туэнн, как ты думаешь, это может быть то магическое существо, о котором ты нам говорила?

— Вокруг него не распространяется магическая сила, так что вряд ли это один из них.

— Хорошо. Разожги костер побольше, на случай, если он здесь не один.

Волк зарычал — глухо, угрожающе. Его губы раздвинулись, обнажая клыки, каждый — длиной в палец, шерсть на загривке зверя встала дыбом. Медленно, очень медленно он сделал шаг к Конану. Киммериец крепко сжал ладонью рукоять меча, не слишком сжимая ее, чтобы излишнее напряжение не замедлило его реакции, и начал описывать круг, уходя вправо. Волк точно следовал его движениям. Рычание стало громче. Конан видел, как зверь сжимается в комок, готовясь к прыжку. Волк прыгнул, метая в горло Конана. Киммериец гибко ушел влево, в сторону от прыгнувшего зверя. Он взмахнул над головой своим длинным мечом, словно был дровосеком, рубящим топором дерево, но плечи держал опущенными, как учили его когда-то. Скорость волка была обманчивой. Казалось, что он двигается медленнее, чем это было в действительности. Если бы волк приземлился там, где рассчитывал Конан, удар меча отсек бы ему го-

лову. Но вместо этого остро наточенное лезвие встретило лишь хвост зверя, одним ударом отрезав его. Взыв, волк закрутился на месте. И вот он снова взвился в воздух, намереваясь вонзить зубы в бедро Конана, но сумел поймать лишь плащ киммерийца. Рыча, он рвал клыками ткань, мотая головой во все стороны. Конан уже понял свою ошибку, так что второй его удар был куда более точен. Меч пропел в морозном воздухе холодную песню железа и крови, и клинок обрушился на шею даир-волка. Победа досталась человеку и закаленному металлу. Голова зверя, качнувшись, отвалилась от туловища, упав на снег с глухим, мокрым звуком. Прошло мгновение, прежде чем обезглавленное тело волка осознало свою судьбу. Последним, инстинктивным усилием тело прыгнуло вперед, опрокинув Конана в снег и разбрызгивая кровь над упавшим человеком. Туэнн и Элаши бросились к киммерийцу, выкрикивая его имя. Юный гигант присел на корточки и отпихнул в сторону труп волка, еще больше перемазавшись при этом кровью. Над дымящейся кровавой лужей поднимался пар, застывая в морозном ночном воздухе.

— Пустяки, — сказал Конан, поднимаясь на ноги. Обе женщины ошеломленно уставились на него. Даже Туэнн, которая, надо полагать, навидалась за свою жизнь разного рода невероятных вещей, казалась пораженной тем, что Конан все еще жив.

— Одолжи мне свой нож, — сказал Конан Элаши. — Быть может, мех этого зверя что-то стоит.

Впервые не найдя, что ответить, Элаши молча протянула ему свой нож. Конан попробовал острие ножа на ноготь и, найдя его удовлетворительным, принялся снимать с волка шкуру. Волку она была уже не нужна. У Конана не было возможности как следует обработать шкуру, но ведь у волка-то были еще и мозги (в которых он, кстати, тоже уже не нуждался). Если

втереть их в основание меха, это сможет предохранить его от порчи до того момента, пока шкуру не обработают по-настоящему.

Глава 8

Нэг резко размахнулся и, словно бичом, хлопнул ладонью по лицу стоящего перед ним человека. Тот смотрел на колдуна невидящим взором, ни тени боли или хотя бы интереса к происходящему не промелькнуло в его глазах. Это был один из Безглазых, и в его стеклянных зрачках плясали крошечные серые облака — единственное движение на этом лице.

— Она пропала одна? — требовательно спросил Нэг. Фигура кивнула, и этот жест был почти поклоном. — Тогда ты заменишь мне ее.

При этих словах безглазый человек проявил некоторые эмоции. Отступив на шаг назад, он умоляющим жестом поднял руки вверх. Нэг улыбнулся. Он махнул рукой, и еще двое слепых слуг мягко подошли к обреченному. Они схватили его за руки. Какое-то мгновение казалось, что он собирается сопротивляться. Внезапно борьба стихла, словно человек (в конце концов, когда-то он **БЫЛ** человеком) осознал бессмысленность и бесполезность своих действий.

— Уведите его в темницу. Убейте его.

После того как трое слуг ушли, Нэг подошел к зеркалу и взглянул в него. Куда же ты пропала, Туэнн? Похоже, ты вышла за пределы моей власти, потому что я не чувствую твоего присутствия. Тебя нет ни в мире живых, ни в мире мертвых. Может быть, ты в Промежуточных Землях? Да, там я не смог бы тебя отыскать, но каким образом тебе вообще удалось покинуть мой замок, прекрасное дитя ночи? Отражение Нэга невозмутимо смотрело на него, и лицо это было маской невозмутимого равнодушия, скрывавшего любое проявление эмоций. Плохо твое дело, брат, казалось, говорило отражение, если уж кто-то из твоих покорных слуг сумел выйти

из-под твоей власти. Такого никогда не случалось прежде. Быть может, чья-то невидимая сила вмешивается в твою игру? Неужто какой-то бог-шутник решил сыграть с тобой дьявольскую шутку по ему лишь известным причинам?

Нэг отвернулся от зеркала, раздраженный этими вопросами. Ответа на них он не знал. Туэнн исчезла, какой бы ни была причина, и это было все, что он знал. Хорошо. Он справится и с этим делом. Туэнн была его любимой рабыней, и он вернет ее. Кроме того, существовала опасность, что из-за нее кто-нибудь мог слишком много узнать о делах Нэга. Маловероятно, что кто-нибудь проникает о ее побеге, но если кто-то все же узнает об этом, он сможет навредить власти Нэга, его могуществу. Нужно найти эту женщину и вернуть ее как можно скорее.

Нэг хлопнул в ладоши. Немедленно перед ним появился один из слепых жрецов. Реакция его была настолько быстрой, что можно было подумать, будто он услышал хлопок раньше, чем ладони Нэга коснулись друг друга. Возможно, так оно и было — жрецы имели куда более острый слух, чем простые смертные.

— Иди и найди мою рабыню, ту, которой позволил спастись один из твоих братьев. Возьми с собой пять братьев и уходи. И не возвращайся без нее.

Безглазые поклонились и быстро выпли, шурша своими широкими плащами. Отлично, подумал Нэг. Этот счет скоро будет оплачен. Невозможно было найти кого-нибудь упорнее Безглазых. А вот когда прекрасную Туэнн притащат сюда, он доставит себе удовольствие придумать ей подходящее наказание. Что-нибудь хитрое и эффективное. Пока же он должен ожидать, пока ему принесут Талисман Света. Если его принесут раньше, чем жрецы схватят Туэнн, это закончит все дело. С могуществом Талисмана он без труда отыщет ее, куда бы она ни спряталась — хоть в Промежуточных Землях! Его могущество не будет иметь границ. При мысли об этом Нэг усмехнулся, почувствовав себя очень счастли-

вым. Быть может, еще одна крыса захочет оскалить на него зубы, когда он пойдет по холодным и темным коридорам замка. Это было бы очень приятно. Нэгу очень хотелось снова испытать свой смертоносный взгляд. А когда он изведет всех крыс? Не беда, под рукой всегда будут жители окрестных деревень...

От долгой ходьбы в жмущих сапогах на ногах у Скира вспухли большие мозоли. Он приближался к городу Опкофарду. Временами Скир уже видел отдаленные огни города, по мере того как дорога петляла и извивалась по скалистым горам, и когда он обогнул наконец последний поворот тропы и увидел город, он сразу же забыл о боли в своих усталых ногах. Опкофард был таинственным, довольно-таки страшным городом, о котором говорили многие, но совсем не те, кто побывал в нем. Сам Скир, перешагнув за тридцать вторую зиму, так ни разу и не побывал в этом месте и, надо сказать, так ни разу и не почувствовал в этом необходимости. Глядя на городскую крепостную стену, до которой оставалось не больше часа ходьбы, Скир остро пожелал никогда не попадать сюда. Стена была массивной, того же цвета, что и окружающие город скалы и, скорее всего, была построена из их серого камня. Судить на таком расстоянии о размерах было нелегко, но в ней было не меньше двадцати метров. И зачем это им понадобилось возводить такую высоченную стену? И судя по всему, еще и довольно толстую.

В стене были лишь одни ворота, расположенные прямо перед тропой, по которой шел Скир. В высоту они достигали почти половины стены и на вид были сделаны из какого-то темного материала. Подойдя поближе, Скир понял, что материал этот был железом, покрытым легким красноватым налетом ржавчины. Ни одна армия захватчиков не смогла бы прорваться через такие ворота! Впрочем, ни одна армия не смогла бы даже достичь этих ворот...

Ближе к воротам дорога сужалась, так что теперь на ней вряд ли смогли бы разминуться две телеги. Справа

и слева от тропы зияла пропасть, с острыми камнями внизу. И наконец, перед самыми воротами был небольшой прямоугольный мостик. Мост был подвесным, и когда его поднимали, между воротами и тропой оставалось расстояние в тридцать локтей, открывающее глубокий ров, наполненный водой и готовый поглотить всякого, кто будет настолько глуп, что решит попытаться перепрыгнуть через него. Похоже, жители Опкофарда были не слишком гостеприимны. Любому, кому не будет позволено войти в город, непросто будет сделать это силой.

Трое или четверо стражников ходили взад-вперед вдоль узкого прохода, ведущего к подвесному мосту. Скир оглядел их. Ему не очень хотелось прыгать через ров, одновременно пытаясь увернуться от стрел, пущенных десятком лучников. Нет уж, это занятие для идиотов...

Стражник, стоявший на стене над самыми воротами, должен быть, давно уже заметил приближение Скира, но он не подал и виду, пока тот не окликнул бдительного стража:

— Эй, в городе!

— Да? Что тебе нужно, путник?

— Войти в город, чего же еще?

— Ну это ты так считаешь. А вот какая у тебя для этого причина?

Скир не предполагал, что ему придется сочинять причину для входа в город, но его острый цепкий ум всегда находил выход из подобных ситуаций. Подходя к воротам, Скир заметил нарисованный на камне символ. Это было изображение огромного паука. Скир не верил ни в каких богов, хотя нередко использовал их имена — как правило, в лжеклятвах и ругательствах. Но об этом символе он знал и раньше. Это был Безымянный Бог-Паук, покровитель и божество Изеда, если он не ошибался. Безымянный никогда не привлекал такого количества верующих, как, скажем, Митра, Бэл или даже Сэт, но все же свои последова-

тели были и у него. А то, что его символ был так явно изображен на стене, на которой, кстати, не было больше никаких изображений, без сомнения означало, что он здесь неспроста.

— Ну, прохожий? Или дьявол проглотил твой язык?

— У меня было немало причин прийти сюда, приятель, но главная — желание отдать дань уважения *ТОМУ-У-КОТОРОГО-НЕТ-ИМЕНИ* и который имеет восемь ног.

— Э? Так что ж ты сразу не сказал? Добро пожаловать, паломник, в Опкофард. Да пребудет на тебе благословение Безымянного.

— И пусть он так же отнесется и к тебе, друг мой, — ответил Скир.

И я надеюсь, что он высосет твой мозг через твои глазницы, глупец, подумал вор про себя. Правая створка громадных ворот приоткрылась ровно настолько, чтобы внутрь смог пройти один человек. Ворота скрипели при этом так, что могли бы перепугать и демона. Скир поздравил себя с тем, что его изворотливость вновь выручила его, и вошел в таинственный город, поклоняющийся паукам.

Когда Конан и его спутницы подошли к городским воротам, солнце уже склонилось к горизонту, а тени стали длинными. Киммерийцу и раньше приходилось видеть города, укрепленные крепостными стенами, но с такими могучими заграждениями он еще не сталкивался.

— Эй! — крикнул часовой с вершины стены. — Говорите, кто вы и зачем пришли в Опкофард!

Прозвучавшая в его голосе самоуверенность задела могучего киммерийца. Конан уже было собрался проорать в ответ, что дело, по которому он сюда пришел, касается только его и никого больше, но вовремя сдержал свой порыв. Он легко мог бы вскарабкаться по стене, ведь он был киммерийцем и с детства научился лазать по скалам, но женщины, вполне возможно, не сумели

бы проделать этот трюк с такой легкостью. Но прежде чем Конан решил, что сказать, Туэнн вошла в полосу бледного солнечного света, уже исчезающего в сумерках, и ее бледная кожа, казалось, засветилась изнутри — такой она была белой.

— Открой ворота, — приказала Туэнн.

Конан внимательно наблюдал за стражником. Облизнув свои внезапно пересохшие губы, тот сделал правой рукой какой-то сложный знак в воздухе.

— Да, — ответил стражник, и видно было, что все остатки его самоуверенности испарились. Трудно было сказать, узнал ли он Туэнн, но, несомненно, он увидел в ней что-то, что заставило его поспешно махнуть рукой служителю у ворот. Через секунду ворота приоткрылись с пронзительным скрежетом.

Первое впечатление Конана от Опкофарда было смешанным: до его ноздрей доносился запах жилья, людей, жарящейся еды, нечистот, и все это смешивалось в резкий аромат, неизвестный за пределами цивилизации. На площади перед рядами каменных зданий стояло каменное, высотой в человеческий рост, изображение паука — толстого, крупного чудовища, неуклюже присевшего на восемь толстых ног. Улицы казались достаточно широкими, но бесчисленные переулки, отходившие от них, узко петляли между громадными зданиями из камня.

Маленький мальчик с любопытством уставился на тройку незнакомцев, и Конан окликнул его. Мальчик подошел поближе.

— Ты варвар, да?

Киммериец позволил себе сухо усмехнуться.

— Да, мальчик, многие люди называют меня так. Знаешь, мы тут ищем кое-кого. — Конан описал внешность Скира, но мальчик отрицательно покачал головой.

— Я не видел его. А что это за шкура у тебя на плече?

— Она принадлежала волку, который задавал слишком много вопросов, — ответил Конан. — Ты узнал бы человека, которого мы ищем, если бы встретил его на улице?

— Да, господин.

— Отлично. — Конан повернулся к Элаши. — У тебя есть с собой деньги?

— Да, несколько монет.

— Дай одну мальчишке.

Элаши сунула руку в карман и достала монетку. Она бросила ее мальчику, который ловко подхватил ее на лету. Конан сказал:

— А теперь, мальчик, если ты вдруг увидишь этого человека, сразу же найди меня и ты получишь еще две монеты.

— Я прямо сейчас пойду искать его, господин!

— Нет, подожди. Сколько дорог ведут из этого города?

— В городе всего двое ворот, господин. Эти ворота и еще одни, которые ведут в долину, сжатую горами. Это на севере, там на напих полях растут рожь и пшеница.

— Отлично. Оставайся здесь и карауль, когда этот человек захочет уйти из города. Но сначала помоги мне найти купца, которому я мог бы продать эту шкуру.

Мальчик дал Конану замысловатое пояснение (включаящее в себя с десятков поворотов), и великан-киммериец кивнул, усвоив направление. Он направился к лавке, Туэнн и Элаши шли следом за ним. Как выяснилось, купец содержал свои товары в основном снаружи лавки, под дощатым навесом, выкрашенным в голубую полосу. Когда Конан быстрым шагом вошел в эту палатку, перед ним, словно из воздуха, возник худой, невысокий человек и принялся ощупывать мягкую белую шерсть волка.

— Даир-волк, не так ли? Конечно, мех нужно еще доработать, да и головы у него нет, так что шкура далеко не совершенна... но я, пожалуй, смогу дать вам за нее серебряную монету — я сегодня в щедром настроении.

Туэнн коснулась рукой плеча Конана — словно ледяные иглы впились в кожу. Он повернулся к ней.

— Не меньше, чем пять серебряных монет, — прошептала она. — Белые даир-волки очень редки, он выручит на перепродаже не меньше десяти монет.

Купец был так занят ощупыванием меха, что не услышал этот совет, произнесенный тихим шепотом. Следующая фраза Конана, однако, вывела его из транса.

— Восемь серебряных монет, — сказал киммериец.

Торговец выглядел так, словно ему только что плюнули в лицо.

— Восемь монет? Восемь? Ты сошел с ума? Может, солнце высушило твои мозги? Даже такой щедрый человек, как я, должен будет вырвать кусок хлеба изо рта своих детей, если предложит больше, чем три серебряные монеты за такую заплесневевшую шкуру!

Конан позволил себе еще одну маленькую улыбку. Купцы остаются купцами, где бы они ни жили. Будут торговаться, пока не помрут. Конан пожал плечами.

— Я не хотел бы, чтобы твои дети из-за меня умерли с голоду. Пожалуй, я соглашусь на семь монет и сам буду есть поменьше.

Купец подпрыгнул на месте — он наслаждался этой интеллектуальной беседой.

— Четыре. Четыре монеты — и то мне придется взять деньги из тех, что отложены на мои похороны. Неужели ты допустишь, чтобы человек остался валяться на земле без похорон из-за каких-то серебряных монет?

Конан потер ладонью подбородок.

— Это серьезное дело, купец. И все же, если я возьму меньше, чем шесть монет, подобная судьба будет ожидать меня самого.

Торговец провел пальцами по меху и хитро глянул на Конана. Незаметно для него Конан слегка повернул голову и быстро глянул назад. Несколько мужчин весьма мрачного вида направлялись к лавке купца. У троих за поясом виднелись кинжалы, но мечей или пик не было ни у одного.

— Ты прикидываешься варваром — это хитро придумано, — сказал торговец, — но меня ты не проведешь.

Торговца я узнаю всегда. Пять монет — и это мое последнее слово.

Конан кивнул.

— Ты слишком скользок для меня, господин купец. Я согласен.

Маленький человечек довольно улыбнулся. Он хлопнул Конана по могучему плечу, явно подивившись его мышцам, и тоже кивнул. Сделка состоялась. Но когда пять серебряных монет сверкнули в тусклых лучах заходящего солнца, Конан не забыл о пятерых мрачных людях — они наблюдали за сделкой с повышенным интересом, слишком откровенно для простых прохожих. Похоже, что Элаши и Туэнн тоже заметили их пристальный интерес. Элаши хотела было что-то сказать, но Конан жестом остановил ее.

— Эй, господин купец, — позвал киммериец, — похоже, что эта наковальня лежит явно не на месте.

Купец кивнул.

— Ага. Двое моих ленивых подручных дотащили ее досюда и рухнули. Им понадобится еще несколько дней, чтобы собраться с силами и отнести ее на место.

— А где ты хочешь ее поставить?

— Вон там, у бочки с гвоздями.

— Я передвину ее для тебя.

Произнеся эти слова, Конан подошел к большой наковальне — толстому железному брусу, практически равному ему по весу. Присев на корточки, он обхватил руками брус и встал. Держа наковальню у груди, он повернулся к купцу.

— Кажется, твоя наковальня внутри пустая?

— Пустая? Нет-нет, друг, это сплошное железо, самой лучшейковки.

Конан на вытянутых руках поднял наковальню над головой. Он трижды повторил это упражнение, прежде чем снова опустил свою ношу на уровень груди.

— Ты уверен в этом? А мне-то кажется, что она внутри имеет дырку, наполненную... ну скажем, перышками.

Эта демонстрация силы не прошла незамеченной для бандитов. Внезапно зашевелившись, они сделали вид, что у них есть срочное дело совсем в другом месте. До Конана донесли обрывки их разговора:

— ...клянусь Безымянным, я никогда не видел такой силы...

— ...с этим варваром лучше не связываться...

— ...клянусь Сэтом, вы как хотите, а я своей шкурой рисковать не стану!..

И все пятеро исчезли в одном из переулков так же быстро, как и пришли. Конан подошел к месту, указанному купцом, и поставил наковальню на пол так же мягко, как мать положила бы спящего ребенка.

— Я прогоню своих ленивых слуг, если ты захочешь занять их место.

— Спасибо, добрый купец, но это не по мне. У меня в кошельке лежат сейчас пять серебряных монет, и, значит, работа мне не нужна.

Когда Конан вновь повернулся к Туэнн и Элаши, он увидел, что они ошеломленно глядят на него.

— Клянусь левой ноздрей Митры! — воскликнула Элаши. — Я никогда не видела человека такой силы! Как ты смог передвинуть эту штуку с такой легкостью?

Туэнн не сказала ни слова, но кивнула, соглашаясь со словами Элаши. Конан был страшно доволен собой.

— Эта безделушка? Пустяки! Пошли, нам нужно позаботиться о ночлеге. А утром найдем Скира и покончим с этим делом.

Когда они покидали лавку купца, в походке Конана было куда больше уверенности и гордости, чем раньше. Право, ему приходилось попадать в ситуации куда хуже, чем эта, — испугать бандитов и произвести сильное впечатление на двух прекрасных женщин одним-единственным поступком, а заодно еще получить серебро, звенящее в кошельке. Да, на свете бывают куда худшие ситуации, чем эта.

Стражник, стоявший в карауле над южными воротами Опкофарда, не мог припомнить более странной компании, чем та, что прошла через его ворота в этот день. Сначала явился одинокий паломник, больше похожий на воришку, чем на истинно верующего. Затем пришла странная тройца — мускулистый высокий варвар, держащий в руке белую шкуру зверя, и с ним две женщины, одна из которых, несомненно, была жрицей *ТОГО-У-КОГО-НЕТ-ИМЕНИ*. От одного лишь ее пронзительного взгляда стража обдало холодом, и он поспешил впустить всех троих в город — меньше всего ему хотелось, чтобы *ТОТ-У-КОГО-НЕТ-ИМЕНИ* одарил его своим гневом.

Затем, уже после захода солнца, прибыли шесть жрецов. Тьма была крошечная, но эти шестеро явно были слепыми, так что это обстоятельство смутить их не могло. Однако ни один из них ни разу не оступился, и страж подумал, что ему вовсе не хотелось бы встретиться с этой компанией в уединенном месте. И наконец, когда он уже ждал смену, к воротам приблизилась одинокая фигура, закутанная в плащ с капюшоном.

— Кто там? — крикнул стражник.

— Меня зовут Мейлю, я жрец-посвященный из храма Суддах-Облатов.

Стражник знал этот монашеский Орден: они и раньше приходили сюда. Но у этого жреца на поясе висел меч, а Облаты прежде никогда не носили оружия. Впрочем, ему было недосуг разбираться в странных обычаях незначительного Ордена. Облатам разрешалось входить в город, а остальное его не касалось. Стражник махнул рукой солдату у ворот, и тяжелые железные двери вновь пронзительно закрипели, открываясь для очередного путника.

— Я чувствую — то, что мы ищем, недалеко, — сказала Туэнн. — Нам нужно идти вот в этом направлении. — Она указала рукой вперед, в направлении извилистой улицы, петлявшей по грязному, нищему району

города. Луна, если она и светила, скрывалась за толстым слоем облаков, и единственным источником света на улице были чадающие факелы, укрепленные на солидном расстоянии друг от друга. Конан сказал:

— Скир знает нас всех в лицо, так что лучше всего попытаться застать его врасплох. Я думаю, что сейчас неплохо бы поужинать и подыскать место для ночлега, а на рассвете подняться пораньше.

— Хорошая мысль, — сказала Элаши. Она явно поразилась тому, что такая мысль могла прийти ему в голову.

Конан повернулся к ней, собираясь что-то сказать, но передумал. Не обращай на это внимания, посоветовал он сам себе. Все это не имеет значения.

— Впереди, в одном квартале отсюда, есть постоянный двор, — сообщила Туэнн. Конан впился глазами в темноту. Но как он ни напрягал глаза — куда более острые, чем у большинства людей, — различить он ничего не смог. Туэнн тихо усмехнулась, и это был первый смех, который слышали от нее Элаши и Конан.

— Я привыкла к темноте, — пояснила она. — У меня было слишком много времени, чтобы привыкнуть к этому.

Туэнн повела их вниз по узкой улице, и вскоре запах острой пищи защекотал ноздри Конана. Его рот наполнился слюной. Если не считать корешков, ему не удавалось поесть вот уже три дня. Мясо даир-волка было горьким и очень неприятным на вкус, как сказала им Туэнн, да и ужасный запах, поднимавшийся от освеженного трупа волка, вполне убедил Конана, что мясо лучше оставить на костях.

Они подошли к гостинице — каменному зданию с деревянной дверью и ставнями и табличкой, висевшей у входа на двух цепях. На вывеске — неоструганной деревянной доске — была какая-то невнятная надпись и изображение гигантского паука; и название, и рисунок были глубоко выжжены на дереве. Похоже, здесь любят

пауков, подумал Конан. Слов, выжженных на вывеске под изображением паука, он не понял.

— Это заведение называется «Тарантул», — сказала Туэнн.

Элаши содрогнулась:

— Я знаю этих тварей. Это большой паук, размером с человеческую ладонь. Я видела их в пустыне.

— Ядовитый? — поинтересовался Конан.

— Нет. Не хуже, чем укус слепня, во всяком случае, так говорят у нас в племени. Но он мохнатый и на вид просто гнусный.

Конан быстро выбросил это из головы. То, что этот самый паук был мохматым и гнусным, несколько его не волновало. Яд... да, это другое дело.

— Скира нет внутри, — сказала Туэнн. — По крайней мере, Талисмана там нет, а я не думаю, что он выпустил бы его из рук хотя бы на секунду.

Конан кивнул:

— Тогда нам лучше войти внутрь и поесть.

Несколько факелов в металлических гнездах вдоль стен отбрасывали желтоватый дымный свет. Четверо мужчин и двое женщин сидели и стояли в большом зале, закусывая, беседуя или просто греясь у очага, в котором весело трещали поленья. Было сравнительно чисто, пахло свежей соломой и вымытым деревянным полом. Туэнн подошла к деревянному столу, стоявшему у очага. Элаши и Конан последовали за ней. Посетители бросали ленивые взгляды на странноватую троицу, но никто не сказал ни слова, и никому, казалось, не было до них никакого дела. Через секунду к ним подошла хозяйка гостиницы, одетая в длинное шерстяное платье, поверх которого был накинут засаленный передник.

— Чем могу служить, незнакомцы?

— Вина, — ответил Конан, — и еды. Хлеб, мясо, что там у вас есть.

— Мяса, увы, нет, господин. Могу предложить острый зеленый сыр, черный хлеб и вина — столько, сколько вы сможете выпить.

Конан вздохнул: опять ему не удастся пожевать хороший кусок жареного мяса... Ну что ж, он давно уже научился обходиться тем, что было под рукой, и не жаловаться на судьбу.

— Ну хорошо, хозяйка, тащи сюда все, что у тебя есть.

Она вышла и через несколько минут вернулась с глиняным подносом, на котором лежали два больших каравай черного хлеба, большой кусок зеленого сыра и три вместительных оловянных кружки. Еще через минуту она поставила перед Конаном большой кувшин вина.

— Четыре медных монеты за все, — сказала она.

— У вас найдется комната для ночлега?

Хозяйка взглянула на Конана с лукавой и хитрой улыбкой.

— Одна комната для троих?

— Да.

— Ну да, ну да, я просто хотела убедиться... Еще четыре медных монеты.

— Как обмениваются медь и серебро в вашем городе? — спросил Конан.

Поколебавшись с секунду, трактирщица улыбнулась.

— Нет смысла обманывать мужчину, который способен позаботиться о двух женщинах одновременно, — сказала она. — Один к десяти.

Конан немедленно ответил:

— Я слышал, что один к пятнадцати.

— Что ж, возможно, в некоторых местах и так. У нас, я думаю, один к двенадцати будет более подходящим обменом.

У Конана не было большого желания торговаться, тем более что еда уже была на столе. Он отдал женщине одну из своих серебряных монет.

— Тогда держи, хозяйка. Это плата за еду и комнату, а остаток — тебе за услуги.

— Ах, вы так щедры, молодой господин!

Женщина сжала монету в кулаке и ушла. Хлеб не был горячим, но он не был и черствым. Сыр действительно

оказался острым и соленым, а вино было сухим и сладким. Конан с большим аппетитом уплетал сыр и здоровые ломти хлеба. Элаши не отставала от него. Туэнн ничего не ела, но делала вид, что пьет из своей кружки, и время от времени брала с тарелки кусочки сыра и хлеба, на случай, если кто-то наблюдал за ней. После ужина им показали чистую, хотя и маленькую комнатку на втором этаже. И тут возникла маленькая проблема.

— Здесь только один матрас, — заметила Элаши.

— Но он конечно же достаточно велик для вас троих, — ответила хозяйка. На ее лице промелькнула хитрая понимающая улыбка.

— Принесите еще один матрас, — твердо сказала Элаши.

Хозяйка кивнула и отправилась к выходу из комнаты. Очень тихо, но все же достаточно отчетливо, она проворчала:

— Маленькая ссора в рай, а?

Конан улыбнулся, но улыбка быстро исчезла с его лица при виде злости Элаши.

— Я разделю с тобой твою постель, Конан, — сказала Туэнн. — Ночь холодна, и твоё тепло будет мне очень кстати.

Реакция Элаши на эти слова была для всех неожиданной. Когда хозяйка вернулась, волоча за собой второй матрас, Элаши повернулась к ней.

— Я передумала. Здесь слишком холодно, чтобы спать одной. Я лягу в постель с ними. — Она махнула рукой в сторону Туэнн и Конана.

На лице хозяйки гостиницы снова мелькнула хитрая улыбка.

— Да, это понятно.

— Мы будем только СПАТЬ вместе, — сурово сказала Элаши. — Для того, чтобы было теплее.

— Разумеется, госпожа. Разумеется.

Скиру в этот момент было куда хуже. У него не было ни малейшего желания привлекать внимание к своей особе, поэтому он снял крошечную комнатку с жалкой

кроватью в грязном постоялом дворе, так что любой мог подумать, что перед ним — убогий нищий. Перед дверью в комнату на высоте лодыжек Скир натянул веревку — так любой человек, который попытается войти в комнату, наверняка споткнется. Спал Скир с кинжалом в руке, и сон его был так чуток, что падение тела, без сомнения, разбудило бы его и у него было бы время очнуться от сна прежде, чем нежданный визитер успел бы вскочить на ноги. Более того, кинжалом Скир выкопал небольшую ямку в земляном полу под матрасом и спрятал в ней Талисман. После этого он сровнял землю и вновь накрыл это место соломой, так что при беглом осмотре никто не смог бы отыскать его сокровище. По правде говоря, Скир вовсе не думал, что этой ночью его кто-нибудь побеспокоит. Из шести грязных соломенных матрасов в этом продуваемом всеми сквозняками здании заняты были только три. На одном спал пьяница, от которого разило кислым вином и который храпел так, что смог бы разбудить мертвеца. На втором матрасе сидел старик, которому было никак не меньше семидесяти зим, в третьей же комнатке спал сам Скир. Было очень сомнительно, что кто-то следовал за ним, и еще менее вероятно, что этот кто-то стал бы искать его здесь. Конечно же, по доброй воле ни один нормальный человек не остановится в таком месте. Утром Скир намеревался хорошенько закусить, купить лошадь и еду на дорогу и двинуться в путь. Он, конечно, мог бы остановиться и в более теплой гостинице с более приятными соседями, но Скир не такой дурак, чтобы делать это, — безопасность дороже. Если бы Нэг узнал, что кто-то из его слуг отказался следовать его указаниям, жизнь этого человека стала бы стоить не больше, чем горсть дорожной пыли. С такими «приятными» мыслями Скир погрузился в беспокойный сон.

Безглазые бесшумно шли по улицам города. Им не мешал покров ночи, заставивший большинство людей попрятаться по своим домам. Факелы уже почти погасли,

и дым от них поднимался густым темным облаком. Опофард лежал в кольце холодного тумана, и ночь скрывала в нем свои тайны. От всех — но не от Безглазых. Они двигались, как один, ища любой знак присутствия Туэнн. Хотя они и были слепыми, их уши улавливали самые тихие звуки, даже шажки крысы громом отдавались в их ушах. Они были слепыми, но воздари их могли уловить запах мужчин или женщин за запертой дверью. Да, они были слепыми, но кожа их могла ощутить тепло старика, курящего трубку в своей постели и вспоминающего дни своей молодости и былой славы. Слепота была ничем для этих дьявольских жрецов, и они шли, не зная усталости, как хищники, отслеживающие свою добычу на охоте. Они найдут то, что ищут, или они никогда не вернутся в свой храм.

Они найдут ее.

Мейло уселся на шерстяную попону, которую он нашел на тюках соломы, и закутался в нее, чтобы согреться. Его мысли крутились сейчас вокруг варвара, убившего двух его братьев-жрецов и скрывающегося здесь. Ну что ж, это укрытие недолго будет служить ему. В том, что тот, кто называл себя Конаном, убил Сенгха и Мокалигонца, Мейло не сомневался ни секунды. Улики были налицо. Варвар-убийца скрылся, прихватив с собой Талисман Света, который был доставлен в храм. Разве невинный человек стал бы скрываться? Конечно, нет. То, что эта киммерийская обезьяна опозорила и победила Мейло на глазах у его учителя, только добавляло огня к святому гневу жреца. Он был первым добровольцем, вызвавшимся отправиться на поиски убийцы. Только на сей раз он не станет следовать правилам ФУМБО. Сабля, лежащая рядом с ложем Мейло, была сделана из лучшей туранской стали и закалена много раз, чтобы усилить ее крепость, лезвие же ее было настолько острым, что им можно было бриться. Пусть этот медведь попробует схватить ее своей рукой, как он проделал это с деревянным посохом! О, тогда в уличной грязи будут его кровь

и кости! За смерть жрецов-Облатов Конан должен умереть. Но за позор Мейло его смерть будет долгой и мучительной. Он рассечет варвара на кусочки, как соломенную мишень, и украсит лезвие его внутренностями! Наутро он отыщет убийцу. И утром же убийца заплатит за своё преступление. С этими мыслями Мейло погрузился в сон, наполненный величественными и кровавыми видениями.

В самом сердце Опкофарда, в глубине черного храма, посвященного многоногому Богу-у-которого-нет-имени, худой изможденный жрец приступил к отвратительному обряду. На алтаре перед ним лежали окровавленные внутренности только что убитого барана. Дюжина черных пауков с красным в точках кресте на брюхе копошились в них. Жрец наблюдал за движениями пауков, и видения терзали его. В городе появились опасные люди, и некоторые из них обладали могуществом и силой, с которыми не стоило шутить, а другие собирались обрести такое могущество. Эти люди могли натворить немало бед, если их вовремя не остановить.

Худой жрец взглянул еще раз на пауков и потянулся за церемониальным жезлом, висевшим у него на поясе. Пауки, сыгравшие свою роль, больше не двигались — энергия у них иссякла. Жрец осторожно, но сильно ударил каждого из них по толстому брюшку. Все пауки были самками, и то, что он делал с ними сейчас, было тем же самым, что делали эти паучихи со своими самцами, едва те успевали выполнить свою задачу. Колесо крутилось, как всегда, совершая свой вечный космический цикл.

Жрец встал. Результаты откровения, снизошедшего на него, должны быть немедленно доложены Эмривасу, Верховному Жрецу. Он, возможно, захочет что-либо предпринять, чтобы остановить этих чужеземцев, вторгшихся в священное горное место Бога-Паука.

Один из пауков все еще дрожал на алтаре, скорее всего, это была его последняя судорога, но жрец, не раздумывая, с силой ударил по пауку жезлом. Внутрен-

ности насекомого брызнули во все стороны, и кровь запачкала одежду жреца, но он не обратил на это внимания. Одежду несложно отмыть, а вот если паук не будет убит после совершения обряда, то тень его будет преследовать жреца вечно.

Глава 10

Скир проснулся от прозвучавшего неподалеку легкого вскрика и, проснувшись, обнаружил, что человек, издавший этот звук, лежит на полу рядом с его постелью, уткнувшись лицом в грязную солому. Из его позы становилось понятным, почему крик прозвучал столь приглушенно — рот неожиданного визитера был набит соломой. Вор тут же вскочил на ноги. Скир перекатился набок, навстречу незнакомцу, сжимая в руке свой нож. Ему потребовалось всего одно мгновение, чтобы схватить упавшего человека за волосы и дернуть его к себе, обнажив горло. Он приставил лезвие кинжала к удивительно чистой и белой коже. Тонкий луч восходящего солнца проник сквозь щель в досках комнаты, и Скир смог разглядеть незнакомца. Он тут же узнал его — это был пьяница, который спал рядом с его камеркой. Натянутая Скиром веревка явно сыграла свою роль в падении незнакомца. Ну, а что же ему здесь было нужно, а? Скир поспешил выяснить этот вопрос:

— Что ты здесь делаешь?

В ноздри ему ударил противный запах кислого вина, к горлу подступила тошнота, когда пьяница открыл рот, чтобы ответить:

— А-а... А-а... А-а... добрый господин, мой повелитель, я... я просто искал... искал...

— Эй, не валяй дурака, выплевывай все, что знаешь!

Похоже, это было весьма неудачное предложение. Пьяницу затошнило, его рот открылся, и поток омерзительной рвоты вырвался из него.

— Во имя Сэта! — Скир отскочил в сторону, чтобы избежать блевотины. Пьянчуга продолжал сгибаться по полам. Через секунду Скиру уже казалось, что отврати-

тельная вонь заполнила каждый квадратный миллиметр комнаты. Скира замутило от этого кислого запаха. Закончив со своим занятием, пьяница, улыбаясь, сказал:

— Я... я иск-иск-искал уборную, мой господин. Пр-рирода зовет...

— Вон! — заорал Скир. — И иди прямо, черт бы тебя побрал!

Пьяный попытался встать прямо, но это ему не слишком удалось, и, несмотря на предупреждение Скира, он опять споткнулся о веревку у двери. Через минуту он кое-как поднялся и, пошатываясь, выбрался в коридор. Великолепно, подумал Скир. Чудесная гостиница, где каждый алкаш может спутать твою комнату с сортиром! Пора убираться отсюда, в этом у него не было никаких сомнений. Посланец Нэга быстро выкопал свое сокровище и спрятал его за пазуху.

Когда Скир, помяная недобрым словом весело проведенную ночь, вышел с постоялого двора, он не заметил, что в тени здания притаилась одинокая фигура, наблюдавшая за ним. Скир обогнул угол дома и исчез из виду, после чего наблюдавший за ним человек вышел в полосу света. Это был тот самый пьянчуга, который совсем недавно валялся на полу Скировой комнаты. Теперь, однако, взгляд его был острым и отнюдь не затуманенным вином, походка — ровной и прямой, и ни малейшего следа опьянения нельзя было в нем заметить. «Пьяница» улыбнулся. Второй человек выскользнул из темноты. Это был старик, занимавший третью комнату, по соседству со Скиром. Его волосы были по-прежнему седы, но действия и жесты говорили о том, что «старец» был лет на двадцать моложе, чем старался выглядеть.

— Иди к Верховному Жрецу, — приказал фальшивый пьяница фальшивому старику. — Скажи ему, что я уверен в том, что это тот самый чужестранец, которого он ищет. Он слишком насторожен для человека, которому нечего скрывать.

— Эмривес будет рад услышать это, — сказал его напарник.

— Иди. Чем скорее ты расскажешь ему, тем скорее он сможет обрадоваться новости.

— С вашего позволения, Тайный Мастер. Пусть Безымянный всегда будет с вами.

— Он будет там, где ему заблагорассудится, до тех пор, пока его жрецы платят так щедро.

Верховный Жрец храма Бога-Паука кивнул, когда человек, носящий знак Тайного Мастера, доставил ему сообщение. Посланцу было не больше двадцати зим от роду, хотя его лицо было лицом сорокалетнего мужчины. Тайный Мастер, хоть он и не был Истинно Верующим, был, тем не менее, временами полезен. В этом случае он как раз доказал свою полезность. Хотя донесение младшего жреца лишь подтвердило то, что Эмривес и сам уже чувствовал, истинное имя человека, держащего в руках талисман, от которого исходили волны энергии и силы, было неизвестно. Ясно было, что талисман у него, но вот что касается всего остального, то об этом Эмривес мог лишь догадываться... Между тем эта вещь была слишком опасной, чтобы рисковать, строя одни догадки. Он должен знать и действовать, используя это знание, прежде чем магический талисман приведут в действие. Безымянный Бог будет разгневан, если в его владениях будет выпущено на волю колдовство, так что на плечи его жрецов ложилось бремя тяжелой задачи — сделать все, чтобы эти силы не причинили больших бед. Эмривес проговорил:

— Хорошо. Возвращайся и отыщи Тайного Мастера. Делай то, что он прикажет тебе. Передай ему, чтобы он продолжал свои наблюдения за этим чужеземцем, пока я не встречу с ним.

Молодой жрец поклонился.

— Господин, я выполняю твою волю.

После ухода младшего жреца Эмривес оставил внутренний зал и направился в другое помещение. Ему нуж-

но было выполнить некоторые ритуалы и долго молиться, прежде чем он сможет нанести удар тому, кто держит в своих руках магический талисман. Ему нужно было к тому же придумать, какой смертью покарать чужеземца, но в этом не было большого труда — ему было из чего выбирать...

Конан проснулся, но сон еще стоял перед его глазами. Юноше снилось, что он спал с двумя женщинами и ни одна из них не могла насытиться страстью. Когда его глаза уловили бледные лучи утреннего солнца, он понял, что и вправду лежал в постели, окруженный двумя женщинами. Конан улыбнулся.

— Приятные мысли? — спросила Туэнн.

— Ты просыпаешься рано, — заметил Конан.

— Я не сплю совсем, — ответила она. — Но я благодарна тебе за твоё тепло в эту ночь.

Слева от Конана зашевелилась Элаши. На секунду она прижалась грудью к юноше и обвила его бедро левой ногой.

— М-м-м... — раздалось сонное бормотание. Затем она открыла глаза и застыла, после чего мгновенно отпрянула от киммерийца.

— Нам пора отправляться на поиски Скира, — заметил Конан раньше, чем Элаши успела заговорить.

— Да, — ответила она. — Нам в самом деле пора.

Пятеро Безглазых стояли у входа в постоянный двор «Тарантул» — неподвижные безмолвные фигуры, закутанные в темные плащи. Утренний холод, судя по всему, не причинял им неудобства. Вскоре шестой жрец вышел из гостиницы и кивнул остальным. Двое жрецов подошли поближе и встали у дверей, еще двое обошли здание и остановились у черного хода. И наконец, оставшиеся двое вошли в здание. Не задерживаясь ни на секунду, они направились вверх, к спальным комнатам.

В поисках убийцы-варвара Мейло не терял времени даром. Он поднялся с постели еще до того, как первые лучи солнца прорезали темные облака, и отправился искать ночных работников. Ему удалось отыскать несколько человек: мусорщиков, проституток и страдающих бессонницей граждан. Опкофард, конечно, был большим городом, но все же он был недостаточно велик, чтобы прибытие чужеземцев могло пройти незамеченным. Не прошло и часа, как Мейло уже узнал, что высокий варвар провел ночь на одном из местных постоянных дворов. Его сопровождали две женщины. Мейло сплюнул, услышав эти новости. Не было сомнений, что этот тип потратил свою добычу на шлюх. И при этом он наверняка посмеивался над двумя убитыми им жрецами! Ну что ж, ладно. Когда Мейло встретится с ним, вряд ли у варвара останется желание веселиться.

Скир нашел подходящую лошадь, которую можно было без труда украсть, а также лавку, где можно было стянуть еду и одеяла, необходимые для завершения его путешествия. Ему оставалось лишь добыть все это (хозяин лавочки был столь любезен, что нацарапал на двери время своего возвращения) и отправиться в путь. К тому времени, как хозяева хватятся своего пропавшего имущества, Скир будет далеко отсюда. Он уже собирался войти в лавку, когда почувствовал, что за ним следят. У Скира не было никаких магических талантов, он мог надеяться лишь на свой опыт выживания, но все же это особое, шестое чувство интуиции уже не раз спасало его, и он не решался не доверять ему. Очень осторожно, стараясь не выдать себя, посланец Нэга огляделся. Сначала он никого не заметил. Но осматриваясь второй раз, Скир обнаружил какого-то рабочего. Человек, казалось, не обращал никакого внимания на Скира, занятый своим делом — он сгребал деревянной лопатой кучу навоза на свою тележку. Работяга трудился усердно, останавливаясь только для того, чтобы вытереть пот с лица грязным рукавом куртки. Скир задумался, оценивая ситуа-

цию. Да, правда, этот человек видел его, но, скорее всего, ему не было никакого дела до случайного прохожего, настолько занят он был своим делом. Кроме того, его лицо не показалось знакомым Скиру, он был уверен, что никогда раньше не видел этого человека. И все же неприятное чувство не оставляло Скира. Возможно, где-то поблизости за забором или ставнем дома скрывался невидимый наблюдатель. Скир покачал головой. Нет, похоже, кража в этой лавке не пойдет ему на пользу. Скир решил поискать себе другую жертву. Он беспечной походкой прошел мимо хода в лавку, мимо уборщика мусора, даже не взглянувшего на него. Ты ищешь тени, которых нет, сказал Скир самому себе. Но он не вернулся к этой лавке.

Конан только что застегнул пояс с мечом, когда дверь комнаты распахнулась настежь и с громким стуком ударилась о стену. Вошли двое, явно не замечающие никого, кроме Туэнн. Во всяком случае, их лица были повернуты к ней. Конан заметил, что на том месте, где у обычных людей были зрачки, у вошедших можно было разглядеть лишь сероватую дымку.

Зашипев, как кошка, Туэнн отступила на два шага и уперлась спиной в стену. Дальше отступать ей было некуда. Конан сказал:

— Туэнн?

— Это люди Нэга, — ответила она. — Они пришли за мной! Их называют Безглазыми.

Пропев песню стали и кожи, меч Конана вылетел из ножен.

— Их скоро будут называть Безголовыми, если они не уберутся отсюда!

Двое повернулись к киммерийцу.

— Они опасны, Конан! — крикнула Туэнн. — Смертельно опасны!

— У них и оружия-то нет, — громко сказал Конан.

— В этом нет необходимости. Они хорошо обучены и невероятно сильны!

— Ну что ж, посмотрим, так ли уж они опытные и сильные. Эй, вы, — крикнул он жрецам, — убирайтесь отсюда сейчас же!

Жрецы отодвинулись друг от друга, обступая с двух сторон Конана. Киммериец двумя руками обхватил рукоять меча и направил острие в грудь ближайшего противника. Элаши, стоявшая слева от Конана, обнажила свой меч и развернулась, прикрывая киммерийца слева. Справа Туэнн схватила глиняный кувшин и подняла его над головой, явно намереваясь запустить им в первого, кто сунется. Конан усмехнулся. Кром свидетель, две женщины, которые будут сражаться с ним плечом к плечу!.. Все было не так уж и плохо!

Первый жрец перешел в нападение, и скорость его поразила Конана. Он прыгнул вперед, ударив киммерийца в колено, и тут же отскочил назад; и все это он проделал прежде, чем Конан успел взмахнуть своим мечом. Он успел лишь отодвинуть ногу, так что удар пришелся не по колену, а по мышцам бедра. Но и в этом случае удар был настолько силен, что отшвырнул киммерийца на полметра назад. Итак, Туэнн не ошибалась, называя этих людей смертельно опасными. Они были быстрыми и сильными. Но, с другой стороны, Конан тоже не был слабаком. Он атаковал, заложив меч за спину. Он был и силен, и ловок, но у атакующего для маневра было лишь то расстояние, которое могло предоставить ему замкнутое пространство комнаты, а расстояние это было невелико. Варвар гибко отскочил в сторону, но стена помешала ему. Меч Конана обрушился вниз, готовый разрубить безглазого жреца до пояса. Поразительно, но тот успел увернуться в сторону. Да, он был очень ловок. Но все же недостаточно ловок, чтобы совсем уйти от меча. Острый клинок вонзился в его руку, и меч почти не задержался при ударе. Отсеченная рука упала на пол. Но и потеряв руку, жрец продолжал сражаться. Он коротко развернулся и ударил киммерийца ногой. Удар пришелся Конану в солнечное сплетение и отбросил его назад. У юного варвара были стальные

мышцы, но все же удар причинил ему сильную боль, так что он покачнулся и едва не упал. Однако в этот момент жрец допустил ошибку, попытавшись продолжить атаку. Конан был не настолько выведен из строя, чтобы свалиться без движения, и когда Безглазый прыгнул вперед, размахивая уцелевшей рукой, Конан рубанул его мечом, легко, словно разделявая птичью тушку. Даже умирая, жрец не издал ни звука, молча осев на пол. Второй атакующий, занятый попытками схватить Туэнн, был также в непростом положении. Женщина-зомби для начала швырнула в него кувшин с водой. Когда же он поднял руку, чтобы защититься от него, Элаши метнулась вперед и ударила мечом по ребрам. Этот удар не был смертельным, но когда жрец подался назад, из раны его хлынула кровь. Прежде чем он успел прийти в себя, Конан и Элаши одновременно подскочили к нему, их мечи двигались почти синхронно. Меч Конана упал на шею, а меч Элаши — на живот жреца. Смертельно раненный, тот упал.

— Ну что ж, это было не так уж и трудно, — заметил Конан.

— Кроме этих, будут и другие, — задыхаясь, сказала Туэнн. — Нэг никогда не посылает только двух. Нам нужно уходить отсюда, и немедленно!

Угу, подумал Конан, эта парочка была чересчур шустрой на его вкус.

Они быстро направились вниз по лестнице.

Мейло явился на постоянный двор, на вывеске которого было выжжено изображение паука. Двое людей стояли слева и справа от двери, напряженно наблюдая за происходящим внутри. Во всяком случае, так сначала показалось Мейло — пока он не подошел поближе. Да... Вряд ли они могли что-то видеть ЭТИМИ глазами!

Но его противник находился внутри, и у него не было ни малейшего желания откладывать дело.

— Хо, друзья. Мне нужно войти внутрь, в гостиницу.

Двое повернулись, как один, и слепо уставились на него. Гм... Быть может, лучше подождать, пока варвар выйдет сам?.. Через несколько секунд варвар и в самом деле вышел из дома и со всех ног припустил налево. Хотя двое жрецов у двери и были ловки, Конан сумел пробежать мимо них быстрее, чем они сумели принять меры. Более того, вместе с проклятым варваром были две женщины, о которых Мейло уже был наслышан.

Облат потянулся за мечом.

Мышцы Конана разогрелись в предыдущем бою, и реакция его была теперь лучше. Он взмахнул мечом, и тот, описав короткую дугу, обрушился на слепого врага, разрубив ему голову. Это действительно чудесное оружие, подумал Конан, когда лезвие с легкостью прошло сквозь плоть и кость. Второй жрец издал короткий пронзительный свист, и Конан понял, что это был сигнал. Лучше всего убраться отсюда, и поскорее! Он повернулся к свистнувшему жрецу и, размахивая мечом, стал наступать на него.

— Держитесь позади меня! — приказал киммериец Элаши и Туэнн.

Жрецу не оставалось ничего другого, как только отступить, когда Конан пробивался в сторону от гостиницы.

Мейло приблизился к Конану. В этот самый момент еще два типа со странноватыми глазами выскочили из-за угла здания. Заметив Мейло, они по ошибке приняли его за своего противника и двинулись к нему. Мейло ничего не имел против этих двух, однако намерения их были более чем прозрачны, и ему пришлось, подняв свою саблю из туранской стали, встать в защитную позицию.

— Вы ошибаетесь, — сказал Мейло. — Ваш враг — не я.

Но его слова, похоже, не произвели на них ни малейшего впечатления. Один из слепых жрецов бросился на

Мейло, и тот, обороняясь, рубанул врага саблей. Атака стоила нападавшему доброй половины руки. Мейло ухмыльнулся. Это был первый настоящий бой после десяти лет обучения ФУМБО. Если эти дурни желают победить его, что ж, пусть попробуют! А с варваром он может покончить и позже. Мейло передвигался осторожными танцующими шагами — влево-вправо, влево-вправо, как его и обучали.

Два слепых жреца настороженно отступили назад.

Скир услышал звуки боя прежде, чем увидел его. Первым его порывом было развернуться и бежать в другую сторону — это стремление возникало в нем всегда, когда начиналась драка. Но самым лучшим было раствориться в толпе, поэтому Скир описал полукруг, тайком приближаясь к источнику шума. От увиденного по спине у него пробежал холодок и на лбу выступил пот. Во имя Сэта! Это был тот самый подлый варвар из храма! И сучка-зомби вместе с ним! Более того, один из Облатов сражался тут же и четверо, нет, трое Безглазых наседали на них, причем один из жрецов был уже явно мертв, а другой истекал кровью. И в придачу с ними была девушка, которую Скир не знал, так же самозабвенно размахивающая мечом. Что-то тут было не так. Скир не разобрал всего происходящего, но что он понял хорошо, так это то, что все это было ему не на пользу. Одно то, что варвар и зомби были здесь, уже было скверно, но то, что Нэг послал своих проклятых жрецов, было много хуже. Скира охватило острое желание смыться — вскочить на первую попавшуюся лошадь и галопом ускакать к Южным Воротам. Но инстинкт осторожности никогда не покидал Скира. Никак нельзя было исключать возможность того, что какой-нибудь неизвестный Скиру шпион остановит его у ворот, сбросит с лошади и закует в цепи. И эта возможность была более чем реальной, особенно если принять во внимание то, что сейчас происходило. Нет уж, он будет прятаться

в городе до наступления темноты — только это может его спасти.

Звон стали все еще гудел в ушах Скира, когда он спешил в сторону от места схватки.

— Это он! — пронзительно крикнула Туэнн.

Конан, занятый поединком с одним из жрецов, не сразу понял, в чем дело.

— Что? Кто «он»?

— Скир! Он убегает от нас!

В этот момент киммериец как раз зарубил своего противника, поскользнувшегося в луже крови. Позади него еще один жрец свалился, обезглавленный, на камни двора. Его голова покатилась, как арбуз, по двору. Жреца убил человек, сначала не узнавший Конаном. Но уже через мгновение он вспомнил, где видел это лицо, — Мейло, жрец Облатов, с которым он сражался в учебном поединке в Храме! Хорошо, что он появился именно сейчас, подумал Конан. Элаши, хотя она и была опытным и волевым бойцом, все же не хватало силы и ловкости противника. Однако с помощью Туэнн ей удалось удерживать последнего слепого жреца на почтительном расстоянии. Киммериец сзади подошел к нему.

— Хо! — выкрикнул Конан. Жрец повернулся к новому противнику, и юноша пронзил его сердце мечом. Жрец еще не успел коснуться земли, как Туэнн закричала:

— Скорее, скорее, Скир убегает!

Но когда Конан и две женщины повернулись, чтобы броситься в погоню, они обнаружили, что путь им загромождают Мейло.

— Прочь с дороги, жрец! — приказал Конан. — Убийца успеет убежать!

— Да, — ответил Мейло. — Но я постараюсь, чтобы второй убийца не сумел этого сделать.

— Ты что, спятил? Здесь нет убийц! Мы сражались, чтобы защитить самих себя!

— Твоему языку не мешает отдохнуть от лжи, — проговорил Мейло, поднимая над головой меч. — Смотри, этот клинок сделан не из дерева, и у тебя нет боевой перчатки.

— Конан! — крикнула Туэнн. — Скир уходит все дальше и дальше!

— У меня нет на тебя времени, Мейло. Уходи!

— Я уйду с этого места не раньше, чем ты станешь трупом.

На этот раз Конан не сумел сдержать свой гнев. Высоко подняв тяжелый меч, как человек, собравшийся рубить дерево, он взвился в воздух. Мейло, встав в позицию, поднял меч, чтобы отразить удар. Его защитная позиция была безупречной, но, к сожалению, обучение не подготовило его к гневу Конана из Киммерии. Голубая сталь меча опустилась так быстро и с такой силой, что металл свистнул в утреннем воздухе. Сила этого удара отбросила в сторону саблю Мейло, и острое лезвие обрушилось на его голову, расколов ее, как спелый арбуз. Дух Мейло, жреца-Облата, вылетел через отверстие, чтобы соединиться с душами предков. В тот миг, когда тело тяжело рухнуло на землю, Мейло был уже мертв. Но Конан не задержался ни на секунду, чтобы проверить это. Он, Туэнн и Элаши не медля бросились вдогонку за удирающим Скиром.

Глава 11

За весь день Скир ни разу не остановился больше, чем на минуту. И завтрак и обед он сжевал на ходу: он чувствовал, что обязан двигаться, словно уже ощущал дыхание смерти на затылке. Варвар и зомби преследовали его, и это вовсе не было случайным совпадением. Кроме того, Скиру вовсе не казалось простым совпадением присутствие здесь Безглазых, и это беспокоило его. И было еще что-то, какой-то непонятный страх, который неприятным грузом лежал у него на душе, словно Скир чувствовал, как смерть догоняет его. Ах, этот

страх, этот страх!.. Ему не было логического объяснения, Скир не видел и не слышал ничего, что могло бы вызвать тревогу, и в то же время нельзя было отрицать то, что он испытывал его. Вот почему Скир все время двигался, изредка — с непринужденным видом, но чаще — без него. Для случайного наблюдателя он показался бы медленно бредущим прохожим, одним из многих, но Скир знал, что это было самое настоящее бегство, бегство от смерти, догонявшей его тяжелыми шагами.

— Куда? — спросил Конан.

Туэнн закрыла глаза, слегка отклонив назад голову, и указала на извилистую улочку:

— Туда.

Элаши бросилась было бежать в указанном направлении, но Конан поймал ее за руку.

— Нет, подожди минутку.

Туэнн широко распахнула глаза.

— Ты колеблешься?

Все трое стояли на пересечении четырех улиц, окруженных каменными домами непривычной архитектуры. Прямо на полуденном солнцепеке стояла телега с дынями, источая приятный сладкий запах. Несколько женщин склонились над ней, выбирая сочные дыни и торгуясь с продавцом. Позади Конана сидел старик с длинной глиняной трубкой в зубах и пускал клубы ароматного голубоватого дыма.

— Мы уже проходили здесь раньше, — сказал Конан.

— Ну и что из того? — Элаши сделала вид, что собирается идти дальше.

— Мы были в этом месте и в дюжине других как минимум по два раза. Наш противник не стоит на месте.

— Ты, как всегда, сообщаем очевидные факты, — едко сообщила Элаши. Туэнн подняла руку и коснулась плеча женщины пустыни.

— Подожди. Я, кажется, понимаю, что он имеет в виду. Скир все время бежит, путая следы, а так как

единственная ниточка, связывающая нас с ним, это Талисман, мы не можем преследовать его достаточно быстро, чтобы догнать. Я права, Конан?

— Да.

— Тогда что же ты хочешь, чтобы мы делали? — спросила Элаши.

— Из города есть только один выход, — проговорил киммериец. — Если, конечно, он не решит сбежать через тот узенький каньон. Итак, выход у него один — через Южные Ворота. Мы должны устроить у ворот засаду и поджидать его там.

— Как долго?

— Столько, сколько потребуется. Мы можем спать по очереди, если понадобится.

Элаши кивнула.

— Должна признать, что твой план может сработать.

Конан подумал, что ей почему-то очень трудно было признаться в этом, но вслух ничего не сказал.

Когда варвар и обе женщины покинули площадь, старик, куривший трубку, встал и бросил ее на землю. Он свернул в переулок, наблюдая за троицей чужеземцев. Когда они почти исчезли из виду, старик махнул рукой. Одна из женщин, выбиравших дыни, кивнула и поспешила по улице, следуя за тремя незнакомцами. Мужчина, продававший дыни, оставил свою тележку и быстро подошел к старику. Курильщик вытер лицо, и длинные полосы светлой кожи появились из-под стертого им грима.

— Эти трое имеют какое-то отношение к тому, за кем мы следим, — сказал он. — Передай Верховному Жрецу, что мне понадобятся еще пятеро его людей. Пошли двух из них к Южным Воротам, а остальные пусть приходят сюда. А мои люди будут продолжать преследование этого человека.

— С вашего позволения, Тайный Мастер, я пойду.

— Я только что дал тебе это разрешение, глупец. Иди же.

Во внутреннем помещении храма Эмривес завершил последний обряд. Ему оставалось лишь сжечь церемониальные благовония, и тогда он мог благополучно начинать страшное заклинание — Смерть Шез. Это была смерть страшная, но надежная. За всю историю существования храма не было еще случая, чтобы человек, на которого накладывалось Проклятие Шез, сумел спастись от смерти. Шез, когда ее призывали, приказывала своим слугам выполнить предназначенное, и они не останавливались до самого конца. Для приговоренных к смерти верующих в Безымянного особо жестокой пыткой было то, что их предупреждали о приговоре и не препятствовали осужденным принять все мыслимые меры, для того чтобы избежать жестокой участи, неизменно ожидавшей их в самом ближайшем будущем.

Над городом начали сгущаться сумерки, когда Эмривес зажег ритуальные благовония в большой овальной бронзовой чаше, испещренной старинными письменами и украшенной большим изображением паука из чеканного золота. Густой сладковатый дым сгустился над головой жреца, и в сгустившейся темноте ему показалось, что он слышит тихий шорох десятков тысяч крохотных лапок. Верховный Жрец улыбнулся и махнул рукой, отгоняя облако пахучего дыма. Те, кто приходил в его город с колдовством, делали это на свой страх и риск. Жрецы Безымянного Бога следили за тем, чтобы преступления не оставались безнаказанными.

Когда ночь опустила на город свое темное покрывало, Скир вздохнул с облегчением. Темнота была его сестрой, она всегда скрывала промысел воров и проституток своим всегда горячо приветствуемым покрывом. Никто не может поймать то, чего не видно, и в темноте Скир чувствовал себя тенью, невидимкой. За весь день ни варвар, ни его спутницы не потревожили его, да и сам он не столкнулся ни с какой опасностью. Непонятное беспокойство все еще не оставляло его, но ни один реальный факт не подтвердил пока его обоснованности. Ну

что ж. Скоро он оставит Опкофард и все его тревоги останутся позади. План, мысленно составленный Скиром, был очень прост: рядом с ним находилось несколько неуклюжих приземистых караван-сараев и винных лавок. У постоянных дворов стояли лошади, привязанные к длинным коновязям. Сонного вида стражник, прислонившийся к ближайшей стене, время от времени бросал на лошадей ленивые взгляды и снова погружался в дремоту. Скиру достаточно было перерезать нерадивому стражнику горло, выбрать коня покрепче и отправиться к воротам, переодевшись в платье мертвеца. Ищущие Скира вряд ли опознали бы его. Он пройдет мимо стражника, охраняющего ворота, и — прощай, Опкофард! С припасами, которые он стянул несколько минут назад, он сможет добраться почти до самого замка Нэга, прежде чем придется остановиться для отдыха, а тогда уже никто не сможет остановить его, даже если они узнают, куда он направляется. А то, что варвар знал, куда направляется Скир, было очевидно. Да еще эта дрянь-зомби... нужно было отрубить ей голову, когда у него была такая возможность, и отбросить ее так далеко от тела, чтобы она не смогла ее найти!.. Она, конечно, рассказала варвару о своем столкновении со Скиром. Он снова и снова корил себя за то, что не узнал зомби с самого начала. Ну что ж, теперь уже ничего не поделаешь. Надо примириться с прошлым и жить настоящим.

Стражник клюнул носом. Если бы у него за спиной не было стены, он, вне всякого сомнения, свалился бы на землю. Скиру было несложно подойти поближе к обреченному человеку. Больше всего его беспокоило то, что одежда могла измазаться в крови. Поразмыслив секунду, Скир нашел выход. Ножом он выковырял увесистый булыжник из мостовой, прикинул его на вес и со всего размаха обрушил камень на висок стражника. Он почувствовал, как под ударом камня хрустнула кость, и человек упал, мгновенно потеряв сознание. Скорее всего, брошенный здесь, он умрет и сам, но Скир не хотел рисковать. Быстро содрал одежду со стражника,

Скир наклонился над ним и сжал руками его горло. Через секунду сердце остановилось. Стражник был мертв. Скиру понадобилось несколько секунд, чтобы переодеться. Еще через секунду он выбрал крупного серого жеребца, вскочил в низкое седло и легко тронул поводья, пустив лошадь в медленную трусцу. Чтоб ты провалился в Геенну, Опкофард, подумал Скир, подъезжая к Южным Воротам. Когда он остановился на узком перекрестке, высматривая по сторонам возможную погоню, ему послышался странный звук, словно чьи-то крошечные ножки ступали по сухой бумаге или лапки крыс тревожили битое стекло в каком-то темном, мертвом подвале. Ну что ж. Об этом не стоило беспокоиться.

Он ударил лошадь каблуками сапог по бокам, и она двинулась вперед.

Когда луна вышла на черное чистое небо, усеянное холодными огоньками мириад звезд, Конан тяжело заворочался на краю телеги с сеном, стоявшей неподалеку от Южных Ворот. Хотя расположиться засадой у ворот и ждать здесь Скира было его идеей, но ситуация, когда нужно ждать, а не действовать, выводила Конана из себя. Он повернулся и посмотрел на двух женщин, лежащих за его спиной на куче сена. Элаши спала, завернувшись в найденное Конаном одеяло (за день до этих событий оно мирно сушилось на веревке возле одной из харчевен). Глаза Туэнн были открыты, но она без всякого выражения таращилась в темноту, казалось, ничего не замечая вокруг.

Телега стояла недалеко от пересечения главной улицы Опкофарда с боковой улочкой. С того места, где находился Конан, он легко мог наблюдать за воротами, оставаясь невидимым в тени здания.

И вот тут-то и появился всадник. У киммерийца было острое зрение, и его зоркие глаза разглядели всадника, в то время как он не заметил киммерийца. Присмотревшись, Конан решил, что это — один из ночных стражников, который пришел сменить часового у ворот. Всад-

ник остановился и что-то крикнул человеку, стоявшему у железных створок ворот. Внезапно Туэнн резко поднялась, качнув телегу. Конан повернулся к ней.

— Талисман! Он рядом с нами!

Конан внимательно посмотрел на всадника в одежде стражника. Света луны было недостаточно, чтобы можно было рассмотреть лицо человека, но мысли Конана шли дальше его зрения. Да, киммериец не был «цивилизованным» человеком, но он не был и дураком — и он понял, что в одежде стражника на лошади сидел Скир. Обнажив меч, юный богатырь беззвучно соскользнул с телеги и направился к воротам.

— Да на что тебе выходить из города в такой час, друг-стражник?

Скир бросил на солдата взгляд, в котором, как он надеялся, страж мог прочесть крайнее раздражение. Он пожал плечами.

— Я бы этого и не сделал, друг, но мне сказали, что это приказ Командира Ночного Дозора. Говорят, он ожидает кого-то, и я должен встретить этого человека у входа в город, на дороге.

— Почему же мне не сообщили об этом приказе?

— Можешь спросить об этом Безымянного, брат, потому что я этого не знаю. Слушай, открой ворота, а? Мы можем обсудить поступки и соображения старших командиров и позже, когда я вернусь.

Стражник что-то проворчал (какое-то ругательство, судя по его злому виду), но подошел к сторожу у двери и передал ему команду. Скир ухмыльнулся. До чего же легко обманывать глупцов!

Звук, который он уже слышал прежде, этакое странное «шурх-шурх», снова послышался за его спиной. Скир повернулся в седле и посмотрел назад. Там ничего не было видно... хотя, нет, подожди-ка!.. Скир разглядел человека, быстро идущего по дороге. Это был широкоплечий мужчина, лицо его было скрыто тенью, а вот меч в правой руке виден был превосходно. Судя по фигуре, это мог

быть... только этот проклятый варвар! Скир с радостью прищипнул бы медлительного стражника, открывающего ворота, но в этот миг он увидел нечто куда более страшное, чем мальчишка-варвар: статуя гигантского паука на площади, кажется, пошевелилась... Скир напряг зрение, и ему почудилось, что какой-то пульсирующий живой ковер покрывает статую, и это темное покрывало каплями падает на дорогу. Черное пятно на дороге придвигалось все ближе, заполняя собой всю улицу. Скиру потребовалась лишь одна секунда, чтобы разглядеть, что ковер этот в действительности состоял из... пауков! Многих тысяч пауков! У них были мохнатые ноги, а размером каждый паук был с ладонь взрослого человека. И они, шурша, двигались к воротам! Прямо к Скиру... Еще через секунду Скир понял, что он не ошибся. Эти окаянные пауки шли к НЕМУ. То чувство, которое томило его весь последний день, усилилось, и теперь он знал, он ЗНАЛ, что этим дьявольским созданиям нужен был только он, Скир, и никто другой. Мысль эта наполнила его душу ужасом.

Ворота были открыты настолько, что в них едва-едва мог протиснуться всадник. Но Скир не мог больше ждать. Он вонзил шпоры в бока своего коня, и тот рванулся вперед, опрокинув навзничь стражника, возившегося с тяжелыми створками ворот. Солдат растянулся на земле, ругаясь на чем свет стоит. Левое колено Скира ударилось о ржавое железо кромки ворот, но это было неважно. Синяк на колене заживет, а вот укусы нескольких тысяч пауков — вряд ли.

Стражник поднял голову и заметил приближающуюся волну восьминогих созданий.

— Во имя Безымянного! Только не меня!

Он выхватил факел из металлической скобы и протянул руку в сторону пауков. Желтый свет пламени заплескал на булыжниках мостовой...

Желтый свет пламени заплескал на булыжниках мостовой, и Конан остановился, услышав вопль стражника. К нему применялся шорох многих тысяч крохотных

лапок. Киммериец огляделся и увидел пауков, приближавшихся, подобно волне, накатывающейся на берег.

— Кром!

Он хотел удрать, но первые десятки жутких тварей уже начали обтекать его ноги слева и справа. Конан почувствовал себя чем-то вроде дерева — пауки не обращали на него ни малейшего внимания. Они не только не пытались укусить его, но даже не остановились ни на миг. Конан стоял совершенно неподвижно — наступить на одного означало бы привлечь внимание других, а меч казался не слишком надежной защитой от этой орды мохнатых ползущих созданий. Скир между тем на полном скаку миновал полуоткрытую дверь. Конан услышал, как копыта лошади громко застучали, удаляясь от города. Проклятье! Этот мерзавец снова ускользнул! Конан повернулся и увидел Туэнн и Элаши, которые стояли с широко раскрытыми глазами, с ужасом наблюдая за улицей, на которой возвышался киммериец. Казалось, ожили и потекли сами камни. Конан дышал. Очень тихо, стараясь не шевелиться и стоять как можно более неподвижно. Если бы пауки решили напасть на него — спастись было бы очень нелегко, а то и вовсе невозможно. Помнится, Элаши говорила, что у этих пауков (если, конечно, это действительно были те самые твари, чье изображение украшало караван-сарай «Тарантул») не было сильного яда. И все же сотни тысяч даже неядовитых укусов наверняка приблизят для человека встречу с его богом, а у Конана пока что еще не возникало желания присоединиться к Кром.

Казалось, прошли часы, хотя на самом деле миновало всего несколько минут, прежде чем последние пауки прошли мимо Конана. К этому моменту авангард паучьей армии уже выбрался за городские ворота. Когда последний паук покинул город, Конан подбежал к воротам и уставился на удаляющуюся смертоносную волну. На стене вновь и вновь слышались слова какой-то молитвы — ее бормотал обалдевший от ужаса стражник, привратника же не было видно вовсе. Скир также исчез

в густой темноте. Великан-киммериец взглянул на испуганного стражника.

— Что это было? — спросил он.

— Да будет прославлен Безымянный и да защитит он своего преданного слугу от беды. Да будет прославлен Безымянный и да защитит он своего преданного слугу...

Конан постучал рукоятью меча по железной створке ворот.

— Эй, стражник! Ты что, хочешь, чтобы я забрался на стену и отделил твою глупую голову от туловища? Что это были за пауки?

Стражник, казалось, очнулся.

— А? Что?

— Да пауки же, пауки!

— Они посланы Тем-У-Кого-Нет-Имени, чьему изображению они подобны. Это проклятие Шез-паучихи (все эти пауки — самки), и они ищут того, кто нарушил волю Бога-Паука.

— А что будет, когда они его разыщут?

Часовой посмотрел на Конана, как на идиота.

— Гм, — буркнул Конан. — Ну, и кого же они, потвоему, ищут?

— Стражника. Того, что только что покинул город. Он, должно быть, оскорбил великого Бога.

— Ага. Только, скорее всего, он оскорбил не одного бога, а многих, — сказал Конан. — И спасся к тому же.

Стражник мрачно и серьезно посмотрел на киммерийца.

— Нет, друг. От Шез нет никакого спасения. Если на тебе лежит Проклятие, они последуют за тобой хоть на край Земли. Они не остановятся, пока не выполнят свое предназначение. — Он содрогнулся. — Я не согласился бы поменяться с ним и за все золото города.

Конан повернулся и направился к женщинам, все еще стоявшим и смотревшим на него.

— Нам нужно найти лошадей и достать припасы в дорогу, — сказал он, — похоже, что Скир снова удрал от нас.

Элаши открыла было рот, чтобы сказать что-то едкое, но передумала и промолчала. Вот и хорошо, подумал Конан. Он сейчас не спустил бы так просто любое проявление скандальности или высокомерия.

Глава 12

От продажи шкуры даир-волка у Конана сохранилось еще четыре серебряные монеты, но все, что можно было купить в этом городе на такие деньги, — это одну лошадь, причем вовсе не такую, какая была бы в состоянии нести человека, далекого от дистрофии и истощения. Конану нужны были две лошади, а лучше — три. Кроме того, необходимы были и припасы, ножи и котелок для приготовления пищи, и всякие мелочи, необходимые путешественникам: одеяла, попоны для лошадей, кое-какая одежда и так далее. У них не было времени на то, чтобы заработать все эти вещи, ведь в то время, когда они совещались, Скир уходил все дальше и дальше. Значит, остается воровство — оно даст им все, что нужно, решил Конан. Он знал, что на свете есть достаточно людей, у которых всего в избытке, — больше, чем нужно для хорошей жизни, так что у киммерийца никогда не возникало колебаний, когда он отбирал в свою пользу часть этих богатств. Когда Конан был подростком, он нередко уходил вместе с другими в военные походы из Киммерии, и добыча, взятая в этих набегах, всегда считалась справедливой наградой воинам. В данном случае, правда, это не будет войной, но это, безусловно, будет необходимостью. В городах люди, как правило, держат свое золото и серебро в укромных и хорошо защищенных местах, так что кража будет сопряжена с немалым риском. Воровство же было искусством, которое Конан едва знал, недавно лишь овладев его азами. Без достаточной практики Конан не чувствовал себя слишком уверенным в удаче, но большого выбора у

него не было. Однако не стоило забывать и еще об одном препятствии. На то, чтобы добыть припасы и деньги, а также и лошадей, ему потребуется немало времени. Время было сейчас решающим фактором: с каждой секундой Скир уходил все дальше и дальше. Так что задача Конана состояла в том, чтобы свести до минимума риск и добыть золото для путешествия в самое ближайшее время.

В этот момент внимание Конана привлек ночной рабочий, растягивающий навес над небольшой палаткой. Не то чтобы его поведение было необычным, но киммерийцу почудилось нечто странное в его манере, в движениях... Что-то очень знакомое виделось в нем Конану. Конан еще раз взглянул на этого человека, и в этот момент его словно озарило. Ну конечно же! Утром они проходили мимо старика, курящего трубку. В движениях этого человека было что-то, напоминающее того старика. Они не были похожи друг на друга, но, однако, тело не могло обмануть взор, как это делала одежда. Киммериец подумал о Скире, переодевшимся стражником какой-нибудь час назад.

Конан, Элаши и Туэнн прошли мимо ночного рабочего, и тот не сделал ни одного жеста, говорящего о том, что он наблюдает за ними. И все же теперь, когда мысль о странном незнакомце запаала Конану в голову, молодой киммериец чувствовал огромный интерес к этому человеку. Что бы это все значило?

Конан лукаво улыбнулся.

— Что-нибудь забавное? — спросила Элаши.

— Да, возможно.

Тайный Мастер подождал, пока трое чужеземцев не скроются из виду, после чего бросил свою работу и поспешил обогнуть квартал жилых зданий и конюшен, чтобы здесь встретить варвара и двух его женщин. На бегу он сбросил свою одежду. Под ней оказался совсем другой костюм — длинный плащ, аккуратно свернутый вокруг пояса. Быстрыми и уверенными движениями, говорящими о долгой прак-

тике, он встряхнул плащ, приподнял капюшон... по улице шел уже не ночной работник, а жрец. Он прибыл на место задолго до появления троицы. Из-под плаща Тайный Мастер вытащил циновку для молений, быстро развернул ее и разложил на возвышении у входа в маленький храм богини урожая Вела. Он уселся на циновке, молитвенно сложил руки и поднял глаза, шепча молитвы божеству. Раздались голоса, потом шаги — те, кого он ждал, приближались. Ага, вот и они (Тайный Мастер мог видеть их краем глаза), но... в чем дело? Здесь были только две женщины! Куда девался великан-чужеземец?

Холодный металл коснулся горла Тайного Мастера и в этот миг он понял, куда исчез варвар.

— Почему ты шпионил за нами? — спросил Конан.

— С-с-сын мой, ты ошибаешься...

Конан бросил под ноги «жреца» одежду, которую тот сбросил с себя за несколько минут до этого. Его собеседник судорожно глотнул воздух.

— Че-чего ты хочешь от меня?

— Для начала ответь на мой вопрос.

— Мне заплачено Верховным Жрецом Безымянного. Я следовал за тем, кто покинул город, преследуемый Проклятием.

— А при чем тут мы? Он отнюдь не является нашим другом.

— Вы пришли вместе, вы преследовали его — между вами есть какая-то связь. Верховный Жрец не любит, чтобы в его городе были тайны, неизвестные ему.

— А-а. И хорошо тебе заплатили за твою работу?

В ответе Тайного Мастера явственно слышалась гордость:

— Да. В моем деле нет никого в этом городе опытнее меня. Моя маскировка великолепна, и до сих пор никто не смог узнать меня.

— До сих пор. Я надеюсь, что у тебя есть с собой хотя бы часть твоего гонорара?

— А? Зачем?

— В знак твоей признательности за встречу. И чтобы сохранить твою шею целой и невредимой.

Конан чуть сильнее надавил на меч, прижав его к горлу шпиона.

— В моем кошельке, — поспешно сказал несчастный. Его голос больше походил на шепот. Элаши и Туэнн подошли ближе, разглядывая пойманного Конаном шпиона. Конан велел:

— Передайте мне его кошелек.

Элаши наклонилась и срезала кожаный кошелек, висевший на поясе пленника.

— Митра! Да тут же одно золото! Не меньше дюжины монет!

Обращаясь к шпиону, Конан сказал:

— Действительно, недурно заплачено. И сколько же ты отдашь нам за то, что мы были первыми, кто сумел оценить твое искусство маскировки?

— В-в-все золото!

Киммериец отвел свой меч от горла шпиона и усмехнулся.

— Нет, мы не оставим человека без гроша в кармане. Сколько нужно, чтобы купить трех лошадей и припасы на месяц пути?

— Два золотых слона.

— Возьми три золотых, — приказал Конан Элаши.

— Только три? Если он таскает с собой столько золота, у него наверняка найдется еще больше где-нибудь в потайном месте!..

— Нет-нет, три золотых — это все, что нам нужно.

— Вы очень щедры, — сказал шпион. — Я не хочу ссориться с вами и держать на вас зло. Знаете, я, пожалуй, пойду.

— Подожди-ка, — сказал киммериец, подняв меч и уперев его в живот пленника. — Я не хотел бы, чтобы ты сейчас же побежал к Верховному Жрецу и поднимал тревогу раньше, чем мы будем далеко от города.

— Мне это и в голову не пришло...

— И чтобы этого не случилось, я думаю, нам лучше связать тебя.

— В этом нет необходимости. Я могу дать вам клятву...

— Мой жизненный опыт утверждает, что веревка связывает надежнее, чем клятвы, — заметил Конан. — Так что, думаю, мы все-таки свяжем тебя полосой от твоего плаща.

— Право, вам вовсе не обязательно это делать... — снова начал шпион.

Элаши наклонилась над ним и заметила:

— Лучше связать тебя, чем перерезать тебе горло, а? Мой друг любит смотреть, как льется кровь. Иногда он даже пьет ее.

Тайный Мастер содрогнулся и, бросив на Конана испуганный взгляд, быстро протянул ему руки, чтобы тот связал их.

Через несколько минут трое путешественников уже шли в сторону лавки торговца, того самого, которому Конан продал шкуру даир-волка всего день назад.

— Я уверен, он ничего не будет иметь против того, чтобы продать нам то, что нам нужно, даже в этот поздний час, если мы купим товаров на два золотых, а заплатим за них три.

— Значит, мы покинем город этой ночью? — спросила Элаши.

— Луна светит ярко, и дорога видна хорошо. Если Скир может путешествовать в темноте, значит, и мы сможем сделать это, — ответил Конан. — Нам нужно уйти на приличное расстояние, чтобы погоня не смогла нас догнать.

— Путешествовать ночью — не такое уж плохое дело, — вставила Туэнн. — К этому может привыкнуть любой.

И они быстрым шагом пошли к лавке знакомого купца.

Нэг стоял, мрачно уставившись на свое отражение в зеркале, когда один из Безглазых бесшумно вошел в комнату и остановился за спиной колдуна.

— Да?

Они не говорили, эти слепые жрецы, но у них был богатый запас жестов и знаков. Жрец растопырил шесть пальцев на руках и резко чиркнул пальцем по своей шее. Это был более чем понятный знак...

— Мертвы? Все шестеро?

Жрец кивнул.

— Чтоб их поглотил Сэт! Но каким же образом?

Безглазый пожал плечами. Нэг задумался над полученным сообщением. То, что жрец знал о случившемся, не было для него загадкой. У них существовала какая-то невидимая связь. Но ему-то что теперь делать? Они, совершенно очевидно, нашли Туэнн и были убиты за это. Вероятно, они были все еще недалеко от нее. Он может послать туда еще нескольких жрецов или... Нэг резко повернулся и быстро пошел к Комнате Заклинаний. Если только тела убитых жрецов не были сожжены или изрублены на куски, они могут еще пригодиться ему. Нэг вызовет их души из Серых Земель и оживит их тела. Кто бы ни убил их, он скорее поймет, что иметь дело с зомби — куда более неприятная штука.

Конан, Элаши и Туэнн приближались к Южным Воротам Опкофарда. Теперь они сидели верхом на крепких лошадях, к седлам которых были приторочены тюки с провизией, одеялами и всем прочим, необходимым для путешествия. У ворот стоял все тот же стражник. Он узнал Конана и, не сказав ни слова, приказал сторожу открыть дверь. Половина ночи уже прошла, когда Конан, Элаши и прекрасная зомби покинули город пауков.

Помещения морга находились глубоко под землей, чтобы жар солнца не ускорил процесс разложения его

обитателей. Там и в полдень было темно и холодно, а уж сейчас, когда время приближалось к полуночи, тьму рассеивал лишь легкий, дрожащий свет от светильников, установленных на металлических подставках вдоль стен. Воздух морга был неподвижен, но тени плясали на стенах, когда жир брызгал и шипел в светильниках, и длинные нити дыма поднимались к низкому потолку.

Служитель морга сидел на стуле с высокой спинкой у стены, неподалеку от двери, увлеченно занимаясь своим ужином. У него был сыр и кусок черного хлеба, а также, видно, и несколько свежих яблок, и он разговаривал сам с собой, решая, что съесть сначала и когда именно это сделать. Он был занят до этого, очень занят. В морге появилось восемь свежих трупов, и все они погибли насильственной смертью. Причем шестеро из них были слепы, что само по себе необычно. За двенадцать лет, что он работал в морге, встречались, конечно, самые разные покойники, но таких одинаковых видеть ему еще не приходилось. Ну, а рядом с ними лежал жрец с гор, «ублат» или «облат», или как там их называли... И наконец, в двух шагах от жреца лежал стражник с проломленным черепом и сломанным шейным позвонком. К тому же у него еще и горло было перерезано ножом. Этой ночью кто-то изрядно жаждал крови, это точно.

Сыр, наконец решил служитель, недурно будет запить вином, а фрукты можно оставить на потом. Но едва он начал разворачивать холстину, в которую был завернут сыр, как что-то встревожило мух в помещении. Обычно в морге было не слишком много мух. Служитель не обращал внимания, когда они с жужжанием крутились вокруг его подопечных. Время от времени, когда его одолевала скука, служитель начинал гоняться за ними с мухобойкой, но обычно они не слишком-то беспокоили его. Иногда труп приподнимался из-за газов, и мухи ненадолго отлетали, но потом все возвращалось на свои места. Да, скорее

всего, именно трупные газы и привлекли внимание служителя. Странно, подумал он и, отрезав кусочек сыра, бросил его себе в рот. Дрожащий, неверный свет тусклых светильников, казалось, сдвинул с мест один из трупов в углу комнаты. Служитель усмехнулся. Такое уже случалось раньше, раз или два. Те, кого люди считали мертвыми, внезапно просыпались от глубокого, напоминающего транс, сна. Вот только к тем мертвецам, что лежали сейчас на полу, это не относилось. Ни один из этих людей не умер от болезни или старости — их жизни оборвала холодная сталь или удар кирпичом, и они были так же мертвы, как тот камень, на котором они давно лежали.

Мухи снова зажужжали, на этот раз громче обычного. Служитель вскочил, судорожно схватив рукоять ножа для разделки жареного мяса. Что там? Может, крыса? Чтоб Сэт испепелил этих проклятых грызунов! Служитель ненавидел этих остромордых увертливых тварей. Он соскочил со стула. Лучше пойти и проверить все самому. Он наклонился, осматривая пол в поисках крысы, и в этот момент один из мертвых слепых жрецов пошевелился и встал. При виде этого зрелища служитель подпрыгнул так высоко, что ударился головой о низкий потолок. Газы, это газы, тупо подумал он.

Один за другим мертвые жрецы приподнимались и вставали с отведенных им мест. Когда один из них, соскользнув с соломенного матраса, начал поворачивать голову вправо и влево, словно оглядываясь, служитель не выдержал и с диким воплем ужаса рванул к двери, уронив и хлеб и сыр. Налицо было черное, дьявольское колдовство, и ничего больше! Когда служитель выбежал на улицу, Безглазые бесшумно вышли на улицу, так и не произнеся ни слова и вновь объединившись во имя одной общей цели. Они искали ту, что была во всем равна им теперь, и на этот раз они схватят ее — или навеки останутся зомби, не мертвыми, но и не живыми.

Скир скакал галопом, пока лошадь вконец не выбилась из сил. Зрелище тысяч пауков, черной волной катящихся к нему, вызвало в его душе такой панический ужас, какого ему никогда не приходилось испытывать прежде. Но теперь, так далеко от города, Скир почувствовал себя увереннее. То, что произошло там, в Опкофарде, далеко выходило за рамки его понимания. Скиру хотелось немедленно поймать какое-нибудь животное и, выпустив ему кровь, вызвать Нэга и рассказать ему о случившемся. Но годы опыта в деле самосохранения не позволили ему выполнить эту заманчивую идею. Похоже, тут не обошлось без какого-то дьявольского дела, а возможно, и предательства. Скир не сумел бы сохранять так долго свою голову на плечах, если бы хоть кому-то доверял. Вот когда он вернется в укрепленный замок Нэга, расположенный в овечьем лабиринте Треугольнике, где сходились границы Коринфии, Заморы и Кофа, он сумеет разобраться в происходящем. У него есть друзья (или, во всяком случае, люди, которые согласятся за хорошую плату снабдить его кое-какой информацией), и они смогут предупредить его о том, что именно замысливает Нэг (если, конечно, это его шуточки). Ну, а узнав все, Скир будет действовать по обстоятельствам. Но скорее всего, произошла какая-то ошибка — чего не бывает в таком сумасшедшем городе... Да, он узнает обо всем, когда доберется до замка Нэга. А если вдруг дела пойдут не так, как он рассчитывает, что ж, тогда он будет вести себя, как покрытый острыми колючками муравьед, занимающийся любовью, — медленно и с большой осторожностью. Холодок пробежал по спине Скира, и он плотнее закутался в украденный им плащ.

— Часа через два мы разобьем лагерь, — сказал Конан.

Элаши заметила:

— Я думала, что мы будем путешествовать и ночью, когда дорога пустынная, а путь освещает луна.

— Скир рано или поздно должен лечь спать, мы тоже нуждаемся в этом. По крайней мере, ты и я.

Но очень скоро Конан резко остановил своего коня. Он напряженно уставился в темноту, а потом повернулся к Элаши.

— Ты, кажется, говорила, что эти пауки любят тепло, так?

— Да, они водятся в основном в пустыне. Такой холодный воздух, как здесь, наверняка убьет их или парализует.

— Не думаю, что это так. Смотри!

Элаши напрягла глаза, всматриваясь в темноту.

— Я не вижу ничего, кроме маленького холмика впереди.

Конан повернулся к Туэнн.

— Я вижу их, — тихо отозвалась она.

— Их? Где? — Элаши привстала на стременах. Ее юбка с длинными разрезами сдвинулась, приоткрыв крепкие бедра, и Конан подивился сильным мышцам ее ног.

— Холм, — сказал киммериец. — Посмотри на него внимательнее.

Прошла еще одна секунда, и тут Элаши воскликнула:

— Он передвигается!

— Да. Это пауки. Возможно, те, что находятся снаружи, погибли, но похоже, что те, которые внутри, смогут пережить и более холодную ночь.

— Но пауки никогда не ведут себя так!

— Обычные пауки не делают этого, верно, — ответила Туэнн. — Но эти пауки — необычные, на них наложены чары. Они должны выполнить свое предназначение.

Элаши содрогнулась, да и у Конана холодок пробежал по спине. Ему бы очень не хотелось стать объектом столь пристального внимания со стороны этих дьявольских тварей.

- Вернемся назад немного и разобьем лагерь на ночь.
- Я надеюсь, здесь безопасно? — спросила Элаши.
- И я надеюсь.

Глава 13

Полосы материи, которыми его связали, были настолько легкими, что сбросить их не составляло большого труда, а вот от эмоций, обуревавших его, избавиться было куда труднее. Даже ночь была не в силах скрыть унижение Тайного Мастера; ему казалось, что кожа его светится в темноте, крича каждому проходящему мимо: «Меня опозорил Варвар!» Это чувство терзало его, кусало, словно невидимая крыса, и каждый такой «укус» причинял адские муки его гордости. Он чувствовал себя уязвленным. За двадцать лет работы он ни разу не был раскрыт, узнан. Бывало, конечно, что люди, никому не доверявшие, и на него бросали опасливые взоры, но ведь точно так же смотрели они и на всех остальных. Никто еще не сумел поймать его так, как это сделал мускулистый северянин, и никто еще не сумел заметить его за работой. В душе Тайного Мастера всегда жило чувство гордости за свое мастерство. Теперь же у него больше не было этой прекрасной, сияющей уверенности в себе. И хуже всего было то, что после такого страшного оскорбления этот негодий-варвар еще и ограбил его!

Тайный Мастер быстро шел по улице, кипя от гнева. Деньги мало значили для него. За годы работы он сумел сколотить солидное состояние, и у него было гораздо больше золота, чем он мог потратить. А вот искусство, его искусство — это другое дело. Искусство и честь. Сейчас его честь была оскорблена. Маленькое темное пятно на белоснежной одежде его честолюбия сделало ее серой. Конечно, правдой было и то, что всего один человек из тысяч сумел распознать его, и все же... Пятно оставалось пятном. Что же ему теперь делать? Решение, казалось, напрашивается само собой. Пока варвар (Конан — кажется, так он себя называл) ходит по Земле

Живых, честь Тайного Мастера не будет очищена. Живой варвар вечно будет служить ему напоминанием о позоре. Когда же он умрет, это будет предупреждением другим — ни один человек не сможет больше похвастаться, что он победил Тайного Мастера.

Да. Это был единственный выход. Тайному Мастеру и самому приходилось время от времени убивать, но он не считал себя профессионалом в этой области. К чему? У него было куда больше золота, чем он смог бы потратить, и были люди, куда более умелые в мастерстве быстрой смерти, готовые обменять свое мастерство на золото. Верховный Жрец не тревожил его больше своими просьбами — чужеземцы покинули город. Но честь Тайного Мастера требовала крови врага. Он покончит с варваром, даже если ради этого ему придется дойти до самого края Земли. Тогда-то он насладится видом варвара, пресмыкающегося у его ног, подобно червяку и молящего о последнем милосердном ударе. Тайный Мастер улыбнулся.. Это была приятная мысль. Решено, Конан из Варварии умрет и честь Тайного Мастера будет спасена. Он найдет людей и закупит лошадей и припасы в дорогу. Как можно скорее.

Элаши вскрикнула. Конан очнулся от сна и вскочил с мечом в руке, ожидая нападения врагов. Но при ближайшем рассмотрении непрошенный «гость» оказался не таким уж опасным. Один из черных пауков с шуршанием карабкался по одеялу Элаши. Не долго думая, Конан пяткой раздавил его. Мягкий хлюпающий звук послышался при этом. Снова повернувшись к Элаши, Конан увидел, что обе женщины сидят, прижавшись друг к другу.

— Это был один-единственный паук, — сказал он. — Наверное, он отстал по дороге от остальных.

— Я ненавижу их! — крикнула Элаши. И через секунду добавила: — Туэнн, какая же ты холодная, просто кусочек льда!

Белокожая бледная женщина кивнула:

— Мне было холодно долгое-долгое время; сколько я могу себя помнить. Это то неудобство, к которому мы, зомби, вынуждены привыкать.

Несколько мгновений все молчали. Потом Элаши взглянула на Конана. Она слегка приподняла левое колено, и ее юбка откинулась назад, обнажив красивое бедро, смуглое от загара. Ее кожа резко контрастировала с кожей Туэнн, и этот эффект был настолько ошеломляющим, что дыхание Конана участилось.

— Ей холодно, Конан. Иди сюда и помоги мне согреть ее.

Сначала молодой киммериец понял ее слова буквально. Но когда Элаши раздвинула колени, подняв свою юбку так, что он явно различил темный треугольник, до него дошло, что ее намерения шли несколько дальше. Это было приглашение, от которого он не собирался отказываться. Конан не стал спрашивать, почему она решила это сделать, — ему еще не случалось встречать мужчину, способного разобраться в поведении женщин.

— Да, — сказал он, снимая пояс с мечом, — мы согреем друг друга.

Туэнн и Элаши улыбнулись, усмехнулся и киммериец, присоединяясь к ним под теплым шерстяным одеялом.

От Брута несло потом и кислым вином, но для Тайного Мастера это не имело большого значения; в конце концов, этот человек был убийцей, и, как утверждали, лучшим в городе. Брут занимался этим ремеслом уже шесть лет, и то, что он до сих пор был жив, говорило о его опыте. Судя по информации, полученной Тайным Мастером, Брут (если у него и было другое имя, никто не знал о нем) убил в открытом поединке семнадцать человек; в добавление к этому, как минимум еще два раза по столбко он убрал из-за угла. Он был громадным, грязным, жестоким и грубым. Именно такой человек и требовался Тайному Мастеру.

Когда лучи рассвета окрасили небо в золотистый цвет, Тайный Мастер осмотрел свой пестрый отряд. Кроме Брута, он нанял еще двух проходивцев (их опыт не шел дальше карманного воровства), способных пойти на что угодно ради денег. Убийство, похоже, не смущало этих людей, и он доверял им не больше, чем шакалам. Однако рядом с Тайным Мастером постоянно находился Брут — он использовал его и как телохранителя. Конечно, ради золота Брут тоже мог бы с легкостью зарезать кого угодно, но ему была обещана кругленькая сумма по возвращении в Опкофард, и Тайный Мастер сделал все, чтобы его отряд знал, что при себе у него нет больших денег. Живой и вернувшийся в город, он будет стоять много, убитый же по дороге, не даст своим убийцам ничего.

Ему потребовалось немало усилий, чтобы узнать все, что возможно, о Скире, и эта информация была не слишком приятной. Он выяснил, что его хозяин — черный колдун Нэг, о котором говорили только плохое, да и то шепотом. К тому же присутствие женщины-зомби и побег из морга шести мертвецов явно говорили о каком-то колдовстве. И так как Нэг Ужасный был широко известен как специалист по чарам такого рода, то, скорее всего, он приложил ко всему этому свою руку. Если Скир направляется в его замок, то, несомненно, его преследователь, этот Конан, выберет это же направление. Так что для того, чтобы найти свою жертву, Тайный Мастер должен всего-навсего отправиться к замку черного колдуна. Рано или поздно он встретится с обреченным киммерийцем. Если же этого не случится, Тайный Мастер подождет, пока варвар станет возвращаться из замка назад. Это был очень простой план и, как и большинство его планов, вполне осуществимый. Чувствуя, как возвращается к нему уверенность в себе, Тайный Мастер вывел свой пестрый отряд из Южных Ворот

Опкофарда и повел его по дороге, освещенной первыми лучами восходящего солнца.

Восходящее солнце осветило и Скира — скорчившегося, мечущегося в кошмарном сне, — ему снилось, что он похоронен под грудой живых пауков, кусающих его ядовитыми челюстями, и яд горел в жилах, как кислота... Скир резко вскочил, судорожно хватая ртом воздух. Холодные капли пота выступили на его лице. Пауки!.. Он содрогнулся. Сон. Это был только страшный сон. Тем не менее, Скир поспешил свернуть свои одеяла и разжечь костер для завтрака. Было не похоже, что пауки смогли последовать за ним через холодные заснеженные горные перевалы. Меньше чем через неделю он вернется в замок Нэга, и этот драгоценный магический талисман конечно же сумеет надежно защитить его от любого врага, будь то человек или паук.

Они шли, как один человек, и их ступни в унисон касались земли. Шестеро, которые недавно были живыми, теперь жили только благодаря колдовству Нэга. Да, Безглазые были мертвы, но это не мешало им неумолимо идти к своей цели. Они не останавливались на отдых, им не нужны были еда и питье. Мертвым не было нужды в этом.

В самом чистом зале своего замка Нэг задержался на мгновение, чтобы коснуться ладонью хрустального шпиля в центре облицованной мраморными плитами комнаты. Вскоре у него будут Власть и Сила, вскоре он сможет наконец использовать этот зал по назначению. И тогда он будет уже не Нэгом Ужасным, а Нэгом Всемогущим. Колдун улыбнулся, проведя пальцами по холодному хрусталу. Это прикосновение доставляло ему почти физическое наслаждение, какого он не знал вот уже несколько сотен лет. Власть. Мощество. Власть была самым сильным наслаждением.

И когда у него будет эта власть, он призовет Туэнн и сделает с ней то, что он был не в состоянии сделать прежде. Он делает это.

Конан проснулся в объятиях двух женщин. Элаши спала справа от него, и ее дыхание легко щекотало его обнаженную грудь. Туэнн, тело которой не было уже таким холодным, как прежде, тихо лежала слева, и ее губы нежно прижались к его коже. Никогда прежде молодому киммерийцу не приходилось проводить подобной ночи, и память о ней вызывала довольную улыбку на его губах. Поход с двумя женщинами нравился ему теперь гораздо больше, чем раньше, это уж точно.

Элаши потянулась и открыла глаза. Туэнн тоже подняла веки, хотя она и не спала. Обе женщины, подняв головы, улыбнулись друг другу, обменявшись взглядом через широкую грудь Конана, а потом улыбнулись и ему.

— Хоршо спалось, Конан? — спросила Элаши.

— Великолепно, лучше и быть не может.

Туэнн сказала:

— Мне ни разу еще не было так тепло за все эти столетия. Спасибо вам обоим за это.

— Не стоит благодарности, — ответил Конан. — Если тебе сейчас холодно...

Элаши ткнула его кулачком в плечо:

— Кот мартовский!

Конан ухмыльнулся. Может, и не кот, но нельзя отрицать, что он получил то, что хотел. Киммериец был весьма горд собой.

Через несколько минут Конан развел костер, и они приготовили на скорую руку завтрак. Как обычно, свежего мяса они не взяли — сушеное было много легче, к тому же свежее быстро испортилось бы в дороге. Так что они вскипятили чайник с водой, заправленной душистыми травами, и закусили сыром с хлебом. Горячий чай прогнал утренний холод и

взбодрил путешественников. После того как палатка была свернута и лошади навьючены, все трое двинулись в путь. Пройдя метров двести, они остановились на секунду в том месте, где прошлой ночью заметили пауков. Только с десятков дохлых тварей валялись на земле. Многие из них были уже почти доедены птицами.

— Они ушли вперед раньше нас, — заметил Конан. — За исключением тех, разумеется, кого убил холод.

Элаши сказала:

— О-ох, как подумаю об этих черных созданиях, ползущих по дороге, меня в дрожь кидает!

— Подумай, что бы ты почувствовала, если б узнала, что они преследуют тебя, а не Скира, — сказала Туэнн.

— Весьма неприятная мысль, — сообщил Конан. Да уж, он не пожелал бы такой судьбы никому, даже Скиру. В его собственные планы входило встретиться с этим вором и убийцей в честном поединке — это была бы честная и почетная смерть. Возможно, такая участь была даже лучше того, что заслуживал Скир, если учесть только те преступления, о которых знал Конан... И все же колдовство было такой вещью, которую лучше всего не трогать, и Конан не стал бы насылать на Скира такое проклятие, какое наложил на него Бог-Паук.

Глава 14

Десять дней пролетели для Скира очень быстро. Он мало спал, останавливаясь только тогда, когда густая тьма вынуждала его расседлать усталую лошадь. Поднимался Скир с первыми лучами солнца, закусывал из своих скудных запасов и продолжал путь. Он часто оглядывался назад, но пока не видел ничего подозрительного. Тяжесть украденного талисмана, казалось, росла с каждым днем, но упорное, тяжелое путешествие приближало Скира к замку Нэга с каждым ударом конских копыт. Еще один день — и он вступит на территорию, где он так же

известен и уважаем, как Нэг — на своей. Еще один день.

— Мы недалеко от городка, лежащего на самой границе владений Нэга, — сказала Туэнн. — Я чувствую его приближение.

— Скир изо всех сил спешит вперед, — заметил Конан. — Мы прошли не слишком много и почти не приблизились к нему.

Элаши мягко сказала:

— Догнать его — моя цель, но, должна признаться, сейчас я с нетерпением жду наступления ночи.

Конан ухмыльнулся. Он тоже не имел ничего против скорейшего наступления ночи.

Нэг чувствовал приближение Талисмана Света, как озябший человек чувствует близость костра. Сейчас это был только далекий, дрожащий огонек, но он неумоимо приближался. Нэг стоял у одного из высоких окон замка, наблюдая, как бушевала и металась вокруг дворца в яростных порывах молний, в безумном урагане гроза. Сотни молний превращали ночь в ясный день, но лишь на мгновение, и раскаты грома следовали за каждой вспышкой света, подобно голосу разъяренного великана. Сплошные потоки ливня стекали с древних стен замка, и запах смерти касался ноздрей колдуна, когда очередной порыв влажного воздуха доходил до зала, где он стоял. Скоро, очень скоро зазвенит сталь, и земля задрожит от топота сапог, когда он прикажет мириадам мертвых встать под его знамя и идти на его врагов. Скоро...

Шестеро мертвых Безглазых мерно шагали по дороге, стойчески перенося холод и беснующуюся грозу. Они шли, как всегда, их лишь немного задерживали ветер и грязь. У них не было колдовской, сверхъестественной скорости, но, как черепахи, они медленно, безостановочно продвигались вперед. Отсутствие ло-

шадей не слишком мешало мертвым жрецам. Они могли идти и ночью и с лихвой возмещали скорость лошадей или мулов. Они хотя и медленно, но упорно приближались к той, кого они так упорно искали. Для них не имело значения, куда именно она шла. Не имело значения и то, сколько времени потребуется им, чтобы преодолеть это расстояние. Рано или поздно они настигнут ее, даже если для этого им придется добраться до края Земли. Или перешагнуть через него.

Брут проворчал:

— Будь он проклят, этот паршивый дождь!

Капюшон, наброшенный на голову, протекал, и струйка холодной воды сочилась за ворот. В раздражении он столкнулся с дороги одного из своих попутчиков-воров.

— Легче, ты! — недовольно заорал бандит.

Тайный Мастер не знал настоящего имени этого человека и называл его просто «Порт», так как во время движения он всегда держался слева. Второй жулик получил прозвище «Мачта» из-за того, что был тощим и долговязым. Однажды Тайному Мастеру пришлось внедриться в шайку морских бандитов, целый год плавал он с ними тайными маршрутами по Вилайету к восточным городам Турана: в Кораф, Корасан, Онатрул и с полдюжины других портов. Он хорошо знал жаргон моряков и их словечки и, переодеваясь моряком, использовал их как часть своего маскарада.

Брут бросил на недовольного вора злой взгляд:

— Ты, кажется, хочешь что-то сказать, пожиратель крыс?

Порт вздрогнул и едва слышно ответил:

— Нет, командир. Я просто не ожидал этого, вот и все.

Брут повернулся к нему спиной, тут же забыв об инциденте. Тайному Мастеру уже не раз приходилось

удерживать Брута, чтобы он не убил на месте своих спутников. Вот так, хорошо, подумал он. Чем больше наемный убийца будет злиться, не находя выхода своему раздражению, тем хуже для Конана. Мастер не сомневался, что уже скоро они нагонят и схватят варвара. Дождь его не слишком беспокоил, хотя его капюшон намок не меньше, чем капюшон Брута.

Как-то ночью, во время проливного дождя, Конан вылез из палатки по малой нужде. Прыгая по земле, чтобы обойти глубокие лужи — вода залила все ямы и выбоины возле их палатки, — он увидел, как что-то проползло по мокрой земле. Крыса? Или, может быть, бурундук?.. Нет. Конан среагировал не сразу, и тварь успела избежать удара его сапога, исчезнув в темноте.

Конан поспешил вернуться в палатку. Элаши улыбнулась ему и, потянувшись, сонно спросила:

— Все в порядке, Конан?

— Да, — ответил он.

Он не стал рассказывать о многоногом существе, которое только что видел. В этом не было, на его взгляд, никакой необходимости. Но короткий взгляд темных глаз Туэнн показал, что она также видела паука.

Маленький город имел множество названий. Иногда его называли «Ванатта», в честь одного из местных жителей, который прославился удивительными талантами в политических делах (это было лет триста назад) и стал наконец советником самого царя. Те же, кто имел дело с Нэгом, именовали здешние места «Убежище Колдуна». Ну а сами жители городка называли его просто «городом дождей», так как сезон дождей казался здесь вечным, хотя вся округа была сухой. Многие винили в этом постоянном дожде колдовство Нэга, но лишь очень и очень немногие осмеливались говорить об этом вслух. Здесь и у мертвых

были уши, и никто из местных жителей не стремился привлечь к себе внимание Нэга своим неудовольствием в его адрес.

Скиру было плевать на названия (а на городок он обращал еще меньше внимания), но никогда еще он не был так рад видеть его, как в этот вечер. Здесь у него были друзья или, по крайней мере, приятели, готовые помочь ему в обмен на золото или доброе расположение Нэга.

Скир подъехал к самому маленькому из постоянных дворов городка, еле держась в седле от усталости. Его глаза слипались, и он был страшно раздражен этой безумной скачкой. Сумерки уже начали сгущаться, но, по крайней мере, прекратился этот проклятый дождь, поливавший его холодными струями воды. У входа в караван-сарай Скир передал поводья лошади мальчишке-слуге.

— Прими коня и присмотри за ним, — буркнул он.

— Да, господин мой, Скир! Счастлив снова видеть вас!

Не обращая внимания на мальчика, Скир протопал по липкой грязи к двери постоянного двора. Гостиница называлась «Вареный боров», по причинам, известным только ее первому владельцу (давно уже умершему), и, как это обычно случается с подобными сооружениями, нуждалась в коренной перестройке... либо в хорошем пожаре, которые могли бы улучшить ее качество и внешний вид. «Свиное корыто» было бы более подходящим названием для этого заведения, но Скир с радостью вошел внутрь дома. «Вареный боров» гарантировал ему безопасность, во всяком случае, на эту ночь, и это было главное. Любой, кто стал бы спрашивать о Скире, встретил бы недоуменные взгляды и удивленно поднятые брови. Скир? Здесь нет никого с таким именем. Нет, никто не приходил сюда поздно ночью. Возможно, вам лучше спросить в «Некрополисе» или в «Курящем Коте»...

Внутри хозяин постоянного двора, толстый мужчина (лицо его было украшено шрамами, доставшимися ему от карьеры солдата), кивнул Скиру.

— Мне нужна комната, — сообщил Скир, — и кувшин вина, который мне принесет бабенка посмазливей. Она останется со мной на ночь. Да, ты меня не видел, понял?

Человек со шрамами кивнул.

— Возьми комнату номер четыре, — сказал он. — Имельда принесет тебе кувшин с вином.

Скир машинально качнул головой. Скир знал, что Имельда была достаточно чистоплотной, не говорила лишнего и не задавала ненужных вопросов. Отлично. Все, что ему сейчас было нужно, так это общество хорошенькой женщины и сон, хотя в последнем он нуждался гораздо больше, что говорило о его предельной усталости.

Устало волоча ноги, Скир побрел к своей комнате. О деньгах не было и речи, так как половина пая «Вареного борова» принадлежала Скиру и это давало ему некоторые привилегии. Утром он поспрашивает кое-кого, стараясь узнать, насколько это возможно, в каком настроении пребывает Нэг. Но сначала ему необходимо немного отдохнуть.

Когда на землю спустилась ночь и все вокруг потемнело, Конану, Элаши и Туэнн пришлось остановиться, хотя это и шло вразрез с их желанием. Перед ними лежало узкое ущелье, по дну которого несла свои быстрые воды горная река. Через пропасть был переброшен мост, сделанный из толстых веревок и деревянных брусьев, но удерживающие мост опоры с той стороны, где стояли Конан и обе женщины, явно ослабли (по всей вероятности, из-за недавней грозы) и одно из бревен выскочило из мокрой, раскисшей почвы. Толстый канат растянулся над бездной до следующей опоры, также едва удерживая уцелевшие дошки, вторая опора свалилась на выступ тридцатью

метрами ниже, и канаты, привязанные к ней, свисали, как ветви ивы, раскачиваясь под порывами ветра.

— Ох, — сказала Элаши. — Теперь нам придется искать обход.

Туэнн покачала головой:

— До следующего моста — не меньше ста километров, если он еще цел.

Конан соскочил с коня и внимательно вгляделся в пустоту, склонившись над краем обрыва. Затем выпрямился во весь рост, стряхнул грз с ладоней и осмотрелся.

— Что ты ищешь? — спросила Туэнн.

— Для починки моста необходимы запасные канаты, если только строители дали себе труд хоть немного подумать о будущем. Держу пари, что они к тому же хорошо защищены от порчи.

— Что нам это даст? — спросила Элаши. — Я не вижу здесь ни одного достаточно толстого дерева, которое могло бы выдержать тяжесть моста. Да и веревки висят слишком далеко внизу, чтобы до них дотянуться.

— Ага, — сказал киммериец. — Я вижу ящик, спрятанный в расщелине скалы. Пора нам взглянуть на его содержимое.

Как и предполагал Конан, в крепком деревянном ящике, смазанном пахучим маслом, нашлось несколько связок канатов различной толщины. Конан принялся расплетать один из канатов на более тонкие, закрепляя их узлами через равные промежутки.

— В Киммерии мы учились лазать по скалам раньше, чем ходить. Я спущусь вниз и соединю канат с опорой. Наши лошади смогут поднять эту опору вверх, и мы установим ее на прежнем месте, закрепив хорошенько, потом натянем канаты моста — и спокойно перейдем на другую сторону.

— А как насчет веревок моста? — спросила Элаши.

— Пустяковое дело. Я поползу по мосту, поймаю их руками и закреплю снова на том месте, где им положено быть.

— В темноте?!

Киммериец засмеялся.

— Лучше это сделать утром. Даже варвар не станет рисковать, карабкаясь по мокрым камням в темноте, если только в этом нет крайней необходимости.

— Пожалуй, нам стоит лечь в постель пораньше, — заметила Элаши, — чтобы ты собрался с силами утром.

Конан улыбнулся ей, потом — Туэнн.

— Да, пожалуй. Неплохая мысль.

Утром Конан проснулся и встал, чувствуя себя намного бодрее и крепче. Пока две женщины готовили завтрак, он привязал один конец толстого каната к уцелевшей опоре моста, укрепил толстое бревно обломком скалы, вбив его в почву, затем перебросил канат через край обрыва и стал спускаться вниз. Камни были уже не такими влажными, как вчера, и ему было несложно найти выступы и щели в скалах, где можно было поставить ногу. Конану потребовалось всего несколько минут, чтобы спуститься к висевшей внизу опоре моста. Он прикрепил канат к опоре, а подняться наверх было делом нескольких секунд для его крепких рук. Несколько больше времени ушло у него на то, чтобы сделать самодельную упряжь для трех лошадей, но еще до того, как солнце поднялось в зенит, он сумел поднять на место упавшую опору. Мышцы Конана вздувались буграми, когда он помогал лошадям тянуть опору. Затем он укрепил толстые бруссы в раскисшей земле, завалив их крупными осколками камней. Еще два часа ушло на то, чтобы плотно забить толстые опоры в почву и починить сломавшиеся перекладыны. И наконец, Конан выполнил последнее дело, проползая по мосту на канате, словно обезьяна, карабкающаяся по лианам, и спустился вниз, чтобы схватить качающиеся канаты. К полудню вся работа по починке моста была закончена — Конану помогло его умение лазать по скалам. Конечно, немалую долю работы проделали и лошади.

Судя по всему, решил Конан, мост стал таким же крепким и надежным, каким был и прежде.

Но едва они ступили на мост, чтобы перебраться на другую сторону, как Туэнн резко повернулась в седле и оглянулась назад.

— Что? — спросил Конан.

— Безглазые!

Он также повернулся и увидел шесть фигур, бегущих к мосту. Они передвигались до оторопи одинаково, в унисон. Конан потянулся за мечом.

— Нет, Конан! Они мертвы — как и я. Твой меч бессилен против них!

— Я отрублю им головы! Пускай попробуют отыскать нас без них!

Элаши заметила:

— Есть способ получше.

Конан повернулся и уставился на нее. Она повернула ладонь по направлению к мосту, на котором стояли лошади. Конан тут же понял, что она хотела этим сказать.

— Отличная мысль.

Великан-киммериец ударил каблуками по бокам своей лошади и двинулся вперед. Очутившись на берегу, Конан быстро соскочил с седла, кони женщин с топотом проскакали дальше, мимо него. Киммериец вытащил меч из ножен и застыл в ожидании. Было очень важно сделать задуманное вовремя, не раньше и не позже. Обидно, однако, было самому разрушать плоды собственного напряженного труда...

Шестеро жрецов-зомби разбились на две группы, по трое в каждой, и продолжали приближаться к мосту, по-прежнему не произнося ни слова. Конан, во всяком случае, ничего не слышал. Ступни их ног коснулись первых планок моста. Конан ждал. Первые двое жрецов были уже на середине моста, другие — в десяти шагах сзади, а последние двое едва вступили на мост. Конан все еще ждал. Первые двое были уже

на расстоянии трех метров от него. Конан ждал, подняв меч. Два метра... Один... Пора! Изю всех сил Конан взмахнул мечом и резко опустил его. Отточенное лезвие ударило по одной из основных удерживающих мост веревок, начисто перерубив ее. Мост резко накренился, когда опора качнулась и накренилась влево. Трое Безглазых беззвучно ухнули в пропасть. Трое их товарищей оказались более ловкими и успели ухватиться за доски моста, удержавшись на нем. Еще одним ударом Конан перерубил центральный канат. Мост накренился еще сильнее, и еще один зомби, не удержавшись, свалился вниз, в бездну. Оставшиеся двое зомби продолжали медленно идти по ненадежному, шаткому мосту к Конану. Меч киммерийца взлетел в третий раз. Последний титанический удар перерубил оставшийся канат, и уцелевший кусок стропил рухнул вниз, раскачиваясь как маятник. Последние двое жрецов от удара слетели с моста и свалились в реку, бурлящую далеко внизу, в ущелье. Туэнн, сидевшая верхом на лошади за спиной Конана, сказала:

— Это не уничтожит их.

Конан повернулся и кивнул, соглашаясь с ее словами.

— Думаю, что нет. Но они, несомненно, задержатся здесь на некоторое время. Даже киммерийцу понадобится день, а то и два, чтобы вскарабкаться по такому утесу. А к тому времени мы будем уже далеко отсюда.

Он вскочил в седло, и через секунду все трое уже скакали дальше.

Скир проснулся, чувствуя себя таким бодрым и отдохнувшим, каким он не чувствовал себя уже много месяцев. Ничто так не взбадривает, как крыша над головой, тепло женщины в твоей постели и хороший глоток вина, способный прогнать страхи и тревоги, подумал Скир. Плотный завтрак еще больше поднял его и без того отличное настроение. После завтрака Скир принялся расспрашивать тех, кто мог что-нибудь знать о господине Нэге Ужасном. Одноглазый,

один из воров, время от времени оказывающий Скиру кое-какие услуги, поведал ему следующее:

— Не-а, ничегошеньки я не слышал необычного и странного о Его Высочестве. Все по-прежнему, как обычно.

Проститутка Аллета тоже поделилась новостями:

— Право, не знаю, что сказать, — похоже, он не слишком интересуется утехами плоти. Нет, не могу сказать, что слышала что-нибудь из ряда вон выходящее.

Гораздо более ценную информацию дал ему «Звонарь», хозяин винной лавки:

— Да, конечно, я был в замке, как обычно. Что? Нет-нет, не похоже, чтобы Его Светлость был сердит, если только не считать того, что один из тех, кого мы называем «разбуженными», каким-то образом вырвался на волю. Нет, он не говорил мне об этом, но у человека ведь есть уши, не так ли? А если не считать этого, я не слышал ничего необычного, так я скажу.

Скир придирчиво оценил все источники новостей, одновременно переваривая полученную информацию. Разумеется, он не ограничился только этими тремя осведомителями, но после того, как он провел большую часть утра, бродя по городку и расспрашивая самых разных людей, включая и некоторых весьма уважаемых граждан города, Скир пришел к выводу, что сведения, полученные им, верны. Очень и очень немногие видели Нэга в лицо (в основном, это были те, кто поставлял в замок продукты, вещи или услуги), но все они уверяли, что колдун находится в своем обычном расположении духа. Разумеется, Нэга нельзя было в полной мере назвать «обычным» или «нормальным» человеком, но у него все же были эмоции, и в настоящий момент не было похоже, что эмоции эти чем-либо отличаются от обычных. Отлично. Скир решил, что теперь он узнал все, что было ему нужно. Теперь самое время убираться из городка, пока Нэг не узнал об этих распрасах. И

кроме того, он вполне ясно велел Скиру доставить талисман в замок как можно скорее. Ночь, которую он провел в городке, чтобы отдохнуть от долгого, опасного и утомительного путешествия, объяснить будет легко. День, впустую проведенный после этого, — навряд ли.

Настроение Скира улучшилось, он расправил свои узкие плечи, готовясь встретиться со своим господином.

Глава 15

Перед Конаном и его попутчицами раскинулся городок, на первый взгляд, ничем не отличающийся от дюжины подобных городков, попадавшихся прежде на пути киммерийца. Но Конан натянул поводья своей лошади, когда увидел, что находилось позади маленького сонного городка. Очень немногие города (каких бы размеров они ни были) могли похвастаться таким замком, какой красовался сейчас перед путешественниками. Он был огромным и невероятно древним; время сгладило его темные серые камни настолько, что они казались почти гладкими, словно отполированными человеческими руками, но никакие годы не могли смыть и выветрить ЗЛО, которое, казалось, исходило от массивных стен.

Киммериец почувствовал, как мурашки побежали по телу и волосы на голове встали дыбом. Внезапно у него появилось острое желание развернуть коня и ускакать как можно дальше отсюда — это было подсознательное, животное, инстинктивное чувство, охватившее его, когда он мрачно смотрел на высокие башни и стены.

— Замок Нэга, — подтвердила Туэнн то, что и так уже было ясно.

Элаши сказала:

— Кажется, у нас есть все основания опасаться, что талисман уже внутри этой... этой крепости.

Туэнн кивнула.

— Так и есть. Я чувствую притяжение Талисмана, и он находится там, внутри замка Нэга.

Конан пробормотал какое-то короткое ругательство (предполагая, что оно не слишком подходит для ушей его спутниц, он произнес его сквозь зубы). Ну что ж. Если это то самое место, куда направляется Скир, значит, это будет и то место, куда направится ОН.

— Как пробраться внутрь замка? — спросил киммиец Туэнн.

— Я знаю, как выбраться из него. Но я подозреваю, что этот выход уже перекрыт. Не сомневаюсь, что Нэг обнаружил его, как только узнал о моем исчезновении.

Конан снова уставился на замок. Он не мог толком разглядеть отсюда массивное здание, но полагал, что если подойти поближе и поискать вход, то его наверняка можно будет найти. Туэнн, казалось, прочитала его мысли.

— Боюсь, что войти в замок будет делом не простым, — сказала она. — Нэг не желает, чтобы вокруг его дома крутились любопытствующие. К тому же я не смогу помочь вам в этом деле. Я свободна от его чар только из-за ошибки, небрежности колдуна. Если же он увидит меня, я окажусь в его власти раньше, чем пойму это.

— Ну что ж, тогда давайте поищем постоянный двор и переночуем. У нас есть деньги, так что мы сможем снять на ночь комнату, хорошенько поужинать и отдохнуть, а уж потом решим, как нам действовать дальше.

Обе женщины молча последовали за Конаном в сторону городка.

Как ни убеждал себя Скир, что он в полной безопасности, легкое дуновение страха, тем не менее, коснулось его, когда он приблизился к единственному входу в замок Нэга. ЧТО-ТО было не так. Шестым чувством, которым обладает каждый опытный вор, Скир чувство-

вал какое-то напряжение, словно растянули до предела огромную пружину.

Снаружи все казалось таким же, каким было в тот день, когда он покинул замок, но что-то было не так, и Скир тщетно пытался выразить это чувство словами. Ров, наполненный мутной водой, казался сонным и спокойно-ленивым в ярких лучах полуденного солнца. Но Скир знал, что в спокойных, неподвижных водах рва обитали существа, с которыми лучше было не связываться. Хищные рыбыны величиной с человека и с зубами размером в человеческий палец рыскали под водой, ожидая добычи. А в глубине, как говорили, обитали чудовища, питавшиеся рыбами-убийцами, и в сравнении с этими тварями рыбы казались не слишком крупными пескάρями. Однажды, рассказывали люди, один безумно храбрый (и не вполне нормальный) солдат решил во что бы то ни стало пересечь ров на крепкой лодке, чтобы потом вскарабкаться на стену и убить Нэга из-за какой-то давней обиды или позора, нанесенных ему колдуном. Вооружившись острым мечом и копьем, солдат спустил на воду деревянную крепкую посудину и начал быстро переправляться через ров. Примерно на середине рва он встретил свою смерть. Он сгинул в кровавом водовороте и исчез навеки вместе со своей лодкой и оружием. С тех пор ни один человек не осмеливался даже подумать о том, чтобы пересечь ров колдуна.

Высокий подвесной мост стоял, поднявшись, у каменной стены, когда Скир приблизился к замку. Когда же он подошел к краю глубокого рва, массивный, обитый железом мост начал опускаться. Несмотря на густую сальную смазку, тяжелые цепи заскрипели, проходя сквозь отверстия обитых бронзой порталов ворот. Скир не назвал своего имени — в этом не было необходимости. Безглазые, хоть и были слепы, узнали его. Быть может, по запаху, быть может, благодаря своему исключительному слуху, а может, у них

было еще одно чувство, неизвестное обычным людям. Впрочем, это не имело значения.

Подвесной мост опустился на другую сторону рва. Скир взглянул наверх и увидел, как около двадцати жрецов Нэга следят за ним своими слепыми глазами. Он с трудом сумел подавить дрожь. Ко всем остальным слугам Нэга Скир привык уже давно, но Безглазые пугали его больше, чем даже мертвецы-зомби. Помедлив секунду, он тронул поводья своей лошади, и она медленно двинулась вперед. Было слишком поздно, чтобы поворачивать назад. К тому же, сказал Скир сам себе, у него в сумке лежит то, чего Нэг желал больше всего на свете. Он верно служил колдуну, достав для него величайшую ценность, и, вне всякого сомнения, он будет сегодня в замке желанным гостем.

Брут вышел из постоялого двора и взглянул на Тайного Мастера.

— Здесь их нет, — сказал неприятно пахнущий верзила.

Тайный Мастер кивнул.

— Остается только один постоянный двор, «Курающий Кот». Если они прибыли сюда раньше нас, скорее всего, мы найдем их именно в этом месте.

— Отлично, — ответил крепыш бандит.

Но и в самом последнем караван-сарае не было Конана из Киммерии. Там были три женщины, и это добавило унижения к провалу Тайного Мастера. Стоя снаружи, профессиональный шпион приказал:

— Забери и свяжи женщин. Конан конечно же вернется за ними.

Брут отрицательно покачал головой.

— Я не хочу иметь ничего общего вон с той девкой с белой кожей.

— Что?..

— На ней лежит какое-то проклятие, а я не хочу иметь дела с колдовством.

— Я плачу тебе...

— ...чтобы я убил варвара, но не больше того.

— Мы сделаем это, — сказал Порт.

Тайный Мастер взглянул на бандита.

— Ты?

— Я и он, — сказал Порт, кивнул на Мачту.

Его приятель закивал, соглашаясь. Тайный Мастер с отвращением посмотрел на Брута. Бандит невозмутимо пожал плечами.

— Это меня не касается. Мое дело — убить Конана.

— Отлично. Доставьте женщин ко мне. Я буду ждать тебя вон там, позади конюшни.

— Да, господин, — одновременно ответили Порт и Мачта.

Элаши и Туэнн сидели на матрасе в снятой ими на ночь комнате постоялого двора. Конан ушел, решив проверить, насколько крепка защита замка Нэга и нельзя ли найти лазейку, чтобы проникнуть внутрь этой твердыни.

— Мне нужно сходить в туалет, — сказала Элаши.

— Иди, я подожду тебя здесь, — ответила Туэнн.

— Знаешь, иногда я завидую тому, что тебе не нужно иметь дела с подобными вещами и подобными проблемами.

— Не завидуй, — сказала Туэнн. — Все это не может заменить радостей жизни.

— Да, пожалуй. Я скоро вернусь.

Хотя у нее и был при себе кинжал, нападение двух невысоких мужчин все же застало Элаши врасплох. Прежде, чем она успела принять оборонительную позу, один из незнакомцев уже приставил свой нож к ее горлу.

— Одно лишнее движение — и ты труп, — сказал он.

— Что вам нужно? У меня нет даже медной монеты...

— Нам не нужны твои деньги, сука. Нам также нет дела до твоих прелестей. Наш господин желает побеседовать с тобой.

Второй бандит сказал:

— Ты сможешь один справиться с ней?

— Конечно, могу, кретин. Иди и приведи сюда вторую девку. Понял?

Дверь в комнату приоткрылась, но когда Туэнн приподнялась, ожидая увидеть Элаши, она увидела странного, незнакомого мужчину. Сначала она подумала, что, возможно, это один из подручных Нэга, но в его действиях и движениях отсутствовала уверенность, присущая слугам колдуна. В правой руке у него был кинжал, который он направил в сторону Туэнн. Кинжал был и у Туэнн — Конан снабдил ее оружием, когда они покидали Опкофард. Она быстро сорвала клинок с пояса и выпрямилась, поигрывая кинжалом. Незнакомец улыбнулся подлой, самодовольной улыбкой и медленно, по-кошачьи, двинулся к ней. Улыбнулась и Туэнн, и «дьявольская» улыбка было бы слишком мягким определением. Ее противник рассчитывал на свое оружие, на этом основывалась его уверенность. Этого человека нетрудно было одолеть. Очень медленно Туэнн подняла правую руку, так что рукав ее блузки скользнул вниз, обнажив слоновую кость белой руки. И так же медленно она подняла кинжал, так что острое лезвие коснулось поднятого локтя. Незнакомец остановился. Она почти могла читать его мысли: «Эй, что это еще такое?» Движением настолько молниеносным, что бандит подскочил от неожиданности, она полоснула кинжалом по своей руке. Острое лезвие глубоко прорезало белую кожу, но ни капли крови не появилось из раны. Она ощутила холод стального лезвия, но почти сразу почувствовала, как начали сходить края раны. Через несколько секунд ее рука была снова гладкой.

— Великий Азура! — в ужасе завопил мужчина. Он отшатнулся назад, выставив перед собой обе ладони, словно пытаясь защититься от этой женщины-демона, и совершенно забыл о своем бесполезном теперь кинжале. Туэнн взвесила на ладони свое оружие и метнула его в ближайшую стену. Ей повезло —

острый клинок впился в дерево, задрожав от удара. Туэнн снова улыбнулась и медленно стала приближаться к испуганному человеку.

— Подойди ко мне, — приказала она. — Дай мне выпить твою жизнь по капле.

Услышав такое предложение, бандит повернулся и бросился бежать из комнаты сломя голову, в страшной спешке едва не налетев на стену. Прежде чем женщина-зомби успела сделать второй шаг, он уже удрал, как заяц, спасающийся от охотничьей собаки. Туэнн улыбнулась — происшествие показалось ей довольно забавным. Но улыбка быстро сбежала с ее лица, когда она вспомнила, что Элаши еще не вернулась. Туэнн бросилась в коридор, ища подругу. Быстрый осмотр постоянного двора подтвердил ее опасения: Элаши исчезла.

Скорчившись на корточках у самого края рва возле замка колдуна, в густых зарослях кустарника, Конан внимательно разглядывал стены крепости. Громадные каменные блоки были соединены без малейшего намека на известку или цемент, и многие века отполировали все неровности и щели в одну гладкую поверхность. Обычному человеку было бы не по силам вскарабкаться по такой стене, но Конан, скорее всего, сумел бы это сделать, хотя такой подъем был бы нелегок даже для него.

На вершине стены мерно ходили взад и вперед часовые. В основном, это были слепые жрецы, с которыми киммериец уже сталкивался, и было их здесь немало. Слух и осязание этих слепцов были обострены до предела, так что они, конечно, услышат шорох, когда он будет карабкаться по стене, и уже одно это не сулило ничего хорошего. М-да... Подниматься по почти отвесной стене, словно муха по стеклу, — это весьма напоминало самоубийство, ведь он даже не сможет защититься от нападения часовых сверху. Даже неопытный стрелок, стоя на стене, смог бы без всякого труда поразить Конана

стрелой из арбалета, если бы они засекли его попытку залезть наверх. Котел с кипящей смолой или маслом, вылитый сверху, также мог весьма осложнить штурм замка.

Когда часовые отошли на достаточно большое расстояние, киммериец подобрал круглый, сантиметров двадцати в диаметре, камень, валявшийся в кустах. Он подкинул его на ладони, прикидывая вес и, размахнувшись, швырнул камень вперед, так что тот упал с плеском прямо в глубокий ров, окружавший замок. В тот же миг в воде возник кипящий водоворот; на мгновение Конан разглядел спину и хвост громадной зубастой рыбы, не уступавшей в размерах самому Конану. Этот эксперимент сказал киммерийцу все, что он хотел знать, — пытаться переплыть, хотя бы и в лодке, ТАКОЙ пруд было бы затеей идиота или сумасшедшего. Он бесшумно выбрался из кустов, передвигаясь с бесшумной ловкостью, и подошел к небольшой рожице неподалеку от рва. Войти в этот замок будет далеко не легким делом, Туэнн права. Он уже успел убедиться в том, что тоннель, которым она воспользовалась для своего побега, был засыпан землей, так что этот вариант отпадал сам собой. Через ров перебраться было невозможно из-за чудовищ, населявших его глубины, стены же были гладкими, как кожа младенца. М-да... плюс еще стража на стенах. Тут было над чем поломать голову.

Конан пополз по жесткой траве к тому месту, где он привязал свою лошадь. Да, это будет нелегким делом. Конечно, можно было бы просто подождать у стен замка, пока Скир не выйдет оттуда, но, если верить Туэнн, у них не было на это времени. Магический талисман, который Скир доставил своему повелителю, поднимет из могил мертвецов, а это отнюдь не облегчало задачу киммерийца. Кроме того, у него просто бы не хватило терпения сидеть сложа руки, ожидая у моря погоды. Человек действия может состариться в ожидании. Нет, он должен найти какой-то выход. Сейчас он не в состоянии ничего придумать,

но если способ существует, он найдет его. А сейчас лучше вернуться на постоянный двор.

— Где Элаши?

— Ее схватили, — ответила Туэнн.

— Схватили? Где? Кто?

Она быстро рассказала ему, что произошло. Прежде, чем она успела закончить, Конан уже бежал к выходу из таверны. Туэнн последовала за ним. Солнце давно уже перевалило за полдень, и его огненный шар исчез за густой серой шапкой облаков, собравшихся на западе, предвещая грозу. Поднялся сильный ветер, и сам воздух, казалось, был пронизан энергией, когда киммериец выбежал на улицу. Прямо перед собой он увидел крупного человека (пожалуй, выше даже самого Конана), стоявшего с наклоненным к земле мечом. Ясно было, что он поджидал Конана. Едва увидев киммерийца, незнакомец поднял меч. Не задавая ненужных вопросов, Конан обнажил клинок. Человек, напавший на тебя, не нуждается в разговорах — во всяком случае, до конца схватки. Силач-незнакомец приветствовал Конана несколько необычным способом:

— Ты будешь Конан из Киммерии, так?

— Да. У тебя есть ко мне дело?

— Да, есть. Мой хозяин, которого ты сделал посмешищем в Опкофарде, просил меня передать тебе, что он надеется, что ты хорошо повеселился на украденные у него деньги, потому что больше веселиться тебе не придется.

— Шпион?

— Он предпочитает, чтобы его называли Тайным Мастером.

— Он схватил моего друга, Элаши из Пустыни, не так ли?

— Да, это его рук дело.

— Тогда он пес и сын пса! — воскликнул киммериец. Верзила ухмыльнулся.

— Тебе не удастся вывести меня из себя, сынок. Он мне не отец и не брат, он всего лишь платит мне за услуги, не больше.

Конан быстро шагнул вперед и направил свой меч в грудь незнакомца.

— Скажи мне, где Элаши, и ты останешься в живых, — сказал он.

Бандит засмеялся.

— Несмотря на твой рост и силу, ты всего лишь мальчишка рядом со мной, варвар. Через секунду ты будешь мертв, так не все ли тебе равно, где находится твоя женщина?

Конан придвинулся к бандиту еще на сантиметр, надежно упираясь ногами в твердую землю, слегка согнув колени и готовый к прыжку. Он закончил разговор и был готов к бою. Бандит бросился на Конана, размахнувшись мечом так, чтобы одним ударом отрубить противнику голову, что и случилось бы, если бы удар попал в цель. Но вместо того, чтобы парировать его, киммериец пригнулся, выбросив меч вперед. Великан пружинисто отскочил назад, и выпад Конана пришелся в воздух. Киммериец вновь размахнулся, подняв меч над головой, словно дровосек. Силач бандит молниеносно поднял свой меч, отражая выпад, и лязг послышался в воздухе, когда металл ударился о металл, выбив искры, такие яркие, что они были заметны даже при свете дня. Конан понял, что его соперник был очень силен. Танцующим, гибким движением киммериец подался вправо, ударив своим клинком плашмя по мечу противника. Меч бандита ушел в сторону, даже не задев Конана, но сила удара была так велика, что острие меча описало большую дугу и вонзилось в землю. Однако прежде, чем Конан успел возобновить атаку, бандит выдернул меч из земли.

— Недурной прием для мальчика, да еще к тому же варвара, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты узнал имя своего убийцы, Конан. Меня зовут Брут.

Конан коротко кивнул Бруту, не сказав ни слова. Этот человек стоял между ним и Элаши. Конан уважал его как воина, но презирал как вора. Брут бросился в атаку, размахивая мечом вверх и вниз, словно это было опакало. Конан отскочил назад, высоко подняв свой клинок. Один шаг, второй, третий. Он уловил ритм размашистых ударов меча Брута: один-два, один-два и мысленно подготовился к тому, чтобы нанести удар в нужный момент. Когда меч Брута в очередной раз пошел вверх, Конан подался вперед, затем мягко, как кошка, отскочил в сторону, уходя от мощного удара. Собрав всю свою силу, киммериец обрушил длинный меч на врага... Острая сталь ударила по руке Брута у самого локтя, рассекла мясо и кость, зацепила ребра, но остановилась прежде, чем они были пробиты окончательно.

Брут застонал. Из его изувеченной руки фонтаном хлестала кровь. Начисто отрубленная рука отвалилась от тела под тяжестью меча, который все еще сжимали ненужные Бруту пальцы. На секунду Брут перехватил рукоять меча здоровой рукой. Затем шок боли наконец ударил его со всей силы.

Бандит упал на колени, слабея с каждой каплей крови. Он сделал отчаянную попытку остановить кровь, льющуюся из его плеча, но это было бесполезно — жизнь выходила из него. Брут взглянул на Конана и с трудом улыбнулся.

— Хороший удар, мальчик. Твоя женщина в... в хранилище для зерна.

Конан кивнул. Он принял эту ценную информацию и в ответ сделал то единственное, что, как он думал, могло звучать благодарностью для истекающего кровью человека.

— Ты хорошо сражался, Брут.

Умиравший закрыл глаза и кивнул. Затем он ничком упал на землю. Судорога прошла по его телу, и он неподвижно вытянулся на грязном дворе гостиницы. Конан стер кровь со своего меча. Хранилище для зерна. Он найдет его, а также того, кто называет себя Тайным Мастером.

Начался ливень, и крупные градины забарабанили по сухой земле, выбивая из нее фонтанчики пыли. Свинцовые облака, уже несколько часов копившиеся в небе, выполнили наконец свою угрозу. Их первая атака началась крупным, с добрую горошину, градом, с шумом забарабанившим по земле и крышам домов. Внутри зернохранилища были свалены грубые холщовые мешки, набитые пшеницей, рожью, ячменем. От них поднимался густой приятный запах.

Тайный Мастер оторвал взгляд от окна, когда град закончился. Белый слой градин на раскисшей земле быстро потемнел, тая под тугими струями теплого дождя. Где же этот Брут? Он должен был явиться сюда, они же договорились, что он притащит сюда раненого Конана, чтобы Тайный Мастер мог сполна насладиться мстостью и нанести последний удар своему обидчику. Один из бандитов усмехнулся и ткнул пальцем в пленную женщину, которая сидела связанная, облокотившись на кучу мешков с зерном.

— Перестань, — буркнул Тайный Мастер. Он произнес это почти рассеянным тоном, но бандит немедленно отдернул палец, ошеломленно глядя на Тайного Мастера.

— Как прикажете, господин.

Тайный Мастер с отвращением отвернулся от него. То, что он был вынужден иметь дело с такими ублюдками, ранило его самолюбие. Чем скорее он покончит с этим делом, тем лучше.

Но КУДА же запропастился этот вонючий убийца?

Нэг потянулся за Талисманом Света, с трудом подавив дрожь в руках. Скир протянул хозяину кожаную сумку, верх которой по-прежнему был стянут тесемкой, словно Скир даже случайно не хотел коснуться талисмана.

— Наконец-то! — сказал Нэг. Коснувшись ладонью кожаной сумки, он почувствовал, как наслаждение горячей волной потекло по его руке. Ничего подобного не испытывал колдун с той ночи, когда он последний раз был с женщиной, много-много лет назад.

Власть. Власть исходила от Талисмана жестокими упругими волнами, и было ее так много, что вся комната, казалось, купалась в вибрации Силы. Да. Да! Нэг оторвал взгляд от Талисмана и взглянул на своего агента.

— Мой преданный слуга, ты сделал все, что нужно. И вознаграждение твое будет немалым.

Колдун повернулся спиной к Скиру и подошел к сундуку темного мореного дуба. Он открыл сундук и снял с лежавшего там мешка полосу материи. Затем, повернувшись к Скиру, Нэг открыл мешок, так что на лежащие в нем золотые монеты упал луч света, заставив их засверкать. Колдун увидел, как засверкала жадность в глазах его слуги, и улыбнулся. Он швырнул мешок своему слуге, и тот ловко поймал его на лету. Снова повернувшись к сундуку, Нэг вытащил из него покрытый плесенью кувшинчик, горлышко которого было запечатано воском.

— Я берег эту старую драгоценную лозу для такого особого дня. Ты разделишь со мной бокал доброго вина?

Скир улыбнулся, прикидывая в руке на вес тяжелый мешочек с золотом.

— Да, господин.

Колдун кивнул и сломал печать на кувшинчике. Затем он достал красивые хрустальные бокалы и налил в них темную жидкость. По цвету вино напоминало темный рубин, и искорки от него плясали на лице Скира, когда он поднял свой бокал и произнес тост:

— За ваши успехи и осуществление ваших надежд, — сказал Скир.

— Да, — отозвался Нэг, — за осуществление моих надежд.

Скир, насладившись ароматом драгоценного напитка, пригубил вино. Великолепное, чудесное вино! Несколькими глотками он осушил половину бокала и улыбнулся Нэгу. Похоже, все его прежние страхи были напрасны. Колдун явно был весьма доволен успешным завершением дела, он щедро и не торгуясь заплатил Скиру и даже сломал печать на кувшине с дорогим вином. Большого человек не может требовать от своего хозяина!

Скир уже почти допил свое вино, когда почувствовал, что его голова слегка закружилась.

— Что-нибудь не так? — поинтересовался Нэг. Скир покачал головой:

— Легкое головокружение.

— Может, налить тебе еще немного вина?

— Н-нет. Я... я...

Нэг протянул к нему руку, и Скир подумал, что колдун хочет помочь ему удержаться на ногах, но вместо этого колдун просто выхватил бокал из его вдруг ослабевших пальцев.

— Этот бокал очень дорогой, — пояснил Нэг, — я бы не хотел, чтобы он разбился, когда ты будешь падать на пол.

Падать на пол? Что он хотел этим сказать? И в этот момент Скир заметил, что бокал Нэга остался нетронутым. Страшная догадка громом поразила Скира: вино, оно, должно быть...

— ...отравлено, — сказал Нэг, словно читая его мысли. — Ты так хорошо служил мне при жизни, что, я думаю, будешь еще лучше служить мне после смерти.

В глазах Скира потемнело, и он не сумел собрать достаточно сил даже для того, чтобы выкрикнуть проклятие. Ноги Скира подогнулись, и он рухнул на холодный каменный пол. И еще до того, как тело Скира коснулось каменных плит, смерть окутала его темным покрывалом и он провалился в Ничто. Скир навсегда исчез из мира живых.

Над пропастью сверкали молнии, и сильный ливень без устали поливал острые склоны обрыва, мох, камни, расселины, пропитывая влагой и без того уже мокрую землю. Оглушительные раскаты грома перекатывались между скалистыми утесами, сильные порывы ветра швыряли потоки воды на скалы.

Не обращая внимания на ветер, дождь и молнии, шестеро людей в изодранных плащах медленно карабкались по западному склону обрыва. Они были на разной высоте, так как некоторые из них уже не раз срывались вниз и вынуждены были вновь начинать трудное восхождение. Самому удачливому оставалось не более четырех метров до края обрыва, последний же жрец был метров на пятьдесят ниже.

Один из жрецов (третий сверху) слишком понадеялся на шаткую опору и, оступившись, полетел вниз. Прежде чем беззвучно свалиться в бурлящую реку, он несколько раз перекувырнулся через голову. Ни один из его спутников даже не повернулся в его сторону... Пятеро жрецов-зомби продолжали упорно карабкаться вверх. Когда речные волны сомкнулись над головой неудачника, еще одна группа «путешественников» показалась на восточном склоне обрыва.

В Опкофарде их было около пяти тысяч, но сейчас число их сократилось до нескольких сотен. Однако гибель большей части пауков не остановила остальных. Как и у зомби, карабкающихся по мокрым камням, у них была цель, было предназначение. Не задерживаясь ни на секунду, пауки начали спускаться вниз, перекатываясь через край обрыва. Некоторые свалились почти сразу же, другим удалось удержаться на мокрых камнях.

Высоко над ними сверкнула ослепительная молния, озаряя странную картину, и детски-веселый раскат грома посмеялся над этой шуткой.

Конан свернул в узкий переулок. Туэнн шла следом за ним. То здесь, то там крыши домов почти сходились друг с другом, преграждая дорогу потокам дождя, бежавшим вниз по желобкам, встроенным в крыши и стены

зданий. Впрочем, Конан не обращал внимания на дождь. Промокнуть — не беда, он не растает. Главное было то, что Элаши в плену и ее нужно было спасать.

— Там, — проговорила Туэнн, протягивая вперед руку. — Вон то здание — хранилище для зерна. По крайней мере, оно было им, когда я еще была жива.

Конан быстро вытащил свой меч из кожаных ножен, затем осторожно двинулся вперед.

— Ты не хочешь попытаться захватить их врасплох? — спросила его Туэнн.

— Мне надоело ходить кругами, — ответил Конан. — Прямое действие подходит мне больше.

— Даже если один из них держит кинжал, приставленный к ее горлу?

Киммериец остановился в задумчивости.

— В этом есть доля истины, — неохотно признал он. — У тебя есть какой-нибудь план?

— Да. Позволь мне первой войти туда. Я выясню, в безопасности ли Элаши, да и там ли она вообще, а потом смогу подать тебе сигнал.

— Я не хотел бы посылать женщину вместо себя, — мрачно сказал Конан.

— Ты очень добр, Конан, спасибо, что ты заботишься обо мне. — Ее голос был очень мягким и тихим. — Но они в любом случае не смогут причинить мне вреда своим оружием.

— Да, правда. Я совсем забыл об этом.

— Это самое приятное, что мне приходилось слышать за последние сто лет, — сказала Туэнн, улыбнувшись. Привстав на цыпочки, она нежно поцеловала киммерийца.

Конан не сводил с нее глаз все время, пока она шла к сараю по пропитанной дождем влажной земле, и, как только она вошла внутрь, он быстрыми шагами последовал за ней. Прижавшись спиной к мокрому дереву, он ждал, держа наготове меч.

— Конан! — раздался крик Туэнн, и он не медля прыгнул вперед, пинком отворив дверь.

В центре зернохранилища стояла Туэнн, и из ее груди торчала рукоять кинжала. Рядом с ней стоял человек, на крысином лице которого явственно читалось выражение величайшего изумления и ужаса. Чуть в стороне стоял тот, кого называли Тайным Мастером, а третий бандит во всю прыть улепетывал к двери на другой стороне здания. Сидящая на мешках Элаши изо всех сил старалась освободиться от веревок, которыми она была крепко связана.

Тайный Мастер выхватил арбалет и нацелил его на Конана. Не задумываясь, нажал он на спусковой крючок, и стрела полетела вперед, готовая пронзить киммерийца насквозь.

Однажды, будучи еще подростком, Конан встретил бродячую труппу, проходившую через поселок, где он жил. В труппе были музыканты, певцы, жонглеры, танцоры, фехтовальщики и борцы. Были здесь и люди, изучившие странное восточное искусство — сражаться с противником без оружия, отбивая и нанося страшные удары руками и ногами. Среди них был один художавый, стройный человек, демонстрировавший фокус, приводивший в изумление всех, кто его видел, — он ловил рукой стрелы, пущенные в него лучником. Несколько последующих недель Конан вместе с другими мальчишками поселка тренировался в этом искусстве. Результатом этого было изрядное количество синяков от тупых стрел, хотя Конан, от природы ловкий и быстрый, имел их меньше, чем его товарищи. Фокус заключался в том, чтобы прыгнуть в тот самый момент, когда стрела срысывается с тетивы лука. Полсекунды позже — и ты погиб, промедление здесь было равносильно смерти.

Но киммериец ушел в сторону уже в тот момент, когда арбалет врага поднялся вверх. Ребенком он хватал стрелы рукой, но сейчас в его руке был меч, и Конан, даже не задумываясь, поднял его. Короткая арбалетная стрела свистнула в воздухе и упала на землю — меч Конана разрубил ее на две части.

— Во имя Сэта! — изумленно вскрикнул Тайный Мастер, когда обломки стрелы упали в двух шагах от стены. Он еще тянулся к следующей стреле, когда Конан одним прыжком подскочил к нему и рассек голову. Человек с лицом крысенка развернулся и бросился наутек, следуя примеру своего более сообразительного приятеля. Конан сделал было два шага в его направлении, но потом остановился. Элаши была спасена — а это главное. Туэни подбежала к ней и, присев на корточки, принялась распутывать многочисленные узлы. Нет, преследование парочки сбежавших бандитов не привлекало Конана. К тому же боги обычно дают больше преимуществ тем, кто бежит из всех сил, спасая свою жизнь, а не тем, кто стремится наказать злодеев. Так было всегда, и тут уж ничего не поделаешь. Конан повернулся к Элаши.

— Ты не ранена?

— Почему, — сердито заговорила девушка, — тебе понадобилось столько времени, чтобы попасть сюда?..

Киммериец не смог удержаться от улыбки. Элаши была целой и невредимой, это уж точно. Ну что ж. Это помещение было не хуже любого другого пригодно для того, чтобы переждать в нем дождь. А потом перед ними встанут другие проблемы. Далеко не самая простая из них заключалась в том, чтобы проникнуть в хорошо укрепленный замок Нэга.

У Нэга Ужасного, в свою очередь, тоже были проблемы. В специальной комнате, приготовленной им заранее, в хрустальном футляре лежал Талисман Света. От него исходил пучок энергии, но пока Талисман не действовал так, как должен был действовать. Что-то было сделано неверно, но колдун не мог понять, что именно. Его громкие проклятия эхом отражались от стен, когда он сердито ходил взад и вперед, пытаясь сообразить, в какой части его заклинаний таилась ошибка. Проклятие всем демонам, что же он упустил в нем? Заклинание ДОЛЖНО было сработать, он сделал все, о чем говорилось в этом пожелтевшем старом свитке пергамента, положил

все положенные ингредиенты (и в нужном порядке), произнес все необходимые заклинания абсолютно правильно — он был УВЕРЕН в этом. Тогда, во имя Проклятого-Богами-Ада, в чем же тут дело?

Спокойно, Нэг, сказал он самому себе. Не стоит так расстраиваться из-за неудачи. Скорее всего, это какая-то незначительная деталь, что-то второстепенное, что он упустил из виду. Он повторит весь процесс снова, особо сосредоточившись на произнесении слов, не упуская ни одной детали. Он положит перед собой манускрипт (не надеясь на свою цепкую память) и снова повторит все шаг за шагом, пока не сделает все так, как надо.

Нэг повернулся к зомби, который стоял у входа, ожидая приказов колдуна.

— Иди в мою библиотеку и принеси мне БИБЛИО-НЕКРУМ, КНИГУ ПРОКЛЯТЫХ и ЧЕРНЫЙ ФОЛИАНТ. И быстро!

Скир, зло зыркнув на хозяина своими тупыми, мертвыми глазами, ответил:

— Слушаюсь, повелитель.

Он повернулся и, шаркая подошвами, отправился в библиотеку.

Успех близок, подумал Нэг. Он не допустит промаха. Ни за что.

Тело человека, бывшего недавно живым Скиром, так же хорошо служило и Скиру-зомби, однако теперь оно не было полностью под его контролем. Конечно же, он мог ходить, стоять, разговаривать — но все это он мог делать только по приказу Нэга. Такое состояние раздражало Скира, как ничто не раздражало его при жизни. Ярость, которая тлела в нем всю его жизнь, ярким пламенем разгорелась теперь в его холодной груди. Так поступить с ним, и это после всего того, что он сделал для Нэга! Это раздражало его, жгло и терзало душу, как кислота жжет человеческую плоть. Если бы у него была возможность самому распоряжаться своим телом, он бы убил Нэга тысячами различных способов, и каждая новая

смерть была бы для Нэга хуже предыдущей. А Скир наслаждался бы каждым стоном своей жертвы, упиваясь мучениями проклятого колдуна. Ах, если бы только у него была такая возможность!.. Однако у Скира НЕ БЫЛО такой возможности и полного контроля за своим телом. Нэг произносил команду, и ему не оставалось ничего другого, как только подчиниться. Даже громоподобный голос бога не смог бы сдвинуть Скира с места скорее, чем тихий шепот Нэга. Он был рабом, рабом колдуна, и теперь он по-настоящему узнал истинное значение этого слова. Скир вспомнил женщину-зомби, которую он облил соленой водой. Он только теперь понял, почему она хотела заполучить Талисман. Какое-то шестое чувство подсказало ему, что для таких, как он, несчастных, оживленных Черным колдовством, Талисман Света может стать ключом к истинной смерти, к освобождению. В Талисмане заключалась огромная сила. Стоило Скиру лишь коснуться его — и он сможет навсегда уйти в Серые Земли. И, подумал он, вытаскивая тяжелый фолиант из полированного шкафа черного дерева, разве это было бы такой уж плохой вещью? Конечно, ходить по земле неуязвимым к оружию и яду само по себе было довольно приятно. Но, к сожалению, ситуация эта имела слишком много минусов, сводящих практически к нулю все ее преимущества. Курение «веселящей травки» не давало видений тому, кто не мог дышать, да и женщины больше не привлекали Скира. Похоже, он был большим мертвецом, чем те, кто спокойно спал в своих могилах.

Скир нашел вторую книгу, за которой его послали, и снял ее с подставки, сделанной из человеческого черепа и кованой бронзы. Оставалось найти третью книгу. Нет, то, что он стал зомби, означало одно — неспособность наслаждаться теми вещами, ради которых он работал всю свою жизнь. И даже если бы он МОГ делать все это, рабство у Нэга не дало бы ему такой возможности — Нэг никогда не отпускал на волю своих зомби. Некоторые из них были его слугами уже не одну сотню лет. Не

вызывало никаких сомнений, что такая же участь ожидала и Скира.

Наконец он нашел третью книгу и снял ее с полки. Медленно и без всякой радости он поплелся к хрустальному залу, держа в руках толстые фолианты, переплетенные в телячью кожу. Послушный пес Скир, подумал он печально и горько. Какое преступление он совершил, чтобы заслужить такое? Конечно же, за свою жизнь он оскорбил множество богов; тела его жертв, если положить их одно на другое, поднялись бы много выше его головы. Скир бесчестил женщин, крал сокровища и совершал множество таких вещей, которые у порядочных людей могли вызывать только ужас, но все же другие совершали вещи и похуже, чем это, но они не были приговорены к такой чудовищной судьбе!

Издалека, из пыльного коридора, до него эхом донесся голос Нэга:

— Скорее, будь ты проклят!

И, подчиняясь приказу, ноги Скира побежали как бы сами собой. Про себя он проклинал Нэга, поминая имена всех известных ему богов. Впрочем, это, конечно, было абсолютно бесполезное занятие. Все, что он мог делать, — это выполнять приказы колдуна, а также ждать и надеяться, что когда-нибудь случится нечто, способное изменить его судьбу.

Глава 17

— Да, — заметил Конан, — нет сомнений, что половина демонов Геенны с радостью откроют тебе двери, Элаши. Но сейчас мне лично что-то не хочется рисковать своей шеей ради твоего сладкого голоса.

Элаши сжала кулаки.

— Если я и сплю с тобой, то это еще не значит...

— Он прав, — вмешалась Туэнн.

Элаши повернулась к ней.

— Ты что, на ЕГО стороне?!

— Очень немногие люди (если такие вообще есть) могут состязаться с Нэгом в искусстве хитрости, — спокойно продолжала Туэнн. — Никому еще не удавалось проникнуть в замок Нэга, тем более, когда его охраняют Безглазые.

Все трое вернулись уже на постоянный двор и сидели теперь у камина, пытаясь высушить свою одежду. Туэнн задумчиво проговорила:

— У Конана есть масса талантов, с этим спорить не приходится, но хитрость отнюдь не является его сильной стороной.

Элаши кивнула:

— Да. Он ужасно честен, это одно из его положительных качеств... (Конан ухмыльнулся) ...которых у него совсем немного, — закончила она.

Конан выжал воду из своего левого сапога и подвинул его поближе к огню, чтобы сапог скорее высох.

— Должен признаться, я не вижу доступного пути в замок. Будь я один, я, может быть, сумел бы как-нибудь пробраться мимо этих чудищ во рву и пробиться в замок...

Туэнн покачала головой:

— Никаких шансов. До сих пор это никому не удавалось.

— Тогда что же нам делать?

Женщина-зомби наклонилась к огню. От ее одежды поднимался пар, но тепло огня не могло согреть кровь.

— Есть еще один способ. Правда, он не менее опасен, чем прямая попытка прорваться в замок.

Конан с восхищением посмотрел на нее. Что и говорить, она была женщиной необычайной красоты.

— Я много лет была близка с обитателями Серых Земель, и это дало мне некоторые... ммм... знания. Мы можем пройти по Внутренним Землям, это путешествие будет равно по расстоянию территории реального мира.

Конан моргнул.

— Я что-то не понимаю, о чем ты говоришь.

— Магия, Конан. Она позволит нам сократить большую и наиболее опасную часть пути.

Киммериец уставился на языки пламени. Он терпеть не мог все, что относилось к колдовству. Но, с другой стороны, иного пути достигнуть цели у них явно не было.

Дождь по-прежнему хлестал холодными струями, барабанил по крыше своим мокрыми пальцами. От этого звука хотелось расслабиться, но Конан знал, что сейчас — не время для отдыха. Самая трудная часть похода была впереди, а то, что в деле была замешана магия, только ухудшало положение.

Вся беда (как понял Нэг) заключалась не в ошибочном произнесении слов, а совсем в другом. Он совершил маленькую ошибку: Талисман Света был идеально чист, но инструмент, который Нэг использовал для этой цели, был неподходящим. Теперь он ясно это видел. Дело в том, что вместо камбойянского слова ВАНИТАКАЛА, означающего «чистая женщина», Нэг прочитал ВАНИТАКАЛЕ, а смысл этого слова был обратным. Если первое означало девственницу, то второе меняло смысл на «запачканную», так что вместо невинной девицы колдуну требовалась шлюха. Многие века заставили потускнеть текст манускрипта, так что даже самый острый глаз мог допустить ошибку. Но теперь все встанет на свои места. Итак, ему нужна кисточка из волос шлюхи, чтобы очистить Талисман Света. После этого заклинание должно будет сработать без осечки.

— Скир! — Зомби появился у входа. — Отправляйся в город и возвращайся с достаточным количеством волос проститутки, чтобы я мог сделать кисточку такого размера.

Колдун показал зомби самодельную кисточку. Затем он бросил в руки Скира кошелек с золотом.

— Плати не торгуясь, сколько попросят, но поспеши. Я не сомневаюсь, что тебе знакомы все шлюхи в городе, так что я буду ждать тебя до захода солнца.

Когда Скир ушел, Нэг внимательно всмотрелся в Талисман Света. Такая мелкая деталь смогла помешать столь замысловатой, сложной магии. Ну что ж. Ошибка будет исправлена еще до наступления темноты. Нэг едва сдерживал свое нетерпение.

Скир чувствовал, как пристальные взгляды горожан сверлили его спину (ни один из них не осмеливался встретиться с его страшным, тусклым взором), и испытывал нечто похожее на стыд.

Дождь наконец прошел. Правда, он не мог причинить зомби неудобства. Скир быстро шел по лужам, ища то, что ему было приказано доставить. За то золото, что дал ему Нэг, Скир мог бы купить волосы всех шляхов в городе и даже, пожалуй, их руку или ногу в придачу. Он решил потратить всю сумму (чтобы хоть как-то досадить Нэгу) и срезать ровно столько, сколько нужно — ни на одну волосину больше.

Хотя он уже не мог иметь дела с женщинами, Скиру интересно было посмотреть, какое выражение появится на лице Белинды (да, она, пожалуй, подойдет). Этим, однако, его интерес и ограничивался. Все люди рано или поздно умирают. Скиру это было хорошо известно, хотя он никогда не задумывался всерьез о смерти. И все же погибнуть так глупо... и подло, от руки того, кому он так верно служил... Это причиняло ему такие муки, что он готов был завывать от злости и отчаяния. Всего, всего лишил его проклятый колдун! Истинная Смерть казалась ему теперь сладкой, но и в ней было ему отказано. Да будет проклят Нэг до самых глубин ада! Но сейчас покорный пес Скир должен доставить своему господину волосы шляхи — как и было приказано!

Пауки, заговоренные жрецами темного бога, похоже, двигались быстрее, чем жрецы-зомби. Сначала их было несколько тысяч, затем число сократилось до нескольких сотен, теперь же их оставалось не больше трех-четырех дюжин, но они по-прежнему неутомимо двигались впе-

ред. Обычные пауки не перемещаются на такое значительное расстояние, но эти тарантулы несли на себе проклятие Шез и шли, не останавливаясь, к своей цели...

Четыре существа, которые некогда были людьми, поджидали на краю обрыва, пока их более медлительные собратья закончат свое восхождение. Они не замечали пауков, которые поднялись на острые края скалы и поспешили к западу.

Сумерки ступали над землей, и темное одеяло неба усеяло множество сверкающих звезд, но ни пауки, ни зомби не обращали на них внимания. Ночь была союзником — ведь их цель была чернее, чем пещеры Стигии. Пауки рассыпались и продолжили свой путь. Последние зомби перевалили через край обрыва и последовали за ними.

— Это он! — сказала Элаши.

Конан подошел к маленькому темному окошку, возле которого стояла женщина пустыни, и внимательно взгляделся в сгущающиеся тени. Человек, который прошел мимо них, несомненно, был Скиром. Рука Конана автоматически легла на рукоять меча. Туэнн тоже подошла к окну, и киммериец почувствовал, как она вздрогнула и напряглась при виде Скира. Он повернулся к ней.

— В этом не будет необходимости, — заметила Туэнн, легко касаясь пальцев Конана, лежащих на рукояти меча. — Скир стал теперь чем-то вроде меня.

— Что ты хочешь этим сказать? — озадаченно спросила Элаши.

— Он принадлежит Нэгу даже после своей смерти.

— Зомби? — догадался Конан.

— Да. Это награда Нэга за хорошо выполненную работу.

Киммериец шагнул к выходу.

— Куда ты собрался? — спросила Туэнн.

— Поговорить со Скиром, — киммериец вытащил меч из ножен.

— Не надо! Твой меч не сможет убить его.

— Он не сможет далеко уйти без рук и без ног, — ответил киммериец. — Я разрублю его на куски.

— Прошу тебя, не делай этого.

Варвар остановился.

— У тебя нет большой любви к Скиру, живому ли, мертвому ли. Так почему же ты просишь меня за него?

— Я долго была рабыней Нэга — почти в пять раз больше, чем тебе лет. Если Скир увидит тебя, он догадается, что я где-то рядом. А если Нэг узнает, где я нахожусь, он... позовет меня. Я не смогу воспротивиться его зову, хотя раньше мне это удавалось — с помощью магической соли. А я не в силах даже подумать о том, что снова окажусь в его руках. Прошу тебя...

Конан несколько раз ударил мечом плащом по своему колену, потом спрятал оружие в ножны.

— Ладно. К тому же сейчас нам нет никакого толка от Скира. И я не хочу, чтобы что-то причиняло тебе боль.

Обе женщины протянули руки и коснулись плеч Конана.

— Спасибо, — сказала Туэнн.

— Прими и мою благодарность, — сказала Элаши.

Ингредиенты, необходимые для того, чтобы попасть в Промежуточные Земли, были, как уверяла Туэнн, простыми. Утром, едва проснувшись, все трое отправились на местный рынок добывать необходимые травы и прочее. Некоторые части колдовского порошка найти было не так-то легко, но к полудню у женщины-зомби было все необходимое. Но прежде, чем произнести магические слова, она решила кое о чем предупредить своих друзей.

— Я никогда там не была, — сказала она, — но рассказы, которые я слышала об этих местах, очень страшные. Когда здесь день, там может быть ночь. Там будет дорога (это является частью заклинания),

которая приведет нас внутрь замка Нэга, но дорога эта будет нелегкой. Сойти с этой дороги хотя бы на один шаг — верная гибель. Но и так на нашем пути встретится множество чудовищ. Даже опытные и искусные в своем деле колдуны и ведьмы с большой осторожностью вступают в Промежуточные Земли, а мы не имеем и тысячной доли их защиты. Я не думаю, что могу умереть Истинной Смертью, но вы, безусловно, можете погибнуть. Со мной же может случиться кое-что похуже смерти. Вы **ДОЛЖНЫ** знать об этих вещах, прежде чем мы встанем на этот путь.

Элаши бросила быстрый взгляд на Конана, потом повернулась к Туэнн.

— Душа моего отца бродит по Серым Землям неотомщенная, — сказала она, — и я сделаю все, что в моих силах, чтобы отомстить за него и смыть позор с нашей семьи.

— Что ж, пора в путь. Хватит разговоров, — сказал Конан. — Там, где может пройти смертный, киммериец тоже не испугается протопать.

— Хорошо. Встаньте рядом со мной.

Туэнн начала протяжно и нараспев читать заклинание и одновременно с этим зажгла светильник, наполнивший комнату тусклым сладковатым запахом ароматических благовоний. Маленький язычок пламени в светильнике выглядел вполне обычно — до тех пор, пока Туэнн не бросила в огонь несколько засушенных травинков и цветов. Цвет пламени мгновенно изменился — из оранжевого он стал зеленым, затем голубым, точно летнее небо Киммерии. Зрение Конана стало изменять киммерийцу: ему показалось, что стены комнаты задрожали...

Хозяин постоянного двора забарабанил в дверь.

— Вы что, жарите там что-то? Мы не разрешаем готовить еду или совершать жертвоприношения в комнатах!

— Не обращайтесь на него внимания! — властно сказала Туэнн.

Стук в дверь стал громче.

— Эй, вы! Внутри! Я чую, как что-то горит! Вы жарите мясо барана, что ли?

— Убирайся к демонам! — громко огрызнулся Конан. — Иначе мы поджарим человечье мясо, и принадлежать оно будет тебе!

Стук в дверь тут же прекратился, и до ушей Конана донесся быстрый поспешный топот удаляющихся шагов. Киммериец позволил себе легкую улыбку.

Дым от светильника, казалось, заполнил собой всю комнату; киммериец не мог уже различить даже стен. Внезапно он почувствовал порыв ветра, и дым стал рассеиваться. Когда же он рассеялся окончательно, Конан увидел, что находится не внутри второсортной гостиницы, а стоит на плато, окруженном обширной долиной. Голубовато-зеленое солнце освещало странное место. Киммериец глубоко вздохнул и осмотрелся вокруг, а его рука привычно легла на рукоять меча. На западе (если это направление здесь было западом) виднелись необъятные джунгли. На востоке — нечто напоминающее бесконечную пустыню. На севере было море (вода в нем, правда, была цвета свежей крови), и, наконец, на юге тянулась цепь гор, вершины их, казалось, доходили до самого неба.

Конан глянул вниз и увидел у себя под ногами узкую тропу, уводящую к подножию плато и дальше, к отдаленному зеленому морю джунглей. Это была единственная дорога, насколько он мог судить, и на ней не было никого, кроме него, Элаши и Туэнн. Конан вопросительно глянул на Туэнн. Она кивнула.

— Мы в Промежуточных Землях.

Элаши протянула руку к джунглям, и Конан заметил, что странный свет здешнего солнца придавал ее коже жутковатый голубой оттенок, куда темнее бледно-голубого цвета кожи Туэнн.

— Нам туда идти?

Туэнн снова кивнула:

— Да. Там, где джунгли, расположен замок Нэга. Если нам удастся целыми и невредимыми добраться до середины джунглей, то мы окажемся внутри замка, за пределами стен и рва, в «реальном мире».

— Если удастся...

Глава 18

Маленькими тонкими ножницами Нэг подрывал волоски на только что сделанной им кисточке. Волосы были светлыми (впрочем, это не имело никакого значения) и мягкими, как у ребенка. Правда, они могли бы быть и жесткими, как свиная щетина, лишь бы действовали, а все остальное не играло ни малейшей роли.

Талисман Света покоился в кожаном мешочке, свисающем с пояса колдуна, он мягко ударял его по ноге, когда Нэг поднял кисточку из волос шляхи и начал обметать ею и без того идеально чистую поверхность хрустального шпилья. Он с пунктуальной тщательностью обмахнул каждый миллиметр хрусталя своей тонкой кисточкой, сметая мельчайшие частицы пыли. Они были слишком маленькими, чтобы их мог увидеть человеческий глаз, но достаточно большими для того, чтобы испортить заклинание, и Нэг это хорошо знал.

Ему потребовалось около десяти минут, прежде чем он решил, что ритуал можно закончить. Глубоко вздохнув, Нэг отложил кисточку и вытащил Талисман из сумки. Колдун так аккуратно уложил Талисман в хрустальную нишу, что этот звук не разбудил бы и мышь. Вот так. Все сделано. Теперь нужно закончить заклинание и убедиться, что все сделано правильно.

Нэг с необходимыми интонациями начал певуче произносить слова древнего заклинания, но теперь в его голосе был и огонь, возбуждение — это была Сила, которую он ощущал. И сейчас чувство это было иным, непохожим на все, что ему доводилось испы-

тивать прежде. Заклинание должно подействовать, теперь уже он не сомневался в этом!

Когда все было кончено, Нэг довольно улыбнулся. Талисман Света начал таинственно мерцать, пульсируя, словно он был живым существом, и испуская во все стороны лучи света такой изумительной чистоты и яркости, что колдуну больно было смотреть на них. Сила, энергия магического предмета растекалась вокруг, и Сила эта была столь могучей, что ощущения Нэга превосходили все, что ему приходилось испытывать прежде. Она начала заполнять его, эта сила, как вино заполняет пустой кувшин, зажигая магическое пламя в каждом атоме, в каждой клеточке его тела. Власть! Сила! Все подвластно ему, все может он создать — и жизнь, и смерть, — стоит ему только шевельнуть пальцем. Энергия кипела и бурлила в его черной душе, и он знал, он ЗНАЛ, что сможет подарить или отнять жизнь одним движением своих глаз! Пока Талисман лежит в безопасности на своем хрустальном ложе, он, Нэг Ужасный, будет Нэгом Всемогущим. Быстрыми шагами колдун вышел в коридор.

— Всем — сюда! — приказал он, и голос его был подобен раскату грома. В тот же миг дюжина Безглазых возникла перед ним. — Охраняйте эту дверь, — сказал колдун. — Никто не должен входить сюда, за исключением меня.

Слепые жрецы поспешили выполнить его приказ. Все, кроме одного.

— Ты, — указал Нэг. — Смотри на меня.

Жрец уставился своими прозрачными глазами на колдуна.

— Умри, — приказал Нэг, сурово и твердо глядя на жреца. Человек упал на каменный пол, не издав ни звука. Мертв, в этом не было никакого сомнения. Нэг улыбнулся очередному доказательству своей силы.

— Живи, — сказал Нэг, махнув рукой по направлению к мертвецу. Все так же молча жрец приподнял голову и быстро встал на ноги. Нэг расхохотался. Власть!

— Оставайся с теми, кто охраняет дверь в зал, — сказал Нэг. Жрец, превращенный в зомби, безмолвно выполнил приказ своего повелителя. Нэг повернулся и быстро пошел по коридору, шурша величественно развевающимися широкими одеждами. Он совершил это! И он немедленно приступит к созданию своей непобедимой армии. За одну ночь мир рухнет, как комок сухой грязи, перед могуществом Нэга!

Его смех гулким, жутким эхом отражался от каменных стен замка. Далеко внизу, в подземелье, крысы внезапно затаились в своих норах, испугавшись чего-то...

Сойти с плато на равнину оказалось не такой уж трудной штукой, хотя меняющийся, дрожащий свет, то голубой, то красный, а иногда — почти нормальный, играл с ними странные шутки. Конан возглавлял маленький отряд, Элаши следовала за ним, а Туэнн замыкала шествие. Пока что они никого не встретили, и что касается Конана, то это его не огорчало. На севере море крови волновалось под лучами странного света, меняя свои краски с красного на пурпурный, затем — на почти черный и вновь на красный. Прямо перед путешественниками простирались джунгли. Еще раньше киммериец заметил, что джунгли занимают куда больше места, чем замок Нэга. На это Туэнн ответила, что между расстояниями и величинами в Промежуточных Землях и реальном мире нет абсолютно точной связи. Километр в одном мире может обернуться шагом в другом, и трудно было предсказать заранее, что именно произойдет в этот раз.

Временами Конан начинал уже сомневаться в целесообразности всего предприятия, но все же его друг (пусть даже он был им недолгое время) убит. Кто-то должен заплатить за эту смерть, а Конан из Киммерии никогда еще не уклонялся от своего долга, какие бы опасные и тяжелые препятствия ни стояли на его пути.

Ветер изменил направление и подул из пустыни — она лежала за их спинами, сухая и горячая. Горячий

воздух не принес им облегчения. Вместо того чтобы обвевать прохладой, ветер принес с собой клубы мелкого песка и пыли. Крутящиеся смерчи окружили путников. Два, три крутящихся пылевых столба были уже совсем рядом с ними... хотя, постой, что это?.. Пыльные столбы стали сгущаться, становясь темнее и плотнее. По мере того как они уменьшались, их форма становилась все более и более четкой, и уже через несколько секунд то, что двигалось навстречу путешественникам, окончательно утратило сходство с пыльным смерчем, превратившись в нечто, отдаленно напоминающее человека, передвигающегося на двух ногах. Но это не были люди, да и вообще какие-либо существа, знакомые Конану.

Чудовища двигались по направлению к людям, и когда они подошли ближе, Конан понял, что больше всего они напоминали птиц, — там, где у человека должно быть лицо, у этих созданий имелся длинный острый клюв, со всех сторон заросший густыми перьями. Большие оранжевые глаза внимательно и недобро смотрели из-под слегка суженных век, плечи существ были короткими, и из них росли крупные сильные крылья, на концах которых виднелись здоровенные когти — по три на каждом крыле. Ноги были почти человеческие, только ступни были более высокими и на них красовались такие же когти, как и на крыльях.

Конан вытащил меч из ножен, замахнулся им пару раз, чтобы размять плечи, и несколько раз сжал пальцами рукоять (так флейтист, наверное, пробовал бы флейту), пока не нашел удобную позицию.

— Сможем ли мы обойти их? — спросила Элаши из-за его спины.

— Сделать хотя бы шаг в сторону от дороги — верная гибель, — ответила Туэнн. — Мы можем только повернуть назад и надеяться, что они не последуют за нами.

— Нет, — сказал Конан, — наш путь — впереди, и мы пройдем, так или иначе.

— Тогда позволь мне пойти впереди, — попросила Туэнн. — Моя плоть не нравится зверям, и разрушить ее куда труднее, чем твою.

— И снова я скажу тебе «нет», — ответил киммериец. — Здесь никто не держит Элаши, приставив нож к ее горлу.

— Ты можешь, по крайней мере, попытаться убедить их, — заметила Элаши. — Быть может, они не захотят причинить нам зла.

Когда странные птицы приблизились, Конан поднял меч и направил острие в лицо вожака.

Вожак с блестящим темно-синим оперением открыл свой кривой клюв и издал пронзительное «Кра!», ни на секунду, однако, не замедлив шаг.

— Ты не можешь сказать, что я не пытался убедить их, — заметил Конан Элаши.

В паре шагов от киммерийца вожак внезапно подпрыгнул в воздух на высоту раза в два превышающую рост Конана. Расправив крылья, он с шумом захлопал ими. Эта большая «птица» не слишком хорошо летала, но прыгать она, несомненно, умела блестяще. Ее прыжок застал Конана врасплох, он извернулся, стараясь уйти от страшного клюва, и в ту же секунду почувствовал острую боль в плече — резко опустившись, «птица» полоснула его когтями. Рана, впрочем, была небольшой. Человек-птица опустился на землю, слегка спружинив, и снова подпрыгнул вверх. За своей спиной Конан услышал хлопанье крыльев и резко развернулся, чтобы отразить атаку с тыла. Обе птицы уже поднялись в воздух, как и их вожак, но на сей раз Конан учел свою ошибку и подготовился к нападению. Он подпрыгнул в воздух, взмахнув своим тяжелым мечом. Острие меча оставило глубокую рану в ноге одного из монстров. Человек-птица громко каркнул, из его раны потекла густая красная жидкость. Усмехнувшись, Конан развернулся, чтобы снова встретиться лицом к лицу с крылатыми чудовищами. Может, они и были мистическими созданиями, но кровь из них текла так же хорошо, как и из людей.

Раненый человек-птица упал на землю бесформенной кучей перьев. Странно, ведь рана не была такой уж серьезной... Через несколько секунд поверженная птица вновь превратилась в горсть крутящейся пыли и сухого песка.

— Прикосновение железа смертельно для них, — сказала Туэнн. — Так всегда бывает с магическими существами.

— Отлично, — ответил Конан.

Двое уцелевших тварей действовали теперь синхронно, координируя свою атаку, — один нападал на Конана спереди, а другой — сзади. Они были очень ловкими и быстрыми, эти люди-птицы. Когда киммериец вновь резко повернулся, чтобы отразить атаку вожака, он вдруг услышал позади себя ошеломленное карканье и сразу вслед за тем — стук упавшего на землю тела. Краем глаза Конан увидел, что повержен еще один монстр. Кинжал Элаши по рукоять вонзился в его ногу. Киммериец улыбнулся.

Когда ветер поднялся снова, бросив горсть песка в его лицо, вожак птиц атаковал. «Скриии!» — закричал он, выпустив все когти и падая на Конана. Киммериец отпрыгнул влево и взмахнул мечом. Перья полетели во все стороны, когда острое лезвие вонзилось в грудь существа и разрубило его пополам, точно кусок масла. Похоже, внутри они совершенно пустые, подумал Конан, когда вожак птиц бесформенной массой осел на землю.

После того как ветер утих, трое путешественников взглянули друг на друга. Обе женщины подняли страшный шум из-за раны Конана. По правде говоря, это была всего лишь глубокая царапина, но киммериец не стал возражать против такой заботы. Он сказал:

— Если это самое страшное, с чем можно столкнуться в этих местах, то путешествие наше будет не таким уж и трудным делом.

— Боюсь, что эти твари были самым легким препятствием на нашем пути, — отозвалась Туэнн. — Я слышала истории о таких чудовищах, по сравнению с которыми эти — не больше, чем воробьи.

— Избавь меня от этих историй, — ответил Конан. — О некоторых вещах лучше лишний раз не говорить.

Через несколько минут все трое снова двинулись в путь.

Обитатели рва, опоясывающего замок Нэга, получили неожиданное угощение, когда дюжины толстых, мясистых пауков начали перебираться через край рва и прыгать в воду, стараясь добраться до замка. Пиршество длилось, однако, недолго, так как на вкус эти заколдованные пауки были омерзительны даже для весьма неразборчивых в еде подводных стражей. Был ли этот ужасный вкус нормален для них, или же он был вызван колдовством, для хищных рыб не имело большого значения, невидимый сигнал быстро пробежал от одной рыбы к другой: «Фу-у-у! Не ешьте этих черных тварей, они омерзительны на вкус!» Поэтому и случилось так, что две дюжины самых крупных, выносливых тарантулов достигли противоположного берега и подобрались к самому основанию замка Нэга. Карабкаясь по норкам и тоннелям, выкопанным крысами и кротами, они продолжали свой путь, стараясь пробраться в здание, где находилась их жертва. Она звала их, проклятие лежало на этом человеке как страшная, адская печать, и пауки — посланники разгневанного бога — должны были выполнить свое предназначение.

Скир плелся по коридору, держа в руках большую чашу с фруктами для своего повелителя Нэга (который соблюдал строгую диету), когда он увидел приближающихся пауков. Скир был настолько потрясен этим неожиданным зрелищем, что уронил деревянную чашу на пол, и груши, фиги и виноград рассыпались во все стороны. Чаша с громким стуком ударилась о камень пола.

— Что там за шум? — крикнул Нэг.

Скир, парализованный ужасным зрелищем, не смог ему ответить. Пауки спешили к зомби — они наконец

увидели свою жертву. В этот момент Нэг вышел в коридор.

— Скир, что это за разгильдяйство, ты, падаль?.. — Он остановился и уставился на пауков. — Ага, это, должно быть, твои друзья, а?

— Он-он-они стали преследовать меня в городе Опкофарде, повелитель!

— А-а, понятно. Шез. Я слышал об этом проклятии. Их заколдовали и послали убить тебя. Ты, должно быть, каким-то образом нанес оскорбление одному из тамошних жрецов. М-да, они проделали неблизкий путь.

— П-п-повелитель, разве вы не поможете мне?

Колдун жестко и громко рассмеялся. Пауки подошли ближе, Скир стоял, словно врос корнями в пол.

— П-повелитель?

— Глупец! Ты же МЕРТВ! Что они могут тебе теперь сделать?

Скир понял его мгновенно. Он действительно БЫЛ МЕРТВЫМ!

— Принеси мне еще одно блюдо с фруктами, дурень.

Нэг повернулся и быстро вышел из коридора. Первый, самый ловкий паук уже добрался до ноги Скира. Его прикосновение было неприятно зомби, но, когда паук укусил его, он не почувствовал даже легкой боли. Он наклонился, чтобы раздавить паука, но потом передумал и просто смахнул его на пол. Все равно тот не сможет причинить ему никакого вреда. Паук отбежал на полметра назад, и его окружили остальные тарантулы. Похоже было, что они каким-то образом обменивались информацией. Скир повернулся, подобрал лежащее блюдо из-под фруктов и направился в сторону кухни. Пауки последовали за ним.

Скир остановился.

Пауки тоже остановились.

Он сделал два шага вперед.

Тарантулы рассыпались вокруг него.

Он снова остановился.

Пауки замерли.

Скир рассмеялся. Как, должно быть, ужасно разочаровались эти пауки, найдя свою жертву мертвой и в то же время передвигающейся! Теперь, когда их жертва ускользнула, куда им идти? Совершенно очевидно, что они решили следовать за Скиром, ведь у них не было иной цели. Как стая собак, они последовали за ним. Кусать его было напрасной тратой яда, возможно, это и сказал вожак остальным.

Скир снова отправился на кухню, сопровождаемый своей восьминогой свитой, держащейся от него на расстоянии шага. Он снова рассмеялся. Как странно все обернулось для него... Кто бы мог подумать каких-нибудь пару недель назад, что он умрет, превратится в зомби и станет повелителем трех десятков мохнатых пауков? Как хорошо, что он не был ни рассказчиком, ни менестрелем — никто на свете не поверил бы такой сказке. К тому же она была слишком страшной, чтобы из нее получился хороший рассказ или песня.

Скир отправился выполнять приказ своего господина, сопровождаемый мохматым шевелящимся ковром.

Внутри постоянного двора шестеро жрецов-зомби сгруппировались в пустой комнате. Они молча осмотрели светильник, понюхали магические травы и поняли, КУДА ушла их добыча. Двое зомби ушли добывать необходимые ингредиенты. Прочие остались ждать их возвращения. То, что преследуемые удрали из реального мира в Промежуточные Земли мира колдовского, конечно, давало им небольшой выигрыш во времени, но в целом ничего не изменяло в сложившейся ситуации. Безглазых нельзя было смутить такими вещами.

Позднее, когда дым от светильника рассеялся, маленькая комната в постоянном дворе опустела вновь, и лишь хозяйин гостиницы, содрогаясь, вспоминал о том, как много людей вошло в нее и как мало (точнее — никто) вышло из нее, исчезнув, словно их никогда и не было.

Служитель морга Опокофарда едва очухался от пережитого ужаса. Он мог бы поклясться, что на его голове и в бороде появилось много новых седых волос. Увидев мертвецов, вставших из гробов и направившихся как ни в чем не бывало к выходу, бедный служитель лишился, пожалуй, нескольких лет жизни. Правда, подумал он, прислонившись к холодной стене морга и разглядывая следующую партию мертвецов, эти шестеро были очень странными людьми. То есть покойниками. Кроме всего прочего, они были чужеземцами и погибли насильственной смертью, так что никто не мог сказать, какое зло бродило в их черных душах.

Теперь же все трупы, лежавшие на холодных топчанах морга, были, хвала Безымянному, местными жителями, и практически все они умерли естественной смертью. Корзина с подгнившими фигами унесла в могилу целую семью, и всего за три дня красная лихорадка прикончила еще несколько человек, старая стена дома, обрушившись в неудачный момент, погребла под собой трех каменщиков, оказавшихся менее проворными, чем их приятели. И еще один был старик, который просто разделся в бане, лег в горячую воду бассейна... и так и не вышел из него. Его выловили из воды через несколько часов, когда кто-то заметил, что он не дышит. Ну что ж, похоже, что эти покойники не причинят ему особого беспокойства.

Служитель был почти спокоен, когда услышал, как крыса с шорохом пробежала мимо стола, стоявшего в дальнем углу помещения. Крысы. Крысы его не особенно беспокоили. Он взял дарт (короткий, сантиметров в десять, деревянный стержень, с иглой на одном конце и оперением на другом), который смастерил для него Зенк-оружейник. Дарт напоминал короткую деревянную стрелу, но, брошенный с близкого расстояния, он точно попадал в цель, так что служитель за последние дни перебил таким образом немало ничего не подозревавших крыс.

Он ухмыльнулся и медленно двинулся по направлению к темному углу. Но ухмылка его мгновенно исчезла, когда он увидел, что покрытый морщинами труп утопшего старика внезапно сел, обводя вокруг тусклым взором. Зашатавшись от ужаса, служитель скорбно взвыл и запустил в воскресшего старика своим дартom. Дарт впился старику в плечо, но если он и причинил мертвецу какое-то неудобство, то тот этого не показал. А потом зашевелились и остальные трупы. Все обитатели морга поднялись со своих топчанов и, не говоря ни слова, направились к выходу. С диким воплем ужаса служитель выбежал из помещения. Удрав на почтительное расстояние, он дал себе страшную клятву — вернуться в морг только в том случае, если кто-нибудь принесет туда его мертвое тело!

Внезапно Туэнн остановилась и покачнулась, едва не упав на землю..

— С тобой все в порядке? — спросил ее Конан.

— Это Нэг, — прикрыв глаза, ответила она. — Он начал использовать Талисман Света. Он... он призывает к себе мертвых.

Конан и Элаши оглянулись. В этом странном месте они, несомненно, были одни.

— Я чувствую его силу, он зовет меня, — продолжала Туэнн. — Это очень сильный зов. Приказ.

— Ты можешь сопротивляться ему? — спросила подругу Элаши.

— Пока да. У тебя сохранилась соль, которую я дала тебе?

Конан с изумлением взглянул на женщину пустыни. Он ничего не знал об этом.

— Да, она у меня, — ответила Элаши.

— Если я покачнусь и попытаюсь сойти с нашей тропы, используй ее. Если сила Нэга возрастет, я вынуждена буду повиноваться его зову. И идти мне придется не по нашей тропе.

— Но опасность...

— Это не имеет значения. Я вынуждена буду повиноваться.

— Тогда давайте поспешим, — сказал Конан. — Чем раньше мы избавимся от этого проклятого ублюдка, тем лучше для всех.

Призрачный «день» Промежуточных Земель заканчивался, становясь темнее. Теперь путешественники своими глазами могли видеть, как действует колдовство Нэга. Вдали, справа от них, возникли туманные фигуры. Когда они приблизились, Конан вытащил из ножен меч.

— Нет, — остановила его Элаши. — Они не причинят нам зла. Взгляни на них.

Конан внял совету и присмотрелся к фигурам повнимательней. Несомненно, это были люди. И, несомненно, это были мертвецы, вызванные из могил Талисманом колдуна. Мужчины, женщины, дети, пересекавшие их тропу, не обращали никакого внимания на Конана и его спутниц. Они были похожи на лунатиков, во сне стремящихся к какой-то цели, к которой притягивает их невидимая сила.

— Это души мертвых, которые еще только должны были войти в Серые Земли, — сказала Туэнн. — Талисман и Сила Нэга позвали их, и они должны были вернуться к своим телам. Большинство из них умерли совсем недавно, другие дольше пробыли в могиле, но их путь в Серые Земли по какой-то причине задержался. Эти тела вряд ли смогли порадовать своих бывших владельцев.

— О-ох, — выдохнула со стоном Элаши.

Конан ничего не сказал, но его реакция была такой же, как у Элаши. Труп, пролежавший в могиле несколько месяцев, а то и лет... Вряд ли это было приятное зрелище.

Когда троица путешественников подошла к кромке джунглей, количество мертвецов увеличилось. Сотни, а может, и тысячи их уже прошли через эти места, но казалось, этому потоку не будет конца.

— Через два-три дня у Нэга будет огромная армия, — сказала Туэнн. — Мертвецы со всей округи стекутся к

нему. Никто чужой не сможет даже приблизиться к его жилищу.

Туэнн снова пошатнулась и остановилась. Затем сделала несколько шагов в сторону ближайшей группки мертвых.

— Туэнн! — закричала Элаши. Женщина-зомби сделала еще один шаг и остановилась. Тряхнув головой, она повернулась к своим друзьям и поспешно вернулась на тропу.

— Его Сила возрастает, — сказала она.

Конан видел, как Элаши сунула руку в карман и достала пригоршню соли. Подумав, она бросила соль обратно в сумку и легонько коснулась руки Туэнн.

— Мы должны дойти до края джунглей примерно через час, — сказал Конан. — Идем.

Армии были готовы выступить в поход. В смотровом зале, расположенном в одной из башен, Нэг сидел у окна и смотрел на свои владения (теперь ВСЕ это были его владения!) и на фигуры, медленно приближающиеся к замку. Насколько он мог судить, они прибывали со всех сторон. Колдун засмеялся громким глуховатым смехом, затем махнул рукой тем, кто не мог видеть его, но кто чувствовал его зов. Идите же ко мне, подумал он, идите и присоединитесь к самой могущественной армии, такая армия никогда еще не собиралась под знаменами людей. Неуязвимая, несокрушимая армия, армию, которую невозможно будет уничтожить. И командую ею я! Идите же ко мне, мои воины!

Энергии и Силы становилось все больше, они наполняли его тело и душу, как теплый воздух — воздушный шар. Нэг уже начал привыкать к этому ощущению. Энергия струилась в нем, словно свет, лучащийся от солнца. Он был Богом для ВСЕХ мертвых, и они были его поклонниками, его верующими, пришедшими поклониться перед ним. Армия ночи припла наконец к своему повелителю.

Удивление — слишком мягкое слово для описания того, что почувствовал Тайный Мастер. Он ДОЛЖЕН быть мертв, ни один человек не смог бы выжить после того страшного удара, который нанес ему варвар своим тяжеленным мечом. Он снова ярко и подробно вспомнил эту сцену: вся его жизнь пронеслась перед ним, когда этот Проклятый-Богам-Конан рубанул его мечом и... Тайный Мастер протянул руку и коснулся своей головы. Да, в самой середине его черепа была щель шириной в половину его пальца, сужавшаяся к переносице. Внутри рассеченного черепа он нащупал рукой что-то мягкое и вязкое (его мозг, он в этом не сомневался), и в этот момент Тайный Мастер чуть не лишился рассудка. Ни один человек не может оставаться в живых с такой дыркой в черепе! И именно в эту самую минуту он понял, что не дышит. Да, конечно, он мог вздохнуть, если бы захотел, но, как он понял, не имело значения, дышит он или нет. Он попытался заговорить и понял, что это ему доступно, если, конечно, он не забудет набрать в рот достаточно воздуха. Он понял все в тот момент, когда почувствовал, что что-то толкает его вперед, заставляя идти.

Он был мертв.

Мертв, но, тем не менее, он знал, что его каким-то образом позвали обратно, из мира мертвых, из Серых Земель. Следовательно, он превратился в зомби. И скорее всего, тот, кто приказал ему встать из могилы и очнуться от вечного сна, был Нэг. Чудовищность, невозможность этой ситуации наполнила ужасом его душу, но почти одновременно с чувством страха в его голове мелькнула злорадная мысль: возможно, у него еще будет шанс убить Конана, если, конечно, тот еще жив. Губы Тайного Мастера перекосилились в усмешке при одной мысли о возможной мести. Возможно, он был неправ, проклиная богов.

Идя по дороге неведомо куда, повинувшись лишь зову колдуна, Тайный Мастер видел многих таких же, как и он. Там был Брут (его правая рука была отсечена), ко-

вылявший рядом с остальными. Многих, и таких было очень много, он не знал. У этого Нэга было могущество богов — в этом не приходилось сомневаться. Ну что ж. Он посмотрит, что можно будет извлечь из этой ситуации. А пока с него хватит и возможности вновь встретиться с Конаном. И если это случится, то на этот раз у него будет неоспоримое преимущество — мертвеца невозможно убить.

Ночь наступила в Промежуточных Землях внезапно. Темнота покрыла дорогу своим мягким покрывалом, и вокруг стало так темно, словно кто-то задул лампу. Джунгли находились всего в пяти минутах ходьбы от них, но у Конана не было ни малейшего желания идти в темноте.

— Мы разобьем палатку здесь, — сказал он.

Никто не стал возражать. Они остановились у ближайшей рощицы, поросшей густым кустарником, и принялись собирать хворост для костра. Конан не знал, боятся ли здешние чудовища огня, но в любом случае костер позволит ему хотя бы разглядеть нападающего.

Они поужинали полосками сушеных фруктов и копченой рыбой. Конан запил этот безвкусный ужин несколькими маленькими глотками вина из кожаной бутылки.

Киммериец не переставал раздумывать над тем, сможет ли костер отпугнуть незваных гостей, и в конце концов решил, что ему стоит поискать какое-нибудь укрытие неподалеку, чтобы лучше видеть окрестности и остановить любого, кто попытается войти в кольцо света.

Высоко над головой сверкали звезды, но луны на небе не было. Не было и знакомых Конану созвездий. Слева звезды изгибались в рисунок, напоминающий кривой нож, справа — странное, разорванное кольцо звезд низко повисло над горизонтом; они были похожи на громадные, с кулак мужчины, бриллианты. Если раньше у киммерийца и были какие-то сомнения насчет того, что он

очутился в другом мире, то теперь они окончательно растаяли.

После короткого ужина Конан подбросил в костер сучьев.

— Давайте-ка отодвинемся от костра, — сказал он. — Тогда, что бы ни случилось, нас врасплох не застать.

И снова ни одна из женщин не стала спорить с ним. Метрах в десяти от костра они укрылись в густом кустарнике. Сперва Конан хотел было дежурить всю ночь, но Туэнн, не нуждавшаяся во сне, убедила его доверить эту миссию ей.

Имело значение и то, что глаза Туэнн были лучше приспособлены к темноте, а если бы путникам угрожала опасность, прекрасная зомби всегда успела бы их разбудить.

Элаши легла слева от Конана, Туэнн — справа. Киммериец закрыл глаза и погрузился в глубокое и усталое забытие.

Проснувшись, он увидел, что Туэнн исчезла. Тусклый рассвет болезненным светом освещал Промежуточные Земли. Костер почти прогорел, в нем тлело лишь несколько красных угольков, на тропе тоже все было спокойно, но Туэнн исчезла. Конан резко вскочил, разбудив этим движением Элаши.

— Что случилось?

— Туэнн пропала, — сказал он.

Они поднялись и поспешно обыскали кустарник, но вокруг было все еще слишком темно для поисков.

— Мы должны найти ее! — сказала Элаши.

— Сейчас слишком темно, — покачал головой Конан. — Мы только потеряем тропу, а ты сама знаешь, чем это нам грозит.

— Но не можем же мы оставить ее здесь!

— Я готов выслушать любое твоё предложение.

Элаши замолчала.

— Она сказала, что если она вынуждена будет подчиниться зову Нэга, то ее путь будет отличаться от нашего, — продолжал он. — Мы должны пробраться в замок Нэга — это наша единственная возможность и надежда спасти ее.

— Но как же мы выберемся отсюда? — спросила Элаши. — Я не знаю заклинания, да и ты его не знаешь.

— Туэнн говорила, что эта тропа создана специально для нас. Возможно, впереди будет какой-нибудь знак, который укажет нам путь.

— А возможно, нам придется бродить по этому миру до тех пор, пока наши кости не превратятся в пыль!

— Я готов выслушать любое...

— Прекрати говорить это!

В этот миг яркие лучи «солнца» прорезали темноту, и Конан решил промолчать. Он вполне мог понять ее страх. Лучше, чтобы она говорила такие вещи, а не он.

Постоянное присутствие маленькой свиты вскоре начало раздражать Скира. Пауки следовали за ним повсюду. Вреда они ему, конечно, принести не могли, но зато и не отпускали ни на минуту. Как-то раз в приступе гнева Скир решил убить своих мучителей. Он бросился к паукам, как всегда следовавшим на небольшом расстоянии от него. Мохнатые восьминогие твари, словно ожидавшие его нападения, мгновенно бросились врассыпную. Скир гонялся за ними так быстро, как только мог, но раздавить сумел только одного паука. Паук лопнул, словно пузырь с водой, и расплескал во все стороны свои внутренности, но на этом успехи Скира в этой битве и закончились. Будь Скир живым, он давно свалился бы от усталости, гоняясь за пауками. Но он был мертв... Что ж, в конце концов, счет был равным. Причинить друг другу вреда они не могли. Зомби скоро понял всю бесполезность своих попыток. Как только он отказался от попыток раздавить их, пауки вновь заняли свои привычные места вокруг его ног. Скир пересчитал их. Двадцать два маленьких ублюдка. В жизни, конечно, были свои

неприятные моменты, но в смерти... в смерти их было куда больше.

Скир пошел по пустым коридорам замка Нэга, вздымая клубы пыли и думая свои невеселые думы.

Туэнн знала, что для нее все кончено. Зов Нэга наконец коснулся ее, всего лишь коснулся, и он не был таким сильным, как тот приказ, что звал остальных — тех, бредущих по Промежуточным Землям; но, едва почувствовав прикосновение его мыслей, она уже знала, что он увидел ее.

А-А, ТУЭНН! Я ТАК И ЗНАЛ, ЧТО ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ. Я ЖДАЛ ТЕБЯ И ПРИГОТОВИЛ НЕСКОЛЬКО РАЗВЛЕЧЕНИЙ. ТЫ УШЛА, ДАЖЕ НЕ ПОПРОЩАВШИСЬ! ТЫ НАНЕСЛА МНЕ РАНУ.

В жестоком голосе Нэга слышался металл, он хлестал Туэнн, как мысленная плеть.

ТЫ НАНЕСЛА МНЕ РАНУ, НО ТЕПЕРЬ НАСТАЛ МОЙ ЧЕРЕД РАСПЛАТИТЬСЯ С ТОБОЙ...

После этих слов надежды Туэнн на спасение исчезли, похороненные под волной отчаяния. Быть рабыней Нэга тысячи тысяч лет, и все эти годы он будет издеваться над ней за то, что она посмела вырваться из неволи!

Вместе с остальными душами, которым были приказано явиться к Нэгу, Туэнн продолжала скорбный путь.

Больше ему не нужен был город, питавший и поддерживавший его жизнь в течение многих веков. Решив испытать свою Силу, Нэг послал в город орду своих новых солдат. Те горожане, которые не успели удрать, вскоре сами влились в его армию, став зомби.

Когда спустились сумерки, окрасив небо сперва в темно-фиолетовый, а потом и в черный цвет, пламя горящего города приятно осветило несколько тысяч зомби, собравшихся перед рвом у его замка.

— Назовите мое имя!

Звук рос и перекачивался, превращаясь в рев, — так гремящая волна обрушивается на песчаный берег.

— Нэг! Нэг! Нэг!

Его грудь высоко вздымалась от могущества и гордости.

— НЭГ! НЭГ! НЭГ!

«НЭГ-НЭГ-НЭГ-НЭГ-НЭГ-НЭГ-НЭГ-НЭГ...»

Да. Нэг. Повелитель мира.

Глава 20

От зеленых густых джунглей вокруг них поднимались белые испарения, и свет, просачивавшийся сквозь густую зелень леса, казался таким же обычным, как и в реальном мире. «Солнце» не было больше голубым, теперь оно стало желто-оранжевым и горячим. На лбу и груди Конана выступил пот. Элаши, идущая за ним, давно сбросила куртку и шла теперь, набросив на себя лишь блузу и штаны. Остальную одежду она обвязала вокруг своих красивых округлых бедер.

Это были весьма странные джунгли. Ни одно насекомое не жужжало в воздухе, ни один звук ревущего зверя, охотящегося вдалеке, не достигал их ушей. Несмотря на все опасности, о которых их предупреждала Туэнн, ничто пока не прерывало их путешествия.

Часа через два они остановились перед густым кустарником, в центре которого был, похоже, проход. Судя по всему, они подошли к концу своего путешествия в колдовском мире.

— Ты был прав, — призналась Элаши. — Это, должно быть, то место, откуда мы снова попадем в реальный мир.

Перед ними стояло дерево — такое огромное, что, наверное, оно было прадедушкой всех земных деревьев. Рядом с ним красовались большие деревянные ворота. А у одной из створок ворот стоял высокий мускулистый мужчина с мечом, одетый в одну только набедренную повязку. На ногах его были высокие кожаные сапоги. Конан и Элаши остановились. Кого-то он им очень напоминал... Он был таким же высоким, как Конан, его

густые черные волосы шапкой падали на широкие плечи, и стоял он, широко расставив ноги, с весьма самоуверенным видом.

Кром! Этого не может быть!

— Во имя Митры! — воскликнула Элаши. — Это... Это...

— Я, — закончил ее фразу Конан. — Только этого не может быть.

— Тогда это точная твоя копия, двойник.

— М-м... По правде говоря, мне кажется, что он выглядит слишком уж самоуверенным...

Элаши уверенно сказала:

— О нет, это точная копия тебя.

Конан взглянул на нее.

— Тогда ты сможешь так же хорошо уживаться с ним, как и со мной. — Его голос был очень сухим.

— Не думаю, что это так, — отмахнулась Элаши.

Псевдо-Конан быстрым шагом направился к ним.

— Хо, — сказал настоящий Конан. Его копия остановилась, на ее лице явственно читалось замешательство. Любой мог бы сказать, что выражение это было почти глупым, подумал Конан, но тут же отбросил эту мысль. Совершенно естественное удивление.

— Что тебе нужно? — спросил фальшивый киммериец.

— Пройти через ворота, — ответил Конан.

— Ты не сможешь этого сделать. Я поставлен здесь, чтобы никого не пропускать.

— Включая тебя самого?

— Нет. Но... — Двойник задумался, затем продолжил уверенно: — Ты не являешься мною. Ты — дьявольская галлюцинация. Колдовство!

Он сплюнул. Конан подавил желание согласно кивнуть. Вместо этого он сказал:

— По-моему, галлюцинация — это ты. Дай нам пройти и можешь и дальше носить мой облик.

— Нет, демон. Я увижу ТВОЙ истинный облик, когда мой меч унесет чары вместе с твоей жизнью.

Сообщив это, страж ворот обнажил свой меч и встал в боевую позицию. Недобро усмехнувшись, Конан проделал то же самое, в точности повторив движения своего противника. Подняв меч, он бросился вперед и с силой обрушил клинок на голову врага. Но удар, которым встретил его меч противник, был безукоризненным. Более того, в нем было столько же силы, сколько и в ударе Конана. На лице лже-Конана снова показалось удивленное выражение. Надеюсь, подумал настоящий Конан, я не выгляжу таким идиотом, а? Двойник прервал его размышления, рубанув его по руке мечом. Конан пружинисто отскочил назад и отпарировал удар, затем повернулся кольцом и прыгнул, целясь мечом в широкую грудь. Двойник точно так же ловко отпрыгнул назад, так что красивый выпад не достиг цели. Еще пару минут они наносили друг другу удары и контрудары, но ни один не смог хотя бы коснуться другого мечом. Как может человек победить самого себя? Конан всерьез задумался над этим, когда его любимый ложный выпад был разгадан врагом, словно тот прочитал его мысли. То же самое произошло и со следующим выпадом Конана.

— Кром! — воскликнули одновременно оба бойца.

— Может, удастся его убедить? — сказала Элаши.

— Убедить? Ты шутишь, — отозвался настоящий Конан.

Второй Конан засмеялся. Но, с другой стороны, кто сумеет убедить тебя лучше, чем ты сам? Настоящий Конан (хотя ему приходило в голову, что тот, второй, наверное, тоже считает, что ОН настоящий) опустил свой меч.

— Если один из нас — подделка, то нужно признаться, что это очень неплохая копия, — сказал Конан.

Страж ворот кивнул:

— Я вполне могу согласиться с этим.

— Ну, а что, если мы оба настоящие?

— Сомневаюсь.

— Да, в это трудно поверить, но согласись, в этом колдовском мире все возможно.

— Да. Возможно.

— Тогда, если это правда, позволь мне пройти — это не будет нарушением твоих обязанностей.

Двойник холодно кивнул.

— Да, пожалуй.

— Тогда позволь мне пройти, потому что я ЗНАЮ, что я настоящий.

Фальшивый Конан раздумывал несколько минут.

— Даже если то, что ты говоришь, — правда, то как насчет нее?

Конан не нашелся, что ответить, но тут заговорила Элаши:

— Я? Я просто галлюцинация.

— Галлюцинация?

— Ну да. Фантом. Не настоящая. Так, обычное привидение.

— Хм-м. В таком случае ты можешь пройти. Но сперва я должен убедиться в том, что это правда.

Элаши улыбнулась.

— Это очень легко сделать. Коснись меня. Твоя рука пройдет сквозь мое тело, как сквозь воздух.

Настоящий киммериец недоуменно уставился на нее. Неужели она сошла с ума? Она же не была никакой «галлюцинацией»! ЕГО рука никогда не проходила сквозь ее теплую плоть!

Элаши сделала шаг вперед и, слегка наклонив голову, еле заметно подмигнула настоящему Конану. А-а. Теперь он все понял.

— Да, дотронься до нее, — посоветовал он, пряча меч в ножны.

Лже-Конан тоже опустил свой меч, увидев, что опасность миновала. Он сделал два шага к Элаши. Она сочла момент подходящим и, приподняв свою блузу, обнажила полные загорелые груди.

— Вот, — сказала она, — коснись их.

Когда двойник протянул руку, намереваясь погладить эту чудесную грудь, настоящий Конан взвился в воздух и со всей силы ударил двойника кулаком в ухо. Фальшивый Конан рухнул навзничь, потеряв сознание. Элаши улыбнулась и опустила блузу.

— Меня ты бы так не провела, — сказал Конан.

Ее улыбка стала еще шире.

— Я бы на это не клюнул, — настаивал Конан.

— Конечно же нет, — ответила Элаши, но улыбаться не перестала.

Пока они шли к воротам, зрелище обнаженной Элаши продолжало стоять перед мысленным взглядом Конана. Он мог только посочувствовать второму Конану, лежавшему теперь, раскинув руки, на влажной земле. Это было чудесное зрелище, просто чудесное. Не то чтобы его можно было поймать на такой трюк. Конечно же нет. В самом деле...

Нэг обнаружил еще один подарок, который давало ему могущество Талисмана. Он мог, если хотел, «смотреть» через глаза выбранного им зомби. Все, что для этого требовалось, — это простое желание, и колдун тотчас же оказывался в двух местах одновременно — и в своем собственном теле и в теле зомби. В зависимости от его желания, его «настоящее» зрение могло быть как в одном, так и в другом теле. Больше того, он мог переносить свои мысли, свой разум в тела Безглазых, и это оказалось весьма любопытным занятием. Хотя жрецы и были слепыми, их остальные чувства были столь острыми и тонкими, что слепота воспринималась лишь как мелкое неудобство. Нэг попытался было испробовать этот способ и на одном из живых горожан, которого специально для этой цели привели к нему, но у него ничего не вышло — он так и не сумел «подключиться» к живому телу. Ну что ж. Это было не слишком важно. Вскоре его армия будет достаточно большой, чтобы волной, сметающей все на своем пути, обрушиться на его врагов. Ему лишь нужно решить, куда послать ее в пер-

вую очередь. Пойти ли ему на север, в Коринфию, Немедию или Бритунию? Или, возможно, повернуть на запад и захватить Офир или Аквилонию и дальше — к морскому государству Зингаре? На юге лежали Коф и Шем, а дальше — Стигия и Куш; на востоке — Замора и Туран...

Впрочем, не имеет никакого значения, кто будет первым; рано или поздно весь мир будет принадлежать ему. С каждой битвой его армия будет расти; каждый павший станет его солдатом, каждый убитый крестьянин или зарезанный ребенок. И чем отчаяннее будут защищаться его враги, тем быстрее будет увеличиваться его армия. Неуязвимая, бессмертная армия мертвых, которой не нужен отдых и сон, армия, не нуждающаяся в пище, армия, которая пойдет вперед, не останавливаясь и сменяя все на своем пути, как ветер, который гонит перед собой сухие листья. А когда весь мир ляжет к его ногам, он сможет сделать все. ВСЕ! Он будет править тысячи тысяч лет! Он будет последним живым человеком в мире, населенном его мертвыми слугами!

Ворота вели в длинный темный коридор. Конан шел впереди, Элаши — в двух шагах позади него. Через секунду они различили далеко впереди бледный мерцающий свет. Еще через несколько секунд они поняли, что свет идет от чадающей масляной лампы, вделанной в самую обычную каменную стену. Конан ощутил холодок, когда прошел через открытую дверь в замок колдуна. Когда он обернулся, чтобы еще раз посмотреть на дверь, сзади не было ничего, кроме ровной каменной стены.

— Мы в замке? — спросила Элаши.

— Да, похоже, что так.

— А... теперь что?

— А теперь мы должны найти Нэга и убить его.

Пять зомби шли через Промежуточные Земли как один отряд, пятеро, которые были Безглазыми. Шестой зомби покоился, хотя и без особых удобств, в желудке

чудовища, величиной со среднего кита. Этот монстр пересекал дорогу, по которой шли зомби, и расправился с одним из них. Если вкус мертвой плоти и не понравился чудовищу, оно ничем это не проявило. Зверюга опустилась под землю, так, словно это была вода, и исчезла навсегда вместе со своим обедом. Остальные пятеро продолжали путь.

Конан и Элаши не знали, что Туэнн прошла здесь, — еще до того, как двойник Конана встал на страже у дверей. И именно сюда, к этим воротам, подошли пятеро мертвых жрецов. У гигантского дерева они столкнулись с фальшивым Конаном.

— Меня уже обманули один раз, — сказал он. — Второй раз этого не будет. Уходите отсюда.

Но у жрецов-зомби не было ни малейших намерений выполнять его приказания. Ни на секунду не останавливаясь, они двинулись прямо к воротам. Кем бы ни был тот, кто создал точную копию Конана, и какими бы причинами он при этом ни руководствовался, работа была проделана отменная. Гнев охватил лже-Конана. Он бросился на жрецов, и меч его замелькал взад и вперед, вверх и вниз, а на землю посыпался дождь из отрубленных кусков мертвого мяса, рук и ног. Ноги, руки, ступни, уши, головы — все, чего могла коснуться холодная сталь меча, она отрубала и отбрасывала в сторону. Некоторые наиболее самостоятельные части тела (руки, например) пытались вернуться к своим хозяевам, карабкаясь по земле, словно насекомые, но сверкающее лезвие не давало им такой возможности, рубя их на куски. Когда ярость двойника Конана, казавшаяся неистощимой, наконец истощилась, лужайка перед огромным деревом была усыпана кусками бескровной изрубленной плоти. Фальшивый Конан, очевидно, инстинктивно знал, что, если раскидать подальше отрубленные части тела, то они не смогут соединиться снова. Конечно, своеобразная жизнь в них останется, но она будет похожа скорее на флору, чем на фауну. Поэтому он разбросал куски тел, руки, ноги и головы по меньшей мере на километр.

После этого страж ворот вернулся на свой пост, наблюдая за джунглями своими сверкающими голубыми глазами. Зомби-жрецы окончили свое путешествие таким способом, на который они вряд ли рассчитывали.

Пять тысяч заколдованных, вызванных из могил зомби стояли перед ним в темноте. Нэг смотрел на них с башни своего замка. Ну что ж, он имеет теперь по крайней мере половину необходимого ему количества солдат, решил он. И северо-запад, похоже, будет хорошим направлением для начала похода. Колдун махнул зомби левой рукой:

— Идите. Убивайте всех людей на своем пути, пока вы не достигнете Нумалии. Там вы будете ожидать моих распоряжений.

Половина его отряда повернулась и исчезла в темноте. Интересно, что подумают добрые жители Нумалии, когда они увидят армию мертвецов, остановившуюся у порога их дома? Сколько они заплатят, чтобы избавиться от них? В конце концов они отдадут все, но Нэг начнет с требования посылать ему телеги, до самого верха груженные драгоценными камнями, золотом и красивыми девушками-девственницами, а также всякими редкостями, которые он выберет сам. Возможно, он выстроит замок из чистого золота и с дорожками, выложенными по краям изумрудами и рубинами. Интересная мысль.

Остальные зомби стояли, ожидая его приказа. Колдун решил пока держать их поблизости — так, на всякий случай. Любой безумец, который попытается напасть на него, Нэга, будет иметь дело с его резервом, и этого резерва будет вполне достаточно, чтобы отбить любую атаку.

Нэг повернулся спиной к идущим на север мертвым бойцам. Его завоевание мира началось.

Если бы это только было возможно, Скир покраснел бы от злости. Но он стоял спокойно, как всегда, внешне

не проявляя никаких признаков ярости, да это, пожалуй, было и к лучшему. Сила Нэга была велика, и не стоило постоянно раздражать его — результаты могли быть непредсказуемыми. Скир и раньше-то не всегда мог предсказать настроение Нэга... Скир-дурачок, Скир-шут, Скир-олух, чтобы попасться на такой обман, как отравленное вино. Эх, что говорить!

Он шел по нижней части замка, и его верная паучья свита по-прежнему сопровождала его. Он уже привык к ним, тем более что ничего не мог с ними поделать. Впереди Скир увидел Туэнн, идущую ему навстречу.

— А-а, вот мы и встретились снова.

Она не ответила, но слегка замедлила шаги.

— Что, спешить на свидание с нашим общим хозяином?

— Да, — ответила она.

— Передай ему привет, чтоб его терзала чума тысячу тысяч лет!

— Попал в опалу, а, Скир?

Он повернулся и пошел рядом с ней.

— Он что, позвал тебя? Я посмотрю на вашу встречу, если Нэг позволит мне.

— Неужели ты все еще ненавидишь меня, даже теперь, когда получил такое же «вознаграждение», что и я?

С минуту Скир шел молча. Наконец он проговорил:

— Нет, я должен признать, что мое отношение к тебе изменилось. Теперь я могу понять, почему ты сделала то, что ты сделала. Если бы я мог, я сам достал бы Талисман. Я мечтаю скорее положить конец всем этим мучениям.

— Ты знаешь, где он находится?

— Да, только мне от этого мало пользы. Он хорошо охраняется, и всем зомби запрещено даже думать о том, чтобы войти в эту комнату.

— А вот нам это не запрещено, — раздался голос Конана позади него.

Скир резко обернулся. Туэнн вывернула шею, стараясь увидеть, откуда доносится голос, хотя она и не остановилась, продолжая свой путь по коридору.

— Конан! — сказала она. — И Элаши!

— Да. Достань соль, Элаши.

Скир встрепенулся.

— У вас есть СОЛЬ? Здесь?

— Да.

— Тогда бросьте горсть соли и на меня тоже!

Туэнн сказала:

— Это обыкновенная соль, Скир. Она не разрушит заклинание, она лишь остановит твоё движение.

— Все равно, лишь бы я смог сопротивляться его зову. Прошу вас...

— Я не собираюсь помогать тебе, Скир. Ты убил моего друга.

— Я могу провести вас к Талисману, — сказал Скир. — Если он будет у вас в руках, вы сможете остановить Нэга.

Конан посмотрел на Туэнн.

— Да, — ответила она. — Прощу тебя.

— Ну что ж, ладно. Вот бутылка с водой, Элаши. Кинь туда твою соль.

Женщина послушно выполнила то, что сказал ей Конан, и вскоре уже держала в руках бутылку с соляным раствором. Она сложила ладони и налила в них раствор, а затем плеснула им на Туэнн. Туэнн одеревенела, и Конан едва успел подхватить ее, прежде чем она упала. Он бережно уложил ее на свой плащ, а затем — на камни пола.

— Мы вернемся за тобой, когда все будет кончено.

Она не могла говорить, но Конан видел, как заблестели ее глаза.

— А я? — спросил Скир.

Конан взглянул на пауков, которым было явно наплевать на его присутствие.

— После того как ты покажешь нам, где Талисман.

— Ну что ж, тогда пойдем, пока Нэг опять не решил, что ему нужно надраить сапоги, и не позвал меня.

Бросив еще один взгляд на Туэнн, Конан и Элаши последовали за Скиром, держась на некотором расстоянии от него, чтобы избежать слишком близкого знакомства с окружавшими Скира пауками.

Глава 21

— Там стоят на карауле шестеро стражей, — сказал Скир. — Безглазых. Один из них — зомби, как и я, остальные — живые люди.

— Что ж, придется нам с ними немного побеседовать, — сказал Конан. — Но прежде нам нужно до них дойти... Ш-шш, слушайте!

Из-за поворота до них донеслись шаги и приближающиеся голоса людей.

— Быстрее, сюда! — Скир указал рукой на ближайшую дверь. Он юркнул в дверь, и Конан с Элаши поспешили последовать за ним. Очутившись в комнате (это было складское помещение, со свертками веревок и дюжиной темных деревянных бочек, стоявших рядами вдоль стен), Конан еле заметно приоткрыл дверь. Держа наготове свой меч, он внимательно вглядывался в узкую щель. Стоя рядом с ним, Скир проговорил:

— Нэг приказал многим из новых зомби охранять замок изнутри для большей безопасности. Коридоры, наверно, кишат его новыми рабами.

— Тогда нам нужно быть вдвойне осторожными, — сказал Конан.

— Мы не могли бы сойти за зомби? — спросила Элаши.

— Нет, мы сразу узнаем таких, как вы, — ответил Скир.

— Может быть, сделать вид, что мы — твои пленники? — спросил Конан.

— Да, это может сработать. Хотя я не больше, чем лакей Нэга, многие из новых зомби знают, что я — его приближенный слуга.

— Тогда так и поступим, — решил киммериец. — Пошли.

Что-то было не так, и Нэг чувствовал это. Что именно, он не мог сказать, но какая-то смутная тревога, как чесотка, беспокоила его. Для тревоги, в общем-то, не было никаких причин, особенно теперь. Его нельзя было одолеть обычной атакой, и знания его многократно усилились теперь — ведь он мог проникать в мысли своих солдат. Все, что знали они, знал и он, ему нужно было лишь найти ответ. Что же это? Хм-м... Во-первых, Туэнн до сих пор еще не пришла, хотя она давно уже должна была быть здесь. Пожалуй, ему стоит проверить, где она находится. Он послал свои мысли, стремясь слиться с ее разумом. Ага, вот и она, совсем недалеко отсюда.

ДАЙ МНЕ ТВОИ ГЛАЗА — приказал он. Но то, что он увидел, не имело никакого смысла. Он увидел серую стену, слабо освещенную, на которой не было ничего, кроме пыли. Через секунду он понял, что это не стена, а потолок. Но как это могло быть? Стояла ли она, задрав к потолку голову? Это было невозможно, ведь он же приказал ей прийти сюда... Она не могла остановиться! ЗАКРОЙ СВОИ ГЛАЗА — мысленно приказал он. И снова ничего не изменилось. Потолок остался там же, где он был раньше. Теперь, когда Нэг присмотрелся, он понял, что потолок был выше обычного. Если это было в замке (а так оно и должно было быть), то Туэнн, очевидно, сидела на корточках или даже лежала на спине. И она не могла закрыть свои глаза. Похоже, она находилась под воздействием какого-то противоборствующего заклинания, другого объяснения быть не могло. Но кто мог наложить это заклинание? Или, быть может, тут было что-то очень простое, вроде парализующей соли, которую запрещено было доставлять в замок? Во всяком случае, ситуация не сулила колдуну ничего хорошего.

Это раздражало его, как попавшая в суп муха, и Нэг намеревался поскорее покончить с этой дурацкой историей. Он прервал свой контакт с Туэнн. Где же этот Скир? Впрочем, неважно. Этот человек не имел большого значения.

Нэг хлопнул в ладоши, и двое жрецов (пока еще живых, но это поправимо) появились перед ним.

— Идите и найдите Туэнн. Доставьте ее сюда.

Жрецы поклонились и поспешили выполнить приказ колдуна. И все же невидимый порез зудел. Что-то еще случилось. И куда все же пропал этот Скир?.. Быть может, стоит проверить, чем занимается сейчас бывший вор... Впрочем, с ним он разберется попозже, решил Нэг.

Тайный Мастер шел рядом с Брутом. Они были среди тех «счастливиц», кому позволено находиться во внутренних покоях замка Нэга. У Брута снова была его рука. Было очень интересно наблюдать, как его рука ползла к нему, напрягая мышцы пальцев и напоминая искаленного пса. Брут тогда наклонился и поднял ее с пола, после чего просто приставил ее к своему обрубку у плеча. Рука приросла часа за два. То же случилось и с раной на голове Тайного Мастера. Она затянулась, как лужа воды в зимнее время. Со стороны он ничем не отличался от живого человека, каким он был совсем недавно. Многие зомби выглядели куда хуже, чем он. Некоторым ранам требовалось больше времени, чтобы затянуться, там же, где были утрачены большие куски плоти и костей, заживление вообще было невозможно. В таком случае глазам представлялись весьма странные шрамы и движения — некоторые зомби вообще ковыляли на голых костях. Ну что ж. Он не собирался ни у кого спрашивать, как и почему. Лучше быть мертвым, но ходить по земле, чем лежать в ней и гнить.

Туэнн лежала на плаще Конана, пленная в своем собственном замороженном солью теле. Нэг мысленно коснулся ее и увидел, что она лежит без движения. Нет

сомнений, что он удивился этому, и нет сомнений, что он что-то предпримет. Ее единственной надеждой на спасение были теперь Конан и Элаши.

Когда взошло солнце, караван купцов из Коринфа, идущий к Кофу, начал разбивать лагерь на ночь. Один из купцов, наблюдавший за слугами, которые устанавливали его шатер, бросил беглый взгляд в сторону — туда, где темнели горные склоны. В ужасе раскрыв рот, он издал странный хриплый звук, после чего поспешно скрестил пальцы для защиты от демонов. Обезопасив себя таким образом, купец истошно завопил: «Зомбейя! Зомбейя!» Лагерь тут же ожил.

Когда тысячи молчаливых фигур начали спускаться по горному склону, все, что не было упаковано в тюки, удирающие караванчики в панике и спешке бросили на песок. Раньше, чем орда мертвецов приблизилась к лагерю, все купцы, их слуги и стражники исчезли, уходя вправо, в сторону от маршрута армии мертвых. Купцы знали, что нужно делать при встрече с ЗОМБЕЙЯ, и правило это было крайне простым — бежать! Бежать как можно быстрее.

Став зомби, слуги Нэга не стали более внимательными, чем были они при жизни. Конан, Элаши и Скир миновали уже третью группу мертвых дозорных, но пока что никто не задал им ни одного вопроса. То ли патрули зомби полагали, что Скир ведет пленников, то ли им просто не было до этого никакого дела. Скир кивал очередному знакомому зомби, и ему не приходилось даже произносить заготовленную заранее фразу: «Это мои пленники. Я веду их к Нэгу». Похоже, пока никто не заинтересовался странной компанией. Мертвые слуги колдуна были не слишком наблюдательны. У Конана все еще висел на поясе меч, у Элаши — ее сабля. Похоже, все пройдет легче, чем мы боялись, подумал Конан.

— Конан! — раздался крик, разбивший в прах его надежды. Киммериец повернулся и увидел Тайного Ма-

стера и Бруга, имевших, как он помнил, весьма существенные причины для мести.

— Нам лучше бежать — и побыстрее! — заметил Конан. Все трое пустились наутек.

— За ними! Это враги Нэга!

Не меньше дюжины зомби, слонявшихся по коридору, бросились за ними вдогонку. Не замедляя бега, Конан обнажил свой меч. Его преследователи были уже мертвы, так что даже у могучего киммерийца было немного шансов выстоять в такой схватке. Мудрый человек, говорил ему отец, знает, когда нужно убегать, а когда — драться. Сейчас явно было время убегать. Вот они и убегали, да только, обогнув угол коридора, налетели еще на одну группу зомби. Их было человек десять. Конан вознамерился было прорубить себе дорогу мечом, но сообразительность Элаши спасла положение.

— Позади нас! — крикнула девушка. — Враги Нэга! Они преследуют нас!

Зомби бросились на отряд, которым командовал Тайный Мастер, — в этот момент он как раз показался из-за поворота. Они бросились на «врагов», защищая своего повелителя, вне всякого сомнения, готовые бездумно отдать за него свою призрачную жизнь.

Конан, Элаши и Скир продолжали бежать, оставив обе группы зомби разбираться друг с другом. Со временем те, конечно, разберутся, что к чему, но Конан не собирался ожидать на месте их решения.

Враги в его замке! Каким образом они проникли сюда, было неважно (он выяснит это потом), сейчас же необходимо было схватить и уничтожить их!

Нэг дернул себя за ус, нервно вздрогнув. Он наводнит весь замок зомби, так что врагам будет негде укрыться! Нэг послал мысленный приказ своей мертвой рати.

Через несколько минут пятьсот зомби ворвутся в коридоры и залы его замка!

Скир, сопровождаемый пауками, повел Конана и Элаши по круто уходящим вниз ступеням лестницы. Пауков становилось все меньше и меньше — большие сапоги Конана оставляли им слишком мало шансов на выживание, но те, кто уцелел, продолжали мрачно следовать за Скиром. Где-то сзади шумела погоня, но никто не спускался вниз по лестнице. Скир пояснил:

— Этот путь ведет в темницу.

— А как насчет Талисмана? — поинтересовался Конан.

— Мы на полпути до того зала, где он хранится. Подземелье позволит нам сократить большой кусок пути.

— Что ж, тогда показывай дорогу.

Оставшиеся пауки Скира (не то шестнадцать, не то семнадцать) шли рядом с ними, отчаянно стараясь не угодить под сапоги киммерийца.

Нэг посмотрел на того, кто называл себя Тайным Мастером.

— Говори! — приказал он.

— Он — тот, кого зовут Конан, господин. Чужеземный варвар. Это был он, кто... убил меня. Он путешествует с женщиной, хотя раньше с ним была еще одна женщина, зомби...

— Что? Опиши мне эту женщину-зомби!

Тайный Мастер так и сделал.

Туэнн! Ага!

— У меня был спор с ним, и я хотел свести с ним счеты...

— Меня не интересуют ваши жалкие споры. Расскажи мне об этом варваре и об этой женщине.

— С ними был еще один человек, один из твоих зомби-слуг.

— Вот как? Опиши мне и его!

— У него было лицо, которое подошло бы и святому. И целая куча черных пауков следовала за ним...

— Скир! Чтоб он сгорел, клянусь черными кольцами Сэта! Я сотру его кости в порошок! Нет, это слишком мягко! Я отрублю ему руки и ноги и буду использовать как подставку для ног!

В полумраке подземелья они упрямо шли по густому лабиринту проходов и тоннелей. И тут внезапно Скир остановился.

— О Боже, только не это! Он зовет меня! — Если только это было возможным, лицо Скира еще больше побелело. — Он... Он ЗНАЕТ!

— Тайный Мастер, — сказала Элаши.

— Да, — согласился Конан. — Пришла пора соляного раствора.

Женщина пустыни открыла бутылку и плеснула жидкостью на Скира. Зомби тут же одеревенел, и Конан подхватил его каменное тело, уложив на пол. Оставшиеся в живых пауки образовали полукруг вокруг тела Скира.

— Ну что ж, теперь мы должны действовать в одиночку, — сказал Конан. — Пошли, нам еще надо разыскать этот крайне охраняемый покой.

Элаши кивнула.

Туэнн уже могла кое-как двигаться к тому моменту, когда Безглазые принесли ее к Нэгу. На лице колдуна застыла жуткая улыбка, которая подошла бы и демону, впивающемуся в горло жертвы.

— А-а, моя прекрасная Туэнн! Нам нужно о многом поговорить. Нам — тебе и мне.

Жрецы поставили Туэнн на ноги. Она слегка покачнулась, но устояла на ногах. Все пропало, и казалось, что надежда вот-вот оставит ее.

— Каковы намерения того дурня, о котором мне только что сказали, Конана?

Как ни старалась Туэнн удержаться от ответа, пронизывающий взор колдуна заставил ее заговорить:

— Он... он хочет твоей смерти.

— Моей смерти? Ха! Тысячи людей желали этого до него, но где они теперь? Я жив, ну, а они — на том свете.

— И все же он смог проникнуть в твой замок, не так ли?

Нэг нахмурился.

— Ты научилась говорить дерзости. Я не позволю тебе этого.

Он махнул рукой и направил на Туэнн свой острый палец. Боль раскаленной иглой прошла ее грудь. Она чуть не закричала, но сумела сдержать крик и выпрямиться.

— Это все, чего желает этот человек?

Она не могла лгать (и она хорошо знала это), но, возможно, ей удастся сказать не всю правду. Конан, без сомнения, желал многих вещей, и она, безусловно, не могла знать все его желания.

— Я не знаю всего, чего он хочет.

Это было правдой, она не солгала ему. Если бы колдун поставил вопрос иначе, она вынуждена была бы сказать ему правду, но пока у нее был небольшой контроль над тем, что она ему говорила. Нэг задумчиво подергал себя за ус. Затем он улыбнулся.

— Впрочем, это не имеет значения, — сказал он. — Через несколько минут мой замок будет кишеть зомби. Твой герой будет схвачен и приведен сюда для развлечения. Моего, разумеется. Возможно, вы будете развлекать меня вдвоем.

Туэнн стояла, не говоря ни слова. Возможно, он оставит ее пока в покое. Надежда шевельнулась в ее сердце, почти потухшая искра надежды. Конан и Элаши были очень изобретательны. Быть может, у Туэнн еще остался маленький шанс на спасение.

— Этот Конан — один?

Туэнн было трудно, но она вынуждена была ответить:

— Нет.

— Ага. Кто с ним?

— Элаши, женщина из пустыни.

— Вот как. — На его лице снова появилась дьявольская улыбка. — Что ж, чем больше, тем лучше. И что, она тоже хочет моей смерти?

— Да.

Колдун покачал головой.

— Еще одна глупышка, будущий солдат моей армии. Ну что ж, с двумя женщинами и одним варваром мне, пожалуй, удастся придумать какое-нибудь забавное представление.

Туэнн ничего не ответила на это, но крошечная искорка надежды в ее сердце задрожала. Нэг был слишком могуществен, она чувствовала, как растекается вокруг его энергия, словно тепло от костра. Одним взмахом руки он мог бы убить обоих — и Конана, и Элаши, с такой же легкостью, как прихлопнуть надоедливое насекомое. У них был только один шанс — найти Талисман Света и разрушить могущество Нэга, которым он так наслаждался сейчас.

Даже в самом лучшем случае их силы были явно неравны.

Глава 22

Конан чувствовал себя мясником. Они с Элаши даже не пытались теперь скрываться от врагов. Они бежали по коридорам огромного замка, изворачиваясь и резко отпрыгивая в сторону, рубя направо и налево своими мечами и прорубая себе дорогу, когда это было необходимо. Зомби не могли быть «убиты» острой сталью, но умело нанесенный сильный удар мечом мог изрядно замедлить их передвижение. Человек, ковыляющий без одной ноги, бежит куда медленнее, чем здоровый. Ну, а кроме того, хороший удар мог ведь отсечь и голову. Тело без головы не имело глаз и не могло координировать свои движения, пока случайно не наткнулось на свою утраченную запчасть, а это требовало времени.

Они бежали и бежали, пока случайно не наткнулись на то, что искали. Шесть закутанных в плащи фигур

стояли вдоль коридора, охраняя дверь в какое-то помещение. Это, должно быть, и есть то самое место, подумал киммериец. Безоружные жрецы бросились на вторгшихся в замок чужаков. Они были очень ловкими, эти Безглазые, но коридор был узким, так что они не могли окружить Конана и Элаши. Конан свирепо размахивал в воздухе своим мечом, рисуя смертоносные узоры. Холодная голубая сталь плясала, пронизывал теплую плоть. Он рубил и колол, подпрыгивая в воздух и отскакивал в сторону, и вскоре зарубил двух атакующих жрецов, которые оказались недостаточно быстрыми противниками. Элаши, стоя позади Конана, удерживала еще одного жреца на расстоянии своим мечом, нанеся ему несколько ран, не очень глубоких, но все же достаточных, чтобы он не стремился подойти к ней поближе. Оставшиеся три жреца плясали и подпрыгивали в воздухе, заставляя Конана крутиться и скакать, как одержимого. У киммерийца был меч и огромная сила, но Безглазые были быстрее его в движениях. И он знал, что один из них уже был мертв. Ему требовалась осторожность, чтобы не позволить этому зомби (какой же из жрецов будет им?) схватить лезвие его меча и вырвать его из рук. Кто-то сильно ударил Конана кулаком под ребра. Он крикнул и рубанул врага своим мечом. Лезвие глубоко ушло в бедро жреца, но из раны не выступило ни капли крови. А-а, вот он, этот зомби! Мертвец схватился за окровавленный клинок, но Конан резко выдернул его, отрубив зомби два пальца. Ну что ж, теперь он будет внимательней следить за этим противником. Еще один слепой жрец резко повернулся, сжав пальцы в тугую кулак и далеко выбросив вперед руку. Сильный удар был нацелен в висок Конана, но киммериец сумел увернуться, и удар пришелся в мускулистое плечо. От сотрясения задрожало и завибрировало все его тело. Позади Конана раздался крик Элаши:

— Конан! Сзади, в коридоре!

Конан метнулся к извернувшемуся жрецу и пронзил живот врага хирургически-точным выпадом. Когда жрец упал на пол, на секунду задержав своих собратьев, Конан бросил быстрый взгляд назад. Кром! Целая орава мертвецов бежала в его сторону! Еще несколько секунд — и враги налетят на них!

— Дверь! — заорал Конан.

Он переступил через убитого жреца, рубанул мечом по руке слепого зомби (рука с глухим стуком отвалилась от тела) и повернулся к двери в зал. Она, разумеется, была заперта. Элаши сумела наконец проткнуть мечом своего противника. Затем она бросилась к Конану, чтобы помочь ему разделаться с оставшейся партией врагов. Приближающаяся орда зомби была уже совсем близко от них. Конан одним прыжком перелетел через узкий коридор, попутно погрузив меч в грудь предпоследнего жреца, и, обхватив его за торс, ударил мертвым телом в закрытую дверь. Замок двери не был рассчитан на сопротивление рассвирепевшему киммерийцу. Металл заскрежетал, хрустнул, и сломанный замок повис на двери. Засов поддался, и дверь распахнулась настежь. Конан, не удержавшись на ногах, влетел в комнату. Элаши юркнула в помещение следом за ним. Прежде чем ближайший к ним зомби успел проникнуть в зал, Конан резко захлопнул дверь и ухватился за ее створки обеими руками.

— Вот он! — сказала Элаши.

Мышцы на руках и ногах Конана вздулись буграми от напряжения — он с трудом удерживал дверь, в которую ломились и молотили кулаками дюжие зомби.

— Ну так бери его! — ответил он, изо всех сил сдерживая напор на дверь. — И поспеши!

Конан бросил взгляд через плечо и увидел, что Элаши бежит к хрустальному шпилью.

— Он мерцает... — колеблясь, сказала она и нерешительно коснулась ладонью Талисмана Света.

— Мне наплевать, даже если он танцует или поет! Бери его — и быстро!

Она схватила Талисман и сжала его в кулаке.

— Он у меня, Конан.
— Отлично. А теперь иди ко мне и становись рядом.
Справа от меня.

Элаши повиновалась.

— Стой наготове, — приказал Конан.

Произнеся эти слова, Конан отскочил от двери и встал рядом с Элаши. Дверь распахнулась настежь, и четверо зомби ввалились в зал. Конан схватил Элаши за руку, и, перепрыгнув через упавших зомби, они выскочили в коридор.

— Кром! — пробормотал Конан. Около пяти сотен мертвецов стояли там, ожидая их появления. Ну что ж. Он встретит Крома с руками, поющими от меча, подумал киммериец. Он поднял меч высоко над головой и приготовился к бою.

— Подожди! — крикнула Элаши. Он посмотрел на нее. В обеих руках она держала Талисман, от которого исходило зеленоватое сияние. Помедлив, Элаши протянула его вперед. Зомби отшатнулись от нее. Она быстро прыгнула вперед и коснулась талисманом одного из них. Он упал, и тело его съежилось, словно лист, брошенный в огонь.

— У нее в руках истинная Смерть, — прошептал кто-то.

При этом сообщении половина зомби повернулась и бросилась наутек. Но остальные двинулись к Конану и Элаши, уже без всякой угрозы. Они улыбались.

— Меня! — попросил один из них. — Коснись меня первого Талисманом!

— А потом меня, — сказал второй. — И да благословят тебя за это боги!

Конан недоуменно смотрел на них.

— Они хотят умереть, — тихо сказала Элаши. — Прикосновение Талисмана освободит их, и они смогут вернуться в Серые Земли.

Конан кивнул.

— Дотронься до них Талисманом. А потом мы разыщем Нэга и дотронемся до него — вот этим!

Конан сжал руками рукоять своего меча.

Ярость Нэга не имела предела.

— Талисман! Кто-то сдвинул его с места! Мое могущество исчезает!

Будучи все еще в его власти, Туэнн не удержалась все же от улыбки: Он все еще держал ее в неволе, как и многих других в замке, но колдовство, питавшее Силу Нэга, изрядно ослабло. Колдун резко повернулся и пронзил Туэнн злобным взглядом.

— Ты! Это твой варвар сделал это!

— Надеюсь, что так, — ответила она.

— Гадина! Ты заплатишься за это!

Он снова ткнул в нее пальцем, но на этот раз Туэнн не почувствовала пронзительной боли, как прежде. Ее улыбка стала еще шире.

— Я разделаюсь с тобой потом! — Колдун повернулся и выбежал из комнаты.

Соляной раствор, которым Элаши опрыскала Скира, был, вероятно, не очень сильным, или же его было недостаточно, думал зомби. Способность двигаться вернулась в его тело, руки и ноги быстрее, чем он рассчитывал. Скир встал, и его пауки снова засуетились, занимая привычное место у его ног. Он вздохнул. Наказание Нэга за его фокусы будет мучительным, в этом он был уверен. Но... Подожди-ка! Зов Нэга исчез! Что же произошло? Скир все еще чувствовал силу и могущество колдуна, он все еще оставался его рабом, но, судя по всему, Нэг был изрядно занят чем-то, потому что зомби не чувствовал больше его мысленного приказа. Это было очень странно. Скир никогда не тратил время на пустые размышления. Ему нужно было поскорее добраться до Талисмана — это он знал наверняка.

Конан и Элаши шли по коридору, оставляя за собой кучи тел, лежащих на каменном полу. Многие зомби шли к ним, протягивая руки, стараясь поскорее коснуться Талисмана. Конан подумал, что ему больше подошло

бы название Талисман Смерти. Другие зомби, однако, бежали от них, едва почувствовав Силу и Энергию Талисмана. Конан не знал, нужно ли непосредственное прикосновение Талисмана к телу зомби. Он подозревал, что в этом не было необходимости, но киммериец понятия не имел, как им пользоваться, да, в общем, это было и к лучшему. Такого рода могущество было очень опасным, и им легко было бы соблазниться. Для человека лучше всего не поддаваться на подобные приманки...

Они продолжали идти по коридору, два единственных живых человека в замке, отпуская на свободу, к истинной Смерти, всех тех, кто желал ее.

Нэг быстро бежал по коридору, и гнев наполнял его черное нечеловеческое сердце. Он отыщет этого варвара и обратит на него Смертоносный Взор, так что этот глупец превратится в пепел! Нарушение его планов больше чем просто раздражало его, это была атака на него, на само его существование! Он не для того прожил все эти долгие годы, планируя и интригуя ради своей цели, чтобы в последнюю минуту быть остановленным каким-то **ВАРВАРОМ!**

Скир, сопровождаемый пауками, достиг хрустального зала Нэга. Тела, лежавшие вповалку на полу, в некоторых местах образовывали чуть ли не завалы, и ему приходилось перелезать через них, чтобы добраться до комнаты, где уже не было магического талисмана. Итак, Конан и женщина сумели сломить могучую защиту Нэга. Неворотно!

Он пошел по тропе, отмеченной трупами, некоторые из которых были уже не больше, чем горсткой сухих костей. Стоило Истинной Смерти коснуться их, как чары Нэга исчезали и разложение вступало в свои права. Эта мысль не слишком радовала Скира, тем более что такая же участь ожидала и его. Быть может, если Нэг окончательно потеряет над ним власть, он сумеет приспособиться к жизни (или, точнее, к не-жизни). Он, может быть, найдет что-нибудь, что заменит ему женщин и дурманя-

щую травку. Что именно, он не знал, но надеялся в конце концов узнать. Но сложность состояла в том, что Нэг должен был быть убит, Скир же намеревался остаться в том же состоянии, что и сейчас. А это нелегко было сделать. Скир поспешил вперед, стараясь поскорее найти Конана и Элаши. Пауки ползли следом за ним, перебираясь через тела зомби и явно не проявляя к ним ни малейшего интереса.

Гобелены, когда-то яркие, висели на стенах в центральном зале замка, где в былые времена проходили пиры и встречи знати. Зал был настолько большим, что в нем свободно могло бы разместиться сто человек. Года обесцветили краски на занавесах и гобеленах, целые горы пыли и паутины покрывали длинный стол, стоящий посередине приемного зала. Почти постоянный дождь должен был начаться примерно через час, но пока в зале было еще достаточно света, чтобы видеть все помещение ясно и отчетливо.

Нэг вошел в Центральный Зал через Южные Двери. И именно в этот момент Конан и Элаши вошли в зал через двери с севера. Скир подошел к ним сзади. Его тарантулы по-прежнему следовали за ним. Все четверо замерли.

— Итак, — сказал Нэг, — ТЫ являешься причиной моего раздражения.

— Да, — ответил Конан, подняв свой меч. — А ты являешься тем, кто послужил причиной смерти моего друга?

— Я послужил причиной многих смертей, варвар. Я — тот, кто идет и действует со смертью рука об руку.

— Мой отец был среди твоих жертв, — проговорила Элаши.

Нэг засмеялся.

— А ты, Скир? У тебя что, тоже есть какие-то жалобы? Скир заколебался и не ответил. Если Нэг победит...

— А впрочем, неважно, — сказал Нэг. — Ты предал меня и заслужил мой гнев. Когда эти двое умрут, я займусь тобой.

Скир почувствовал, как его желудок сводит от страха.

Конан встал в боевую позицию, уперся ногами в пол и поднял меч над головой. Он начал приближаться к колдуну короткими пружинистыми шагами. Нэг наблюдал за ним, скрестив на груди руки. Элаши подняла свою саблю и тоже двинулась к колдуну. Тот презрительно поднял одну бровь. Конан видел, что у его противника не было никакого оружия, по крайней мере такого, какое можно было бы потрогать руками. Обычно ему не нравилась мысль зарубить безоружного человека, но Нэга едва ли можно было считать обычным человеком. Быстрая чистая смерть была слишком хороша для него, но это было в характере Конана: если ему и приходилось убивать врага, он делал это быстро, никогда не прибегая к пыткам, — это было ниже его достоинства.

Когда киммериец подошел к колдуну на расстояние хорошего прыжка, Нэг поднял руку и направил на Конана сжатые в кулак пальцы.

— Мои глаза, — сказал он.

Не задумываясь, Конан машинально взглянул на него... И не смог отвести взор. Глаза Нэга, казалось, вращались во все стороны, и искры из них пронзали Конана острыми кинжалами. Внезапно киммериец почувствовал, что его колени ослабели и подгибаются, а руки утратили силу. Меч опустился. Конану казалось, что он ступает по густой, липкой грязи...

В этот миг Элаши метнулась к колдуну и подняла свою короткую саблю, намереваясь раскроить ему череп. Нэг на мгновение оторвал взгляд от Конана и перевел его на женщину. Она остановилась, словно ударившись о тугую резиновую стену. Сабля выпала из ее рук, и она осела на пол, закрыв обеими руками глаза и тихо всхлипывая. Конан почувствовал, что часть его былой силы вернулась к нему, и снова собрался с силами, чтобы прыгнуть на колдуна. Нэг снова перевел горящий взор на киммерийца, и слабость обволокла его, как тяжелое одеяло. Поднимать наковальню в лавке купца в Опкофарде было пустяком по сравнению с тем, чтобы просто держать глаза открытыми. Если бы он только мог лечь

на пол и отдохнуть секунду, то потом он сумел бы справиться с этим ублюдком...

— Не спи! — крикнул Скир. — Это Смертельный Взор! Если ты сейчас заснешь, то больше уже не проснешься!

Нэг улыбнулся и посмотрел на Скира.

— С меня достаточно твоих измен, Скир!

Произнеся эти слова, Нэг махнул обеими руками в сторону зомби, словно бросая в него горсти пыли. Конану удалось бросить быстрый взгляд в ту сторону. Скир простонал и начал съеживаться. Через несколько секунд он живо напоминал виноград, слишком долго пролежавший на солнце. Стон вырвался из груди Скира и тут же оборвался, когда он упал на каменные плиты пола. Его кожа потемнела и съежилась, как старый пергамент, плоть, казалось, таяла под ней, и через несколько мгновений там, где только что упал зомби, лежал лишь высохший как мумия скелет. Пауки окружили труп Скира, возбужденно бегая взад и вперед.

— А теперь, — сказал Нэг, — пора покончить с этим неприятным делом.

Он снова повернулся к Конану. Киммериец отчаянно боролся, стараясь сделать последние два шага, отделявшие его от Нэга. Он сделал один шаг и остановился, словно его тело налитое было свинцом. Он не мог сдвинуться с места. Он слышал, как Элаши тихо заплакала за его спиной, и он сожалел, что ей придется умереть, но он ничего не мог сделать. Он не хотел сдаваться, но он не... мог... сдвинуться с этого... места.

Нэг громко вскрикнул.

Конан тряхнул головой, и колдовство, удерживающее его, слегка рассеялось. Это были пауки. Они атаковали Нэга. Он бил их ладонями, стряхивая с себя, но те, кто не был убит, снова бросались на него со всех сторон, кусая его везде, где удавалось. Когда Скир упал, замешательство пауков закончилось. Скир был мертв, но его жизненная сила каким-то образом, казалось, перешла к Нэгу. А Нэг был жив. Теперь

пауки могли выполнить свое предназначение, Проклятие Шез, и они это сделали. Конан поднял меч. Он весил больше каменного валуна! Киммериец медленно передвинул ступню вперед и сдвинулся на сантиметр. Его ноги были словно прикованы к полу...

— Умрите! — крикнул Нэг.

Пауки отвалились от него, падая на пол сверху лапами. Конан продолжал свое медленное продвижение вперед, словно толкая перед собой гору... Нэг перевел взгляд с дергающихся пауков на Конана.

— Не-е-ет!!! — Он резко поднял правую руку. Конан сжался в тугий комок мышц и со всей силы, какая у него еще оставалась, опустил свой меч... Острый клинок опустился на голову Нэга, аккуратно разделив ее на две половины. Звук от удара меча по кости был заглушен внезапным порывом вонючего воздуха, с шумом вырвавшегося из черепа колдуна. Запах заставил Конана поперхнуться и, уронив меч, упасть на колени. В зал ворвался ветер, поднявший целые кучи пыли с гобеленов и тяжелых занавесей. Пыльный вихрь почти ослепил киммерийца. Конан потерял глаза кулаком.

Когда пыль улеглась, на полу рядом с Конаном была лишь лужица разложившейся плоти — маслянистой черно-красной жидкости, сочившейся сквозь щели в плитках пола.

Нэга Ужасного не стало.

Глава 23

В забытой богами маленькой деревушке, далеко на севере, внезапно раздался громкий крик, когда тысячи мертвецов-зомби испустили вразнобой радостный крик.

В эту минуту они обрели освобождение.

В маленькой комнатке, личных покоях колдуна, Конан и Элаши нацели Туэнн, полностью освободившуюся от чар колдуна. Обе женщины заплакали от радости, и Конан вынужден был признать, что и он был очень рад

видеть девушку-зомби, не говоря уже о том, что он был более чем счастлив тем, что остался в живых.

— Вы убили его, — сказала Туэнн.

— Конан убил его, — уточнила Элаши. — С помощью Скировых пауков, как ни странно.

Она рассказала Туэнн, как прошла последняя битва с Нэгом. Когда Элаши закончила свой рассказ, Туэнн улыбнулась.

— Храбрый человек наш Конан.

Обе женщины одарили киммерийца своими лучшими улыбками.

— А что нам теперь делать? — спросил Конан, внешне почувствовав неловкость.

— Мы должны использовать Талисман, чтобы освободить всех зомби, — ответила Туэнн. — Вы мне можете? Я не могу сама коснуться Талисмана.

— Ну конечно, — сказала Элаши.

Женщины отошли в сторону и зашептались с таинственным видом. Конан поглядывал на них, одновременно следя, чтобы не появились какие-нибудь неожиданные враги, которые могли все еще шнырять в замке или вокруг него. Ну и зловонное же место, подумал Конан. Запах, пропитавший все вокруг, заставил бы обрадоваться даже ароматам мясобойни. Вряд ли стоит вдыхать эти ядовитые испарения...

— Нам лучше выйти наружу, — сказала Туэнн.

— Да.

Все трое перешли по опущенному подвесному мосту на другую сторону рва. Очутившись на чистом воздухе, они повернулись и посмотрели на замок. Судя по всему, там не осталось никого — ни живых, ни мертвых.

— Держите Талисман крепко обеими руками, — сказала Туэнн.

Она жестом показала, как именно нужно держать Талисман, и Элаши взяла его в ладони.

— Да. А теперь произносите следом за мной: Кводне-сакт...

— Кводне-сакт...

— Сабидан-мон-отерит.

— Сабидан-мон-отерит, — закончила Элаши.

Внутри замка прогремел громовой раскат. Небо над ними, казалось, посветлело. Нет, оно **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** стало светлее! Словно на небе зажглось новое солнце... Конан моргнул от яркой вспышки. Огненный шар вспыхнул тысячей ослепительных огней, словно некий художник оживил солнце на холсте. Так же внезапно, как и появилось, сияние угасло.

Тайный Мастер, неумоимо шагавший по дороге рядом с Брутом (с которым он имел теперь куда больше общего), увидел, как его приятеля поразил луч яркого света. Брут исчез. Еще через секунду огненное копье вонзилось в тело Тайного Мастера. Оба они умерли наконец Истинной Смертью.

Мейло, жрец из монастыря Суддах-Облатов, присоединился к своим предкам в Серых Землях.

По всей округе зомби, выхваченные из загробной жизни колдовством Нэга, возвращались назад. В безымянной деревушке тысячи зомби упали на землю, словно марионетки с перерезанными веревочками. Они обрели Истинную Смерть и покой.

Стоя неподалеку от замка, Туэнн говорила с Элаши.

— Ты не могла бы завернуть Талисман в кусок ткани?

Элаши уложила Талисман в сумку и передала ее зомби.

— Спасибо. Моя близость к Талисману, как это ни странно, защитила меня от его воздействия. — Она взяла сумку в руки. — Я коснусь его руками. Вон там я вижу красивую рощу. Я думаю, мне лучше будет сделать это там.

Элаши тихо заплакала.

— Так ли это необходимо? Я... Я так привязалась к тебе... — Она бросила взгляд на Конана, и он согласно кивнул.

— Подойдите ко мне, — мягко сказала Туэнн. Когда Конан и Элаши приблизились, она обняла их и крепко прижала к себе. — Вы были для меня друзьями и возлюбленными, — сказала она, — и я запомню вас на всю Вечность. Но я должна идти. Мое время истекло уже сто лет назад.

Слезы сильнее заструились по красивому лицу Элаши. Конан на секунду отвернулся, чтобы смахнуть что-то, попавшее ему в глаз. Элаши спросила:

— Ты хочешь, чтобы мы... чтобы мы?..

— Нет, — сказала Туэнн. — Мне бы хотелось, чтобы вы запомнили меня такой, какая я сейчас. Все произойдет очень быстро, и от меня останется совсем немного — после ста лет смерти...

Конан потер свой глаз кулаком. Пыль, должно быть.

— Желаю вам счастливого пути. Прощайте, — сказала Туэнн. Она повернулась и пошла к маленькой роще, которую выбрала для себя. Элаши с печалью смотрела ей вслед, пока Конан не тронул ее мягко за локоть.

— Что ты хочешь, Конан?

— Ей хотелось побыть одной в эту минуту. Нам нужно дать ей это право.

Элаши повернулась к киммерийцу и уткнулась лицом в его грудь.

— Ты все еще хочешь получить свой Талисман? Я могу подобрать его для тебя, после того как Туэнн...

— Нет, пусть он покоится вместе с ней. Лучше, если мы запомним ее такой, какой она была.

— Да.

Они пошли в сторону от рва, и Конан чувствовал неловкость, объяснить которую он был не в состоянии.

— Что ты собираешься теперь делать? — спросил Конан Элаши.

— Я вернусь в пустыню, к своим, — ответила девушка. — Я должна отчитаться в том, что произошло, перед моими братьями и дядьями. А каковы твои планы?

Конан пожал плечами.

— Я собирался в Замору, когда началась вся эта история. Не вижу никакого основания отказываться от этого намерения теперь.

— Если не возражаешь, мы можем путешествовать вместе — пока я не поверну к югу. Знаешь, я внезапно почувствовала себя очень одинокой.

— Конечно, Элаши, — ответил Конан. — Пойдем вместе — почему бы и нет?

Они повернулись и зашагали прочь от мертвого замка, и ни один из них не обернулся в сторону маленькой тихой рощицы.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Спрэг де Камп Статья о Говарде (Пер. Е. Кравцовой)	5
Роберт Говард Хайборийская эра. Часть II (Пер. М. Трубицыной)	9
ЧЕРНЫЕ СЛЕЗЫ. Новеллы	
Лин Картер, Л. Спрэг де Камп Черные слезы (Пер. Е. Кравцовой)	27
Лин Картер, Л. Спрэг де Камп Ночные тени Замбулы (Пер. Е. Кравцовой)	63
Бьёрн Нибберг, Л. Спрэг де Камп МСТИТЕЛЬ. Роман (Пер. М. Трубицыной)	105
Роберт Говард, Стив Перри КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ. Роман (Пер. А. Вейтскина)	259

Литературно-художественное издание

КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ

Перевод с английского

Ответственный редактор *Геннадий Белов*

Художник *Владислав Асадулин*

Форзац *Сергея Троицкого*

Художественный редактор *Виктор Меньшиков*

Технический редактор *Татьяна Раткевич*

Корректоры: *Людмила Быстрова, Виктория Листова*

Верстка *Антонины Помазовой*

Подписано к печати с оригинала-макета 06.01.93.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс. Бумага тип. № 2.

Печать офсетная. Тираж 100 000 экз. Усл. печ. л. 25,2. Изд. № 126.

Заказ 44. С 29

Издательство «Северо-Запад»

191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 18

Оригинал-макет подготовлен

издательством «Северо-Запад»

Отпечатано на издательско-полиграфическом предприятии
«Уральский рабочий», 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13